МВД России
Санкт-Петербургский университет

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Материалы
всероссийской научно-практической конференции
5 декабря 2025 года

Санкт-Петербург
2025

План-график 2025, поз. 119
План-график НД 2025, п. 18 разд. III

УДК 343.13
ББК 67.412
П78

П78 **Проблемы и перспективы противодействия коррупции в современных условиях** [Электронный ресурс]: материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 5 декабря 2025 года / сост.: Э. С. Дикаева — Электрон. дан. (3,45 Мб). — Санкт- Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. — 1 электрон. опт. диск. — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mbи более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800*600.16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-00277-031-1
EDN: LHNNFE

Сборник сформирован по материалам выступлений на всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 5 декабря 2025 года). В сборнике представлены научные статьи ученых и практиков, адъюнктов, слушателей и курсантов по актуальным вопросам системы противодействия коррупционной преступности в современных условиях.

Издание рассчитано на научно-педагогических работников, адъюнктов, курсантов, слушателей, а также студентов образовательных организаций юридического профиля и практических работников правоохранительных органов.

УДК 343.13
ББК 67.412

Редакционная коллегия:
Председатель
Юзиханова Э. Г., *доктор юридических наук, профессор.*
Заместитель председателя
Сагайдак А. Ю., *кандидат педагогических наук, доцент.*
Члены редакционной коллегии:
Павлик Е. М., *кандидат юридических наук, доцент;*
Валькова Т. В., *кандидат юридических наук, доцент.*
Секретарь
Дикаева Э. С., *кандидат юридический наук.*

ISBN 978-5-00277-031-1

© Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025
© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Абушинов А.В.
КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В ОРГАНИЗАЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ 13
Аведиков Д.Д.
ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА – СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 18
Акименко Е.С.
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАЩИТЫ «ИНФОРМАТОРОВ» («WHISTLEBLOWERS») И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ 24
Алешина-Алексеева Е.Н.
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ДЕЛАХ О ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОШИБОК 30
Алхаева Т.Х.
ВОЗМОЖНОСТИ ОБОСНОВАННОГО РИСКА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 35
Амелина Т.А.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 40
Амельчаков О.И.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ 44
Андреев С.П.
К ВОПРОСУ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОМ ВОСПИТАНИИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ 48
Андрианова В.Д.
КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РФ И ЕЕ СОСТОЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 52
Анненкова Е.В.
СТРУКТУРА МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ 57
Артемьева А.С.
КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БИОМЕТРИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ БОРЬБЫ 62

Байдакова Е.Ю.
ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ 67
Баранникова А.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ СРЕДИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 71
Баранов А.А., Соломатина Е.А.
ПАРАДОКС ЖЕРТВЫ: ДОБРОВОЛЬНОСТЬ И ВЫНУЖДЕННОСТЬ В КОРРУПЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ..... 77
Бахвалова А.В.
ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 81
Баранчикова М.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА 84
Бурлак Е.Н.
ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА 88
Валькова Т.В., Быкадорова Е.В.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИИ 92
Василенко Л.С.
МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КРИМИНОГЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ..... 95
Васина А.В.
СИСТЕМА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: РИСКИ И УГРОЗЫ..... 100
Вичева А.А.
К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АНТИКОРРУПЦИОННОМ СТАНДАРТЕ ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ..... 106
Викторова Л.К., Сарбаева Е.А.
НОВЫЕ ФОРМЫ И ВИДЫ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ 110
Гаврилова О.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОПЫТЕ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ..... 115
Глухова А.А., Фетисова Т.В.
ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ..... 121

Голубева Л.А.
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ИКТ 126
Графова Е.Е.
ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 132
Грицак Н.И.
К ВОПРОСУ ОБ БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В РЯДЕ АНГЛОСАКСОНСКИХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США, КАНАДЫ)..... 136
Гунченко Д.О., Сулейманов С.Т.
К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЦ, СООБЩИВШИХ О КОРРУПЦИИ 143
Девяшов М.В.
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИИ..... 147
Деревянко Е.О.
ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ СТРАН СНГ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ 151
Ефремов Н.В.
К ВОПРОСУ О ВИДАХ ФУНКЦИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ПРИЧАСТНЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 155
Ершова А.С.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ 160
Загадерчук Н.Н.
К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ 166
Зеленова В.В.
КОРРУПЦИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ 170
Злоказова Ю.В.
КОРРУПЦИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ИНФЛЯЦИИ: БЮДЖЕТНЫЙ, МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ И МОНЕТАРНЫЙ КАНАЛЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ..... 173
Иваньков Н.Ю.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..... 178
Ильин А.Е., Казакова В.А.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОЛИЦИЕЙ ГЕРМАНИИ 184
Казаков Р.А.
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ 188

Карпова Н.А.
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 191
Квитчук А.С.
КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО – ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ 196
Киор А.А.
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО РИМА 202
Киселева Л.Ю.
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ 207
Клишков В.Б.
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОВД 212
Козеева Анна Олеговна 215
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОВД РФ 215
Козленко Д.С.
КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВИДЫ И ТЕНДЕНЦИИ 219
Комарова П.А.
КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 224
Котенко А.В.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МВД РОССИИ КАК БЕСЦЕННЫЙ РЕСУРС ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОНЫХ ДЕЯНИЙ 228
Кочеткова Е.А.
К ВОПРОСУ О НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРНИИХ ДЕЛ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА) 234
Ладушкин С.И.
КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОРРУПЦИИ И ПОВЕДЕНИЕ АГЕНТОВ В SWARM-СИСТЕМАХ 239
Лантух Э.В.
К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР 245
Лебедева К.А.
АСПЕКТЫ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 251
Метелькова В.Д.
КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 257

Михайлин В.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ 262
Москалева С.А.
КОРРУПЦИЯ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ СУДЕБНЫХ
ПРИСТАВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ,
ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 266
Ненашева Л.С.
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА
И ЮРИДИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИИ
И КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ 270
Никуленко А.В.
ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ
В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОЯВЛЕНИЯМ КОРРУПЦИИ..... 275
Павлик Е.М.
АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ СТАНДАРТ ПОВЕДЕНИЯ
СОТРУДНИКОВ ОВД: НОРМАТИВО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ..... 281
Павлова К.С.
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ
СТРУКТУРАМИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ
ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 284
Пак В.А.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ
ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, В ТОМ ЧИСЛЕ В СФЕРЕ ОБОРОННО-
ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА 287
Петренко Р.А., Корчагина К.А.
КОРРУПЦИЯ И ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК: АДМИНИСТРАТИВНО-
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ 292
Политов В.Е.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИНИСТЕРСТВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ - УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 297
Полякова Т.А.
ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРАВОВЫЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕРШЕНИЯ 301
Пономарева О.М.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ..... 306
Пугачева С.А.
АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ТУРЦИИ: РАЗРЫВ
МЕЖДУ НОРМАТИВНОЙ БАЗОЙ И ПРАКТИКОЙ ПРИМЕНЕНИЯ 310

Рачицкий И.А.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСИКЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАТИКА ПРИМЕНЕНИЯ 315
Редкоус В.М.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ 319
Романенчук М.А..
ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 323
Савельев А.Н.
КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ: МЕХАНИЗМЫ МИНИМИЗАЦИИ 327
Савченко М.М.
КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРЕДИКАТНЫЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ..... 330
Сагайдак А.Ю.
РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ..... 335
Селина Е.П.
ОПЫТ СИНГАПУРА В СОЗДАНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ..... 338
Симончук Е.Р.
КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРОБАЦИИ: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ 343
Смирнов Р.В.
ВЫЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ 348
Смольяков А.А., Андреев С.П.
К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН) 352
Соколянская В.А.
ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СТАНДАРТА ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 358
Стебенева Е.В.
КОРРУПЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЗИСЫ) 363

Сухарева В.А.
ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 366
Сыроежкин А.М.
ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В АВСТРАЛИИ 370
Таскин А.В.
КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1990-х ГОДОВ 377
Тепляшин П.В.
СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ 381
Тищенко С.Ю.
КОРРУПЦИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ 386
Турунова М.Н.
РОЛЬ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» В РАСПРОСТРАНЕНИИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ 393
Фаталиев Я.С.
ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ КОРРУПЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВЕ 396
Федина Э.А.
АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ 399
Хабибрахманова Р.Р.
ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 402
Хисматулина Н.В.
«АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД СУЩЕСТВУЮЩИХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК В АЗИАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 407
Холостова Т.Д.
ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИИ В ПОЛИЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И КАНАДЫ) 412
Шарая В.В.
КОРРУПЦИЯ В ПОЛИЦИИ США. ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС 418
Шевцова А.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 423

Ширшанова Е.А.
СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ..... 427
Ширшанова К.А.
РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ И ВЫЯВЛЕНИИ КОРРУПЦИИ 430
Шнепелева К.В.
КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ..... 433
Яхонтова О.С.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 438

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
начальника Санкт-Петербургского университета МВД России генерал-лейтенанта полиции Амельчакова Игоря Филипповича.

Уважаемые коллеги, для нас большая честь принимать вас в стенах Санкт-Петербургского университета МВД России в качестве участников всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы противодействия коррупции в современных условиях»!

В 2025 году отмечается двадцатая годовщина с момента вступления в законную силу Конвенции ООН против коррупции. 9 декабря, официально отмечается Международный день борьбы с коррупцией, тем самым подчеркивая важнейшую связь между противодействием коррупции и миром, безопасностью, а также развитием нашего государства.

В современных социально-экономических условиях противодействие коррупции остаётся одной из ключевых задач государства и общества. На постоянной основе предпринимаются системные и решительные меры, направленные на укрепление механизмов предупреждения, выявления и пресечения коррупционных проявлений. Этот многоаспектный феномен продолжает оказывать разрушительное воздействие на все сферы общественной жизни, препятствует экономическому развитию, подрывает доверие к институтам власти и принципам законности.

Задачи повышения эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов, сформулированы в разделе XII действующего Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 гг.

Органы внутренних дел, осуществляющие задачи по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений экономической направленности, играют ведущую роль в реализации государственной антикоррупционной политики. Их участие в профилактических мерах направлено на формирование у граждан устойчивых правовых установок, развитие антикоррупционной культуры и недопущение противоправного поведения, особенно в сфере экономических и служебных отношений.

Важнейшее значение приобретает и взаимодействие между субъектами профилактики правонарушений в сфере противодействия коррупции, обмен опытом и лучшими практиками применения законодательства.

Выражаю надежду, что цель всероссийской научно-практической конференции формирование комплексного видения проблемы противодействия коррупции посредством обобщения теоретических исследований и практического опыта органов внутренних дел, разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правовых, организационных и методических основ противодействия коррупционным преступлениям в современных условиях развития российского общества, будет достигнута в полном объеме.

Абушинов Арлтан Владимирович,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Юзиханова Эльвира Гумеровна,
начальник кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В ОРГАНИЗАЦИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация: в данной статье рассматриваются коррупционные риски в организации криминологического противодействия молодежному экстремизму. Анализируются теоретические основы коррупции и экстремизма, законодательная база, причины и последствия коррупционных рисков. Предлагаются меры по их снижению для повышения эффективности государственной политики в данной сфере.

Ключевые слова: коррупция; коррупционные риски; экстремизм; молодежный экстремизм; криминологическое противодействие; профилактика.

В настоящее время проблема молодежного экстремизма приобретает все большую актуальность. Наиболее уязвимой социальной группой является молодежь, которая с большей частотой становится жертвой манипуляций и вербовки со стороны экстремистов. По этой причине криминологическое противодействие молодежному экстремизму приобретает особую важность для государственной политики и правоохранительных органов. Однако данные меры могут быть неэффективны из-за коррупционных рисков, которые сопровождают организацию и реализацию противодействия экстремизму.

Коррупция, как социальное явление, является серьезной угрозой для правопорядка и стабильности общества. В условиях противодействия молодежному экстремизму коррупционные риски могут проявляться в различных формах, таких как взяточничество, злоупотребление служебным положением, нецелевое использование бюджетных средств и другие неправомерные действия. Данные риски не только подрывают доверие к государственным институтам, но и создают благоприятные условия для распространения экстремистских идей и деятельности.

Коррупционные риски являются потенциальной угрозой, которые предполагают возможное проявление коррупционных действий в различных сферах деятельности. В рамках криминологического противодействия молодежному экстремизму коррупционные риски могут вызвать подрыв доверия молодежи, а также существенно снизить эффективность принимаемых мер.

В рекомендациях по порядку проведения оценки коррупционных рисков

в организации (утв. Минтрудом России), коррупционный риск определяется как возможность совершения работником организации, а также иными лицами от имени или в интересах организации коррупционного правонарушения [1].

В соответствие со статьей 1 Федерального закона РФ от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция - это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение действий, перечисленных выше, совершенных от имени или в интересах юридического лица [2].

Криминологическое противодействие молодежному экстремизму направлено на предупреждение, выявление и пресечение экстремистской деятельности среди молодежи. Основные цели и задачи включают профилактику экстремизма, выявление и пресечение экстремистской деятельности, реабилитация и ресоциализация, образовательные и информационные кампании. В соответствии с Федеральным законом РФ «О противодействии экстремистской деятельности» [3], экстремистская деятельность определяется как деятельность, направленная на изменение основ конституционного строя и нарушения целостности РФ, подрыв безопасности РФ, осуществление террористической деятельности, унижение национального достоинства, пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики, финансирование указанной деятельности и т.д. А молодежный экстремизм можно определить как взгляды и тип поведения молодых людей, основанные на культивировании принципа силы, агрессии в отношении окружающих вплоть до насилия и убийства. Он предполагает непримиримость к инакомыслящим (особенно к представителям определенных молодежных движений), а также стремление к созданию тоталитарного сообщества, основанного на подчинении [4].

Криминологическое противодействие молодежному экстремизму в современной России представляет собой комплексную, многосубъектную деятельность. Она направлена не только на пресечение уже совершенных преступлений экстремистской направленности, но и, в первую очередь, на устранение причин и условий, способствующих их совершению. Данная деятельность носит упреждающий, профилактический характер и реализуется в рамках государственной политики обеспечения национальной безопасности. Как справедливо отмечает профессор А.И. Долгова, эффективность противодействия любому виду преступности, включая экстремизм, определяется сбалансированностью мер уголовной репрессии и социальной профилактики [5].

Материально-финансовая основа функционирования системы формируется за счет целевых бюджетных ассигнований федерального и регионального уровней, а также средств, распределяемых через специальные фонды (например, Фонд президентских грантов). Данное обстоятельство формирует устойчивый

финансовый поток, объемы которого сопряжены с высокой степенью идеологической и политической значимости решаемых задач. Именно на пересечении значительных ресурсов, широких дискреционных полномочий субъектов и высокой степени нормативной неопределенности в оценке результатов возникают системные предпосылки для девиаций. Первичные коррупциогенные элементы закладываются уже на стадии распределения ресурсов и формирования программ, где критерии эффективности зачастую подменяются формальными показателями отчетности. Таким образом, архитектоника системы изначально содержит в себе структурные уязвимости, анализ которых требует перехода к исследованию конкретных механизмов реализации коррупционных рисков.

Анализ функциональных циклов системы позволяет выделить устойчивые типы коррупционных рисков, актуализирующихся на различных стадиях деятельности. Их типология основана на идентификации ключевых уязвимых процедур, где пересекаются властные полномочия и ресурсные потоки.

Первая группа рисков сконцентрирована в финансово-распределительном блоке. Основной канал связан с механизмами грантовой поддержки и государственного заказа на выполнение работ профилактической направленности. Отсутствие объективных, верифицируемых критериев содержательной эффективности проектов приводит к доминированию формальных признаков при конкурсном отборе. Это создает условия для лоббирования интересов аффилированных некоммерческих организаций и недобросовестных подрядчиков. Результатом становится финансирование проектов-симулякров, где приоритетом является формальное освоение средств, а не достижение социального эффекта.

Во второй категории рисков включены угрозы, возникающие в результате административно-юрисдикционной деятельности правоохранительных структур. Такой вид деятельности характеризуется широкими дискретионными полномочиями, которые предоставляются оценочным правовым механизмам, закреплённым в законодательстве, регулирующем вопросы экстремизма. Эти полномочия создают условия для субъективного вмешательства и могут служить источником юридического размывания, а также использоваться неправомерно в целях преследования или оправдания неправомерных действий. В частности, юридический вакуум, возникающий на этом уровне, на практике увеличивает риск злоупотреблений: он может быть использован как для необоснованного возбуждения уголовных дел в корыстных или политических целях, так и для незаконного прекращения расследований в обмен на взятки. Важную роль в формировании коррупционных рисков играет процедура проведения судебных экспертиз. Зависимость экспертных учреждений от государственных заказов создает предпосылки для тенденциозности их заключений, что усугубляет проблему и влияет на справедливость и доверие к судебной системе.

Третья группа рисков связана с механизмами контроля и отчетности внутри системы. Доминирование количественных индикаторов при оценке деятельности часто приводит к формальному выполнению установленных планов, что снижает качество оценки реального эффекта реализуемых мероприятий. Такое положение способствует возникновению массовых имитационных практик, при которых достигается видимость активности без существенного воздействия.

В этих условиях возможно развитие коррупционных схем, задействующих контрольные и подотчетные структуры, что позволяет им взаимно обеспечивать формальную отчётность и уклоняться от ответственности за нецелевое использование ресурсов. Следствием этого становится проникновение коррупционных практик во все уровни системы, что искажает её основные функции, особенно профилактическую, превращая её в инструмент легализации финансовых потоков, а также механизм административного произвола. Следует отметить, что указанные риски не возникают изолированно, а обусловлены комплексом факторов, коренящихся в организационных, правовых и социальных характеристиках самой системы противодействия экстремизму. Такой анализ позволяет не только выявить уязвимости системы, но и понять причинно-следственные связи, лежащие в основе её функционирования и возможных злоупотреблений.

Возникновение и устойчивое воспроизводство коррупционных рисков в рассматриваемой сфере обусловлено действием комплекса детерминант. Эти факторы носят системный характер, формируя среду, в которой девиантные практики получают институциональную основу для существования. Их анализ позволяет перейти от констатации уязвимостей к пониманию глубинных причин дисфункции.

Организационно-управленческая детерминация проявляется в доминировании административной логики над содержательной. Критерием эффективности профилактики выступает формальное выполнение плановых показателей (количество мероприятий, объем отчетов), а не достижение конкретного социально-психологического результата. Такая система оценки провоцирует массовую имитацию деятельности, создавая благоприятные условия для нецелевого расходования средств и искажения отчетных данных. Размытость ведомственной ответственности и слабость горизонтальных связей между субъектами профилактики затрудняют действенный контроль.

Нормативно-правовая детерминация коренится в избыточной гибкости и оценочном характере ключевых законодательных дефиниций. Термины «экстремистская деятельность» и «возбуждение вражды» интерпретируются правоприменителем в широком диапазоне, что наделяет его дискреционными полномочиями. Эта правовая неопределенность трансформируется в инструмент произвольного применения норм, открывая возможности для коррупционных сделок, маскируемых под законное усмотрение. Законодательный вакуум порождает административный произвол.

Социально-экономическая и социально-психологическая детерминация связана с формированием устойчивого рынка услуг в сфере профилактики экстремизма. Значительные финансовые потоки, проходящие через государственные программы и гранты, формируют у части исполнителей экономический интерес в консервации проблемы как источника постоянного финансирования. Данный конфликт интересов подкрепляется социально-психологическим фоном моральной паники, характерным для темы террористической угрозы. Атмосфера повышенной тревожности и безусловного приоритета безопасности создает общественную интолерантность к критике деятельности правоохранительных и профилактических структур, блокируя механизмы публичного контроля.

Таким образом, коррупционные риски выступают не внешним, а имманентным свойством системы, порожденным ее внутренними противоречиями. Их нейтрализация требует не точечных исправлений, а структурной трансформации принципов управления, правового регулирования и организации общественного надзора.

Проведенный анализ демонстрирует, что система противодействия молодежному экстремизму обладает высокой степенью коррупциогенности. Риски пронизывают все её этапы: от распределения бюджетных средств и грантов до оперативной работы и судебных решений. Они порождены комплексом системных факторов: преобладанием формальной отчётности над реальной эффективностью, неопределённостью правовых формулировок об экстремизме, формированием экономически заинтересованного «рынка профилактики» и атмосферой моральной паники, подавляющей критический контроль.

Реализация этих рисков наносит двойной удар: причиняет прямой финансовый ущерб и, что более опасно, дискредитирует саму идею государственной профилактики, подрывая доверие молодёжи и усиливая социальную напряжённость. Таким образом, коррупция в данной сфере не только ослабляет борьбу с экстремизмом, но и невольно питает его социальные корни.

Минимизация угроз требует пересмотра ключевых принципов организации. Необходимы: конкретизация законодательных дефиниций, введение прозрачных и конкурентных механизмов финансирования, разработка объективных критериев оценки результативности и создание институтов независимого публичного контроля. Только переход от закрытой, идеологически нагруженной модели к открытой и прагматичной позволит повысить эффективность противодействия экстремизму и устранить внутренние риски, подрывающие легитимность этой деятельности.

Список литературы:

1. «Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации" (утв. Минтрудом России).

2. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) (дата обращения: 23.11.2025).

3. Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) (дата обращения: 23.11.2025).

4. Зубок, Ю.А. Молодёжный экстремизм. Сущность и особенности проявления [Текст] / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // СОЦИС. – 2008. – № 5. – 21 с.

5. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. С. 412.

© Абушинов А.В., 2025

Аведиков Даниил Дмитриевич,
слушатель факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Дикаева Элина Салмановна,
старший преподаватель кафедры криминологии,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
кандидат юридических наук

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА – СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается личность сотрудника органов внутренних дел, совершающего преступления коррупционной направленности. На основе анализа современных криминологических исследований и официальной статистики обосновывается необходимость изучения социально-демографических, профессиональных и психологических характеристик такой категории лиц. Опираясь на работы авторов, а также на данные о динамике коррупционной преступности в 2010-е – 2020-е годы, предпринимается попытка обобщить наиболее типичные черты сотрудника ОВД, вовлечённого в коррупционные практики. Отдельное внимание уделяется внутренним противоречиям статуса сотрудника полиции, совмещающего обязанность по борьбе с коррупцией и личную заинтересованность в корыстном использовании должностных полномочий. Делается вывод о том, что без учёта личности коррупционера – сотрудника ОВД профилактика коррупции в полиции остаётся во многом формальной.

Ключевые слова: коррупция; личность преступника; сотрудник органов внутренних дел; коррупционные преступления; криминологическая характеристика; профилактика коррупции.

Проблема коррупции в ОВД относится к числу наиболее чувствительных для российского общества и государства. Любое коррупционное преступление, совершённое сотрудником полиции, подрывает доверие граждан не только к системе ОВД, но и к системе публичной власти в целом. Освещение коррупционных преступлений в СМИ играют двоякую роль, так как с одной стороны тяжесть последствий от нарушения сотрудниками главы 30 УК РФ, может повлиять на их коллег в положительную сторону, но с другой стороны общество очень негативно реагирует на данные новости и складывается отрицательный образ сотрудника ОВД. Исходя из этого, опираясь на современные криминологические исследования и актуальные статистические данные, целью настоящей работы является предоставить обобщённый криминологический портрет сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности, и выявить какие

профилактические меры могут поспособствовать минимизации совершения коррупционных преступлений. Для обеспечения нормальной работы ОВД, выполнения возложенных государством функций, определенных Конституцией РФ и восстановления позитивного образа сотрудника правоохранительных органов в глазах граждан.

Теоретической базе исследования личности коррупционного преступника, и в особенности сотрудника ОВД, посвящён целый ряд работ отечественных авторов. В исследовании М.В. Гончаровой, Н.В. Сторчиловой и Ю.С. Дрожжи на материале 150 уголовных дел была предложена первая обобщённая социально-демографическая и нравственно-психологическая характеристика сотрудника ОВД, совершающего коррупционные преступления [1]. А.В. Кокурин и В.Е. Петров дополнили эти выводы подробным психолого-криминологическим анализом ценностных ориентаций, мотивационной сферы и деформаций правосознания таких лиц [2]. Я.Л. Алиев и В.Б. Клишков рассматривают коррупцию в более широком контексте правонарушений сотрудников ОВД, подчёркивая, что коррупционные деяния тесно связаны с общим уровнем дисциплины и правовой культуры личного состава [3]. К.А. Краснова и В.Н. Смыслова обращаются к проблеме типологизации личности преступника-коррупционера, показывая, что для эффективной профилактики необходимы не только общие, но и дифференцированные модели личности коррупционера [4]. Д.Р. Ахунов исследует специфику личности коррупционного преступника в условиях городской агломерации, где усиливается влияние статуса, образа жизни и неформальных связей [5]. Наконец, П.Б. Федотов и А.Х. Куршев обобщают массив официальной статистики и формулируют ряд выводов о современных тенденциях коррупционной преступности, которые важно учитывать при изучении личности коррупционера – сотрудника ОВД [6; 7].

Как показывают исследования М.В. Гончаровой и её соавторов, а также работы А.В. Кокурина, коррупционные преступления совершают, как правило, не случайные сотрудники, а лица с уже сложившейся системой ценностных ориентиров, которые направленны на удовлетворение своих корыстных целей, в виде получения финансовой выгоды [1; 2]. Типичный сотрудник ОВД, вовлечённый в коррупционную деятельность, имеет достаточный стаж службы, разбирается в процессуальных и организационных нюансах своей специальности и знает пробелы в законодательстве для принятия решений в пользу взяткодателя. При этом такие сотрудники зачастую характеризуются положительно, имеют поощрения, что затрудняет их своевременное выявление. Важным для криминолога является то, что мотивация таких лиц редко сводится к получению единоразовой «большой» взятке. Чаще наблюдается постепенное привыкание к мелким коррупционным нарушениям, так называемая «нормализация» коррупционных практик в профессиональной среде, когда получение незаконного вознаграждения начинает восприниматься как «естественный бонус» к зарплате, а не как преступление. Сотрудник, на постоянной основе, занимающийся коррупционной деятельностью, перестает понимать общественную опасность своих деяний, для него это становится обыденностью.

Актуальные данные официальной статистики подтверждают, что коррупционная преступность в России сохраняет стабильно высокий уровень. Так, П.Б. Федотов на основе материалов судебной и ведомственной отчётности отмечает, что в 2023 году зарегистрировано 36 407 преступлений коррупционной направленности, из которых 22 544 связаны с дачей и получением взятки либо иными формами незаконного вознаграждения, что составляет 61,9 % всех выявленных коррупционных преступлений [6]. В материалах, подготовленных по данным ГИАЦ МВД России за 2024 год, указывается, что количество преступлений коррупционной направленности достигло 38 548, при этом рост к уровню 2023 года составил порядка 5,8 % [7].

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в РФ (2019-2024 год) [6; 7; 9].

По указанным данным видно, что, несмотря на небольшие колебания, общий тренд по 2019–2023 гг. остаётся восходящим: количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в целом растёт [5; 8]. Рост числа коррупционных преступлений в целом, при сохранении участия в них сотрудников ОВД, требует не только ужесточения наказаний, но и системной работы с личностью сотрудника, его ценностями и служебной средой.

Несмотря на то, что эти цифры отражают общенациональный уровень, значительная доля выявленных деяний связана с деятельностью правоохранительных органов. По данным интервью руководства Следственного комитета Российской Федерации, только за девять месяцев 2023 года в суды направлено почти восемь тысяч уголовных дел о коррупции в отношении 8 898 лиц, причём существенная часть обвиняемых приходилась на сферу правоохранительной деятельности [8]. Это означает, что сотрудник ОВД как субъект коррупционного преступления остаётся одним из ключевых фигурантов в структуре коррупционной преступности.

Рис. 2. Распределение лиц, привлечённых к ответственности за коррупцию, между правоохранительной и прочими сферами (по данным официальной статистики за 2023 г.) [8].

Психологические особенности личности сотрудника ОВД, совершающего коррупционные преступления, подробно раскрываются в работе А.В. Кокурина и В.Е. Петрова [2]. Исследования показывают, что для части сотрудников характерен высокий уровень правового цинизма: они хорошо знают антикоррупционные требования, сами обучают им подчинённых, но при этом не воспринимают их как личностно значимые. Дополнительную роль играют особенности внутри конкретного коллектива, где интересы взяткодателя, ставятся выше требований службы и закона. В подразделениях, где долгое время терпимо относились к «неформальному решению вопросов», вновь прибывающий сотрудник фактически оказывается перед выбором: либо принять эти правила игры, либо конфликтовать с коллективом и рисковать карьерой. В итоге в ряде случаев коррупционное поведение становится способом адаптации к деформированной корпоративной культуре.

С практической точки зрения обобщённый портрет сотрудника ОВД – коррупционера, нужен не для того, чтобы вешать ярлыки на всех служащих определённого возраста или стажа, а для более точного целевого применения профилактических мер. Если известно, что наибольший риск представляют сотрудники, имеющие определённый опыт работы на должностях с широкими полномочиями и занимающие руководящие посты в структуре МВД, то именно на них должна быть направлена углублённая предупредительная работа.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что одной реформой проблему коррупции в ОВД решить невозможно. Необходим комплекс мер, направленных на изменение ценностной ориентации и служебной среды. Среди таких

мер, с учётом рассмотренных особенностей личности, можно выделить следующие:

- усовершенствование отбора и психологического тестирования кандидатов на службу;
- постоянный мониторинг на коррупционную составляющую подразделений «повышенного риска», где сотрудники находятся в среде, способствующей получению взяток, и имеют властные полномочия по отношению к гражданам с высоким уровнем экономического достатка (бизнесмены, топ-менеджеры)
- развитие института наставничества, когда молодые сотрудники получают пример антикоррупционного поведения;
- создание прозрачных, понятных и справедливых систем поощрения, исключающих ситуацию, когда сотрудник воспринимает взятку как единственный способ повысить свой доход до желаемого уровня;
- формирование в коллективе со стороны коллег и руководства интолерантности и недопустимости коррупционного поведения, корпоративного порицания сотрудников, выражающих положительное отношение к коррупции.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что личность сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности, характеризуется толерантным отношением к мелким нарушениям, а также оправданием своей преступной позиции псевдо-объективными обстоятельствами. В этих условиях изучение личности коррупционера – сотрудника ОВД представляет не только теоретический, но и прикладной интерес: результаты таких исследований могут использоваться при отборе, расстановке, ротации кадров и в применение антикоррупционных мер. Современная статистика подтверждает, что коррупционная преступность в России сохраняет значительные масштабы, а правоохранительная сфера остаётся одной из наиболее поражённых ею областей и в последние годы показывает устойчиво высокий уровень и ежегодный рост [6; 7; 8].

Сотрудники ОВД занимают особое место в коррупционной преступности: с одной стороны, именно они выявляют основную массу коррупционных преступлений, с другой – часть сотрудников сами становятся субъектами таких деяний, что особенно опасно с точки зрения доверия граждан к полиции и к органам государственной власти в целом. Личность коррупционера – сотрудника ОВД имеет ряд характерных социально-демографических и служебных черт: как правило это мужчины, со стажем службы от 5 лет, занимающие должности, которые предполагают постоянный контакт с гражданами, имеющие полномочия по привлечению их к уголовной или административной ответственности, а также значительная часть коррупционных преступлений совершается руководителями структурных подразделений ОВД. Психологическими особенности таких лиц являются: сочетание профессиональной деформации с правовым нигилизмом и ориентация в своей деятельности на материальный успех.

Следует помнить, что эффективное предупреждение коррупционных преступлений среди сотрудников ОВД возможно лишь при сочетании жёсткого реагирования на выявленные факты, в комплексе с работой по формированию антикоррупционной культуры.

Список литературы:

1. Гончарова М.В., Сторчилова Н.В., Дрожжа Ю.С. Личность сотрудника органов внутренних дел, совершающего коррупционные преступления // Научный портал МВД России. 2017. № 3(39). С. 52–57.

2. Кокурин А.В., Петров В.Е. Психолого-криминологическая характеристика личности сотрудников органов внутренних дел, осуждённых за совершение преступлений коррупционной направленности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7. С. 111–123.

3. Алиев Я.Л., Клишков В.Б. Правонарушения сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2. С. 131–133.

4. Краснова К.А., Смыслова В.Н. Значение типологизации личности преступника-коррупционера для криминологического исследования коррупции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12(240). С. 676–678.

5. Ахунов Д.Р. Криминологический анализ личности преступника, совершающего коррупционные преступления в условиях городской агломерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 3. С. 64–70.

6. Федотов П.Б. Анализ и прогнозирование состояния преступности коррупционной направленности в России // KANT. 2023. № 2(47). С. 99–105.

7. Куршев А.Х. Преступления коррупционной направленности: особенности выявления и раскрытия // Право и управление. 2024. № 4. С. 328–331.

8. Бастрыкин А.И. Почти 8 тыс. дел о коррупции направлено в суды за девять месяцев 2023 года [Электронный ресурс] // Официальное интервью Следственного комитета РФ / ТАСС. 08.12.2023. URL: https://tass.ru/interviews/19484225 (дата обращения: 26.11.2025).

9. Генеральная прокуратура РФ. Данные о состоянии коррупционной преступности в Российской Федерации за 2023–2024 гг. (по материалам инфографики РБК) // РБК. 16.06.2025.

© Аведиков Д.Д., 2025

Акименко Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры публичного и частного права факультета (командного) Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАЩИТЫ «ИНФОРМАТОРОВ» («WHISTLEBLOWERS») И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

Аннотация: статья посвящена вопросам изучения зарубежного опыта защиты «информаторов» («whistleblowers») и анализу перспектив создания эффективной национальной антикоррупционной системы в России. Раскрыты вопросы потенциала адаптации зарубежного опыта в России. Научная новизна статьи состоит в проведенном комплексном анализе способов защиты «информаторов» («whistleblowers») а также в практической значимости работы в связи с проведенным анализом используемых средств в исследуемой сфере.

Ключевые слова: коррупция, защита информаторов, правовой механизм защиты, закон Даттона, противодействие коррупции, предупреждение коррупционных проявлений, концепция защиты информаторов.

В настоящей статье речь пойдет о зарубежном опыте защиты «информаторов» («whistleblowers») и анализе перспектив создания эффективной национальной антикоррупционной системы в России. Актуальность выбранной автором темы определяется тем, что тема защиты информаторов находится на стыке права, политологии и управления. Она крайне востребована в современной России, где эта сфера имеет довольно фрагментарное регулирование. Предлагается тема, направленная на адаптацию передового опыта, что, несомненно, обладает признаками высокой практической значимости. Сравнительно-правовой анализ современных моделей защиты информаторов о коррупции на примере законодательства Европейского Союза, США и Великобритании через выявление ключевых элементов эффективных систем, как то: многоуровневая защита, финансовое стимулирование и деятельность специализированных органов полезен и значим. На основе анализа норм российского права обозначатся концептуальные предложения по созданию комплексного национального закона о защите лиц, сообщающих о нарушениях, проанализируются лучшие зарубежные практики, текущее состояние дел в России, сформулируются предложения конкретных механизмов по улучшению существующего положения.

В современной практике противодействия коррупции защита лиц, сообщающих о нарушениях, перестала быть периферийной темой и превратилась в один из краеугольных камней прозрачного управления. Как справедливо отмечается в литературе [1], информаторы выступают в роли «системы раннего предупреждения», позволяя выявлять коррупционные схемы на стадии их возникновения, что многократно эффективнее и дешевле последующих расследований.

Несмотря на признание важности фигуры информатора на международном уровне, в Российской Федерации до сих пор отсутствует комплексное законодательство, обеспечивающее его надежную защиту. Цель данной статьи — проанализировать успешный зарубежный опыт и на его основе разработать контуры будущей российской системы защиты информаторов.

1. Рассмотрим сравнительный анализ зарубежных моделей защиты информаторов.

Мировая практика выработала несколько эффективных моделей защиты whistleblowers, каждая из которых обладает уникальными характеристиками. Рассмотрим их подробнее.

1.1. Европейский Союз (далее - ЕС): системный и превентивный подход. Директива (ЕС) 2019/1937 Европейского парламента и Европейского совета от 23 октября 2019 года о защите лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Союза, в том числе коррупционных, представляет собой наиболее свежий и комплексный нормативный акт в данной сфере. Статус осведомителя и право на защиту получает лицо, которое от своего имени или анонимно сообщает о противоправных действиях, затрагивающих интересы Европейского союза и принципы внутреннего рынка. Имеется три возможных способа сообщения о выявленных нарушениях: внутренние каналы организации, внешние каналы, например, правоохранительные органы, публичное раскрытие информации. Работодатель обязан уведомить заявителя о получении жалобы в течение семи рабочих дней и предоставить ему информацию о планируемых в связи с поступлением жалобы действиях в течение трёх месяцев с момента её подачи [3].

Осведомитель не должен рассматриваться как лицо, нарушившее какие-либо запреты на раскрытие конфиденциальной информации, и нести за это ответственность при условии, что разглашение данных было необходимо для выявления нарушения.

Государства-члены ЕС должны обеспечить осведомителям доступ к бесплатным юридическим консультациям по вопросам правовой защиты от преследований и к юридической помощи в процессе уголовного и гражданского судопроизводства. Под защиту попадают, в частности, работники по найму, лица, имеющие статус самозанятых, волонтёры и стажёры, члены корпоративных структур, сотрудники сторонних организаций-контрагентов и другие.

Ключевая особенность способов сообщения о выявленных нарушениях — их многоуровневая система. Информатор обязан, в первую очередь, использовать внутренние каналы, созданные внутри самой организации (п. 1 ст. 7 Директивы). Если это не принесло результатов, он обращается к внешним органам — компетентным государственным структурам (п. 1 ст. 10). И лишь в крайних случаях, при отсутствии реакции или при наличии непосредственной угрозы общественным интересам, допустимо раскрытие информации через средства массовой информации (ст. 15).

Такой подход преследует две цели: стимулировать компании к наведению порядка внутри себя и обеспечить информатору несколько уровней безопасности. Директива также возлагает бремя доказывания на работодателя: если информатора уволили после сообщения, именно работодатель должен доказать,

что увольнение такого лица не было связано с его разоблачительной деятельностью (п. 3 ст. 21). Этот механизм кардинально меняет баланс сил в пользу сотрудника.

1.2. США: модель финансового стимулирования.

Американский подход радикально отличается от европейского. Его стержень — программа финансовых вознаграждений. Если информация, предоставленная информатором, приведет к успешному судебному преследованию и взысканию средств в федеральный бюджет, whistleblower может получить от 10% до 30% от суммы взыскания, если она превышает 1 миллион долларов.

Как отмечают исследователи Тихомиров Ю.А., Трошкин Ю.В., данная модель создает мощный экономический стимул для разоблачения крупных финансовых махинаций и коррупционных схем [2]. Она особенно эффективна в сфере корпоративных нарушений и на рынке ценных бумаг. Однако ее критикуют за возможное провоцирование «охоты за наградой» и замалчивание нарушений, не сулящих значительных финансовых дивидендов.

Так же информаторов о преступлениях в США защищают с помощью законодательных норм, программ и этических принципов. Цель — предоставить информаторам возможность безопасно сообщать о нарушениях, избегая репрессий со стороны работодателей и других заинтересованных лиц.

Закон о защите информаторов (Whistleblower Protection ACT, 1989) предоставляет защиту государственным служащим, сообщающим о коррупции или нарушениях закона, и запрещает работодателям применять репрессивные меры к таким лицам. Закон Сарбейнса-Оксли (Sarbanes-Oxley ACT, 2002) — защищает информаторов в корпоративном секторе, направлен на борьбу с корпоративным мошенничеством. Закон о защите осведомителей разведывательного сообщества (ICWPA, 1998) — предоставляет сотрудникам безопасные средства для представления Конгрессу утверждений, касающихся секретной информации. Информаторы имеют возможность обращаться в суд в случае репрессий со стороны работодателей. Федеральная программа по защите свидетелей (WITSEC) обеспечивает безопасность информаторов, которым угрожает опасность из-за участия в криминальных и судебных разбирательствах. Приведем примеры некоторых мер защиты: обеспечение новыми документами, предоставление жилья, помощь в получении новой работы.

Программа реализуется Службой маршалов США, вопрос о необходимости мер безопасности решает Генеральный прокурор, исходя из общественной опасности преступления и потенциальной опасности для свидетеля и его близких. Участие в программе добровольное, принуждать информатора к участию в ней нельзя. Обеспечение анонимности и конфиденциальности позволяет избежать возможных репрессий и сохранить безопасность сотрудников, способствующих раскрытию правонарушения. Многие организации создают внутренние каналы для анонимных сообщений о нарушениях. И, как мы указывали выше, финансовая поддержка — некоторые законы предусматривают вознаграждение для информаторов, сообщающих о значительных нарушениях. Например, по закону о ценных бумагах и фондовых биржах (Securities and Exchange Act) информаторы могут получать вознаграждение за раскрытие информации, если это приводит

к финансовым санкциям против нарушителей.

1.3. Опыт Великобритании и Южной Кореи: институциональный механизм.

Успех любой модели зависит от институтов, обеспечивающих ее работу. Закон Великобритании «О разоблачителях» (PIDA) 1998 года, интегрированный в Закон о правах трудящихся, сделал акцент на защите от преследований на рабочем месте. Суды по трудовым спорам стали ключевым органом, восстанавливающим справедливость.

Более продвинутую модель демонстрирует Южная Корея, где создан специализированный независимый орган — Комиссия по борьбе с коррупцией и защите прав граждан (Korea Anti-Corruption and Civil Rights Commission, ACRC). Эта комиссия не только принимает сообщения, но и проводит расследования, обеспечивает защиту информаторов от преследований и применяет меры к нарушителям. Наличие единого, авторитетного центра ответственности значительно повышает доверие к системе.

2. Проведем критический анализ российской правовой базы и возможности применения зарубежного опыта в нашей стране.

Действующее российское законодательство не содержит комплексного подхода к защите информаторов.

2.1. Существующие нормы и их недостатки.

Основным нормативным актом является Федеральный закон от 25 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Статья 13.3 предусматривает обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять о фактах склонения их к коррупции. Однако эта норма крайне узка по кругу лиц, она не распространяется на абсолютное большинство работников частного бизнеса.

Норма права имеет ограничения по содержанию, защищает только сообщения о «склонении к коррупции», игнорируя иные серьезные нарушения, например, экологические преступления, угрозы безопасности.

Не содержит механизмов защиты, в законе нет подробных процедур обеспечения анонимности, защиты от увольнения или психологического давления.

Фактически, российский информатор остается один на один с системой, рискуя своей карьерой, репутацией и безопасностью. Известно, что нормы о коммерческой и иной тайне, поименованные в статье 183 Уголовного Кодекса Российской Федерации, часто используются для преследования тех, кто осмелился сообщить о нарушениях.

2.2. Предпримем попытку изложить концепция будущего российского закона, проведя синтез лучших современных практик.

Таким образом, на основе рассмотренного нами зарубежного опыта можно сформулировать ключевые элементы концепции отечественного закона о защите информаторов.

1. Широкий предметный и субъектный охват. Закон должен защищать не только сообщения о коррупции, но и о любых серьезных нарушениях законодательства, угрозах общественным интересам, жизни и здоровью людей. Защита должна распространяться на всех работников (государственного и частного

сектора), волонтеров, стажеров и даже контрагентов, располагающих соответствующей информацией.

2. Многоуровневая система каналов сообщения. Необходимо законодательно обязать средние и крупные компании, а также все государственные органы создавать внутренние каналы для сообщений, по образцу Директивы ЕС. Параллельно следовало бы создать федеральный специализированный орган по образцу южнокорейского ACRC, который будет выполнять функции внешнего канала, координатора политики и органа, предоставляющего защитные меры.

3. Комплексные гарантии защиты. Закон должен чётко прописывать запрет на любые формы преследования, от увольнения и понижения в должности до дискриминации и психологического давления.

Смещение бремени доказывания на работодателя в том плане, что именно работодатель должен доказывать, что его действия в отношении информатора не были связаны с разоблачением и кака следствие, увольнением.

Здесь важно упомянуть о законодательном закреплении гарантий анонимности и конфиденциальности, а так же оказании юридической и психологической помощи.

4. Осторожное введение элементов финансового стимулирования. Применение американской модели может быть преждевременным. Однако в качестве пилотного проекта можно рассмотреть возможность материального поощрения информаторов, чьи сообщения привели к взысканию в бюджет значительных сумм или предотвращению крупного ущерба.

В заключение можем сделать вывод, что проведенный анализ демонстрирует, что создание эффективной системы защиты информаторов является не вопросом политической воли, а практической необходимостью для повышения эффективности борьбы с коррупцией и другими системными нарушениями в России.

Зарубежный опыт предлагает готовые, апробированные решения: европейская модель обеспечивает системность и профилактику, американская — мощные стимулы для раскрытия крупных дел, а опыт Великобритании и Южной Кореи доказывает критическую важность специализированных независимых институтов.

Россия стоит перед необходимостью не механического заимствования, а творческой адаптации этих практик с учётом национальных правовых и административных реалий. Разработка и принятие комплексного федерального закона, основанного на синтезе лучших элементов зарубежных моделей, позволила бы не только реализовать международные обязательства, но и создать мощный инструмент для оздоровления государственного и корпоративного управления, укрепления доверия граждан к институтам власти и, в конечном счете, построения более справедливого общества и достижения комплаенса.

Список литературы:

1. Бойко О.В. Правовые основы защиты информаторов о коррупции (зарубежный опыт) // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 132–140.

2. Тихомиров Ю.А., Трошкин Ю.В. Защита лиц, сообщающих о коррупции: зарубежный опыт и перспективы в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 5. – С. 5–20.

3. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2019/1937 от от 23 октября 2019 года о защите лиц, сообщающих о нарушениях права Союза // Консультант Плюс, дата обращения 7 ноября 2025 года. Переводчик Узловская Т.А., текст перевода официально опубликован не был, текст Директивы на английском языке опубликован в официальном журнале, NL 305, 26.11.2019, с. 17.

4. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act, Раздел 922 – Стимулы и защита информаторов (США) // Консультант Плюс, дата обращения 7 ноября 2025 года.

5. Public Interest Disclosure Act 1998 // Консультант Плюс, дата обращения 7 ноября 2025 года.

6. Calland, R., & Dehn, G. (Eds.). «Whistleblowing Around the World: Law, Culture & Practice». – Cape Town: Open Democracy Advice Centre, 2004 // Консультант Плюс (дата обращения: 0 7.11.2025).

© Акименко Е.С., 2025

Алешина-Алексеева Екатерина Николаевна,
доцент кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ДЕЛАХ О ПОЛУЧЕНИИ ВЗЯТКИ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОШИБОК

Аннотация: Противоправное деяние в виде получения взятки имеет особое значение в развитии современного законодательства. Рассмотрены проблемы правильной квалификации преступлений, связанных с получением взятки, приобретающие особую значимость на фоне современного развития уголовного законодательства и практики Верховного Суда Российской Федерации. Анализируются ошибки, выявленные в период с 2021 по 2025 годы на материалах кассационных определений и высшей судебной инстанции РФ. Особое внимание уделяется элементам состава преступления, обусловленность передачи взятки служебными полномочиями, стадийность преступления и разграничение единого и совокупного состава. Исследование выявляет негативное влияние данных ошибок на законность и обоснованность судебных решений. Предлагаются решение в виде совершенствования методической подготовки следователей и судей, а также необходимости строгого соблюдения разъяснений Конституционного и Верховного Судов РФ для достижения точной квалификации преступлений и обеспечения справедливого уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: проблема; ошибка; судебная практика; взятка; правоприменение; квалификация; Верховный Суд РФ.

Правильная квалификация преступлений представляет собой всестороннее и точное применение уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за конкретное общественно опасное деяние, с полным соответствием установленных признаков состава преступления. Проблематика правильной квалификации преступлений, имеет актуальность из-за соблюдения принципов уголовного законодательства. По замечанию Зацепина А.М. наука уголовного права определяет квалификацию как деятельность либо определенный логический процесс; как результат деятельности, итоговой правовой оценке общественно опасного вида поведения и закреплении этой оценки в соответствующем процессуальном документе [1, с. 65].

Преступления, связанные с получением взятки, приобретает особую актуальность в свете современного развития уголовного законодательства и судебной практики Российской Федерации. Необходимо отметить, что точная и математически выверенная квалификация преступления является залогом справедливого правосудия и восстановления позитивных отношений между общественностью и правоохранительными органами [2, с. 125].

Несоответствие квалификационных характеристик фактическим обстоятельствам способствует вынесению ошибочных приговоров, нарушению прав участников процесса и подрыву доверия к системе уголовного правосудия.

Целью данной статьи стал анализ ошибок, возникающих в процессе квалификации преступлений по ст. 290 УК РФ (получение взятки), выявленные в практике Верховного Суда РФ в период 2021–2025 годов, и определение основных проблемных вопросов в элементах состава преступления. Материалом исследования послужили кассационные определения и постановления суда высшей инстанции.

В ходе проведенного анализа судебных дел в период с 2021-2025 года, выявлены следующие основные типы ошибок при квалификации преступлений, связанных с получением взятки:

1. Недоказанность обусловленности передачи денег конкретными служебными действиями. В деле о начальнике Специального управления ФПС МЧС России (2025 г.) Верховный Суд РФ отменил приговор в связи с отсутствием доказательств, что подчинённые передавали деньги именно за выполнение конкретных служебных действий [3]. Инициатором выплат и возврата части денежных средств выступал сам начальник, что свидетельствует о злоупотреблении должностными полномочиями, а не о получении взятки. Это свидетельствует о неправильной квалификации по объективной стороне состава преступление, а именно служебного поведения.

2. Ошибочное определение субъекта преступления. Так, в деле врача-патологоанатома Черяпина (2025 г.) Верховный Суд РФ указал, что он не являлся должностным лицом в смысле статьи 290 УК РФ [4]. Его деятельность носила методический характер и не включала организационно-распорядительных полномочий, а услуги по подготовке тел осуществлялись вне служебных обязанностей. Соответственно, выводы нижестоящих судов о наличии состава преступления по взятке признаны необоснованными.

3. Некорректная квалификация без установления полномочий лица. Обзор дела оперуполномоченного (2023 г.) демонстрирует, как действия по обещанию освобождения от уголовного преследования квалифицировались судебной коллегией по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции как получение взятки, но были переквалифицированы на мошенничество из-за отсутствия служебных полномочий [5]. Такая ошибка касается отдельных элементов субъекта и объективной стороны состава преступления.

4. Ошибочная квалификация стадии преступления. В случае передачи денежных средств через посредника (2022 г.) судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции разъяснила, что отсутствие фактического получения средств получателем исключает оконченное преступление и указывает на покушение на получение взятки [6]. Такое разъяснение стадии преступления важно для правильной квалификации и дальнейшей правоприменительной практики.

5. Нарушение принципа разграничения единого преступления и совокупности преступлений. При многократном получении взяток в течение определённого периода времени действия квалифицированы судебной коллегией по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции (2021 г.) как единое продолжаемое преступление, а не совокупность преступлений [7]. Это важное разграничение влияет на квалификацию состава и на выбор наказания.

Проведенный выборочный анализ судебной практики за 2021–2025 годы показывает, что основные ошибки в квалификации преступлений по ст. 290 УК РФ связаны с недостаточной внимательностью к таким юридическим категориям, как: объект преступления, субъект преступления, объективная сторона преступления, стадия преступления, правильное выделение единого деяния или совокупности преступлений. Эти ошибки существенно влияют на законность и обоснованность принимаемых судебных решениях.

Ниже приведена Таблица 1, составленная на основе информации о конкретных ошибках в делах о получении взятки с примерами из судебной практики. В таблице наглядно выделено в чем заключалась ошибка, к какому элементу состава преступления она относится, а также год и краткую суть дела.

Таблица 1

Год преступления	Ошибка в деле	Выявленное нарушение при квалификации	Итог дела
2021	Некорректное разграничение единого деяния и совокупности преступлений при регулярном получении денег от одного лица	Квалификация состава, стадия	Действия квалифицированы как единое продолжаемое преступление по делу многократного получения взятки
2022	Ошибка квалификации: передача денег через посредника не может считаться оконченным преступлением со стороны получателя без фактического получения средств	Стадия преступления (покушение)	Передача средств посредником была квалифицирована как покушение на получение взятки, а не как оконченное преступление
2023	Квалификация действий как получения взятки без наличия полномочий на совершение служебных действий, фактически было мошенничество	Субъект и объективная сторона (служебные полномочия)	Суд переквалифицировал взятку на мошенничество в деле оперуполномоченного, обещавшего незаконные действия за вознаграждение, на которое не имел полномочий
2025	Ошибка в квалификации, поскольку обвиняемый не имел полномочий должностного лица, выполнял лишь методическое руководство и действия вне служебных обязанностей	Субъект преступления (наличие должностного статуса)	Врач-патологоанатом Черяпин осуждён за взятки, но ВС РФ отменил приговор, так как он не был должностным лицом в смысле ст. 290 УК РФ
2025	Недоказанность передачи денег за служебные действия, деньги брались за незаконную материальную помощь и возвраща-	Объективная сторона (служебное поведение)	Начальник МЧС Муслимов организовал схему возврата части выплат, при этом подчиненные ничего не

	лись начальнику; суд неверно квалифицировал действия как получение взятки		получали за переданные деньги, дело переквалифицировано с взятки на злоупотребление полномочиями, приговор отменен ВС РФ

Таблица иллюстрирует, что основными зонами ошибок являются: недостаток доказательств обусловленности передачи взятки служебными действиями, неправомерное отнесение лица к субъекту преступления, неверное определение стадии преступления и неправильная квалификация видов деяний из-за отсутствия полномочий.

Анализ данных ошибок значительно способствует предметному пониманию сложностей квалификации взяточничества и выработке рекомендаций для правоприменительной практики.

Для исключения подобных ошибок полагаем целесообразным рекомендовать: усилить методическую подготовку следователей и судей, использовать анализ конкретных кейсов при квалификации преступлений и строго следовать положениям Конституционного Суда РФ и разъяснениям Верховного Суда РФ. Только так возможно достичь точности в квалификации преступлений, что является фундаментом справедливости уголовного производства.

Список литературы:

1. Зацепин А. М. Значение правильной уголовно-правовой квалификации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 9. – С. 65-67.

2. Баранчикова М. В., Кирюхина Ю.В. Коррупция как угроза безопасности современному обществу: Уголовно-правовой и социологический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 2(99). – С. 124-131.

3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2025 № 49-УД25-8-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС Российской Федерации от 13.02.2025 № 46-УД24-26-К6 [Электронный ресурс] URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-13022025-n-46-ud24-26-k6/ (дата обращения: 25.10.2025).

5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.05.2023 № 77-2008/2023 (УИД 48RS0001-01-2020-006925-57) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 02.08.2022 № 7У-7169/2022 [77-2719/2022] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Второго Кассационного суда общей юрисдикции от 21.10.2021 № 77-3310/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

© Алешина-Алексеева Е.Н., 2025

Алхаева Тамила Хаважевна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Никуленко Андрей Вячеславович,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ВОЗМОЖНОСТИ ОБОСНОВАННОГО РИСКА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности, как правило, реализуется посредством проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий, сопряженных с риском причинения вреда правоохраняемым интересам третьих лиц. Однако, вследствие коллизионности норм уголовного и специализированного законодательства, оценка правомерности действия (бездействия) сотрудника соответствующего оперативного подразделения производится на основании положений последнего из них. Предполагаем, указанное может служить одной из причин невостребованности обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность, а равно незаконного и необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, оперативно-розыскные мероприятия, оперативное подразделение, обоснованный риск, уголовный закон, специализированное законодательство.

В настоящее время коррупция и обусловленным ее проявлением противоправными деяниями приобретен масштаб глобального, транснационального явления, охватывающего не только отдельные государства (их группы), а международное (мировое) сообщество [1; 2]. Национальной стратегией противодействия коррупции от 13 апреля 2010 года, таковая признана одной из угроз безопасности Российской Федерации [3]; устранение коррупции, в частности, предполагается путем реализации государственной политики, направленной на предупреждение и пресечение преступлений данного характера [4]. Общественная опасность подобных деяний, прежде всего, выражена в нарушении нормальной управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, в подрыве их авторитета, искажении правосознания граждан и снижении уровня их правовой культуры [2]. Необходимостью борьбы с коррупцией обусловлена ратификация и имплементация Российской Федерацией ряда соответствующих международных правовых актов, а также создание и редактирование национального законодательства в исследуемой сфере.

Одним из основных принципов Национальной стратегии противодействия

коррупции служит использование «системы мер, включающей в себя меры по предупреждению коррупции, по уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления...» [3]. Указанное подтверждает значимую роль правоохранительных органов в борьбе с преступлениями коррупционной направленности. Вместе с тем, ввиду повышенного латентного характера, а также затруднительностью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по данной категории преступных деяний, их выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие, как правило, производится посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, прежде всего оперативного эксперимента. Осуществление указанных мероприятий, как правило, имеет плановый, подготовленный характер и сопровождается распределением ролей каждого из его участников, следовательно, принятием достаточных мер по недопущению причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам третьих лиц. Однако ввиду невозможности исключения таких элементов риска как неопределенность, альтернативность, противоречивость, а также объективного определения всеобъемлющего перечня возможных вариантов поведения и обстоятельств протекания оперативно-розыскного мероприятия вероятность причинения подобного вреда в известной степени сохраняется.

Частью 4 статьи 16 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» признается правомерным вынужденное причинение вреда лицом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, равно лицом, оказывающим ему содействие при выполнении ими служебного или общественного долга. Однако, условия проведения оперативно-розыскных мероприятий данным федеральным законом определены в обобщенном виде, организация и тактика их проведения, как правило, регламентируются ведомственными актами соответствующих органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [5].

В то же время, сопряженность правоохранительной, в частности оперативно-розыскной, деятельности с риском бесспорна; таковой неоднократно подвергался исследованию со стороны представителей наук криминального цикла. Более того, в уголовно-правовой доктрине не первое десятилетие наличествует полемика о необходимости внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, посредством дополнения перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния, правовой нормой регламентирующей обоснованный риск [6, С. 8, 18; 7, С. 183] либо иные правомерные деяния правоохранительных органов, находящих непосредственное отражение в деятельности сотрудников оперативных подразделений, в виде причинения вреда при выполнении специального задания [8, С. 30, 40-41; 9, С. 171; 10], правомерной провокации [11, С. 393-394] и других. Рядом стран постсоветского пространства избран подобный пути правового регулирования, в частности закрепления в уголовном законе норм о пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию [12], осуществление оперативного розыскных, контразведывательных мероприятий или негласных следственных действий [13] и иных.

Возникновение приведенного научного дискурса в значительной степени связано с процессами, предшествовавшими легализации обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния – первоначально,

его доктринальной разработки в недрах уголовно-правовой науки. Иными словами, генезис обоснованного риска послужил причиной смещения ракурса в сторону его проявления в деятельности правоохранительных органов и последующей правовой регламентации.

При этом определение правомерности действий (бездействия) сотрудника соответствующего оперативного подразделения продолжает производится на основании положений специализированного законодательства, без учета правовых норм действующего уголовного закона. В ключе противодействия преступлениям коррупционной направленности, первостепенно, речь идет, о статье 41 Уголовного кодекса, предусматривающей норму об обоснованном риске: оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление, пресечение и раскрытие преступлений данного характера, зачастую, содержат элементы риска, поскольку вероятность причинения вреда правоохраняемым интересам третьих лиц сохраняется ввиду ее неустранимости. В то же время, общественно-полезная направленность оперативно-розыскных мероприятий (проводимых в пределах правового поля) очевидна, поскольку «определяется целями и задачами, определенными в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [14, С. 111]; вынужденный характер действия (бездействия) лица отражен в возложенной на него юридической обязанностью и невозможностью ее реализации без совершения рискованного деяния. Общественно полезная значимость оперативно-розыскного мероприятия, проводимого по противодействию преступлениям коррупционного характера определена общественной опасностью данной категории противоправных деяний. Иными словами, при проведении указанных мероприятий должностным лицом, по сути, совершается рискованное деяние, обусловленное, с одной стороны, необходимостью выполнения служебного долга, с другой – его неизбежной сопряженностью с угрозой причинения вреда правоохраняемым интересам. Не умоляя роли и значения специализированного законодательства в регламентации и детализации порядка проведения соответствующего оперативно-розыскного мероприятия, полагаем, при указанных обстоятельствах, деяние лица подлежит оценке на предмет наличия/отсутствия признаков состава преступления исключительно в рамках уголовного закона, а именно его (деяния) соответствия условиям правомерности обоснованного риска. Безусловно, существующая в настоящее время законодательная конструкция нормы об обоснованном риске превалирует оценочными категориями, которые в купе с отсутствием соответствующих разъяснений по вопросам правоприменения могут служить «почвой» к расширительному либо напротив – ограничительному толкованию законодательного «наполнения» понятия риска и условий его правомерности. Однако широта пределов правоприменительного усмотрения не может являть собой оправдание неприменения данной правовой нормы (ее игнорирования). Изложенное нарушение принципа системности права, предполагаем, может служить следствием незаконного и необоснованного привлечения оперативного сотрудника в уголовной ответственности, прежде всего по статье 286 (превышение должностных полномочий) Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, превалирование норм специализированного законодательства над уголовным при оценке правомерности действий (бездействия) сотрудника оперативного подразделения в рамках оперативно-розыскного мероприятия, направленного на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений коррупционного характера, может служит сдерживающим фактором достижения целей уголовно-правовой политики по борьбе с данной категорией преступных деяний; неправомерного привлечения лица к уголовной ответственности; а также детерминантом невостребованности обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Список литературы:

1. «Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции» (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблей ООН от 31.10.2003 г.) // ООН URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml?ysclid=mih5g4d65p462834003 (дата обращения: 27.11.2025)

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2012 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328041/?ysclid=m7x9pcvcup647845552 (дата обращения: 27.11.2025)

3. «Национальная стратегия противодействия коррупции» (утверждена Указом Президента РФ от 13.04.2010 г. №4 60) // Президент России URL: http://www.kremlin.ru/supplement/565 (дата обращения: 27.11.2025)

4. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/82e3980c79908d189a4841285a57a0324d69edfc/ (дата обращения: 27.11.2025)

5. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 27.11.2025).

6. Хоменко А.Н. Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников: автореф. дис. канд. Юрид. наук: 12.00.08. - Омск, 2008. - 19 с.

7. Балалаева М.В. Обстоятельства, исключающие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемых в сфере их профессиональной деятельности: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. - Нижний Новгород, 2001. - 264 с.

8. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: автореф. дис. д-р юрид. наук: 12.00.08. - Владивосток, 2004. - 47 с.

9. Орехов В.В. Необходимая оборона и другие обстоятельства, исключающие преступность деяния. - СПб.: "Юридический центр Пресс", 2003. - 217 с.

10. Ляпин Л.О. Правомерное применение оружия при отправлении профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. канд. юрид. наук: 5.1.4. - М., 2024. - 240 с. // Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева URL: https://rgup.ru/img/DISSOVET/Ляпин%20ДО/Диссертация%20Ляпин%20Д-О.pdf (дата обращения: 27.11.2025)

11. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. д-р юрид. наук: 12.00.08. - СПб., 2019. - 512 с.

12. «Уголовный кодекс Республики Беларусь» от 09.07.1999 г. № 275-З (в ред. от 20.10.2025 № 101-З) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275 (дата обращения: 27.11.2025)

13. «Уголовный кодекс Республики Казахстан» от 03.07.2014 г. № 226-V (в ред. от 16.09.2025) // Юрист URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid=mijzhjifl46508122&sub_id=350000&pos=876;-54#pos=876;-54 (дата обращения: 27.11.2025)

14. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: монография / А.А. Чистяков, А.Н. Павлухин, С.С. Захарова, Н.Д. Эриашвили; под ред. А.А. Чистякова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – 157 с. (С.67).

© Алхаева Т.Х., 2025

Амелина Татьяна Александровна,
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического
института МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: в статье рассматриваются современные проблемы предупреждения коррупции в условиях цифровой трансформации общества. Автором отмечается, что активное внедрение цифровых технологий в сферу государственного управления и правоприменения создает как новые возможности для повышения прозрачности, так и риски возникновения новых форм коррупционных проявлений. Определена необходимость разработки комплексных механизмов противодействия коррупции с учетом цифровых реалий, включая использование больших данных, искусственного интеллекта и сквозных технологий для мониторинга коррупционных рисков.

Научная новизна исследования заключается в обосновании концепции «цифровой антикоррупционной среды», предполагающей синтез технологических и правовых инструментов предупреждения коррупции.

Ключевые слова: коррупция; предупреждение; цифровая трансформация; антикоррупционная политика; информационные технологии; цифровая среда.

В современных условиях особую роль среди процессов, оказывающих существенное влияние на социальные изменения, играет цифровизация, связанная с масштабным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества [1]. Говоря о коррупционных проявлениях Мирошниченко О.И. и другие представители научного сообщества [2] открыто придерживаются мнения относительно того, что приоритетным направлением в предупреждении данного вида преступного проявления выступает внедрение современных цифровых технологий в работу органов государственной власти [3].

Наряду с расширением возможностей для повышения эффективности деятельности органов власти, простоты и прозрачности процедур, распространенности информации для граждан, цифровая трансформация способствует зарождению новых потенциально опасных форм преступного поведения, связанных с использованием технологий в противоправных целях.

Одной из наиболее острых проблем остается коррупция, которая видоизменяется, адаптируясь к цифровым условиям. Возникают новые формы злоупотреблений, включая манипулирование и видоизменений электронных данных, коррупционные схемы в сфере реализации государственных закупок. Ввиду чего внедрение электронных платформ на базе искусственного интеллекта и блокчейн-сервисов [4], позволят обеспечить неизменность и прозрачность

в процедурах государственных закупок, распределения бюджетных средств и оказания государственных услуг, что выступит новым способом профилактики коррупционных проявлений. В свою очередь программы искусственного интеллекта позволят анализировать большие массивы данных, выявлять статистические аномалии и вероятные коррупционные связи между участниками государственных процессов (например, заказчиками и подрядчиками). Такие системы успешно применяются в ряде стран ЕС и Азии [5].

Представленные современные цифровые возможности указывают на особую актуальность внедрение данных механизмов предупреждения коррупции, способных обеспечить раннее выявление коррупционных фактов, а также указать на причины и условия, способствовавшие их проявлению. Благодаря алгоритмам оценки риска можно заранее прогнозировать ситуации, в которых высока вероятность злоупотреблений, и принимать меры превентивного характера.

Проблематика современных мер и способов борьбы с коррупцией заключается в том, что действующая система антикоррупционного контроля и профилактики преимущественно ориентированы на использование традиционных механизмов (предоставление сведений о доходах, ограничения, наложенные на иностранные счета, контрольные проверки). Представленные меры в эпоху цифрового управления указывают на их малоэффективный потенциал.

Научная новизна авторской концепции заключается в том, что обосновывается необходимость формирования нового и современного направления профилактики — «цифровая антикоррупционная среда».

Направление предполагает внедрение технологий искусственного интеллекта, аналитики больших данных, систем сквозного мониторинга и цифровой идентификации для прогнозирования и предупреждения коррупционных правонарушений.

Цифровая среда будет обобщать в себе электронные платформы, системы государственных закупок, единые цифровые реестры и базы данных, объединяющие сведения о государственных служащих, их доходах и расходах, собственности и интересах, благодаря чему взаимодействие граждан и государства станет максимально открытым. О положительных сторонах такого взаимодействия говорил и Кобец П.Н. указывая на то, что обществу будет предоставлена возможность получения быстрого доступа к актуальным информационным данным; процессы госуправления становятся прозрачными [6].

Иными словами, цифровая антикоррупционная среда — это совокупность технологических, правовых и управленческих инструментов, направленных на создание прозрачных, автоматизированных и контролируемых условий взаимодействия государства, бизнеса и граждан, исключающих возможность скрытых коррупционных действий. Комплексная система будет иметь превентивный характер, в которой функции предупреждения, анализа и реагирования интегрированы в цифровые процессы государственного управления.

На позитивный характер представленного предложения указывают результаты международных исследований (UNODC [7], OECD [5]), где определено, что цифровизация способна снизить коррупционные риски на 30–40% при условии внедрения прозрачных цифровых систем и алгоритмов контроля, исключающих

человеческий фактор.

Для успешной реализации концепции цифровой антикоррупционной среды в России необходимо определить основные направления, к которым следует отнести: создание единой государственной платформы антикоррупционного анализа, интегрирующую данные из различных ведомств (налоговой службы, Росреестра, МВД, судебных органов); внедрение блокчейн-системы для проведения государственных закупок и учета государственных контрактов; организация обучения сотрудников органов внутренних дел современным цифровым инструментам анализа данных, кибербезопасности и антикоррупционного мониторинга; разрешение вопроса о предоставлении гражданского цифрового контроля, как возможности отслеживания бюджетных расходов и участия в оценке деятельности органов власти.

Таким образом, процесс цифровизации сопровождается виртуализацией реальности, оказывающей существенное влияние на многие общественные процессы, в том числе на характер преступности и механизм противодействия ей [1]. Создание и внедрение цифровой антикоррупционной среды представляет собой инновационный путь развития антикоррупционной политики, позволяющий превратить борьбу с коррупцией в предупредительно-аналитическую деятельность.

Список **источников**:

1. Осипенко, А. Л. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества / А. Л. Осипенко, В. С. Соловьев // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 681-691. – DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(6).681-691.

2. Мирошниченко, О. И. Цифровые технологии как фактор снижения коррупционных проявлений в судебной системе / О. И. Мирошниченко, Т. В. Филоненко // Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 136-143. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2020.2.20. – EDN TNBBGL.

3. Лиджигоряев, Н. С. Использование цифровых технологий в борьбе с коррупцией / Н. С. Лиджигоряев, М. Б. Кичиков // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 7. – С. 373-375.

4. «Что такое технология блокчейн?» https://www.sap.com/central-asia-caucasus/products/technology-platform/what-is-blockchain.html

5. Антикоррупционные тенденции в Восточной Европе и Центральной Азии. – [Элнктронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/ru/publications/reports/2025/07/anti-corruption-trends-in-eastern-europe-and-central-asia_5dcc6ada/3fd5d6b0-ru.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

6. Кобец, П. Н. Причины и условия негативных последствий, возникающих в процессе цифровизации, и меры их предупреждения / П. Н. Кобец // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 1(103). – С. 93-101. – EDN KKGGMH.

7. Инструменты управления знаниями для ученых и профессионалов Серия модулей по противодействию коррупции. – [Элнктронный ресурс]. URL: https://grace.unodc.org/grace/uploads/documents/academics/Anti-Corruption_Module_4_Public_Sector_Corruption_RU.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

© Амелина Т.А., 2025

Амельчаков Олег Игоревич,
соискатель кафедры конституционного права
юридического факультета
Юго-Западного государственного университета

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЛИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь права на жизнь и безопасности личности в современном правовом государстве. Анализируется многоаспектность права на жизнь, охватывающая физические, социальные, экономические и экологические условия существования человека. Установлено, что в правовом государстве обеспечение права на жизнь и личной безопасности каждого человека осуществляется путем взаимодействия государственного, общественного и личного сегментов. Автором обоснованы правоохранительный, социально-здравоохранительный и социально-экономические подходы к обеспечению безопасности личности. В целом, право на жизнь человека напрямую зависит от обеспечения безопасность личности, которое понимается как комплексное состояние защищенности от угроз и создания условий для полноценной и достойной жизни. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к обеспечению права на жизнь, предполагающего в том числе систему гарантий личной безопасности.

Ключевые слова: право, жизнь, безопасность, государство, личная безопасность, правовое государство

Конституции России выступает в качестве прочной нормативно-правовой основы обеспечения юридической безопасности личности, общества и государства [4]. Конституционное право на жизнь занимает центральное место в системе прав и свобод, однако взаимосвязано с иными фундаментальными правами, в том числе правом на личную безопасность.

В современных условиях развития правового государства одной из главных обязанностей государства выступает реализация права на жизнь, предполагающая в том числе эффективное функционирование механизмов, направленных на защиту личности от произвола, противоправных посягательств и других видов насилия. Таким образом, безопасность, будучи потребностью человека, в то же время представляет собой и благо, т. е. положительную ценность, явление, отвечающее интересам, целям и устремлениям всего общества [1].

Многоаспектность конституционного права на жизнь и сложность системы его обеспечения позволяет утверждает о том, что безопасность личности может трактоваться по-разному. Такая особенность связана с тем, что безопасность личности может быть рассмотрена через призму функциональных обязанностей институтов, призванных ее обеспечивать. Так, для правоохранительных органов безопасность личности состоит в гарантированной защите человека

от посягательств, насилия, террористических угроз и иных противоправных деяний. Данный подход связан с физической безопасностью и носит охранительный и превентивный характер.

Для органов здравоохранения и социальной защиты населения безопасность личность выступает как необходимость поддержания физического и психического здоровья, доступности и качества медицинской помощи, а также наличие социальной поддержки и защищенности. В таком ключе безопасность личности предполагает состояние социальной и физической защищенности, исключающие болезни, бедность и др. негативные явления. Второй подход к пониманию безопасности личности напрямую связан с качеством и продолжительностью жизни.

Для органов, ответственных за обеспечение достойного уровня жизни (экологи, трудовую сферу, инфраструктуру и др.), личная безопасность представляет собой более широкое понятие, а именно как состояние защищенности человека от негативных влияний окружающей среды, вредных производственных и негативных факторов. Таким образом, третий подход к рассмотрению понятия «личная безопасность» предполагает не только наличие угрозы, но и наличие условий для полноценного и достойного существования человека.

Личная безопасность каждого человека напрямую связана с защитой его жизни. В Российской Федерации создана прочная нормативная правовая база обеспечения безопасности, разработаны и действуют ряд федеральных программ, направленных на охрану и защиту здоровья и жизни. Среди таких программ и планов можно назвать следующие: государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [6], государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [7] и др. Подобные программы разрабатываются и эффективно действуют также на уровне регионов России. Например, в г. Москва действует программа «Безопасный город» [5], которая направлена на обеспечение безопасности населения и объектов путем защиты личности, общества и государства от противоправных посягательств, профилактику правонарушений, снижение рисков чрезвычайных ситуаций, повышение защиты города от угроз природного и техногенного характера и др.

Помимо создания надлежащей правовой базы, для обеспечения безопасности личности следует создать эффективную систему государственных органов, деятельность которых будет направлена на недопущение и предотвращение преступлений против личности.

В контексте обеспечения безопасности личности стоит отметить роль общественного сегмента, который может выступать посредником между государством и гражданами, предоставляя информацию о правах и возможных угрозах и посягательствах, а также поддержку в случае необходимости.

Учитывая прямую связь данного вида безопасности с личностью человека, ее обеспечение в первую очередь является прерогативой самого человека, его деятельности, поведения, понимания важности самосохранения, не только физического тела, но и защиты собственной психики от негативных факторов, развития стрессоустойчивости с целью противостояния им [3]. Повышению личной

безопасности безусловно способствуют индивидуальная ответственность и самоорганизация. В рамках анализа обеспечения безопасности личности считаем целесообразным поднять вопрос о праве человека на самозащиту. Самозащита представляет собой любые действия лица, направленные на охрану и защиту своего права от посягательства любыми способами, которые не должны выходить за рамки действующего законодательства [2].

В современных условиях большое значение приобретает взаимодействие государства и общества в вопросах личной безопасности. Безопасность личность выступает в качестве фундаментального направления государственной политики, направленного на практическую реализацию конституционного права на жизнь каждого человека.

Подводя итог, важно сделать ряд выводов. Конституционное право на жизнь представляет собой важнейшую ценность современного общества, а его реализация требует комплексных гарантий. В правовом государстве обеспечение права на жизнь и личной безопасности каждого человека осуществляется путем взаимодействия государственного, общественного и личного сегментов. Безопасность личности может по различному трактоваться в зависимости от функциональных особенностей, обеспечивающих право на жизнь институтов. Нами выделены правоохранительный, социально-здравоохранительный и социально-экономические подходы к безопасности личности. В целом, право на жизнь человека напрямую зависит от обеспечения безопасность личности, которое понимается как комплексное состояние защищенности от угроз и создания условий для полноценной и достойной жизни.

Список литературы:

1. Ардашев, А. И. Конституционно-правовое обеспечение права человека на безопасность в Российской Федерации / А. И. Ардашев // Современное право. – 2008. – № 1. – С. 39-45.

2. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. Б14 для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – С. 295.

3. Корабельникова Ю. Л. Понятие и содержание безопасности личности в современном государстве // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – №. 3 (67). – С. 39-48.

4. Никитяева В. В. Конституционная безопасность как условие эффективной реализации основ конституционного строя //Вестник Воронежского института МВД России. – 2007. – №. 4. – С. 15-19.

5. О Государственной программе города Москвы «Безопасный город» : постановление Правительства Москвы [от 23 сентября 2011 г. № 443-ПП ; по состоянию на 25 марта 2025 г.] // Вестник Мэра и Правительства Москвы. –2011. – 7 октября. – № 56.

6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ [от 26 декабря 2017 г. № 1640; по состоянию на 27 декабря 2024 г.] // Собрание законодательства РФ. – 2018. – 1 января. – № 1 (Часть II). – Ст. 373.

7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»: постановление Правительства РФ [от 15 апреля 2014 г. № 296; по состоянию на 30 ноября 2024 г.] «// Собрание законодательства РФ. – 2014. – 28 апреля. – № 17. – Ст. 2059.

©Амельчаков О.И., 2025

Андреев Семен Петрович,
врио заместителя начальника
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ АНТИКОРРУПЦИОННОМ ВОСПИТАНИИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы, касающиеся антикоррупционного воспитания курсантов и слушателей Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Проанализированы конкретные мероприятия, которые проводятся сотрудниками и работниками филиала в этом направлении деятельности в рамках правового воспитания обучающихся Филиала.

Ключевые слова*:* коррупция, мероприятие, курсанты, слушатели, профессорско-преподавательский состав, поведение

Система образования относится к важнейшей, определяющей перспективы, мере предупреждения коррупционной преступности. В рамках системы образования происходит становление и воспитание личности, возникают жизненные принципы, в том числе, определяющие отношения молодого гражданина страны к фактам проявления коррупции.

Коррупция уже проникла в систему образования, причины которой кроются, прежде всего: в слабом финансировании образовательных учреждений, низкой оплате труда преподавателей; в введении системы коммерции в высших образовательных учреждениях, что приводит к подмене нравственных и профессиональных целей образования на материальные; обучение в ВУЗах, на сегодняшнее время, является предоставлением образовательных услуг, что заметно сказывается на качестве обучения и образования.

В Ленинградском областном филиале Санкт-Петербурга университета МВД России систематически и целенаправленно провидятся мероприятия по правовому воспитанию курсантов и слушателей и формированию нетерпимости коррупционного поведения.

Сотрудники и работники Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России уделяют много времени, сил и для формирования у курсантов и слушателей учебного заведения государственно-патриотического мировоззрения, нетерпимости к проявлениям фактов коррупции и коррупционного поведения [3]. И в этом направлении деятельности проводится вдумчивая и хорошо спланированная работа, в том числе и силами преподавателей-кураторов учебных взводов Филиала.

В Ленинградском областном филиале Санкт-Петербургского университета МВД России уделяется самое пристальное внимание организации мероприятий по формирования антикоррупционного поведения курсантов и слушателей.

Отметим, что очень важную работу в этом направлении своей деятельности осуществляют преподаватели-кураторы учебного заведения.

Следует подчеркнуть, что преподаватели кураторы назначаются Приказом начальника Филиала из числа наиболее опытных и квалифицированных педагогов учебного заведения, которые имеют не только профильное образование, но также и педагогическое и психологического образование [1, с. 64].

Говоря о конкретных мероприятиях, следует отметить, прежде всего, профилактические мероприятия, проводимые сотрудниками и работниками Филиала, в рамках формирования антикоррупционного поведения обучающихся. Прежде всего, это профилактически беседы, проводимые сотрудниками факультета Филиала, силами профессорско-преподавательского состава учебного заведения, преподавателями-кураторами [2, с. 243]. В плане работы преподавателей-кураторов в декабре месяце запланировано проведение мероприятий, приуроченных к Международному Дню борьбы с коррупцией.

Кроме того, курсанты и слушатели Филиала принимают самое активное участие в научно-представительских мероприятиях антикоррупционной направленности, проводимые в Санкт-Петербургском университете МВД России. Прежде всего, это очное участие и выступление с докладами, сообщениями и презентациями в ставшей уже ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы противодействия коррупции в современных условиях», которая проводится в начале декабря и приурочена к Международному Дню борьбы с коррупцией.

Участвуют курсанты и слушатели Филиала и в научно-представительских мероприятиях, которые проводятся в других ведомственных в высших учебных заведениях нашего города. Нельзя не упомянуть успешное участие в работе Круглого стола, приуроченного к Международному Дню борьбы с коррупцией, который проводился в очном формате в Санкт-Петербургском университете Федеральной службы исполнения наказаний в г. Пушкин 9 февраля 2024 г. Курсанты и слушатели Филиала очень успешно выступили на мероприятии и завоевали несколько призовых мест в разных номинациях. Причем к участию в работе Круглого стола были привлечены не только курсанты старших курсов, но и первокурсники, которые зарекомендовали себя с самой лучшей стороны, подготовив интересные доклады и увлекательные презентации.

Нельзя не подчеркнуть и такого факта, что в план обучения Филиалв по направлению подготовки: 40.03.02. - Обеспечение законности и правопорядка (профиль образовательной программы: оперативно-поисковая деятельность) введена учебная дисциплина «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел», рамках которой изучаются вопросы, касающиеся криминологической характеристики и предупреждения преступлений коррупционной направленности; законности, дисциплины и мер ответственности на государственной службе в органах внутренних дел Российской Федерации; уголовно-правовой характеристики коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками и работниками ОВД; формированию антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел; криминалистической

характеристики коррупционных преступлений, тактико-методических основ формирования антикоррупционного алгоритма действий сотрудников ОВД; выявлению и раскрытию коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками ОВД.

В рамках нашей статьи мы не могли не затронуть и болевую точку многих наших коллег, из числа профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области за последние несколько лет буквально прогремели коррупционные скандалы с участием профессорско-преподавательского состава таких вузов как Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, в котором несколько работников из числа профессорско-преподавательского состава и даже руководитель структурного подразделения университета были привлечены к уголовной ответственности за коррупционные преступления. Не минула чаша сия и работников Санкт-Петербургского государственного Педиатрического медицинского университета, а также Государственного института экономики, финансов, права и технологий в г. Гатчина Ленинградской области, где по подозрению в совершении коррупционных правонарушений были заподозрены ряд должностных лиц вуза, включая проректора, который был задержан.

Убеждены, что для исключения распространения коррупции образовательных заведениях, необходимо:

– улучшить финансирование государственных образовательных учреждений;

– значительно сократить создание коммерческих факультетов, особенно на профилях, которые готовят будущих специалистов для государственной и муниципальной службы;

– поднять заработную плату преподавателям, которые непосредственно принимают участие в обучении и формировании профессиональных навыков студентов.

Вне всякого сомнения, важным результатом, совершенствования системы образования и искоренения коррупции, будет появление нравственного и высокопрофессионального поколения специалистов, чиновников, предпринимателей и сотрудников правоохранительных органов, которые в масштабах своей профессиональной деятельности смогут повлиять на распространение коррупции и значительно снизить уровень коррупционной преступности.

Список литературы:

1. Гаврилова О.В., Лантух Э.В., Лункин А.Н., Смольяков А.А. Особенности организации работы преподавателей-кураторов в Ленинградском областном филиале Санкт-Петербургского университета МВД России в постпандемийный период // Ученые Записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 4 (218). С. 63-67.

2. Носенков А.П. Актуальные вопросы патриотического воспитания курсантов и слушателей Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции «Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития». СПб.: СПбУ МВД России. 2022, С. 241-244.

3. Лантух Э.В., Гаврилова О.В. Актуальные вопросы организации работы преподавателей-кураторов по формированию государственно-патриотического мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей у курсантов и слушателей в ленинградском областном филиале санкт-петербургского университета МВД России. В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции «Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития». СПб.: СПбУ МВД России. 2025.

©Андреев С.П., 2025

Андрианова Варвара Дмитриевна,
слушатель факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Клишков Владимир Борисович,
доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РФ И ЕЕ СОСТОЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ состояния коррупционной преступности в Российской Федерации на современном этапе. Рассматриваются нормативно-правовая база и институциональная архитектура антикоррупционной политики, анализируется динамика и отраслево-региональная дифференциация коррупционных правонарушений, а также типовые формы и схемы их совершения. Использованы методы нормативно-правового анализа, статистический обзор, анализ судебной практики и междисциплинарные эмпирические подходы.

Ключевые слова: коррупционная преступность; коррупция; детерминанты; антикоррупционная политика.

В современной России коррупционная преступность остаётся одной из актуальных и обострённых проблем, вызывающих значительное общественное и правовое внимание. Согласно статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, коррупция определяется как злоупотребление должностным положением, получение взятки или совершение иных коррупционных правонарушений, что подрывает основы управленческой деятельности и доверие населения к представителям власти [1].

Действующие нормативные акты России, такие как Федеральный закон «О противодействии коррупции» [2] и связанные с ним правовые акты, направлены на усиление борьбы с коррупцией на всех уровнях управления. Особенностью текущего этапа является активизация правоприменительной практики, нацеленной на ужесточение ответственности за коррупционные деяния с учетом всех аспектов организационно-правового регулирования данной сферы. Однако, несмотря на принимаемые меры, проблема коррупции по-прежнему требует комплексного подхода и постоянного анализа её состояния и тенденций развития.

Коррупционная преступность в Российской Федерации характеризуется как системная угроза общественной и государственной безопасности, затрагивающая множество аспектов социально-экономических и правовых отношений. Для анализа данной проблематики целесообразно определить основные понятия, заложенные в нормативно-правовой базе РФ.

Важно отметить, что коррупционная деятельность не ограничивается только уголовно-наказуемыми действиями, она также включает в себя широкий свод административных нарушений, раскрытых в КоАП РФ [3].

Для результативного осмысления явления коррупции ключевым становится понимание принципов, на которых базируется данная категория, включая такие критерии, как публичность, законность и обязанность. Первый критерий подразумевает обеспечение доступности информации о действиях госорганов и должностных лиц. Принцип законности подчеркивает необходимость строгого соблюдения закона и установленных правил поведения при выполнении служебных функций. Наконец, обязанность заключается в наличии юридически закрепленного требования к лицам, наделенным государственной или муниципальной властью, исключать личные интересы из профессиональной деятельности.

Необходимо учитывать, что коррупционная деятельность склонна к эволюции, подстраиваясь под изменяющиеся социальные нормы и законодательные трансформации, что, в свою очередь, обуславливает постоянную потребность в адаптации правовой базы и совершенствовании правоприменительной практики.

Развитие антикоррупционного законодательства в России началось с принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Этот закон стал краеугольным камнем в правовой системе борьбы с коррупционной деятельностью, определив основные понятия, принципы и направления государственной антикоррупционной политики. Закон установил общие организационные и правовые основы для противодействия коррупции, включая создание специализированных органов контроля и надзора.

Одним из значимых аспектов Федерального закона № 273-ФЗ является введение комплекса мер по предотвращению коррупции, включая обязанности государственных и муниципальных служащих по соблюдению ограничений и запретов, установленных в целях исключения конфликта интересов. Также закон акцентировал внимание на необходимости прозрачности действий органов власти и механизмах обеспечения их контроля со стороны общественности.

Анализ статистических данных о коррупционной преступности в Российской Федерации выявляет определённые тенденции, которые отражают качество принятых мер правового и организационного характера, направленных на борьбу с коррупцией.

В то же время, несмотря на заметные усилия по борьбе с коррупцией, анализ показывает, что проблема остаётся актуальной и требует дальнейшего углубления заходов, как в плане законодательства, так и в плане его исполнения. Особенно значимым остается вопрос повышения прозрачности действий органов власти и усиление ответственности за злоупотребления в экономической сфере.

Помимо прямых мер, таких как уголовное преследование, важную роль играют профилактические и образовательные программы, направленные на формирование неприятия коррупции в обществе. Изменение общественного сознания, наряду с законодательной работой, представляется одной из ключевых стратегий в рамках долгосрочной борьбы с коррупцией.

В контексте статистического анализа также следует отметить, что количе-

ство фактически выявленных случаев коррупции не всегда коррелирует с реальным уровнем коррупционных нарушений, поскольку многие дела остаются незарегистрированными или не раскрываются. Это обстоятельство вносит определённые сложности в оценку антикоррупционной политики и требует постоянного совершенствования методов детекции и расследования.

Таким образом, статистика коррупционной преступности в РФ является индикатором существующих проблем. Для повышения точности статистических данных и анализа динамики коррупции необходимо улучшение методологии сбора, обработки информации и межведомственного взаимодействия.

Коррупционную преступность можно условно разделить на две формы: – непосредственная:

- злоупотребление должностными полномочиями (при наличии корыстной заинтересованности), незаконное участие в предпринимательской деятельности, взяточничество, злоупотребление полномочиями (при наличии корыстной заинтересованности), коммерческий подкуп, оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, соединенные с подкупом, подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи им ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика в целях осуществления им неправильного перевода;

- опосредованная: преступления, которые могут рассматриваться как коррупционные только в совокупности с преступлениями первой группы. Например, преступление, предусмотренное ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», будет считаться коррупционным деянием в том случае, если прокурор, следователь или дознаватель получили взятку за незаконное освобождение от уголовной ответственности подозреваемого (обвиняемого) [4].

Современная ситуация с коррупцией в Российской Федерации представляет собой сложное сочетание средств организационного, экономического и законодательного регулирования в стремлении минимизировать данное антисоциальное явление. Главными признаками коррупции являются злоупотребление служебным положением, предоставление или получение взяток, а также иные формы противоправного использования официального положения в личных или групповых интересах. Уголовный кодекс Российской Федерации описывает коррупционную преступность через ряд специфических составов преступлений, таких как мошенничество, превышение должностных полномочий, получение и дача взятки.

Важным аспектом, обуславливающим распространённость коррупционных проявлений в Российской Федерации, является централизованное характер распределения финансовых и материальных ресурсов в экономике страны. Бюджетно-финансовая система России характеризуется высокой концентрацией управленческих функций, что создаёт условия для злоупотреблений и манипуляций на верхних эшелонах власти. Это, в свою очередь, стимулирует формирова-

ние неформальных сетей взаимной поддержки и обмена преференциями, что существенно затрудняет борьбу с коррупцией [5].

Другой значимый фактор, предопределяющий устойчивость коррупционных механизмов, заключается в несовершенстве правоприменительной практики. Несмотря на наличие законодательной базы, реализация этих нормативных актов часто сталкивается с объективными сложностями в части их исполнения из-за недостаточной квалификации, ограниченных ресурсов или коррупционных связей самих правоохранительных органов.

Образование стабильных негативных ожиданий относительно изменений в ситуации с коррупцией также играет свою роль. Представления о неизбежности коррупции, как о сложившейся системной особенности российского управления, ведет к пассивности граждан и бизнеса в вопросах её противодействия.

Принятие поправок к законодательству, направленные на ужесточение ответственности за коррупционные преступления, и усиление контроля за деятельностью государственных служащих, включая обязательность декларирования доходов и имущества, направлены на повышение прозрачности и открытости властных структур. Кроме того, регулярно проводимые антикоррупционные компании, освещение коррупционных скандалов в средствах массовой информации и разработка новых подходов к противодействию коррупции, таких как использование информационных технологий для отслеживания и анализа государственных закупок, способны постепенно изменить текущую ситуацию.

Таким образом, коррупция в Российской Федерации представляет собой многоуровневую и многогранную проблему, требующую комплексного подхода включая законодательные, административные, образовательные и культурные меры. Изменение общественного сознания и статуса коррупции как социального зла, воплощённое в широкомасштабные и последовательные инициативы, может стать ключом к разрешению данной проблемы на национальном уровне.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. - Москва: Эксмо, 2017. - 350 с. - (Актуальное законодательство). - ISBN 978-5-04-004029-2. - Текст : непосредственный.

2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. №195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : [ред. от 2 авг. 2019 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — №1.

4. Квалификация и предупреждение посредничества во взяточничестве: учебное пособие / Н. В. Голубых [и др.] ; ред. Н. В. Голубых. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2019. – 44 с.

5. Осипов, М. Ю. Противодействие коррупции: учебное пособие [Электронный ресурс] / М. Ю. Осипов. – Тула: Институт законоведения и управления ВПА, 2019. – 130 с. // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. – URL: http://www.iprbookshop. ru/85911.html. – ЭБС «IPRbooks».

© Андрианова В.Д., 2025

Анненкова Елена Владимировна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Клишков Владимир Бориосвич,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СТРУКТУРА МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

Аннотация: актуальность выбранной темы обусловлена достаточно высоким уровнем коррупционных проявлений в сфере социального обеспечения посредствам использования мошенничества. Данные преступления имеют достаточно высокую латентность, в связи с тем, что положение субъектов преступления является служебным. Также рост преступлений в сфере социального обеспечения с использованием служебного положения ведет к росту недоверия граждан к государственным органам, что в целом ведет к недоверию власти в целом.

Ключевые слова: механизм совершения преступления, преступная деятельность, преступное поведение, мошенничество при получении выплат, девиантное поведение, социальные выплаты, служебное положение.

Учитывая развивающуюся экономическую и социальную сферу жизни государства и общества, человек, живущий в социуме вынужден адаптироваться к тем условиям, которые в нем складываются. Нередко адаптация к новым условиям жизни приводит к наличию факторов деструктивного характера, которые негативно воздействуют на человека, побуждая таким образом на возникновение мотиваций к совершению противоправных деяний. Система социального обеспечения в настоящий момент находится на таком уровне развития, где меры государственной поддержки реализуются в адрес каждого гражданина при условии документального подтверждения этого права согласно действующего законодательства. В результате чего появление новых мер государственной поддержки порождают тенденцию к росту совершения преступлений мошеннического характера при получении социальных выплат. Кроме того, происходит увеличение количества мошеннических схем, которые создаются и внедряются в действие лицами при исполнении служебного положения, в связи с более глубокой осведомленностью с действующим законодательством и определенными познаниями в административной деятельности, знание которых способствует реализации преступных мотивов..

“Учитывая важную роль семьи в развитии государства и общества”[1], преследуя цели “популяризации государственной политики в сфере защиты семьи,

сохранения традиционных семейных ценностей”[2], “признавая подвиг участников специальной военной операции”[3], а также другие факторы, влияющие на необходимость развития мер государственной поддержки, сфера социального обеспечения стала достаточно привлекательной для лиц, склонных к совершению преступлений, включая тех, кто совершает данные преступления с использованием служебного положения.

Преступная деятельность - это деятельность лица, обусловленная воздействием внешних факторов окружающей среды и выражающаяся в совершении деяний, запрещенных настоящим законодательством под угрозой наказания. Преступная деятельность согласно мнению М.П. Клейменова имеет достаточно четкий механизм, который выражается во внутренней мотивации лица, планировании совершения противоправных действий, непосредственного совершения преступления, сокрытия следов совершения преступления, при этом одним из важных является “формирование криминогенных качеств личности в процесса социализации” [4, с. 99]. Если же руководствоваться подходом к данному вопросу В.Н. Кудрявцева [5, с. 220], то механизмом совершения преступления будет являться мотивация, подготовка и совершение преступления определенной личностью, обладающей в связи с изложенным определенным девиантным поведением и находящейся под воздействием определенных внешних и внутренних факторов, детерминирующих преступное поведение. К данной схеме механизма совершения преступления А.И. Долгова вводит блок “посткриминальное поведение” [6, с. 72], что справедливо является значимым, в связи с тем, что данное поведение выражается в анализе лица, совершившего преступление, своих действий, распоряжением тем, что было им получено в результате совершения преступления, а также сокрытие следов преступления.

Если же говорить о преступном поведении, как о составляющей механизма преступной деятельности, то это будет внешне воспринимаемой деятельностью лица, при этом сопровождаемая намерением совершить противоправное деяние, так как “поведение - это внешне наблюдаемая форма проявления деятельности” [4, с. 98]. Термин “преступная деятельность” “в отличие от словосочетания “преступное поведение” в личностном аспекте может отражать не только наличие определенных преступных деяний, но и целенаправленный поиск личностью социальных позиций, условий для реализации замыслов, развитие в процессе самовоспитания качеств, важных именно для данной преступной деятельности...” [7, с. 95]

Анализируя преступное поведение лица, совершившего мошенничество при получении выплат с использованием служебного положения в первую очередь, речь должна идти о том, что данное преступление является умышленным, что в некоторой степени изменяет привычный механизм преступной деятельности. “Механизм умышленного преступления обычно включает три основных звена: мотивацию преступления, планирование преступных действий; их реализацию” [8, с. 180].

Возникновение мотива к совершению противоправной деятельности лицами с использованием своего служебного положения чаще всего обусловлено воздействием внешних экономических, социальных, психологических, правовых

криминогенных факторов. Однако мотивация к совершению мошенничества при получении выплат также складывается из комплекса влияющих на субъект факторов, в которые могут входить, и внутренние психологические побуждения. Мотивами, которыми руководствуется лицо, совершающее мошенничество при получении выплат с использованием своего положения, являются желание улучшения материального положения, накопления, зависть, необходимость достичь в материальном плане большего, чем другие лица, однако также есть и мотивы альтруистического характера, согласно которым лицо желает показать свое снисхождение, оказать посильную помощь. Мотивация однозначно является тесно связанной с внешними криминогенными факторами, влияющими на человека, но мотивация является также и результатам влияния данных криминогенных факторов на внутренние процессы человека и как итог может детерминировать преступное поведение лица. Некоторые субъективные суждения человека о тех или иных сложившихся в его жизни обстоятельствах, могут некорректно формулировать его намерения, что в свою очередь не дает в психологическом смысле возможности принятия рационального решения, которое не будет нести за собой наказания в соответствии с действующим законодательством.

Планирование преступной деятельности “начинается с определения субъектом своих целей, предполагает выбор им объектов своей деятельности, а также средств достижения намеченной цели...прогнозируются последствия поступка” [5, с. 35]. Коррупционные преступления прежде всего интересны тем, что основными субъектами данных преступлений являются лица образованные, имеющие определенные деловые навыки, обладающие в большей части аналитическим складом ума, а следовательно, способные достаточно точно спланировать свои дальнейшие противоправные действия и максимально исключить вероятность наступления негативных последствий для себя.

Последним этапом механизма совершения умышленного преступления является совершение преступления. Именно на данной стадии особенно важно понять по какой причине мотивы, планирование и желание достижения конкретной, в рассматриваемом случае чаще всего корыстной цели, привели именно к совершению преступления. Мотив и цель, могли и не привести к совершению преступления, а вот некоторые методы, которыми могло воспользоваться лицо, имеющее намерение достичь целей, могли сделать поведение лица преступным. Предоставление заведомо ложных сведений, наделяющих лицо правом получения определенной выплаты, будь то пособие или же субсидия, в данном случае и является тем самым методом достижения цели и началом преступного поведения.

Также одно из важной из важных позиций криминологией наделен анализ личности совершившей преступление. “Социальный статус криминогенной личности открывает перед ней соответствующие криминальные возможности. Это происходит, в частности, тогда, когда представитель власти начинает рассматривать свою должность как “доходное место” [4, с. 102]. Для коррупционных преступлений социальны статус - важная составляющая, характеризующая личность преступника, так как “личность коррупционера отличается от личности законо-

послушного гражданина негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников" [9, с. 202]. Характеристика лица, совершившего преступление с использованием своего служебного положения и правда зачастую отличается тем, что лицом, совершившим данное преступление является человек имеющий высшее образование, отличающийся неоспоримыми деловыми качествами, обладающий высоким уровнем работоспособности, наделенный уважением коллектива на рабочем месте, владеющий собственным устоявшимся взглядом и мнением. И что самое важно в рассматриваемой части вопроса - чаще всего этот человек, который основательно уверен в том, что наказание за совершенное деяние он не понесет.

"Криминальное сознание склонно к самооправданию и непризнанию собственной вины. Поэтому психическая самозащита и самооправдание являются неотъемлемым элементом механизма преступного поведения" [4, с. 102]. Данный аспект заслуживает своего внимания прежде всего по причине того, что большая часть лиц, совершающих мошенничество при получении выплат с использованием служебного положения занимают определенный социальный статус, что доказывает их психическую стабильность и твердость в принятии определенных значимых решений.

Основной вывод по итогам проведенного исследования достаточно логичен и состоит он в том, что механизм совершения мошенничества при получении выплат представляет собой достаточно структурированный комплекс, ведущих лицо, совершающего данного деяние к желаемому результату. Коррупционная составляющая мошенничества при получении выплат при использовании служебного положения свидетельствует о том, что в рассматриваемом виде преступления достаточно гармонично существует использование должностного положения с предоставлением заведомо ложных сведений о праве на получение мер и гарантий государственной социальной помощи. Для развития и динамического совершенствования мер противодействия мошенничеству при получении выплат с использованием служебного положения прежде всего необходим системный подход к сложившейся проблеме, который должен включать в себя повышение кадрового контроля, формирования антикоррупционной идеологии на уровне организаций, где возможны указанные преступные проявления, усиление финансового мониторинга и аудита, проведение которых на должном уровне будет останавливать предполагаемого субъекта преступления от его совершения в силу опасности быть изобличенным и привлеченным к уголовной ответственности. Конечно, на данный момент некоторая деморализация общества, отсутствие пролоббированной антикоррупционной идеологии, ставят под большой знак вопроса успех в борьбе с данного рода преступлениями.

В итоге, отсутствие должных и эффективных мер противодействия коррупционным преступлениям в сфере социальных выплат закономерно может привести к увеличению преступлений коррупционной направленности в данном направлении, а "увеличение частоты коррупционных действий приведет в конечном счете к тому, что государство окажется не в состоянии выполнять свои функции [10, с. 16].

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 14 июня 2007 г. № 761 “О проведении в Российской Федерации Года семьи” [Электронны ресурс] // ИПП Гарант.ру: сайт. - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6232229/ (дата обращения 20.10.2025).

2. Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 “О проведении в Российской Федерации Года семьи” [Электронны ресурс] // ИПП Гарант.ру: сайт. - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407952277/ (дата обращения 20.10.2025).

3. Указ Президента РФ от 16 января 2025 г. № 28 “О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества” [Электронный ресурс] // СПС “Консультант Плюс”: сайт. - URL: http://consultant.peter/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=496189&cacheid=421234534B4156F94C0BD4A5128D278B&mode=splus&rnd=YBqVzw#AsSLA2V3lICYXkPN (дата обращения 23.10.2025).

4. Криминология: учебник/ М.П. Клейменов. - 3 -е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма : ИНФРА-М, 2023. - 400 с.

5. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие / В.Н. Кудрявцев. - Репр. изд. - Москва: Норма: ИНФРВ-М, 2025. - 220 с.

6. Криминология:учебник/ под общ. ред. А.И. Долговой. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. - 1008 с.

7. Личность организованного преступника:криминологическое исследование: монография / под ред. А.И.Долговой. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 368 с.

8. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009. - 800 с.

9. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография/Ю.М. Антонян, В.Е.Эминов. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. - 368 с

10. Космачева А.М. Экономические основы криминального поведения: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2005.

© Анненкова Е.В., 2025

Артемьева Алёна Сергеевна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Юзиханова Эльвира Гумеровна,
начальник кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БИОМЕТРИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ БОРЬБЫ

Аннотация: в статье рассматривается коррупционная преступность как угроза криминологической безопасности, анализируется сложность и многогранность коррупции как социального явления, приводятся аргументы в пользу общегосударственного, межинституционального и междисциплинарного подхода на пути к ее искоренению. На уровне уголовно-правовой политики автором приводятся биометрические способы профилактики коррупционных преступлений в виде биометрической аутентификации и внедрения биометрических документов, а также возможности использования поведенческой биометрии в борьбе с коррупцией в цифровом пространстве.

Ключевые слова: коррупция; криминологическая безопасность, профилактика, угрозы, цифровое пространство, биометрические персональные данные.

Область коррупции обширна, ее природа социальна, поэтому на разных исторических этапах коррупционные явления пронизывали различные уровни общественного взаимодействия, преимущественно складывающегося по поводу властных полномочий, должностных обязанностей и торговых обязательств. В начале было человеческое качество, затем экономико-правовые последствия. Такой тезис породили размышления о сущности коррупционного поведения и его мотивах. Традиционный подход к исследованию коррупции ставит главным мотивом этого асоциального явления выгоду за общественный счет [1]. Сторонники рыночного подхода относят коррупцию к транзакционным издержкам в рамках нормального социального обмена [2]. Ревизионисты видят причину в нищете и бедности, отводя коррупции роль болезни развивающихся стран [3]. Среди факторов, детерминирующих коррупцию, всегда найдется место несовершенству административного устройства, социальной политики, формы ведения хозяйственно-экономической деятельности, пробелам в законодательстве, уровню правового воспитания и т.д. Однако, данные факторы в исторической ретроспективе претерпевают изменения, порой весьма кардинальные, а явление продолжает жить, адаптируя свои формы под предлагаемые рамки. Это свидетельствует о том, что причинно-следственная связь выглядит не так, как представляется нам в бюрократическом свете экономико-правового поля.

Во-первых, коррупционные преступления противоречат общественно-государственным интересам, а что касается интересов личности - они их удовлетворяют. Следовательно, и профилактические меры должны быть направлены на трансформацию интересов личности, что может быть достигнуто посредством комплексной работы государственных институтов и ведомств на всех уровнях по идеолого-нравственному воспитанию и просвещению. Достаточно обратиться к опыту советского периода, когда количество коррупционных проявлений в стране было минимизировано. Также стоит учитывать, что рыночная экономика способствует легитимизации коррупционных проявлений, а значит государство, развивающееся в условиях рынка, для сохранения внутренней стабильности вынуждено подкреплять методы убеждения методами воздействия через увеличение ответственности, предусмотренной за совершение коррупционных преступлений таким образом, чтобы наказание, при соблюдении принципа соразмерности содеянному, удерживало от совершения преступления. Применительно к коррупционной преступности это возможно, если учитывать всю сложность, многогранность этого явления, степень и характер общественной опасности, включая угрозу наступления более тяжких последствий.

Во-вторых, разрабатывая меры предупреждения, утверждая ежегодные планы по противодействию коррупции принято исходить из законодательно закрепленного описания этого явления как злоупотребления служебным положением, дачи взятки, получения взятки, злоупотребления полномочиями, коммерческого подкупа либо иного незаконного использования физическим лицом его должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконного предоставления такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершения такого деяния от имени или в интересах юридического лица [4]. Ограничиваясь юридическим зрением на черным по белому уголовно-запрещенное деяние, состоящее в фактах вышеизложенных, мы упускаем из внимания целый спектр негативных последствий, угрожающих национальной безопасности, которые может повлечь за собой коррупция. Например:

- незаконный оборот оружия;
- незаконные митинги, демонстрации и массовые беспорядки;
- рост преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ;
- терроризм;
- вооруженный конфликт;
- эпидемия;
- спад демографии
- и др.

Коррупция, длительное время носящая латентный характер и проявляющаяся в несвязанных между собой на первый взгляд фактах взяточничества, коммерческого подкупа и др., может оказаться предвестником необратимых событий, угрожающих суверенитету государства, целостности границ, здоровью

нации и т.д. Большинство из возможных негативных сценариев носят криминогенный характер, чем обусловлена необходимость обращения с коррупционными проявлениями как с угрозой криминологической безопасности. Такой подход позволит сконцентрировать усилия по противодействию коррупции на защите личности, общества и государства от коррупционных посягательств и их последствий как национальной цели, не ограничиваясь разрешением проблемы как отдельного вида преступлений, а работая с явлением в целом. В этом отношении И.А. Дамм предлагает альтернативу устоявшимся подходам к воздействию на коррупционную преступность в виде нового научного знания, способного интегрировать все разноотраслевые исследования в единую систематизированную область - антикоррупционная криминологическая безопасность [5].

Комплексные меры по противодействию коррупции предусмотрены сегодня законодательством в рамках единой государственной антикоррупционной политики, однако работа ведущаяся в этом направлении требует глубокого переосмысления и актуализации, как например исполнение п. 15 ст. 7 Федерального закона "О противодействии коррупции", предписывающего "повышение уровня оплаты труда и социальной защищенности государственных и муниципальных служащих" в качестве направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции. То же касается реализации таких полезных на наш взгляд пунктов как: приоритетное применение мер по предупреждению коррупции; формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов; минимизация и ликвидация последствий коррупционных правонарушений - практика осуществления этой деятельности требует детального исследования на предмет эффективности и перемещения центра тяжести с формально-лозунгового и отчетно-отписного подхода к деятельному.

Пока же не найдено механизма глубинного и всестороннего воздействия на корни этого асоциального явления, предлагаем рассмотреть способы борьбы с проявлениями коррупции в рамках технологий, отвечающих тенденциям развития современных общественных отношений.

На сегодняшний день весь спектр горизонталей и вертикалей взаимодействия между гражданами, государством и бизнесом, а также системами здравоохранения, образования, спорта, культуры и т.д. активно переходит в цифровое пространство, где дистанционно подписываются договоры, заключаются сделки и производятся транзакции денежных средств. С одной стороны такая трансформация общественных отношений требует от уполномоченных органов методического обновления и технического переоснащения деятельности по противодействию коррупции, а с другой стороны делает эти отношения прозрачными для выявления фактов взяточничества, злоупотребления, подкупа, отмывания средств и фальсификации документов, совершаемых с помощью электронных каналов связи, цифровых подписей, банковских приложений, криптовалют и других инструментов информационно-коммуникационных технологий. Отследить незаконные операции и своевременно идентифицировать пользователей помогут биометрические персональные данные. Биометрия при этом может выступать и в качестве способа профилактики коррупционных проявлений,

и оказывать помощь в борьбе с коррупцией на этапе выявления, пресечения, раскрытия и расследования коррупционных правонарушений.

Так в профилактических целях банковским сектором может быть установлен лимит по совершению транзакций без прохождения процедуры биометрической аутентификации с занесением сведений в Единую биометрическую систему:

- на сумму, превышающую определенную цифру;
- на операции, связанные с выполнением госзакупок и гособоронзаказа;
- на перевод денежных средств за границу лицами, состоящими на государственной и муниципальной службе и их близкими родственниками, лицами, выступающими одной из сторон по договору о госзакупках и гособоронзаказе, лицами, занимающими высшие руководящие должности в учреждениях здравоохранения, образования, культуры и спорта, а также промышленных объектов федерального значения и их близкими родственниками.

Переход на биометрические документы, как, например, загранпаспорт нового образца, может явиться эффективным препятствием к совершению коррупционного правонарушения или сокрытию его следов. Перевод паспорта гражданина Российской Федерации в биометрический формат, учитывая привязку к документу симкарт, послужил бы масштабной профилактической мерой в противодействии не только коррупции, но преступности в целом. Авторы исследований наряду со специалистами в области документооборота давно видят в реформировании государством сферы создания, использования и защиты биометрических документов, как элемента противодействия коррупции, системную и долгосрочную задачу, итогом которой должен стать перевод на электронную основу всех удостоверяющих личность документов с занесением в них биометрических параметров личности [6].

Кроме изображения лица, отпечатков пальцев и записи голоса в противодействии коррупции на этапе выявления, пресечения, раскрытия и расследования коррупционных преступлений, совершенных с использованием ИКТ, может использоваться поведенческая биометрия, в частности клавиатурный почерк, включая управление мышью или тачпадом. Сегодня учеными отмечаются нерешенные проблемы технического характера в оценке результатов идентификации, проводимой посредством исследования параметров клавиатурного почерка [7]. Однако, перспективы применения этого вида поведенческой биометрии в обеспечении антикоррупционной криминологической безопасности в цифровом пространстве представляются успешными в долгосрочной перспективе.

Таким образом, биометрические персональные данные, благодаря своей уникальности, а также способности к цифровому отображению и считыванию, являются эффективным средством борьбы с коррупционной преступностью в современном мире, которая наряду с нормальными социальными процессами взаимодействия переходит в бесконтактное цифровое пространство. Однако, возвращаясь к вышеизложенному, отметим, что искоренить коррупцию, действуя только в рамках уголовно-правовой политики со всем ее инструментарием по противодействию этому явлению, не представляется возможным ввиду многослойности содержания самого феномена коррупции, причин и условий,

его детерминиующих, масштабов и необратимости последствий. Борьба с коррупцией, как угрозой национальной безопасности, и криминологической в частности, носит общегосударственный, межинституциональный и междисциплинарный характер.

Список литературы:

1. Friedrich C.J. The pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy and Propaganda/ C.J. Friedrich. – N. Y.: Harper&Row, 1972. P. 187.

2. Роуз–Аккерман, С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы / С. Роуз–Аккерман; пер. с англ. О. А. Алякринского. – Москва: Логос, 2003 – XII. 343 с.

3. Abueva J.V. The Contribution of Nepotism, Spoils and Graft to Political Development / J.V. Abueva // East–West Center Review, 1996 –№ 3 – P. 45–54.

4. Федеральный закон "О противодействии коррупции" от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Дамм Ирина Александровна. "Основные элементы системы теории антикоррупционной криминологической безопасности" Всероссийский криминологический журнал, Т. 18, № 6, 2024, С. 591-601. doi:10.17150/2500-4255.2024.18(6).591-601.

6. Фахреева Диляра Рамилевна, Фахреев Наиль Насихович Биометрический документ как элемент противодействия коррупции // Наука, техника и образование. 2016. №3 (21), С. 207-208.

7. Артюшина Л.А., Троицкая Е.А. Некоторые подходы к оценке информативности параметров идентификации пользователя по клавиатурному почерку на основе поведенческой биометрии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника». 2022. Т. 22, № 3. С. 30-38. DOI: 10Л4529/йсг220303.

© Артемьева А.С., 2025

Байдакова Елена Юрьевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского университета МВД России

ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ФОРМИРОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация: в статье автор рассматривает само понятие личности и влияние личности преподавателя на развитие и формирование правового поведения и правосознания обучающихся в рамках их будущей профессиональной деятельности в правоохранительной сфере. Рассматриваются аспекты, связанные с гармоничным личностным развитием как обучающихся, так и самого преподавателя, а именно, духовных, интеллектуальных и моральных компонентов, которые способствуют формированию антикоррупционного поведения.

Ключевые слова: развитие личности; антикоррупционный; правовое сознание; правовое поведение.

Понятия «развитие» и «личность» в педагогическом и психологическом аспектах всегда рассматриваются как взаимосвязанные компоненты. Развитие с этой точки зрения является непрерывным процессом качественных и количественных изменений характеристик человека. Понятие «личность» достаточно многогранно. Российский ученый А.С. Арсеньев считает человека личностью тогда, когда он обладает «бесконечной внутренней свободой, самостоятельностью суждений», ответственностью за собственные действия и «столь же бесконечной, нравственной ответственностью за результаты использования этой свободы». Пожалуй, наверное, нет ни одной области научных знаний, где бы ни рассматривалась роль личности и влияние ее на сферы деятельности. В человеке с рождения заложены индивидуальные особенности, но изменения под влиянием социума, воспитания, образования и других жизненных факторов и, соответственно, формирование личности происходит на протяжении всей его жизни. Как сказано одним из наших выдающихся классиков В.Г. Белинским: «Никакой человек в мире не родится готовым, то есть вполне сформировавшимся, но всякая жизнь его есть не что иное, как беспрерывно движущееся развитие, беспрестанное формирование».

Современная педагогика выделяет несколько важных компонентов развития личности, без которых процесс развития не будет эффективным. Это духовный, интеллектуальный, физический, моральный и социальный компоненты. Все компоненты образуют важную основу, единое целое, и ни один из них не может остаться без внимания. Автор статьи предлагает рассмотреть три компонента - духовный, интеллектуальный, моральный – которые составляют ядро образовательного и воспитательного процессов развития личности, и которые являются «инструментами» для формирования антикоррупционного мировоззрения обучающихся.

Под духовным компонентом подразумевается не только внутренний поиск себя, направленный на осознание своих ценностей и смысла жизни, и стремление к гармоничному поведению сообразно своим убеждениям, но и духовный компонент правосознания, который выражается в отношении к существующим законам и правам в обществе.

Интеллектуальный компонент подразумевает развитие когнитивных навыков и умений, эмоционального интеллекта, который включает в себя коммуникативные навыки, мотивацию, самосознание и саморегуляцию, критическое и творческое мышление.

Моральным компонентом развития личности является нравственная сфера человека, заложенная в различные периоды жизни путем постижения и освоения окружающей действительности через осознание, эмоциональное принятие и реализацию посредством взаимодействия и коммуникации.

Образование и воспитание личности во время обучения в высших образовательных организациях МВД носят особый направленный характер, а именно: на основе духовного, интеллектуального, морального компонентов личности, сформировавшихся под влиянием семейного воспитания и социального воздействия школьной среды, именно в период дальнейшего образования закладываются и произрастают основные профессиональные качества будущего специалиста.

Как точно сказано одним из выдающихся русских писателей Я.Б. Княжниным, что юность – это «весеннее время человека, в которое засеваются семена на будущие годы жизни». Влияние личности преподавателя на молодого человека очень значимо с этой точки зрения. Преподаватель дает не только знания, но и является примером социального поведения и «духовным ставленником», определяющим дальнейшую модель поведения и служения обществу. Развитие в молодом человеке таких элементов правосознания как правовая психология и правовая мораль крайне важно для будущего сотрудника правоохранительных органов.

На основе ряда наблюдений и последующих выводов можно уверенно сказать, что обучающиеся на начальном этапе обучения находятся в поиске не только новых знаний и опыта, но и стремятся самоопределиться личностно, социально, профессионально. В зависимости от того, насколько преподаватель или наставник сам является целостной личностью, нередко зависит и развитие личностных компонентов обучающихся. С одной стороны, некоторые преподаватели и наставники, имея за плечами богатый опыт воспитания будущих сотрудников полиции, и не смотря на это, формируют шаблонные формы и методы профессиональной деятельности. У таких преподавателей чаще всего снижается способность к восприятию новых методов в работе, творческая мотивация, желание профессионального развития. Это может быть связано с неудовлетворенностью своей деятельностью и профессиональным выгоранием, а также излишней самоуверенностью относительно своей профессиональной компетенции. Такое поведение преподавателя может привести к снижению интереса обучающихся к получению профессиональных

потребностей, таких как опыт и знание. С другой стороны, на профессиональное самоопределение обучающихся влияют внешние факторы, а в процессе получения образования - правовое поведение преподавателя или наставника.

В настоящее время, в связи с ростом видов и форм коррупционных преступлений, все острее встает вопрос о воспитании антикоррупционного поведения у детей и молодежи, которое стараются заложить еще в период школьного обучения. В рамках получения юридического образования воспитание антикоррупционного правового сознания обучающихся становиться главной целью образовательной организации, а значит каждого ее сотрудника. Преподаватель, в рамках своей профессиональной деятельности, является одним из главных примеров правового воспитания и поведения в обществе, позволяющим развить антикоррупционное мировоззрение. Контроль и регулирование антикоррупционного поведения производится на основе Статьи 7 Федерального закона от 25.12.2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции», в котором предусмотрено установление единой системы запретов, ограничений и дозволений, которые позволяют обеспечивать предупреждение коррупции в соответствующих областях деятельности.

Задача преподавателя своевременно доносить соответствующие знания, передавать профессиональный опыт в разных аспектах научных областей и жизни, научить обучающихся осознавать сложности и специфику будущей профессиональной деятельности, различать и видеть тонкости социального поведения, учить сопротивляться вредному влиянию и пресекать противоправные поведение и действия. Верно сказано еще в 18 веке известным педагогом и просветителем Н.И.Новиковым, что «дети и молодые люди обыкновенно бывают внимательнейшими наблюдателями происходящего в их присутствии, нежели пожилые особы». Исходя из высказывания, мы можем пояснить таким образом, что даже опытный преподаватель порой не замечает или не придает значение тому, что могут подмечать или наблюдают со стороны его ученики. Следовательно, чтобы дать верные духовные, интеллектуальные, моральные ориентиры будущим сотрудникам правоохранительных органов, преподавателю необходимо помнить о саморазвитии, самовоспитании и самореализации в профессиональной сфере деятельности. Всегда быть личностью цельной и нравственной, потому что, как писал К.Д.Ушинский, «нравственная раздвоенность наставников, губительно действует на общество и подрастающее поколение».

Список литературы:

1. Трунцевский Ю.В. О содержании антикоррупционного стандарта поведения государственных и муниципальных служащих. Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. №32. С. 107-121. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=38568023.

2. Степанова Е.А. Роль педагога в формировании антикоррупционного мировоззрения обучающихся/Е.А. Степанова. – Текст: непосредственный // Педагогическое мастерство: материалы XXII междунар. науч. конф. (г. Казань, февраль 2022 г.). – Казань: Молодой ученый, 2022. – С. 43-46. – URL: http://moluch.ru/conf/ped/archive/417/16972.

© Байдакова Е.Ю., 2025

Баранникова Анастасия Михайловна,
слушатель факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Валькова Татьяна Владимировна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ СРЕДИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в настоящей статье исследуется проблема предупреждения коррупции среди следователей органов внутренних дел, рассматриваются причины возникновения данного явления, также анализируются механизмы противодействия и пути повышения эффективности мер профилактики и пресечения коррупции. Особое внимание уделяется роли профессиональной подготовки сотрудников, правовой ответственности, контролю и надзору за деятельностью следователей органов внутренних дел, также формированию антикоррупционной культуры и повышению уровня доверия населения к сотрудникам правоохранительных органов.

Ключевые слова: предупреждение коррупции; антикоррупционная политика; следователь; общественное доверие; правовая ответственность.

Коррупция в системе органов внутренних дел оказывает разрушительное воздействие на базовые основы функционирования государства, а прежде всего, они разрушают доверие общества к институтам правопорядка, подрывают легитимность власти и создают устойчивые препятствия для социально-экономического и правового развития страны. Отметим, что правоохранительные органы, наделённые значительными полномочиями и располагающие обширными возможностями доступа к информации оперативного характера, представляют собой зону повышенной коррупционной уязвимости, поэтому результативное формирование мер противодействия подобным проявлениям требует комплексного учёта действующей нормативной базы, международных стандартов, статистических показателей преступности и трансформаций коррупционных схем в условиях цифровизации и изменения характера коррупционных отношений.

Прежде, чем мы обратим внимание на проблемы предупреждения коррупции среди следователей в органах внутренних дел, определим, что же понимается под коррупцией в целом.

В юридической литературе выработано достаточно много подходов к определению рассматриваемого феномена. Например, профессор С.В. Максимов рассматривает коррупцию как использование публичными служащими, включая

депутатов и судей, а также работниками коммерческих и международных организаций предоставленных им должностных полномочий в целях незаконного получения материальных или нематериальных выгод, имущественных прав, услуг или льгот, а также предоставление таких выгод другим лицам.

На протяжении длительного времени в российском праве не существовало специализированного акта, закрепляющего нормативное определение этого явления, что объясняется его многоаспектным характером и проявлением не только в уголовно-правовой, но также в административной и гражданско-правовой плоскостях. Процесс законодательного закрепления понятия начался в 1992 г., когда в науке оформились два подхода: криминологический, интегрирующий правовые и социальные аспекты, и уголовно-правовой, ограничивающийся определёнными составами преступлений, однако комплексное осмысление коррупции потребовало анализа всех её элементов в их взаимосвязи, поэтому важным шагом стало принятие Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г., в котором в статье 1 впервые была зафиксирована единая дефиниция коррупции, ставшая ориентиром для правоприменительной практики [1].

Несмотря на наличие общего законодательного определения, коррупционные проявления в органах внутренних дел имеют собственную специфику, обусловленную ключевыми функциями полиции и других подразделений: охраной правопорядка, защитой прав и законных интересов граждан и организаций, привлечением правонарушителей к административной ответственности, раскрытием и расследованием преступлений. С учётом этих особенностей возникает необходимость более точного определения коррупции в органах внутренних дел. Так, О.В. Овчинникова характеризует коррупцию в правоохранительных органах как получение или вымогательство взятки, противоправное использование должностного положения для личного обогащения или незаконного предоставления преимуществ третьим лицам; А.В. Куракин, в свою очередь, обращает внимание на незаконном получении сотрудниками имущественных выгод через доверенных лиц либо прямым способом, а также на подкупе их со стороны частных и должностных лиц за определённые действия в сфере правоохранительной деятельности, однако в перечисленных определениях недостаточно отражён основной момент - статус сотрудника ОВД как представителя власти: ведь каждый из них наделён правом принимать юридически значимые решения от имени государства в отношении неограниченного круга лиц, что, конечно значительно повышает общественную опасность любых коррупционных действий [5, С. 58].

Кроме того, решающим фактором выступает мотивационная составляющая, так как основным побудительным стимулом становится личная выгода, стремление к незаконному обогащению или получению служебных преференций, что проявляется в сознательном нарушении установленных государством процедур и норм.

Отдельное внимание следует уделить проблеме высокой латентности коррупционных преступлений в ОВД. Специфика профессиональной деятельности сотрудников предполагает глубокое знание уголовного и уголовно-процессуального законодательства, криминалистических методов

и особенностей оперативной работы - перечисленные факторы повышают вероятность успешного сокрытия противоправных действий: руководители подразделений нередко сознательно избегают огласки подобных фактов, предпочитая увольнение подчинённых по «собственному желанию» без привлечения их к уголовной ответственности. Существенную роль играет и то, что коррупционные деяния нередко совершаются в отношении правонарушителей, которые по понятным причинам опасаются сообщать о противоправных действиях сотрудников полиции.

Таким образом, коррупция в ОВД представляет собой использование должностных полномочий, вытекающих из статуса представителя власти, для принятия юридически значимых решений вразрез с установленным законом порядком и в интересах личного обогащения или получения иных преимуществ.

Исследователи Ю.В. Трунцевский и Я.Г. Ищук указывают на недостаточную мотивацию сотрудников ОВД к реализации профилактических мер, что, в свою очередь, снижает эффективность всей антикоррупционной деятельности. Вместе с тем именно деятельность органов внутренних дел в этой сфере во многом определяет действенность правовой системы государства, уровень защиты прав и свобод личности, а также функционирование демократических институтов [6, С. 254].

В научной литературе обоснована позиция Л.К. Фазлиевой и К.А. Кирилловой, согласно которой успешное противодействие коррупции невозможно без налаженного взаимодействия между ОВД и гражданским обществом, которое должно охватывать сферы национальной безопасности, пенитенциарную систему, бюджетно-хозяйственные процессы и деятельность должностных лиц. Успешная правовая пропаганда, ориентированная на широкую аудиторию, способна существенно повысить прозрачность работы органов правопорядка. Соглашаясь с указанной позицией, считаем необходимым отметить, что сотрудники органов внутренних дел обязаны донести до граждан понятную информацию о раскрытых коррупционных преступлениях, способах задержания и видах наказаний, способствуя тем самым укреплению доверия и формированию нетерпимости общества к коррупции [7, С. 21].

Отметим, что коррупционная деятельность внутри следственных подразделений остаётся одной из наименее изученных сфер современной криминологии. Публикации в научных изданиях на эту тему крайне редки, основные сведения поступают из сообщений средств массовой информации, в которых периодически фиксируются случаи возбуждения уголовных дел в отношении бывших сотрудников следственных органов, - статистическая информация по этой категории преступлений ограничена и фрагментарна, что, конечно, затрудняет проведение эмпирического анализа.

Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2024 год количество зарегистрированных коррупционных преступлений увеличилось на 5,7% по сравнению с предыдущим годом, составив 38,5 тыс. случаев против 36,4 тыс. в 2023 году. Более половины выявленных преступлений связаны с получением или дачей взяток, доля которых выросла с 55,7% до 60,3%, при этом удельный вес мелкого взяточничества снижается: если

в 2017 году он составлял 48,2%, то к 2024 году уменьшился до 27%, что свидетельствует о смещении фокуса антикоррупционной деятельности правоохранительных органов с пресечения бытовых фактов получения незаконных вознаграждений на выявление сложных и масштабных схем, имеющих системный характер [2].

Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ подтверждают эту тенденцию. Так, в 2024 году за получение взяток в небольших размерах (до 10 тыс. руб.) осуждены 2 305 человек, а за получение крупных взяток - 1 633. Среди последних большую долю составляют представители судебной системы, прокуратуры и почти 500 сотрудников иных правоохранительных органов. Общее количество зафиксированных фактов получения взяток превысило 6,6 тыс., что более чем на 30% превышает аналогичный показатель 2023 года [3].

Как нами было уже выше отмечено, коррупционные правонарушения, совершаемые представителями органов внутренних дел, обладают повышенной скрытностью, следователи обладают профессиональными знаниями в сфере уголовного, процессуального и оперативно-розыскного законодательства, что позволяет им искусно маскировать противоправные действия, создавая видимость законной деятельности. Нередко они пользуются неформальной поддержкой руководства, что снижает вероятность привлечения к ответственности. В 2024 году за получение или дачу взяток были осуждены 1 914 человек (прирост на 14 % по сравнению с 2023 годом), за дачу взятки - 2 363 лица (увеличение на 10 %), среди них 117 сотрудников органов внутренних дел, что составляет около 6 % всех осуждённых по коррупционным статьям. Дополнительно 468 сотрудников были уволены за коррупционные правонарушения, из них 109 - по утрате доверия.

Выделим причины коррупции среди следователей:

- Отбор кандидатов в следственные подразделения остаётся недостаточно эффективным, ведь формализованный контроль биографических сведений и поверхностная психологическая диагностика не позволяют исключить из числа поступающих лиц с низкой мотивацией, неустойчивыми моральными ориентирами и склонностью к незаконным действиям.

- Недостаточный уровень контроля со стороны руководителей, а в ряде случаев их участие в коррупционных схемах создают условия для безнаказанности, ослабляют превентивную функцию наказания и подрывают доверие к институтам государственной власти.

- Низкий уровень материального обеспечения, задержки выплат, проблемы с обеспечением жильём создают предпосылки для поиска незаконных источников дохода, особенно у молодых сотрудников.

- Действующее законодательство долгое время не обеспечивало действенную правовую защиту лиц, сообщающих о коррупционных фактах, опасения преследования со стороны коллег и начальства препятствуют раскрытию правонарушений внутри системы.

Кроме того, развитие цифровых технологий оказывает двойственное влияние на состояние коррупции: с одной стороны, появляются дополнительные инструменты контроля и фиксации действий должностных лиц, а с другой - расширяются возможности для сокрытия преступлений.

Одновременно цифровизация создаёт возможности для повышения прозрачности: автоматизированные учётные системы, распределённые реестры на основе блокчейна, онлайн-порталы для взаимодействия граждан и государственных органов способны снизить вероятность личных коррупционных контактов и повысить доказательственную базу при расследованиях.

Таким образом, уровень коррупции определяется сочетанием объективных и субъективных обстоятельств.

К объективным относят правовые и организационно-управленческие пробелы, а также социально-экономические условия службы; к субъективным - морально-психологические особенности сотрудников, низкий уровень правосознания, недостатки профессиональной подготовки и кадровой политики, слабую заинтересованность в искоренении должностных преступлений [4, С. 277].

Снижение криминогенности коррупционных преступлений в следственных органах невозможно без теоретической разработки вопросов их предупреждения, что требует комплексного подхода к разрешению указанных проблем и обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования криминологических средств борьбы с коррупцией, как в целом в системе МВД России, так и в ее подразделениях, в том числе и в следственных органах.

Считаем, что необходимо усилить кадровый отбор, ведь многоступенчатая система оценки, включающая психологические тесты, анализ репутации и финансовых связей, позволит снизить вероятность проникновения в систему коррумпированных лиц, а регулярные проверки действующих сотрудников с использованием полиграфа и деклараций о доходах необходимы для системного мониторинга.

Следует совершенствовать систему профессиональной подготовки, как будущих, так и действующих сотрудников органов внутренних дел.

Также необходимо сделать конкурентоспособной заработную плату сотрудников, социальные льготы и жилищные программы уменьшат стимулы к получению незаконных доходов, ведь связь между материальным обеспечением и уровнем коррупции подтверждается как отечественными, так и международными исследованиями. Считаем, что нужно выработать эффективную систему обеспечения жильем, повышения пенсии, нормативно закрепив, что в случае коррупционного правонарушения сотрудник будет не просто уволен из органов внутренних дел, но и лишится всех вышеупомянутых льгот и компенсаций.

Помимо прочего нужно использовать логирование действий в информационных системах, блокчейн-реестры для учёта имущества, автоматический анализ финансовых потоков с привлечением Росфинмониторинга.

Таким образом, коррупция среди следователей в ОВД остаётся устойчивым социально-правовым феноменом, характеризующимся ростом числа выявленных преступлений и скрытностью. Действующее законодательство формирует систему мер противодействия, включающую финансовый контроль, декларирование доходов, регулирование конфликта интересов и создание этических кодексов, однако действенность этих мер ограничивается кадровыми проблемами, недостатком прозрачности и вызовами цифровой эпохи, поэтому повышение

результативности профилактики возможно только при комплексном подходе, сочетающем правовые, организационные, технологические и социальные решения. Системное внедрение таких мер способно существенно снизить уровень коррупционных рисков и укрепить общественное доверие к следственным органам.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // «Парламентская газета», №90, 31.12.2008.

2. Статистические данные - Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics (дата обращения: 06.10.2025).

3. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: https://cdep.ru/index.php?id=5 (дата обращения: 06.10.2025).

4. Минеева В.Н. Проблема коррупции в России на современном этапе // Молодой ученый. 2021. № 50(392). С. 276-278.

5. Овчинникова О.В. Коррупция в органах внутренних дел: понятие и виды // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. №2. С. 56-61.

6. Товарова Е.В., Ястрежемский С.Д. Меры предупреждения коррупции в органах внутренних дел // Закон и право. 2024. №10. С. 252-256.

7. Фазлиева Л.К. Взаимодействие ОВД России и институтов гражданского общества в сфере правовой пропаганды о противодействии коррупции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 21-24.

© Баранникова А.М., 2025

Баранов Александр Александрович,
доцент кафедры криминологии
Московского ордена почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
Соломатина Елена Александровна,
доцент кафедры криминологии
Московского орлена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института
кандидат юридических наук, доцент

ПАРАДОКС ЖЕРТВЫ: ДОБРОВОЛЬНОСТЬ И ВЫНУЖДЕННОСТЬ В КОРРУПЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация: в научной статье рассмотрены и проанализированы такие актуальные понятия как добровольность и вынужденность коррупционных действий, отношений. Парадокс жертвы заключается в том, что в обычной жизни граждане оказываются перед выбором: соблюдать официальную процедуру, сопряжённую с волокитой и отказами, или ускорить решение вопроса неформальным способом. Таким образом, для понимания природы коррупционного поведения и индивидуальных рисков важно учитывать психологические основания коррупции и существующие стереотипы и установки.

Ключевые слова: коррупция, жертва, виктимологические аспекты, коррупционные отношения, профилактика.

Коррупция, в настоящее время, является одной из наиболее острых проблем, существующих в обществе. Общественная опасность коррупции хорошо известна. Она ослабляет законность и правопорядок, разрушает социальные отношения, порождает недоверие и правовое безразличие. При этом коррупция чрезвычайно латентна и трудно поддается оценке масштабов ее распространения. Она же генерирует криминогенную среду, в которой совершение правонарушений рассматривается как должное и необходимое в рамках действующей системы.

Сегодня коррупция является системным явлением и поэтому затрагивает достаточно широкие слои населения, а не только непосредственных участников коррупционных сделок и операций. Выступая как социальное явление, коррупция выступает как правонарушение, формирующее особый тип виктимизации граждан.

С точки зрения виктимологии, как области научного познания, исследующей потерпевших от преступных деяний, анализирующей их моральные, психологические, социальные, биологические и физические особенности, а также факторы и механизмы превращения человека в жертву, коррупция формирует такую обстановку, в которой качества и характеристики отдельного индивида делают

его уязвимым и превращают в жертву преступления.[1] Так, например, изучению виктимологических аспектов коррупционной преступности посвящено значительное количество трудов ученых социологов, криминологов, виктимологов. [2,3,4]. В них коррупция рассматривается как один из факторов, обуславливающий повышение уровня виктимизации населения, анализируются потенциальные жертвы коррупции, подчеркивается необходимость реализации виктимологического направления противодействия коррупционным преступлениям в целом.

Сегодня, проблема добровольности и вынужденности коррупционных отношений изучается в контексте воздействия на правосознание граждан, приводящему к ослаблению правовой культуры населения, убеждению в неизбежности коррупционных отношений, отказу от отстаивания собственных интересов законными способами.

В материальном плане это проявляется в виде даче вынужденной взятки, участии в незаконных поборах, да и просто экономическом ущербе, так и в психологическом, проявляющемся в виде нарастающего ощущения беспомощности, безразличия и равнодушия, утраты доверия к власти и др.

Формируя особую «культуру вынужденной покорности», коррупция вовлекает граждан в поддержание существующих коррупционных схем, по сути, заставляя их становиться соучастниками собственных виктимных ситуаций.

В связи с чем, исследование виктимологических аспектов коррупции - жертв коррупции, их виктимности, механизмов виктимизации, - позволяет, на наш взгляд, определить факторы риска, оптимизировать и усовершенствовать действенность существующих антикоррупционных и профилактических мер.

Считаем, что в изучении коррупции виктимология имеет немаловажное значение. Если ранее жертва изучалась как исключительно пострадавшая сторона, то при анализе коррупционных правонарушений её поведение и роль в формировании криминальной ситуации не всегда однозначны. Довольно часто встречаются ситуации, когда разделительная линия между «жертвой» и «правонарушителем» почти размыта.

Связано это в первую очередь с тем, что в коррупционных отношениях жертва должна рассматриваться как активный участник криминальной ситуации, а не как пассивный объект преступного посягательства, что является, по нашему мнению, достаточно важным.

При рассмотрении проблемы коррупции в обществе мы можем зафиксировать поведение, при котором лицо само инициирует противоправное взаимодействие ради личной выгоды, а не является вынужденным участником коррупционных отношений. Например, чтобы избежать штрафа или лишения прав при нарушении правил дорожного движения, гражданин даёт взятку сотруднику Госавтоинспекции или, чтобы получить контракт или выиграть тендер, предприниматель передает незаконное денежное вознаграждение должностному лицу. Такое поведение относится к виктимному поведению активного типа.

Для виктимологического анализа аналогичные ситуации создают специфические сложности, где в одном случае гражданин вынужден платить, за то,

что и так гарантировано законом и, таким образом, формально выступает жертвой коррумпированной системы, но в тоже время своим поведением сохраняет и укрепляет существующую коррупционную систему, становясь ее участником.

Несомненно, для лучшего понимания проблемы коррупционной виктимизации, на наш взгляд, следует представить более развернутую типологию личностей: во-первых, индивидуальных прямых жертв, которые нарушают закон вынужденно, например, когда требуется срочная операция и поэтому платят врачу за срочность удовлетворяя тем самым свои законные потребности.

Во-вторых, индивидуальных косвенных жертв, к которым относятся пострадавшие, напрямую не участвующим в сделке, но испытывающие ее последствия на себе (из-за хищений бюджетных средств, пациентам не выдаются положенные им лекарства).

В-третьих, коллективных жертв, к которым можно отнести население целого региона или даже страны, потерявшее доверие к государству, например, из-за дефицита социальных благ.

В-четвертых, жертв-инсайдеров. К ним относятся работники организаций (под угрозой увольнения или применения санкций их принуждают к участию в различных коррупционных схемах).

Модели поведения для каждой группы жертв сугубо индивидуальны, - начиная от сделки и сотрудничества с правоохранительными органами и до полного молчания и не признания своей вины.

Различны здесь и механизмы виктимизации – процесса превращения лица в жертву преступления. Непосредственное воздействие коррупции как явления на жертву относится к первичной виктимизации, где основными механизмами будут являться:

- создание искусственного дефицита ресурсов или услуг при котором получить законное благо без участия в коррупционной схеме жертва не может;
- прямое давление или вымогательство, когда происходит принуждение жертвы к участию через запугивание, задержки или отказ в услуге;
- принуждение к соучастию, при котором жертва косвенно становится участником коррупционной сделки, порой против собственной воли.

К основным механизмам вторичной виктимизации отнесем:

- слабую защиту со стороны правоохранительных органов при которой сталкиваясь с бездействием полиции или прокуратуры у жертвы еще больше усиливается чувство беззащитности;
- притеснение за факты разоблачения коррупции, когда за сообщение о взятке на своей работе жертва подвергается угрозам увольнения, давлению со стороны руководства и осуждению коллектива;
- социальную и психологическую дискредитацию со стороны коллег после сообщения о нарушениях, что в дальнейшем повышает напряжение и ослабляет готовность жертвы к дальнейшему противостоянию;
- юридические и бюрократические трудности, при которых исход не гарантирован, а разрешение обращения требует значительных усилий;

Таким образом, как первичная, так и вторичная виктимизации действуют последовательно и усиливают друг друга. Первичная создаёт непосредственный

ущерб, а вторичная формирует устойчивую зависимость от коррупционных схем. В следствии этого, мы считаем, что коррупцию следует рассматривать как процесс, в котором одновременно создаются два типа виктимности – добровольная и вынужденная.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что для построения эффективной виктимологической системы профилактики важно защищать граждан от коррупционных посягательств различными мерами, например, путем анонимного информирования о фактах коррупции, распространением и расширением практики просветительских мероприятий, снижением различных рисков возникновения коррупционных ситуаций, путем упрощения и цифровизации государственных процедур. Также необходима разработка мер, направленных на профилактику формирования как «активных жертв» в будущем, так и на наказание виновных уже сегодня.

Список литературы:

1. Баранов А.А., Соломатина Е.А. Некоторые аспекты виктимологической профилактики преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет» и средств мобильной связи. Актуальные проблемы административного права и процесса. 2020. № 2. С. 54-57.

2. Вишневецкий К.В. Виктимологический механизм коррупции Информационный ресурс Интернет, сайт https://elibrary.ru/item.asp?id=22001049 (дата обращения: 12.10.2025).

3. Гонда Л.Ф. Виктимология и коррупция: тенденции XXI века Информационный ресурс Интернет, сайт https://elibrary.ru/item.asp?id=80634470 (дата обращения: 12.10.2025).

4. Кожевникова Н.С. Жертва криминального коррупционного поведения Информационный ресурс Интернет, сайт https://elibrary.ru/item.asp?id=42544566 (дата обращения: 12.10.2025).

© Баранов А. А., Соломатина Е.А., 2025

Бахвалова Алина Витальевна,
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Клишков Владимир Борисович,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: в статье рассмотрены детерминанты коррупционной преступности и выявления ключевых экономических, институциональных, правовых, социокультурных и технологических факторов, влияющих на уровень коррупции. В качестве методов использованы обзор теоретической литературы, анализ статистических данных и эмпирическое моделирование. Результаты показывают, что основными драйверами коррупции являются низкий уровень прозрачности госуправления, слабость институтов правопорядка, недостаточные материальные стимулы в публичном секторе и высокая административная сложность процедур.

Ключевые слова: коррупционная преступность; коррупция; детерминанты; коррупционное деяние; злоупотребление служебным положением; уголовно-правовая ответственность.

Коррупционная преступность представляет собой одну из наиболее значимых угроз для стабильности и развития государственных институтов и общества в целом. Сущность данного явления заключается в злоупотреблении предоставленными полномочиями для получения личной выгоды, что противоречит законным интересам граждан и государства. Понимание детерминант, способствующих коррупционной деятельности.

Детерминанты (от лат. determinare – определять, установлять причины чего-либо) преступности – это совокупность социальных, экономических, политических и иных явлений, которые порождают преступность в обществе. Однако детерминант, как причина, не может быть единственным фактором, порождающим преступность, для этого необходимы определенные условия [1].

В юридической науке актуально выявление конкретных факторов, которые провоцируют развитие коррупционных схем в различных сферах управления. Изучение этих детерминант позволяет формировать целостную картину механизмов коррупции и разрабатывать стратегии по их нейтрализации. Таким образом, настоящая статья фокусируется на анализе ключевых причин и условий, обуславливающих возникновение коррупционных проявлений в государственном аппарате.

Коррупционная преступность представляет собой сложное социокультурное и правовое явление, выражающееся в злоупотреблении государственными полномочиями в личных интересах, что влечет за собой нарушение принципов законности и справедливости, а также нанесение вреда общественным интересам.

В юридической науке ключевыми концептами, описывающими данное явление, являются понятия «коррупция», «коррупционная преступность», «коррупционное деяние». Коррупция в широком смысле обозначает не только преступления, предусмотренные уголовным законодательством, но и другие правонарушения и этически неприемлемые действия, совершаемые с использованием служебного положения. Основная же характеристика коррупционной преступности заключается в непосредственном предусмотрение уголовно-правовой ответственности за совершение деяний этого рода.

Анализ детерминант коррупционной преступности опирается на междисциплинарные подходы: институциональную экономику (Douglass North), рациональный выбор и модель Klitgaard (коррупция = монополия + дискреция − подотчётность), теория правоприменения и криминология [3].

Коррупционное деяние – это акт, заключающийся в использовании служебного положения для получения личной выгоды, что прямо запрещено законодательством и влечет за собой уголовную ответственность. Важным аспектом является факт, что такого рода деяния могут быть совершены как активно, так и пассивно, то есть как при инициировании коррупционной сделки, так и при её получении.

Для того чтобы результативно противостоять коррупционным проявлениям, необходимо учитывать ряд обстоятельств, способствующих их возникновению и распространению. К таким основным детерминантам, или факторам, которые влияют на уровень коррупции и коррупционной преступности, можно отнести: уровень доходов населения, законодательное регулирование деятельности государственных служащих, степень доступа общественности к информации о деятельности государственных органов, а также общие политические и экономические условия в стране.

Понятийно-категориальный аппарат, описывающий коррупционную преступность, включает в себя ряд ключевых элементов, каждый из которых имеет четкое определение и спецификацию. Разбор этих понятий и их интерпретация в различных правовых системах мира позволяет создавать качественные механизмы борьбы с коррупцией на национальном и международном уровнях.

Детерминанты коррупционной преступности представляют собой комплексные факторы, оказывающие влияние на возникновение и развитие коррупционных действий в обществе. Для анализа этих условий и причин выделяют различные социологические, экономические, политические и психологические аспекты, обуславливающие предрасположенность к коррупционной активности как на уровне индивидуумов, так и в масштабах государственной или муниципальной системы.

Основы коррупционного поведения заложены в таких социально-структурных характеристиках, как неэффективность законодательной и исполнительной

власти, недостатки в правоприменительной практике, а также в институциональных аномалиях. Систематическая коррупция зачастую генерируется недостаточной прозрачностью государственных процедур и слабым взаимодействием между государством и гражданским обществом.

Экономические детерминанты включают низкий уровень экономического развития, высокий уровень государственного регулирования экономических процессов и монополизацию отдельных секторов экономики, что способствует формированию условий для экономических манипуляций и злоупотреблений [2]. Факторами, способствующими коррупции, также являются нестабильность экономической среды.

В сфере политики коррупция порождается недостаточной демократизацией политической системы, ограничением доступа к информации, несбалансированностью и не конструктивность политического представительства и управления. Наличие авторитарных или полуавторитарных режимов, где властные полномочия сосредоточены в руках узкой элиты, создает благоприятную почву для коррупционных сделок на всех уровнях управления.

Психологические детерминанты связаны с личными особенностями чиновников и управленцев, включая жадность, стремление к власти, отсутствие морального самоконтроля и переоценку личных интересов по сравнению с общественными. Культурные нормы, толерирующие или даже поддерживающие коррупционное поведение, также играют значимую роль в формировании коррупционной среды.

В заключение отметим, что комплексный анализ детерминант коррупционной преступности позволяет разработать более эффективные стратегии борьбы с коррупцией, которые включают правоприменительные, социальные и экономические аспекты. Осознание и принятие мер по системному выявлению и устранению причин коррупции должны стать приоритетом для правительств и международных организаций в процессе формирования справедливого и прозрачного управления.

Список литературы:

1. Маевская Е. Н. Детерминанты преступности / Е. Н. Маевская // Международный журнал экспериментального образования. – 2019. – № 5. – С. 51-55.

2. Шаназарова Е. В. Преступность в России и ее детерминанты / Е. В. Шаназарова // Modern Science. – 2021. – № 9-1. – С. 75-78.

3. Телибекова Д. Детерминанты преступности: виды, факторы, причины и условия / Д. Телибекова // Молодежная инициатива: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 15–16 февраля 2020 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. – С. 87-91.

© Бахвалов А.В., 2025

Баранчикова Марина Вячеславовна,
заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация: в статье рассматриваются особенности совершения и виды коррупционных преступлений, характерных для современной сферы дорожного строительства. Проанализированы механизм их реализации на разных этапах проектирования, строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Особое внимание уделено общественной опасности коррупционных деяний, подрывающих их качество и состояние, а также последствия для безопасности дорожного движения и эффективности реализации государственных программ.

Ключевые слова: коррупция; общественная опасность; дорожное строительство; транспорт; безопасность дорожного движения.

Реализация стратегических задач в области обеспечения безопасности дорожного движения и транспортной инфраструктуры в настоящее время тесно связана с эффективностью достижения целевых показателей Национального проекта «Безопасные качественные дороги», утвержденного указом Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1].

Одной из целей данного проекта является увеличение доли автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям. Для ее достижения предусмотрены масштабные объемы финансирования, высокая доля государственных заказов. Однако их расходование требует законных и оптимальных процедур распределения денежных средств, материалов, оборудования, сопровождается сложностями контроля, технической экспертизы создания дорожного полотна, что создает благоприятную среду для злоупотреблений и незаконного обогащения. Коррупция в дорожно-строительной отрасли существенно препятствует эффективной реализации нацпроекта.

Коррупционные преступления при строительстве дорог не только наносят ущерб бюджету, подрывают доверие к власти, но и оказывают прямое влияние на безопасность дорожного движения, поскольку ведут к снижению качества автомобильных дорог, приведению их в ненадлежащее для использования состояние.

Распространенными коррупционными преступлениями в рассматриваемой сфере являются взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог, присвоение и растрата, мошенничество. Значимая часть таких преступлений совершается по предварительному сговору между представителями госзаказчиков и подрядных организаций. Их общественная опасность состоит в финансовых потерях государства, разрушении систем контроля качества дорожного строительства, что напрямую влияет на безопасность дорожного

движения и эффективность национальных проектов.

Нарушения финансовой дисциплины в сфере государственных закупок происходят в результате незаконных изменений условий контрактов, объемов работ или сумм финансирования. Коррупционные проявления в виде фиктивного выполнения работ и приемки некачественных объектов препятствуют повышению безопасности современных дорог.

Уже на стадии проектирования может наблюдаться занижение требований к прочности и устойчивости дорожных конструкций. В результате при дальнейшем использовании построенные дороги могут потерять долговечность, а эксплуатационные характеристики не соответствовать декларируемым нормативам.

Коррупция в сфере дорожного строительства «проявляется при проведении конкурсов на этапе размещения заказа на закупку, когда должностные лица организаций заказчиков лоббируют интересы «своего» предприятия. Заранее обладая информацией о ценообразовании у потенциальных конкурентов, они предлагают наименьшую цену контракта и становятся победителями. Однако «на этапе реализации проекта они выполняют заказ крайне некачественно, чаще всего с использованием непригодных для эксплуатации материалов, при этом чиновник, будучи заинтересованным взяткой подписывает акт приемки» [2, с. 91].

Получение должностными лицами, выполняющими функции государственного или муниципального контроля, незаконных вознаграждений, связанных с принятием решений в интересах подрядных организаций является распространенным видом взяточничества. Взятки передаются за победы в конкурсах, ускорение процедур согласования и сокрытие нарушений. Это подрывает принципы добросовестной конкуренции и приводит к системному искажению результатов тендеров.

В результате коррупционных злоупотреблений часто принимаются незаконные решения о выделении контрактов аффилированным компаниям или о подписании документов без надлежащего контроля, что приводит к хищению бюджетных средств. Это сопровождается служебным подлогом в виде согласования актов выполненных работ без фактической проверки и выдачей положительных заключений государственной экспертизы. В результате в эксплуатацию могут вводится некачественные объекты, их профессиональная оценка подменяется халатным подходом или корыстными мотивами.

Коррупция при строительстве дорог наблюдается и между частными субъектами дорожного рынка, когда руководители подрядных организаций и проектных бюро передают вознаграждение партнерам за получение субподрядов или за предоставление конфиденциальной информации при тендерах. Такие действия искажают рыночные механизмы и усиливают зависимость бизнеса от коррупционных связей.

Мошенничество в дорожно-строительной сфере, как правило, связано с составлением фиктивных актов приемки, завышенными сметами и отчетами о выполнении несуществующих работ. Фальсификация официальных документов может включать внесение ложных сведений в акты приемки, лабораторные протоколы и проектные документы, создается видимость соблюдения стандартов

при их фактическом нарушении. Такие действия наносят крупные ущербы и приводят к неэффективному расходованию государственных средств.

В строительстве автомобильных дорог хищение бюджетных средств часто происходит путем завышения цен на строительные материалы или услуги, что приводит к переплате из бюджета. Путем фиктивного заключения договоров и подрядов, когда фактически никаких работ не производится, к дополнительным расходам приводят использование некачественных материалов, выполнение работ не в полном объеме.

Должностные преступления связаны с нарушением порядка закупок материалов и оборудования при строительстве дорог, они совершаются с целью получения личной выгоды, неправомерным утверждением технической документации при строительстве дорог или неправомерным предоставлении разрешений на эксплуатацию дороги без проведения соответствующих проверок. Хищение бюджетных средств на строительство автомобильных дорог продолжает угрожать финансовой устойчивости государства, развитию инфраструктуры и обеспечению безопасности дорожного движения [3, с. 57-58].

С целью извлечения незаконной прибыли подрядчики нередко заменяют сертифицированные материалы более дешевыми аналогами, не соответствующими ГОСТам. Результатом становится снижение прочности дорожного покрытия, его ускоренное разрушение и увеличение расходов на ремонт.

Возникающие из-за коррупции недостатки отдельных компонентов в дорожном слое становятся причиной некачественного состояния дорог, они требуют дополнительных затрат на их ремонт. Так, нарушение технологических требований при строительстве и ремонте дорог приводит к разрушению обочин, ухудшению сцепления покрытия, появлению аварийно-опасных участков.

Подрядчики, будучи вовлеченными в коррупционные схемы, получают оплату независимо от реального качества дорог. Фактически дороги лишь формально считаются приведенными в нормативное состояние не соответствуют стандартам и. Их фактический уровень растет медленнее заявленных темпов, снижается объем реально выполненных работ. Это происходит из-за того, что средства, выделенные на модернизацию покрытия, частично оседают в коррупционных сферах.

О фактах хищений бюджетных средств, выделяемых на совершенствование транспортной инфраструктуры, свидетельствует «списание материалов на завышенные объемы выполненных работ, приобретение материалов у аффилированных организаций, фирм-однодневок, составление и предоставление заказчику фиктивных документов» [4, с. 45]

Опасность коррупционных злоупотреблений состоит в том, что в результате манипуляций с отчетностью создается видимость достижения показателей без фактического улучшения дорожной сети. При ее контроле и экспертизе представители надзорных органов за незаконное вознаграждение закрывают глаза на дефекты и нарушения технологий, что снижает качество и способствует вводу в эксплуатацию потенциально аварийных дорог.

Фиктивная приемка работ подрывает систему контроля качества, приводит

к вводу в эксплуатацию дорог с нарушение технологических стандартов и способствует преждевременному разрушению дорожного полотна.

Коррупционные действия не только приводят к неэффективному расходованию бюджетных средств, но и искажают инженерно-технологические процессы, формируют системные риски для безопасности дорожного движения. Под угрозой оказывается не только качественные составляющие дорожно-транспортной инфраструктуры, но и выполнение такой цели Национального проекта «Безопасные качественные дороги» как «снижение смертности в дорожно-транспортных происшествиях».

Коррупционные проявления в дорожном секторе могут наносить долгосрочный ущерб безопасности в транспортной сфере.

Список литературы:

1. Национальный проект «Безопасные качественные дороги», утвержденного указом Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

2. Васильев Э.А., Ильин А.Е., Надейкина О.А. К вопросу борьбы с преступлениями коррупционной направленности в сфере дорожного хозяйства // Научный портал МВД России. 2019. № 2 (46). С. 88-92.

3. Ляпин А.Е. Проблемы противодействия хищению бюджетных средств, выделенных на строительство автомобильных дорог // На страже экономики. 2024. № 3 (30). С. 53-60.

4. Фарахиев Д.М. Хищение бюджетных денежных средств, выделяемых на совершенствование транспортной инфраструктуры: состояние, структура и роль оперативного аппарата // Мониторинг правоприменения. 2024. № 1 (50). С. 41-49.

© Баранчикова М.В., 2025

Бурлак Елена Николаевна,
научный сотрудник отделения планирования
и координации научной деятельности
научно -исследовательского отдела
Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

Аннотация: в статье анализируются роль антикоррупционного законодательства, организационные меры, а также применение уголовной, административной, дисциплинарной ответственности к лицам, совершившим коррупционные правонарушения. Статья посвящена профилактике коррупционных правонарушений на объектах транспорта, рассматривает такие меры как антикоррупционная экспертиза нормативных актов, анализ коррупционных рисков и обучение сотрудников. Отмечается важность устранение причин и источников коррупции в транспортной сфере, что включает в себя разработку и внедрение антикоррупционных стандартов, а также повышение правовой культуры работников.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, ответственность, злоупотребление полномочиями, незаконное обогащение и незаконные вознаграждения.

История коррупционных правонарушений насчитывает тысячелетия и связана с возникновением власти, привилегий и возможности злоупотреблять ими. Первые упоминания о коррупции относятся к глубокой древности, когда должностные лица, такие как судьи и сборщики налогов, активно использовали свое положение в личных целях, что задокументировано в древних цивилизациях Ближнего Востока, Европы и Азии.

Под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [1, с. 1].

Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 (с изменения от 25.12.2023 года) «О противодействии коррупции», положил начало созданию правовой и организационной основы для борьбы с коррупцией в России. Он заложил юридическую базу для привлечения к уголовной, административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, созданию комплексных организационных, правовых, экономических предпосылок для снижения коррупции в деятельности государственного аппарата и общественной жизни. Он также определяет, что федеральные и региональные органы власти, а также органы местного самоуправления, должны осуществлять противодействие коррупции в рамках своих полномочий.

Актуальность профилактики коррупционных правонарушений обусловлена их высокой опасностью, подрывающей основы государственного и общественного развития. Профилактика позволяет укрепить деловую репутацию организаций, повысить доверие партнеров и потребителей, снизить риски убытков, а также сформировать нетерпимость к коррупции в обществе.

Цель исследования – искоренение причин и условий, порождающих коррупцию, и формирование в обществе нетерпимости к ней. Основные задачи включают выявление и устранение этих причин, формирование у граждан и сотрудников организаций антикоррупционного поведения.

Коррупция как социальное явление давно проникла во все сферы экономики и государственного управления. Транспорт как основа любой экономики, к сожалению, не стал исключением. Коррупция препятствует развитию железнодорожного транспорта и строительства. Она приводит к тому, что бюджетные средства, предназначенные для модернизации, обслуживания и строительства, присваиваются или используются не по назначению, что замедляет развитие инфраструктуры.

Специфика коррупции на транспорте включает уязвимость перед взятками злоупотреблениями при оформлении проездных документов, начисления штрафов, организации грузовых перевозок и техническом обслуживании транспорта. Она связана с управлением государственным имуществом и предоставлением услуг, что создает конфликт интересов, когда служащие действуют вопреки интересам государства и общества. На транспорте коррупция проявляется в виде «откатов», незаконного получения прибыли, хищений и финансовых махинаций, а также в сговорах с криминальными структурами.

Отдельно остановимся на рассмотрении полиции на транспорте. Согласно закону «О полиции», основное назначение полиции (включая транспортную) – защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также обеспечение общественной безопасности и собственности [2 с. 1]. Полиция на транспорте – это структурное подразделение, отвечающее за обеспечение правопорядка, борьба с преступностью и защита прав граждан на объектах железнодорожного, воздушного и водного транспорта, а также на территориях, прилегающих к ним. В Санкт-Петербурге это представлено, например, Санкт-Петербургским линейным управлением МВД России на транспорте и другими линейными отделами, такими как Санкт-Петербург-Финляндский линейный отдел.

Особенности обеспечения безопасности и обслуживания на железнодорожном транспорте включают постоянный контроль за техническим состоянием подвижного состава и инфраструктуры, строгое соблюдение правил эксплуатации и охраны труда работниками, а также проведение досмотров и патрулирования для предотвращения угроз и обеспечения общественного порядка.

Обеспечение безопасности и обслуживания на водном транспорте включает в себя правовое регулирование, контроль за соблюдением мер транспортной безопасности и пресечение противоправных действий. Особенности связаны с водной спецификой, требующей контроля за судоходством, портовой инфраструктурой, судами, а также работой с пассажирами, грузами и соблюдением экологических норм.

Обеспечение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах воздушного транспорта включает в себя осуществление комплекса мер по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства, который предусмотрен стандартами Международной организации гражданской авиации в области защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства [1].

Полиция на транспорте осуществляет профилактику коррупционных правонарушений. Основной целью предотвращение коррупционных правонарушений является их пресечение, за которые законодательством предусмотрена уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность. Борется с коррупцией путем выявления, предупреждения и пресечения преступлений экономической направленности, а также путем приема сообщений о фактах коррупции от граждан. Для противодействия коррупции в сфере транспорта в Российской Федерации существуют межрегиональные территориальные управления Федеральной службы по надзору в сфере транспорта и главное управление на транспорте МВД России.

Для профилактики коррупционных правонарушений необходимо проводить комплекс законодательных и организационных мер. Необходимо создать систему мер, которая включает в себя антикоррупционную экспертизу нормативных актов, разработку стандартов и процедур, назначение ответственных лиц, а также формирование нетерпимого отношения к коррупции у сотрудников.

Антикоррупционная политика должна носить комплексный характер и реализовываться с помощью социально-экономических, политических, организационно-управленческих и правовых средств. Она остается одним из ключевых факторов, влияющих на развитие транспорта. Для успешной реализации антикоррупционной политики в сфере транспорта нужны современные мера по ее развитию и модернизации.

Ужесточение наказания за коррупционные правонарушения на транспорте необходимо для повышения безопасности и эффективности транспортной системы. Также необходимо проработать вопрос о повышении ответственности, что может предотвратить такие правонарушения, как дача взяток, злоупотребление служебным положением, коммерческий подкуп, мошенничество и неправомерное использование государственных средств. Необходима достаточно информировать граждан несмотря на то, что правоохранительные органы ведут работу по борьбе с коррупцией, в том числе на транспорте, население не всегда в полной мере осведомлено о методах противодействия и способах сообщить о правонарушениях. Например, общество может не знать о существующих мерах профилактики, таких как антикоррупционная экспертиза, формирование в обществе нетерпимости к коррупции.

Для повышения эффективности мер профилактики необходимо постоянное совершенствование законодательной базы. Так, например, в КоАП появились изменения, касающиеся транспортной безопасности. В частности, были обновлены положения статьи 11.15.1 КоАП, которая устанавливает ответственность за нарушение требований в области транспортной безопасности. С 1 марта

2026 года вступает в силу новое регулирование, которое подразумевает регистрацию логических компаний в реестре, предоставление данных о грузах и маршрутах, а также использование соответствующего оборудования. Нарушение этих правил повлечет штрафы, размер которых зависит от выручки [4].

Также ведется обсуждение законопроектов об отмене условного наказания по статьям о получении взятки и ужесточении правил досрочного освобождения.

Несмотря на то, что основная часть изменений в 2025 году коснулась административной и уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения, в будущем можно ожидать изменений, связанных с борьбой с коррупцией на транспорте.

Подводя итог, стоит указать, что профилактика коррупции – это предупреждение, а не только реагирование. Важно создать систему, которая предупреждает возникновение коррупции, а не просто наказывает за нее. Эффективная профилактика требует сочетания различных мер: от законодательной и экспертной деятельности до работы с личным составом и внедрения антикоррупционных процедур. Антикоррупционная экспертиза нормативных актов и их проектов является одним из ключевых инструментов профилактики. В конечном итоге, каждый сотрудник должен нести ответственность за соблюдение антикоррупционных норм, а за нарушения должны применяться меры в соответствии с законодательством.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии» (с изменениями и дополнениями).

2. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (последняя редакция).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)//ст. 290, 291, 285, 286.

4. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025)//ст. 11.15.1 КоАП РФ;

5. Указ Президента от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023) «О национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 год».

6. Приказ Минтранса России от 09.12.2024 №431 «Об утверждении Плана Министерства транспорта Российской Федерации по противодействию коррупции на 2025-2028 годы».

7. Хабриева Т.Я. «Коррупция: природа, проявления, противодействие.

8. Противодействие коррупции: учеб. пособие / С.Н. Ревина.

9. Цирин А.М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы// Журнал российского права. – 2016 – N12. – с. 106-114/

© Бурлак Е.Н., 2025

Валькова Татьяна Владимировна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Быкадорова Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РОССИИ

Аннотация: актуальность выбранной темы обусловлена значительным уровнем коррупционных преступлений в современной России, которые наносят значительный ущерб экономике, снижают доверие граждан к государственным институтам и негативно влияют на инвестиционный климат. Проблема борьбы с этим видом преступлений требует комплексного подхода, включающего усовершенствование законодательства, повышение эффективности правоприменительной практики и антикоррупционное просвещение. Методы исследования включают историко-правовой анализ, сравнительно-правовой метод, социологический анализ, интервьюирование и обобщение зарубежного опыта.

Ключевые слова: коррупция, преступление, противодействие коррупции.

Российская Федерация постоянно предпринимает активные меры по борьбе с коррупцией, включая совершенствование действующего законодательства и правоприменительной практики.

Для полноценного осуществления уголовно-правовых мер противодействия коррупции и исполнения международных договоренностей Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за совершение преступлений коррупционной направленности. Наиболее значимой и общественно опасной формой коррупции остается взяточничество. Так, за январь-сентябрь 2025 года общее количество зарегистрированных преступлений сократилось на 5,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а количество коррупционных преступлений, напротив, возросло на 12,7% и составило 35946 преступлений, среди которых две третьих (60,75%) – взяточничество (21836 преступлений, +16%) [4].

Среди преступлений коррупционной направленности, связанных со взяточничеством, самым многочисленным остается получение взятки - 7282 преступления (их доля составляет 33,35%), рост в 2025 г. на 10,1% [4]. Данное преступление направлено против устоев государственной власти, нарушает нормальное функционирование органов и учреждений государственного и муниципального управления, ослабляет их репутацию, искажает правовые установки граждан, формирует убеждение о легитимности достижения индивидуальных либо групповых целей путем покупки лояльности представителей власти, тормозит конкурентные отношения и ограничивает темпы экономического прогресса.

Судебное рассмотрение дел о взяточничестве и прочих видах коррупционных преступлений должно основываться на принципах самостоятельности судебной ветви власти, состязательного процесса и равенства сторон, соблюдении прав и свобод граждан, полном соответствии требованиям норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства России [2].

Российское уголовное законодательство стремится минимизировать риски коррупции и усилить ответственность за нее, однако количество рассмотренных уголовных дел судом меньше количества зарегистрированных преступлений. Согласно официальным данным судебной статистики в 2023 году было рассмотрено 2070 уголовных дел по ст. 290 УК РФ в отношении 2110 подсудимых, из которых осуждено 1914 человек (91 %), а оправдано – 22 (1%). Уголовные дела в отношении 15 подсудимых по ч. 1 ст. 290 УК РФ рассмотрены в особом порядке, и они освобождены от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; в 2024 году рассмотрено 2122 уголовных дел в отношении 2136 подсудимых, из которых осуждено 1940 человек (90 %), а оправдано – 23 (1%) [5].

Типичными субъектами коррупционных преступлений выступают представители органов исполнительной власти, сотрудники правоохранительных органов, чиновники региональных администраций, судьи, депутаты [3]. Факты взяточничества регулярно становятся достоянием гласности, подчёркивая масштабность проблемы.

Борьба с коррупцией является одним из приоритетов многих стран мира, и успешные зарубежные модели предоставляют ценный опыт для формирования эффективной национальной стратегии.

Рассмотрев научную литературу, судебную и правоприменительную практику, а также некоторые международные подходы и национальные инициативы, направленные на минимизацию коррупции, считаем целесообразным адаптировать положительный зарубежный опыт в российскую законодательную практику и предлагаем следующие направления дальнейшего совершенствования антикоррупционной деятельности.

1. В ряде стран созданы специальные подразделения по борьбе с коррупцией, которые известны своим выявлением, мониторингом и предотвращением коррупционных действий за счет информаторов, которые и предоставляют всю информацию в такие подразделения [1].

2. Активнее применять новейшие технологии для контроля и наблюдения. Использование современных цифровых методов слежения, видеонаблюдения и аналитики больших данных способно существенно облегчить сбор доказательственной базы о коррупционной деятельности. Выявление фактов коррупции с использованием искусственного интеллекта, анализирующего различные базы данных и информацию, в том числе размещаемую в различных соцсетях – наиболее востребованная задача для правоохранительных органов на ближайшую перспективу.

3. Реформа системы назначения судей и руководителей правоохранительных органов - следует ввести новые процедуры проверки кандидатов на руководящие должности в рамках судебного аппарата и правоохранительных органов,

повысив таким образом уровень профессионального отбора и квалификацию персонала.

4. Усиление контроля за исполнением законов - необходим постоянный независимый мониторинг эффективности законодательства о борьбе с коррупцией, осуществляемый специализированными независимыми органами.

5. Следует установить четкий порядок представления сведений о доходах, расходах и имуществе государственных служащих, а также полную и качественную их проверку - обеспечивая полную открытость, можно минимизировать риски сокрытия информации о доходах и активах, используемых для нелегального обогащения, своевременно выявлять скрываемое имущество.

6. Формирование антикоррупционной культуры среди населения, начиная такое воспитание уже в школах.

Предлагаемые меры позволят повысить эффективность противодействия коррупции в России и сформировать устойчивую антикоррупционную культуру в российском обществе. Усиление наказаний и повышение открытости процедур принятия решений станут залогом долгосрочного прогресса в борьбе с коррупцией.

Список литературы:

1. Ботсванское агентство по борьбе с коррупцией - Directorate on Corruption and Economic Crime (DCEC). Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Directorate_on_Corruption_and_Economic_Crime; Шведский национальный совет по предупреждению преступности - Brottsförebyggande rådet (Brå). Режим доступа: bra.se; Right to Information Act (Закон о праве на информацию). Режим доступа: https://cic.gov.in/sites/default/files/RTI-Act_English.pdf.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях". Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

3. Приговор № 1-151/2025 от 25 июня 2025 г. по делу № 1-151/2025. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/9lqeL9gFeHJ1/; Приговор № 22-170/2025 22-5788/2024 от 20 мая 2025 г. по делу № 1-5/2024. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/d2BsOCJwbrbu/; Приговор № 1-159/2025 от 28 апреля 2025 г. по делу № 1-159/2025. Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/K7dWdlNFMAm1/.

4. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2025 года // https://мвд.рф/reports/item/72174303/.

5. Судебная статистика РФ. Режим доступа: https://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/11/s/1.

© Валькова Т.В., Быкадорова Е.В., 2025

Василенко Лидия Сергеевна,
заместитель начальника 87 отдела полиции
УМВД России по Всеволожскому району
Ленинградской области

МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КРИМИНОГЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ феномена мелкого взяточничества в органах внутренних дел Российской Федерации как одного из наиболее латентных и деструктивных проявлений коррупционной преступности. Рассматриваются признаки преступлений, предусмотренных ст. 291^2 и ч. 1 ст. 290 УК РФ, применительно к специальному субъекту – сотруднику МВД. На основе системного подхода выявляются и классифицируются криминогенные детерминанты организационно-управленческого, социально-экономического и социально-психологического характера. Обосновывается необходимость реализации комплексного подхода в противодействии данному явлению, сочетающего меры уголовно-правового, профилактического и организационно-управленческого воздействия.

Ключевые слова: взяточничество, коррупция, МВД, должностное преступление, ст. 291.2 УК РФ, мелкое взяточничество, злоупотребление полномочиями, криминогенные детерминанты, уголовная ответственность.

Коррупция, будучи системной угрозой национальной безопасности, приобретает особую общественную опасность при ее проникновении в структуры, наделенные монополией на государственное принуждение. Среди коррупционных проявлений в органах внутренних дел значительное место занимает мелкое взяточничество, регламентированное ст. 291^2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на кажущуюся незначительность размера вознаграждения (до десяти тысяч рублей), данное деяние обладает значительным кумулятивным эффектом и наносит сокрушительный удар по основам правопорядка, публично-правовым устоям и авторитету государственной власти в целом.

Высокая латентность, устойчивость и способность воспроизводиться в служебной среде делают его объектом пристального внимания со стороны науки и правоприменителя. Актуальность темы обусловлена необходимостью разработки эффективных механизмов противодействия, основанных на глубоком понимании не только правовой природы преступления, но и комплекса причин и условий, его порождающих. Особую значимость проблема приобретает в контексте реализации национальных планов противодействия коррупции на, где особое внимание уделяется профилактике коррупции в правоохранительных органах.

Общественная опасность получения взятки сотрудником органов внутренних дел заключается в том, что «получивший ее мобилизует свои усилия

не столько на борьбу с преступностью и выполнение своих служебных обязанностей, сколько на исполнение желаний давшего взятку, которые часто опасны для общества и государства» [1, с. 35]

С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 291^2 УК РФ, образует получение должностным лицом взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или услуг имущественного характера на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, за совершение действий (бездействия), входящих в его служебные полномочия.

Признаком, отграничивающим его от административного правонарушения, является именно служебное положение взяткополучателя и характер совершаемых им действий, которые непосредственно связаны с реализацией его властных полномочий. Взяточничество считается оконченным преступлением с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей.

С субъективной стороны мелкое взяточничество характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что получает незаконное материальное вознаграждение именно за совершение определенных действий (или бездействие) с использованием своего служебного положения, и желает его получить. Мотивы преступления (корысть, ложно понятые интересы службы, семейные обстоятельства) на квалификацию не влияют, но могут учитываться при назначении наказания.

Субъектом получения мелкой взятки выступает должностное лицо, в том числе сотрудник, наделенный в установленном порядке организационно-распорядительными, административно-хозяйственными функциями либо функциями представителя власти (примечание 1 к ст. 285 УК РФ).

Лица, выполняющие функции представителя власти, являются «наиболее распространенной категорией должностных лиц, получающих взятку» [2, с. 119]. Эта категория является наиболее многочисленной и доступной для граждан, включает сотрудников патрульно-постовой службы, дорожно-патрульной службы, участковых уполномоченных полиции. Именно они, в силу широкого объема дискреционных полномочий и постоянного контакта с населением, находятся в группе повышенного риска.

Критически важным является отграничение мелкого взяточничества от взяточничества, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, а также административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.29 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица). Критерием разграничения выступают предмет и субъект. На дифференциацию преступлений влияет сумма полученной взятки [3], а на отграничение от ст. 19.29 КоАП РФ - специфика взяткополучателя, где субъектом административной ответственности выступает лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, но не являющееся должностным лицом. Таким образом, статус сотрудника полиции априори исключает квалификацию его действий по КоАП РФ и требует уголовно-правовой оценки.

Распространенность мелкого взяточничества в органах внутренних дел детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов, образующих устойчивую криминогенную среду. При этом организационно-управленческие

детерминанты являются одними из наиболее значимых. Они включают в себя наличие обширных дискреционных полномочий у рядового и младшего начальствующего состава при недостаточно эффективном внутреннем и внешнем контроле за их реализацией [4].

Слабая регламентация процедур, отсутствие прозрачности в принятии решений (например, при составлении протоколов, применении мер обеспечения) создают благодатную почву для злоупотреблений. Недостатки в кадровой работе, включая формальный подход к отбору кандидатов на службу и оценке их деловых и моральных качеств, также способствуют проникновению в органы лиц, склонных к коррупционному поведению.

Социально-экономические детерминанты имеют важное значение, несмотря на предпринимаемые государством усилия. Сохраняется диспропорция между уровнем материального довольствия отдельных категорий сотрудников, объемом их ответственности и степенью риска. Для некоторых сотрудников, особенно в регионах, незаконное вознаграждение становится способом компенсации низкого, по их мнению, уровня доходов.

Данный фактор объясняет мотивационную составляющую для определенной части правонарушителей. Кроме того, необходимо учитывать дополнительные финансовые нагрузки, связанные с необходимостью приобретения дополнительного снаряжения или форменного обмундирования, что также может создавать дополнительное экономическое давление.

Социально-психологические детерминанты связаны с формированием в отдельных служебных коллективах так называемой «антикорпоративной этики». В таких микроколлективах коррупционные практики иногда поощряются неформально, порождая круговую поруку и чувство безнаказанности [12].

Новый сотрудник, попадая в такую среду, подвергается мощному групповому давлению и часто вынужден выбирать между соблюдением закона и социальной изоляцией в коллективе. Особую роль играет так называемый "эффект первичности" - когда первый опыт получения взятки формирует у сотрудника устойчивую психологическую установку на дальнейшее противоправное поведение.

Правовые и социокультурные детерминанты включают деформированное правосознание как самих сотрудников, так и граждан. Со стороны должностных лиц это проявляется в восприятии взятки как «незапрещенного подношения» или «благодарности». Со стороны граждан - в устойчивом представлении о том, что решить проблему или избежать ответственности можно лишь с помощью незаконного вознаграждения, что формирует устойчивый спрос на коррупционные услуги [9].

Низкий уровень доверия к институтам правосудия и убежденность в тотальной коррумпированности государственного аппарата подпитывают эту порочную практику. Особенно опасным является распространение в общественном сознании представлений о том, что мелкая взятка является «невинным» нарушением, не заслуживающим серьезного осуждения.

Последствия распространения мелкого взяточничества в системе ОВД носят не локальный, а системный, подрывающий основы государственности характер.

Орган, призванный защищать закон, сам становится его нарушителем. Это ведет к глубокой эрозии общественного доверия, без которого эффективная деятельность полиции невозможна в принципе. Граждане перестают видеть в сотруднике защитника, а воспринимают его как потенциальную угрозу и источник незаконных поборов [12].

Диффузия уголовно-правовых запретов. Сотрудник, вступивший на путь мелкого коррупционного поведения, психологически и профессионально деградирует. Совершение одного преступления без последующей ответственности формирует у него чувство безнаказанности и готовность к совершению более тяжких должностных преступлений, таких как злоупотребление полномочиями (ст. 285 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) или даже получение взятки в крупном размере [8].

Формируется порочный круг, в котором граждане, будучи изначально потерпевшими от вымогательства, в дальнейшем сами становятся подстрекателями или соисполнителями преступления, предлагая взятку для решения своих проблем. Это приводит к нормализации коррупции как социальной практики, ее укоренению в массовом сознании [9].

Эффективная стратегия противодействия мелкому взяточничеству в органах внутренних дел не может сводиться лишь к ужесточению уголовной репрессии. Она должна носить межотраслевой, упреждающий характер и включать в себя предупредительные, организационно-управленческие и уголовно-правовые меры.

Приоритет предупреждения преступлений предполагает совершенствование системы материального и нематериального стимулирования сотрудников, создание реальных карьерных перспектив для добросовестных работников. Необходимо внедрение на постоянной основе комплексных программ антикоррупционного воспитания, формирование корпоративной культуры и служебной этики, начиная с этапа обучения в ведомственных образовательных учреждениях.

Организационно-управленческие меры включают оптимизацию служебных процедур с целью минимизации субъективного усмотрения. Широкое внедрение автоматизированных систем фиксации правонарушений (видеокамеры), прозрачных регламентов взаимодействия с гражданами, регулярная ротация личного состава на коррупционно-опасных участках – все это сужает возможности для злоупотреблений. Важно создание и развитие эффективных, независимых и безопасных для заявителей механизмов внутреннего контроля (подразделения собственной безопасности) и внешнего общественного надзора.

Необходимо обеспечить последовательную и единообразную правоприменительную практику, исключающую необоснованный перевод уголовных дел о мелком взяточничестве в иные категории. Квалификация должна точно соответствовать установленным признакам состава преступления, а назначение наказания - учитывать отягчающие и смягчающие обстоятельства.

Таким образом, мелкое взяточничество в органах внутренних дел представляет собой не просто бытовое правонарушение, а глубоко укорененную

системную угрозу, обладающую высокой латентностью, устойчивостью к традиционным мерам воздействия и мощным деструктивным потенциалом.

Его уголовно-правовая оценка требует тщательного установления всех объективных и субъективных признаков состава, особенно в части специального субъекта и разграничения со смежными правонарушениями

Сегодня, когда коррупция в органах внутренних дел обладает повышенной опасностью и даже угрожает национальной безопасности Российской Федерации [5, с. 17], борьба с ней будет эффективной только в том случае, если она перестанет быть исключительно прерогативой карательных органов.

Необходима консолидированная работа законодателя, руководства МВД, институтов гражданского общества и научного сообщества, направленная на реализацию комплексной стратегии, сочетающей меры уголовно-правового преследования с решительными и последовательными шагами по устранению глубинных криминогенных факторов организационного, экономического и социально-психологического свойства. Только такой подход позволит переломить ситуацию и восстановить подорванное доверие общества к правоохранительным институтам.

Список литературы:

1. Баранчикова М.В. Коррупционные преступления в органах внутренних дел: проблемы квалификации и предупреждения: монография: Орел: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. 99 с.

2. Баранчикова М.В. Квалификация получения взятки представителем власти // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4. С. 119-124.

3. Баранчикова М.В. Проблемы дифференциации ответственности за получение взятки в зависимости от ее размера // Вестник Орловского государственного университета. 2012. № 1. С. 20-22.

4. Васильченко А.А., Жилкин М.Г., Качалов В.В. и др. Уголовная ответственность за взяточничество. М., 2020. 165 с.

5. Ищук Я.Г., Руденко А.С., Чистотина О.Н. Противодействие коррупции в органах внутренних дел: учеб. пособие. – Рязань, 2017. 84 с.

© Василенко Л.С., 2025

Васина Алина Вячеславовна,
курсант факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Дикаева Элина Салмановна,
старший преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

СИСТЕМА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: РИСКИ И УГРОЗЫ

Аннотация: актуальность темы исследования обусловлена устойчивым характером коррупции как системной угрозы национальной безопасности Российской Федерации, которая детерминирует деформацию общественных отношений, ослабление институтов государственной власти и создает серьезные препятствия для социально-экономического развития. В условиях совершенствования правовых и организационных механизмов противодействия данному явлению все более очевидной становится необходимость применения комплексного подхода, учитывающего не только личность преступника, но и роль поведения жертвы в генезисе преступного деяния. Такой подход лежит в плоскости виктимологии – науки о жертве преступления.

Как справедливо отмечается в научной литературе, коррупционные отношения по своей природе являются двусторонними, что предполагает наличие специфического виктимологического взаимодействия [4]. При этом жертвой коррупции выступает не только непосредственный участник сделки, но и общество в целом, а также государственные и общественные институты, чьи интересы нарушаются в результате противоправных действий [7]. Недооценка виктимологической составляющей, в частности, виктимных рисков и угроз, приводит к ограниченной эффективности традиционных мер уголовно-правового и административного воздействия.

Ключевые слова: виктимология коррупции, коррупционные преступления, виктимологический анализ, виктимологические риски, антикоррупционная безопасность, виктимологический механизм, жертва коррупционного преступления.

Анализ коррупции сквозь призму виктимологии предполагает рассмотрение ее не как одностороннего деяния должностного лица, а как сложного процесса взаимодействия, в котором поведение жертвы играет существенную роль в генезисе и реализации преступления. Центральной категорией для понимания данного процесса является виктимологический механизм коррупции, который представляет собой систему виктимологических факторов, условий и ситуаций, обусловливающих совершение коррупционного правонарушения через связь

«коррупционер – виктимный субъект» [5].

В контексте коррупционных отношений понятие «жертва» (виктимный субъект) приобретает специфические черты. В отличие от классических преступлений, где жертва, как правило, выступает пассивной стороной, в коррупции ее роль зачастую является активной или инициирующей.

Исходя из анализа, можно выделить типологию из трех жертв коррупционных преступлений:

- Прямые (непосредственные) жертвы – это физические или юридические лица, которые непосредственно вступают в противоправные отношения с коррупционером, передавая ему материальные или иные блага в обмен на желаемое действие или бездействие. Например, гражданин, дающий взятку должностному лицу для получения справки, или коммерческая структура, заключающая коррупционную сделку для победы в тендере [6].
- Косвенные жертвы - это лица, чьи права и законные интересы нарушаются в результате коррупционной сделки, в которой они не участвовали. Например, другой претендент на должность, которого не приняли на работу из-за кумовства, или предприниматель, проигравший тендер из-за коррупционного сговора [5].
- Институциональные жертвы – наиболее масштабный тип жертв, к которому относятся общество в целом и государство. Коррупция подрывает авторитет публичной власти, дискредитирует правосудие, приводит к неэффективному распределению государственных ресурсов и, в конечном счете, причиняет ущерб основам конституционного строя и национальной безопасности [3]. Как справедливо отмечают исследователи, «именно государство и общество являются конечными, глобальными жертвами коррупции» [7].

Виктимологический механизм коррупционной сделки реализуется через динамическое взаимодействие ее участников. Данное взаимодействие не сводится к простой схеме «предложение-согласие», а представляет собой сложный процесс, в котором поведение виктимного субъекта может варьироваться от пассивно-вынужденного до активно-инициирующего [4].

Со стороны виктимного субъекта можно наблюдать два основных типа поведения. Во первых это непосроедственно пассивное (вынужденное) поведение, когда лицо становится жертвой в условиях злоупотребления должностными полномочиями, вымогательства или создания искусственных бюрократических барьеров. В этой ситуации его виктимность проявляется в незащищенности и зависимости от произвола чиновника, либо можно выявить наоборот активное (инициирующее) поведение, когда лицо само предлагает взятку или иное незаконное вознаграждение для получения преимуществ, решения вопросов в обход установленного порядка. В данном случае его виктимность обусловлена правовым нигилизмом и нежеланием действовать в правовом поле [6].

Виктимологический механизм коррупции формируется под воздействием комплекса факторов, которые повышают уязвимость отдельных лиц, организаций и институтов перед коррупционными посягательствами. К числу данных факторов необходимо выделить три правовых обстоятельства.

Во первых, необходимо отметить, такой фактор как “Правовой нигилизм”

- то есть полное неуважение к закону, убежденность в его неэффективности и широко распространенное мнение, что любую проблему можно решить с помощью «связей» или денег. Это формирует установку на поиск коррупционных путей решения задач [3].

Второй фактор - “бюрократические барьеры и непрозрачность процедур или избыточные административные требования» - сложность и запутанность регламентов создают благоприятную среду для вымогательства и злоупотреблений. Чиновник получает возможность трактовать правила в свою пользу, а гражданин или бизнес вынуждены искать неформальные каналы для преодоления искусственно созданных препятствий [5].

В третьих - “низкая правовая культура” - недостаточная информированность граждан о своих правах и способах их защиты, недоверие к правоохранительным органам. Это лишает потенциальных жертв коррупции инструментов для правового противодействия и способствует их пассивности [3].

Системный характер виктимности коррупционных отношений порождает комплекс взаимосвязанных рисков и угроз, которые выходят за рамки единичных правонарушений и наносят ущерб фундаментальным основам общественного устройства. Пассивное или инициативное поведение виктимных субъектов не только облегчает совершение конкретных преступлений, но и способствует институционализации коррупции как социальной практики, создавая порочный круг, ведущий к деградации публичных институтов.

Наиболее глубинной угрозой является деформация общественного и индивидуального правосознания. Когда коррупционная сделка воспринимается как нормальный или единственно возможный способ решения проблем, происходит подмена правовых ценностей коррупционными установками. Это приводит к правовому нигилизму и эрозии общественного доверия к институтам государственной власти. Как следствие, право перестает выполнять свою регулятивную и охранительную функцию, уступая место «понятиям» и неформальным договоренностям [7].

В условиях, когда граждане (прямые жертвы) вынуждены или добровольно вступают в коррупционные отношения, у них формируется устойчивое убеждение в несправедливости и продажности государственного аппарата. Государство, будучи институциональной жертвой, в глазах общества само дискредитирует себя, лишаясь легитимности и морального авторитета. Этот процесс создает системный риск, при котором сама идея правового государства ставится под сомнение [7].

Виктимологический аспект коррупции порождает значительные макроэкономические риски. Коррупционные сделки, в которые вовлечены виктимные субъекты из бизнес-среды, искажают механизмы рыночной конкуренции. Ресурсы начинают распределяться не по критериям эффективности, а по принципу личной преданности или объема неформальных выплат [3].

Это приводит к прямым экономическим потерям для государства и общества: недополучению налогов, завышению стоимости государственных контрактов, неэффективному использованию бюджетных средств. Кроме того, форми-

руется неблагоприятный инвестиционный климат, поскольку потенциальные инвесторы, оценивая высокие виктимологические риски (необходимость давать взятки, непредсказуемость судебной системы), отказываются от ведения бизнеса в таком регионе или стране. Таким образом, виктимное поведение хозяйствующих субъектов, поощряющее коррупционный спрос, в конечном итоге оборачивается стагнацией и снижением темпов экономического роста [3].

Коррупция, опосредованная виктимным поведением, является мощным фактором социальной дестабилизации и углубления неравенства. Она разрушает принцип социальной справедливости, создавая ситуацию, когда жизненные блага и доступ к публичным услугам (образование, здравоохранение, правосудие) получают не те, кто имеет на это право, а те, кто может заплатить [6].

Это порождает в обществе раскол на «своих» и «чужих», усиливает социальную напряженность и провоцирует конфликты. Косвенные жертвы коррупции – граждане, не желающие или не способные участвовать в коррупционных схемах, – оказываются в заведомо проигрышном положении, маргинализируются и теряют веру в возможность социального лифта. Длительное существование такой ситуации ведет к атомизации общества, росту социальной апатии или, напротив, к агрессии и протестным настроениям, что в совокупности представляет прямую угрозу национальной безопасности [7].

Противодействие коррупции не может быть эффективным без целенаправленной работы с ее виктимологической составляющей. В связи с этим формирование системы антикоррупционной виктимологической безопасности становится неотъемлемым элементом государственной политики. Данная система представляет собой комплекс мер, направленных на снижение виктимного потенциала общества и государства, минимизацию виктимологических рисков и нейтрализацию виктимогенных условий.

Фундаментальным направлением является целенаправленное воздействие на правосознание граждан с целью искоренения установок, порождающих виктимное поведение. Необходимо формировать в обществе антикоррупционную культуру, основанную на неприятии коррупции как нормы жизни и понимании ее деструктивных последствий .

В соответствии с Законом № 273-ФЗ, основной задачей антикоррупционной направленности является профилактика коррупции[2]. Данное направление признано приоритетным и реализуется через формирование нетерпимости к коррупционному поведению. Эта работа включает в себя правовое просвещение и пропаганду антикоррупционных стандартов, что напрямую коррелирует с задачей снижения виктимности общества и мониторинг коррупциогенных факторов. На примере Министерства финансов РФ видно, что данная работа носит плановый характер. Так, в 2024 году в Минфине России выполнялся комплекс мероприятий, предусмотренных ведомственным планом противодействия коррупции [8].

К числу таких мероприятий относятся регулярные проверки на наличие конфликта интересов, антикоррупционный мониторинг правовых актов, а также организация мероприятий по антикоррупционному просвещению . Эта деятельность направлена на устранение коренных причин коррупции - бюрократических

барьеров и непрозрачных процедур.

Необходимо так же отметить и уголовно-правовое противодействие. Ключевыми составами преступлений в сфере коррупции являются ст. 291 (Дача взятки) и ст. 292 (Служебный подлог) Уголовного кодекса РФ [1].

Согласно отчетам Генеральной прокуратуры РФ, за 2024 год в России выявили 38,5 тыс. коррупционных преступлений, что на 5,7% больше, чем в 2023 году (36,4 тыс.) [9]. При этом значительную долю составляют преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ (Получение взятки) и ст. 291 УК РФ (Дача взятки). Важно отметить, что фиксируется рост количества преступлений, связанных со служебным подлогом (ст. 292 УК РФ), что свидетельствует о попытках легализации коррупционных решений через фальсификацию официальных документов.

Статистика Минфина России, как субъекта противодействия коррупции, демонстрирует иной, профилактический срез. В 2024 году в рамках ведомственного плана было проведено 172 мероприятия, в том числе 36 проверок на предмет урегулирования конфликта интересов и 84 мероприятия по антикоррупционному просвещению [8]. Это подчеркивает смещение акцента в работе с чиновничьим аппаратом с исключительно карательных на превентивные меры.

Таким образом, эволюция антикоррупционной политики России движется в сторону создания комплексной, технологичной и профилактически ориентированной системы, нацеленной не только на наказание виновных, но и на устранение самих условий, порождающих коррупционный спрос и предложение.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. - 1996.

2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008.

3. Иванова, А. А. Виктимологические факторы коррупционного преступления и антикоррупционная виктимологическая безопасность / А. А. Иванова // Научный журнал. – 2020. – Т. 75, № 10. – С. 82-86.

4. Иванова, А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки / А. А. Иванова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – № 4. – С. 253-260.

5. Вишневецкий, К. В. Виктимологический механизм коррупции / К. В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 14. – С. 56-59.

6. Бондарь, А. Г. Виктимологический аспект коррупционных преступлений / А. Г. Бондарь // Уголовное право и криминология. Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2019. – № 2 (44). – С. 167-171.

7. Развин, Я. М. Виктимология преступности / Я. М. Развин // Виктимология. – 2016. – № 1 (7). – С. 53-56.

8. Отчет о выполнении в 2024 году в Минфине России мероприятий, направленных на предупреждение коррупции // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации.

9. Отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации о состоянии преступности коррупционной направленности за 2024 год // Официальный сайт Генеральной прокуратуры

© Васина А.В., 2025

Вичева Алена Андреевна,
старший преподаватель кафедры
конституционного и гражданского права
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В АНТИКОРРУПЦИОННОМ СТАНДАРТЕ ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в статье рассмотрен вопрос отражения российских традиционных ценностей в Антикоррупционном стандарте поведения сотрудника органов внутренних дел. Установлено, что изучаемые ценности отображены в требованиях быть нетерпимым к проявлениям коррупции, избегать неправомерного интереса к работе коллег и быть справедливым в оценке своей деятельности и деятельности коллег. Определено, что несоблюдение требований Антикоррупционного стандарта приводит не только к нарушению профессиональных этических норм, но и способствует нивелированию ценностями российского государства.

Ключевые слова: традиционные ценности; Антикоррупционный стандарт; духовность; мировоззрение; служение Отечеству; нетерпимость к проявлениям коррупции.

В соответствии с пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) традиционные ценности представляют собой «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан Российской Федерации…» [3]. Анализ указанного нормативного акта показал, что ценности присущие российскому многонациональному народу противопоставляются насаждению из вне чуждой деструктивной идеологии, пропагандирующей «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству, созидательного труда» и др. Также в пункте 17 Указа № 809 акцентируется внимание на рисках, которые могут возникнуть в случае распространения такой идеологии, в частности, «подрыв доверия к институтам государства, дискредитация идеи служения Отечеству, формирование негативного отношения к воинской службе и государственной службе в целом». Важно отметить, что коррупция [1, с. 22] обостряет указанный риск. При этом важность рассматриваемого вопроса обусловлена особенностями службы в органах внутренних дел. Т.к. именно служение Отечеству, как отмечают С.Ф. Самойлов и Н.А. Шеуджен, выступает основной установкой мировоззрения сотрудников правоохранительной деятельности [6, с. 299]. С учетом указанного вопросы связанные с репрезентацией традиционных ценностей в Антикоррупционном стандарте поведения сотрудника органов являются весьма актуальными.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в пункте 19, выделяют одним из направлений противодействия рискам распространения чуждой идеологии «совершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии». Представляется, что такое совершенствование должно начинаться с формирования в мировоззрении сотрудников органов внутренних дел приверженности к традиционным ценностям российского государства.

Отметим, что ценностный компонент мировоззрения сотрудника органов внутренних дел имеет свое закрепление в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел. В пункте 3 данного документа имеется прямое указание, что «этические требования основываются на принятых в российском обществе нравственных принципах и ценностях…» [2]. Данное положение не только связывает, но и напрямую отсылает нас к Указу № 809. Становится, очевидно, что традиционные российские духовно-нравственные ценности составляют основу поведения сотрудника полиции. Уместно указать на сложившуюся в науке позицию, что мировоззрение сотрудников правоохранительных органов имеет ценностный характер [6, с. 299]. При этом осуществление политико-воспитательной работы на местах позволяет не только сформировать профессиональные ценности, основанные на традициях правоохранительных органов, но и укрепить общероссийские ценности в сознании каждого сотрудника полиции.

В современном российском обществе проводится поступательная работа по укреплению такой ценности как «приоритет духовного над материальным». Отметим, что Н.Г. Русакова определяет духовность человека как «способность личности к самоконтролю, нравственной оценке собственных действий на основе понимания своей ответственности перед другими людьми, обществом за совершаемые поступки, способность различать и выбирать истинные нравственные ценности и подчинять им свое поведение, стремление к внутреннему совершенству» [5, с. 215]. Осознание семантического содержания категории «духовность» позволяет включить ее компоненты в ценностные ориентиры, которые как отмечает Б.Г. Ананьев представляют собой направленность личности на те или иные ценности [7, с. 26]. Представляется, что категория «духовное» в указанном контексте является стратегическим ценностным направлением, порождающим такие ценности как справедливость, честность, личная ответственность, личный вклад в итоговый результат, коллективизм, поддержка и взаимопомощь, которые также имеют важное значение для сотрудников полиции.

Такая ценность как приоритет духовного над материальным лежит в основе Антикоррупционного стандарта поведения сотрудника органов внутренних дел, который напрямую закрепляет требования нетерпимости к проявлениям коррупции, избегания неправомерного интереса к работе коллег, справедливости в оценки своей деятельности и деятельности коллег. Нетерпимость к проявлениям коррупции В.А. Овченков и В.К. Першина определяют как отрицательное отношение к любым проявлениям коррупционного поведения [4, с. 47]. Избегание

неправомерного интереса к работе коллег, на наш взгляд, возможно рассматривать как отказ от ненужного (чрезмерного) вмешательства в их деятельность, основанного на принципах уважения профессиональных границ, соблюдения должностных полномочий, предотвращения конфликтов в служебной деятельности, сосредоточения на собственных должностных обязанностях. Предполагаем, что справедливость в оценке своей деятельности и деятельности коллег представляет собой качество сотрудника полиции, которое основано на беспристрастном, объективном и обоснованном суждении о результатах своей или чужой деятельности с применением одинаковых критериев оценки.

Следует отметить, что нарушение требований Антикоррупционного стандарта поведения сотрудника органов внутренних дел создает предпосылки для нивелирования всеми традиционными ценностями, сложившимися в российском обществе, а наиболее пагубное воздействие в таком случае оказываться на такие ценности как патриотизм, гражданственность, справедливость, служение Отечеству, взаимопомощь и взаимоуважение. Перечисленные ценности являются ключевыми ценностными ориентирами сотрудников полиции.

В завершение следует отметить, что традиционные духовно-нравственные ценности составляют основу Антикоррупционного стандарта поведения сотрудника правоохранительных органов. Презентуются через требования быть нетерпимым к проявлениям коррупции, избегать неправомерного интереса к работе коллег и быть справедливым в оценке своей деятельности и деятельности коллег. Не соблюдение указанных требований создает риск попирания традиционных ценностей российского общества, который может привести к неблагоприятному сценарию распространения чуждых деструктивных ценностей на территории Российской Федерации.

Список литературы:

1. Вичева А.А. Коррупция как риск попирания традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Предупреждение коррупции в органах государственной власти Российской Федерации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 12 ноября 2024 г. / Отв. ред. А.А. Арямов. — М.: РГУП им. В.М. Лебедева, 2025 С. 20-23.

2. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ Министерства внутренних дел от 26.07.2020 № 460. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации, 14 ноября 2022 г. N 46 ст. 7977.

4. Овченков В. А., Першина В. К. Формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению как одна из мер профилактики коррупционных правонарушений // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2 (89). С. 44–51.

5. Русакова Н.Г. Духовность как основа профессионально-нравственного стандарта антикоррупционного поведения сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №3 (43). С. 214-216.

6. Самойлов С.Ф., Шеуджен Н.А. Ценностные основания процесса конструирования правоохранительного мировоззрения // Общество и право. 2015. №4 (54). С. 298-302.

7. Шайкова М.В. Ценностные детерминанты управленческой деятельности руководителя ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. №2. С. 25-27.

© Вичева А.А., 2025

Викторова Лидия Кирилловна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России);
Сарбаева Елизавета Андреевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России)

Научный руководитель:
Ксендзов Юрий Юрьевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук

НОВЫЕ ФОРМЫ И ВИДЫ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: двигателями прогресса в современном мире являются глобализация и цифровизация, которые пронизывая все сферы общественной жизни, способствуют возникновению новых способов совершения преступлений коррупционной направленности. На протяжении долгого времени коррупция рассматривалась главным образом в качестве внутригосударственной проблемы, порожденной избыточной бюрократией и злоупотреблениями властью в пределах национальных границ. Однако, в 21 веке коррупционные преступления все более приобретают мировой характер. Цифровизация способствует развитию государств и международного сотрудничества в различных сферах жизни, но, с другой стороны, создает принципиально новую виртуальную среду для коррупционных практик, которые становятся менее заметными, но более масштабными и опасными для общества.

Ключевые слова: киберкоррупция; глобализация; цифровизация; транснациональная коррупция; легальная коррупция; легальная коррупция; антикоррупционная политика; криптовалюты.

Эволюция коррупции в эпоху цифровизации демонстрирует парадоксальную двойственность технологического прогресса. Цифровая трансформация, безусловно стала одним из самых значительных инструментов повышения прозрачности управления, что подтверждается повсеместным внедрением электронного Правительства, порталов государственных услуг и систем цифровизированного документооборота. Эти меры действительно способствуют снижению уровня низовой коррупции, поскольку минимизируют непосредственный контакт между гражданами и должностными лицами, переводя общение указанных лиц в регламентированное электронное взаимодействие [1]. Параллельно с этими процессами, происходит качественная трансформация коррупционных практик. Коррупция не исчезает, а лишь переходит из одной сферы в другую, а именно

в информационное пространство, что делает преступления данного характера менее заметными для традиционных устоявшихся средств контроля и пресечения правоохранительными органами. Используемые в практике меры по противодействию данному явлению теряют эффективность, поскольку их объект переходит из реальных форм проявления в виртуальную среду, качественно и количественно меняясь. В результате данной трансформации возникает феномен киберкоррупции [2, с. 178].

Ярким примером проявления этого явления выступают сложные схемы в сфере государственных закупок, где использование непрозрачных корпоративных структур и офшорных счетов, позволяет скрыть бенефициаров данных сделок. Одним из примеров совершения преступления коррупционной направленности является продажа здания Дворца культуры имени Кирова в Санкт-Петербурге. Данная сделка была признана фиктивной, а покупатели по ней – недобросовестными приобретателями [3]. В мае 2025 года Генпрокуратура подала иск к ООО «ДК Кирова», чтобы вернуть в федеральную собственность указанный дворец. По убеждению суда, здание с момента постройки принадлежало государству и незаконно выбыло из его владения сначала к профсоюзам, а затем к братьям Алексею и Денису Семёновым. Прокуратура считала, что бизнесмены стали недобросовестными собственниками, потому что не убедились в том, что здания не являются госимуществом и «не проанализировали архивные документы на предмет источников финансирования здания ДК». 9 сентября 2025 года Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области полностью удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и постановил национализировать здание. Суд аннулировал запись о праве собственности на объект ООО «ДК Кирова» и отклонил встречный иск предпринимателей о признании отсутствующим права собственности РФ на здания Дворца культуры.

Еще одним важным элементом в данных операциях является киберпреступность, а именно использование пиратского программного обеспечения, не получающего регулярных обновлений безопасности, которое создаёт уязвимости в критической инфраструктуре государств. Угроза совершения преступления посредством использования информационных технологий может быть следствием коррумпированных схем закупок, когда должностные лица намеренно выбирают нелицензированные продукты в корыстных целях, делая государственные системы незащищенным объектом вмешательств киберпреступников.

Среди конкретных новых форм коррупции, можно выделить использование анонимных криптовалют при передаче взяток, что затрудняет отслеживание транзакций, что особенно актуально для схем с участием иностранных должностных лиц или транснациональных корпораций [4, с. 173]. Также, среди наиболее распространённых новых мошеннических схем можно выделить манипуляции при проведении электронных торгов: настройка критериев под конкретного поставщика, использование инсайдерской информации, либо сговора. По статистике Генеральной Прокуратуры РФ, почти 65% всех выявленных коррупционных преступлений было связано с фактами получения или дачи взяток, что составило на 29% больше преступлений коррупционной направленности, чем

в прошлом году. Актуальной на сегодняшний день остается проблема манипуляции большими данными (Big Data), когда происходит целенаправленное искажение информации для принятия выгодных для некоторых лиц решений или сокрытие нарушений, например, в сфере распределения бюджетных средств.

На глобальном уровне, все более актуальной становится проблема «легальной коррупции» в развитых индустриальных странах [5]. Данный вид коррупции предполагает действия, которые формально не нарушают закон, но искажают процесс принятия политических решений, нанося ущерб публичным интересам. Согласно докладу Института глобальной аналитики, процессами, которые подпадают под признаки легальной коррупции являются: непрозрачное финансирование политических компаний, когда крупные пожертвования обеспечивают доступ власти и влияния на принятые решения; лоббизм; контроль над СМИ, используемый для оказания влияния на общественные мнения и сокрытие коррупционных мероприятий. Влияние глобализации на коррупцию придает ей транснациональный характер, стирая границы не только для товаров и капиталов, но и для коррупционных схем, которые в свою очередь часто выстраиваются с участием множества юрисдикций [6].

Глобальный характер коррупции заставляет страны корректировать свою политику. В настоящее время в США действуют десятки неправительственных организаций («Judicial Watch», «Projecton on Government Oversight», «Global Integrity», «Government Accountability Project» и др.), главная задача которых заключается в разоблачении коррупции [7].

Эти организации отслеживают финансовые пожертвования на избирательные кампании политиков. В соответствии с действующим в США законодательством предвыборные комитеты кандидатов и политических партий обязаны периодически представлять в Федеральную избирательную комиссию доклады о своих финансовых источниках и расходах. Помимо этого, законодательство требует указывать спонсоров любой телевизионной политической рекламы, агитирующей за конкретного кандидата на выборах федерального уровня. Аналогичные правила действуют во многих штатах применительно к местным выборам.

Институт осведомительства занимает значительное место в выявлении финансовых и коррупционных правонарушений. Доносители законодательно защищены от мести или иного воздействия по службе, что способствует развитию данной формы противодействия коррупции.

Законом «О гражданских инициативах» 1989 г. (Whistleblower Protection Act, P.L.101-12) запрещается увольнение, дискриминация или другие репрессивные действия в отношении работника федерального органа власти, который сообщил о действительном или предполагаемом нарушении закона своему работодателю, правоохранительным органам, СМИ или общественной организации (предусматривается также защита интересов работодателя от недобросовестных информаторов) [8, с. 20].

Еще в 1863 г. был принят закон «О фальсификации правопритязаний» (False Claims Act), позволивший гражданам, подозревавшим правительственных подрядчиков и чиновников в обмане государства, подавать против них иск в суды. При этом в случае выигрыша дела бдительный гражданин получал часть

(15-25%) присужденного судом возмещения убытков. Эта практика распространена до сих пор [7].

Говоря о конкретных решениях для усиления борьбы с коррупцией в мире цифровизации, стоит внедрить сквозной цифровой контроль за правом собственности. Для противодействия использованию номиналов и офшоров, необходимо создание публичных и прозрачных цифровых реестров бенефициарных владельцев всех компаний, а также применения технологий распределительного реестра для отслеживания корпоративных изменений и крупных финансовых операций.

Для ограничения «легальной коррупции», следует законодательно ограничить возможности для непрозрачного политического финансирования, установить строгие правила для должностных лиц, которые с государственной службы переходят в бизнес и обеспечить независимость СМИ для осуществления общественного контроля.

Укрепление международного сотрудничества в условиях цифровой трансформации является одним из самых значимых направлений развития государственной политики для предупреждения коррупционных преступлений. Необходимо сохранять и развивать многосторонние форматы взаимодействия в сфере актива и обмена оперативной информацией, основываясь на нормах Конвенции ООН против коррупции, которые должны адаптироваться к новой реальности, находя взаимопонимание по тем вопросам, где интересы стран совпадают.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что глобализация и цифровизация не ликвидировали коррупцию как социально-правовое явление, а обусловили её глубокую структурную трансформацию. На смену относительно простым и локализированным формам коррупции пришли сложные, имеющие транснациональный характер, гибридные схемы, обусловленные анонимностью цифрового пространства и пробелы в международном регулировании данных преступлений. Международный опыт, в свою очередь, подтверждает, что ключом к успеху является не просто внедрение технологий, а их интеграция в комплексную антикоррупционную политику, подкрепленную политической волей.

Список литературы:

1. Шарков, Ф. И. Цифровые технологии: преиму щества, проблемы развития и киберпреступ ность // Ком муникология: электронный научный журнал. – 2021. – № 2. – С. 35–45.

2. Попова С.А., Акулин С.В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. 2023. №3. - С. 178- 184.

3. Арбитражный Суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области А56-43731/2025 // Электронное правосудие URL: https://kad.arbitr.ru/Card/918b5ad8-bf0f-43c0-988f-1e268d72e618 (дата обращения: 29.10.2025).

4. Валиахметова, А. А. Современные цифровые технологии в сфере противодействия кор рупции // Молодой уче ный. – 2021. – № 21 (363). – С. 173–175.

5. Наумов Ю. Г. Коррупция как угроза международной экономической безопасности // Russian Journal of Economics and Law. 2009. №4 (12).

6. Гуржий Т. А., Коррупция как феномен мировой глобализации // Russian Journal of Economics and Law. 2014. №1 (29).

7. Иностранный опыт борьбы с коррупцией и повышение антикоррупционного правосознания граждан (Справочная информация) // Министерство юстиции Российской Федерации URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korrupcii/inostrannyj-opyt-borby-s-korrupciej/ (дата обращения: 29.10.2025).

8. Бойко А.П. Организация борьбы с коррупцией в США как инструмент обеспечения экономической безопасности // Экономика и бизнес: теория и практика – 2017. – №8. – С. 19-23.

© Викторова Л.К., Сарбаева Е.А., 2025

Гаврилова Ольга Вячеславовна,
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОПЫТЕ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В СТРАНАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация: в статье проанализированы механизмы противодействия коррупции и их эффективность. Рассмотрен опыт борьбы стран Содружества Независимых Государств с коррупционными проявлениями на примере таких государств, как Республика Беларусь и Республика Казахстан.

Ключевые слова: коррупция, мероприятия, борьба, страны Содружества Независимых Государств, Республика Казахстан, Республика Беларусь.

Говоря об опыте противодействия коррупции в странах постсоветского пространства – странах Содружества Независимых Государств остановимся на рассмотрении опыта борьбы с этим социальным злом в двух крупнейших постсоветских Республиках, ныне независимых государствах: Республике Беларусь и Республике Казахстан. К великому сожалению автора статьи – уроженки Таджикской ССР, пример эффективности проведения антикоррупционных мероприятий на ее малой Родине, ныне Республике Таджикистан, не может быть приведен в пример в рамках настоящей статьи. Таджикистан сегодня – одна из наиболее коррумпированных стран мира.

Рассмотрим положительной опыт реализации антикоррупционных мероприятий, проводимых в некоторых государств Содружества Независимых Государств. Многие из них стали на путь активного противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы. Анализ их положительного опыта позволяет выделить несколько важных моментов.

Следует, прежде всего, отметить, что все страны Содружества единодушны в характеристике коррупции как опасного, сложного и многогранного явления, отражающего глубинные противоречия правовой системы. Коррупцию все страны называют серьезной угрозой их национальной безопасности, в связи с чем, делают вывод о необходимости формирования эффективных механизмов противодействия этому социальному злу.

Руководство стран СНГ осознает, что коррупция возникает, развивается и трансформируется одновременно с государством, правом и бизнесом. Поэтому борьба с коррупцией должна носить всеобъемлющий и системный характер, опираться на прочное антикоррупционное национальное и международное законодательство, эффективную правоохранительную систему и силу общественного мнения.

Подчеркнем особо, что лидерами стран СНГ коррупция трактуется в самом

широком смысле как использование власти и должностного положения в личных интересах, а также в интересах третьих лиц. Более того, в ряде стран СНГ коррупция стала естественной социальной средой существования преступного мира, в результате чего государства все больше приобретают признаки коррумпированных.

Особо подчеркнем, что во всех странах СНГ приняты национальные стратегии, планы, программы и специальные законодательные акты, направленные на борьбу с коррупцией, сформированы официальные и общественные структуры. Сделано это в форме многочисленных совещательных, консультативных, координационных и экспертных структур;

И последнее на что необходимо обратить внимание, что развитие законодательства в сторону усиления не только уголовной и административной, но и моральной ответственности за правонарушения коррупционного характера.

Примером могут служить усилия стран Содружества по успехам в борьбе с коррупцией в сфере государственных закупок. Как главные направления в этой деятельности выделим:

– совершенствование нормативной законодательной базы. Во всех государствах СНГ приняты специальные антикоррупционные законы, программы и хартии, внедряются стандарты результативности и соответствующие административные регламенты, регулирующие порядок проведения тендеров, закупок и аудиторских проверок. Работа идет и создается здоровая деловая среда, позволяющая контролировать ситуацию и в случае необходимости применять соответствующие координирующие меры, а если требуется, то и соответствующие юридические санкции;

– стимулирование антикоррупционных усилий на проектном и ведомственном уровнях. С этой целью принимаются соглашения о добропорядочности взаимодействия, требующие и от подрядчиков, и от государственных служащих отказаться от практики дачи и получения взяток, организации откатов и «распилов». Предусмотрены санкции за нарушение достигнутых соглашений. Прозрачность отношений обеспечивается путем обнародования тендерной документации, проведением аудиторских проверок, участия в переговорах представителей общественности;

– повышение уровня профессионализма специалистов, занятых в сфере организации тендерных мероприятий путем: создания специальных учебных программ; учреждения профессиональных ассоциаций; разработки кодексов служебной, корпоративной, деловой, ведомственной этики; мониторинга и аттестации предприятий; разработки минимальных стандартов в области государственных подрядов; заключения пактов добропорядочности Для этого принимаются соглашения о добропорядочности взаимодействия, требующие и от подрядчиков, и от государственных служащих отказаться от практики дачи и получения взяток, организации откатов и «распилов». Тут же предусмотрены санкции за нарушение достигнутых соглашений. Прозрачность отношений обеспечивается путем обнародования тендерной документации, проведением аудиторских проверок, участия в переговорах представителей общественности;

В рамках нашей статьи мы не могли не проанализировать опыт в данном

направлении детальности, накопленный в одной из самых дружественных нам стран, нашей ближайшей соседке – Республике Беларусь.

Отметим, что после обретения Беларуси независимости такое негативное социальное явление, как коррупция всегда рассматривалась обществом и руководством страны как прямая угроза национальной безопасности, стабильности и согласия в обществе. Для лидеров Республики решительная и бескомпромиссная борьба с этим социальным злом явилась главным стержнем внутренней политики государства. Проблемы борьбы с коррупцией на постоянном контроле у Главы государства. Вопросы эти рассматриваются на Всебелорусских народных собраниях, содержатся в президентских посланиях белорусскому народу и Национальному собранию.

Важное место занимают они и в отчетах руководителей различных министерств и ведомств. Вопросы, связанные с коррупционными рисками, затрагивается также и на встречах лидеров государства с представителями зарубежных и государственных Средств массовой информации и трудовыми коллективами предприятий и организаций Республики Беларусь.

В Республике свыше десяти лет, как принято и действует специальное антикоррупционное законодательство, базовый документ которого – Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией» [5] .

В государстве были ратифицированы важнейшие международные нормативные акты по борьбе с коррупцией, в числе которых Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [1], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [2], Конвенция ООН против коррупции [3], Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [4].

Указом Президента Республики Беларусь утверждена Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией. Разработаны также региональные и отраслевые программы в целях эффективного предупреждения, выявления и пресечения коррупции в отдельных регионах, отраслях и сферах деятельности, системах государственных органов и иных организаций.

Сформированная в Республике Беларусь система борьбы с коррупцией включает: разработку антикоррупционной нормативной правовой базы и механизма ее реализации; разграничение зон ответственности и организацию взаимодействия заинтересованных структур по противодействию коррупции; создание специальных подразделений по борьбе с коррупцией; научно-информационное сопровождение деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией; использование государственных СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции.

Нельзя не отметить и тот факт, что в стране сформировалась единая система государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, в которой органам Прокуратуры страны отведена роль ведущей ответственной организации в системе борьбы с коррупцией. При Генеральной прокуратуре Республики Беларусь был создан Общественный совет по противодействию коррупции,

основная задача которого стала консолидация общественности для оказания помощи правоохранительным органам в борьбе с коррупцией, создание единой системы мониторинга и информирования по проблеме.

Нельзя не подчеркнуть и роль государственных Средств массой информации страны, которые играют немаловажную роль в борьбе с коррупционными проявлениями в государстве. Важен и вклад в общее дело, которые вносят «Горячие линии», «Телефоны доверия», «Телефоны обратной связи». Традиционным стало и проведение единых дней информирования, деятельность информационно-пропагандистских групп, встречи руководителей предприятий с трудовыми коллективами, прием граждан по месту жительства.

Рассмотрим опыт антикоррупционной деятельности в Республике Казахстан.

Говоря о начале антикоррупционной кампании в Казахстане, то оно было положено почти два десятилетия назад и связано с принятием Закона «О борьбе с коррупцией» в 1998 г.

На сегодняшний день в Республике рабочим является Закон «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 г. № 410-V [6]. В приведенном законодательном акте трактовка понятия «коррупция» преподносится как незаконное использование должностного статуса установленного круга субъектов в целях извлечения лично или через посредников имущественных или неимущественных благ и преимуществ.

Логическим продолжением в борьбе коррупции на законодательном уровне в стране были приняты три программы по борьбе с коррупцией. В них

была предложены мероприятия государственная политика борьбы с коррупцией, с преставлением соответствующих ее правовым и организационно-управленческим обеспечением. Также были тщательно оговорены меры, которые предполагалось реализовать в рамках Единой национальной антикоррупционной стратегии.

Однако, как говориться в русской поговорке «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги», что в полной мере относится к приведенным выше документам. В практику намеченные мероприятия Стратегии успешно применены не были. Казахстан, по прежнему, оставался на 120-м месте в Рейтинге Индекса восприятия коррупции.

Именно в связи с этим негативным «рекордом» Президентом Назарбаевым 14 апреля 2005 г. был утвержден Указ «О мерах по усилению борьбы с коррупцией, укреплению дисциплины и порядка в деятельности государственных органов и должностных лиц» [8].

Наряду с подписанным лидером Республики Указом имело место утверждение вновь принятой Государственной программой борьбы с коррупцией, рассчитанной сроком на пять лет. Нельзя не отметить и проведенного пересмотра и переосмысления нормативной антикоррупционной правовой базы страны на предмет выявления документов, отдельных статей и норм, провоцирующих и способствующих совершению коррупционных преступлений. В этой связи нельзя не упомянуть и о введение в действие Кодекса чести государственного

служащего. Руководителем Казахстана публично было дано обещание гражданам страны, что послаблений в расследовании и привлечении к ответственности за коррупционные преступления никому не будет.

Указом , утвержденным Главой государства в декабре 26 декабря 2014 г., была введена Антикоррупционная стратегия Казахстана на 2015-2025 гг. [7], Нельзя не сказать и о проведенных с целью предотвращения совершения коррупционных противоправных деяний мероприятий: было разработано типовое положение об аттестации служащих, внедрена должностная регламентация с четким определением их прав, обязанностей, ограничений и запретов отдельно по каждой категории государственных и муниципальных служащих; был проведен пересмотре квалификационных требований и условий заключения служебных контрактов; были установлены четкие критерии, направленные на обеспечение государственным служащим заработной платы и социальных льгот, значительно стимулирующих честное выполнение служебных обязанностей и реально дающих гарантирую престижа высокого социального положения служащего после его отставки.

В этой связи нельзя не упомянуть и том, что в стране были созданы специализированные органы по борьбе с коррупцией: Национальное бюро по делам государственной службы и противодействию коррупции; комиссии по вопросам борьбы с коррупцией и соблюдению служебной этики государственными служащими; Консультативно-совещательный орган при президенте Республики Казахстан; Высший правительственный дисциплинарный совет; дисциплинарные советы на общественных началах во всех государственных и муниципальных органах власти, во всех государственных корпорациях и финансовых структурах.

Устранение причин теневой экономики, прекращение массовой утечки капиталов за пределы страны и создание условий для возврата национальных финансовых средств в реальный сектор экономики Казахстана были названы среди важнейших антикоррупционных задач.

Рассмотрим меры экономического характера, которые были предприняты в Казахстане по борьбе с коррупцией. Это – сокращение наличного денежного оборота путем внедрения безналичных электронных технологий банковских расчетов; устранение условий, способствующих «отмыванию» незаконно накопленных капиталов; правовое ограничение практики «обналичивания» денежных средств; введение комплексного банковского контроля деятельности финансово-промышленных групп.

Активизация общественного антикоррупционного контроля; сокращение сектора теневого бизнеса; борьба с коррупцией в судебных и правоохранительных органах; повышение правовой культуры общества и формирование нетерпимого отношения к корыстной преступности; оптимизация оплаты труда служащих государственного аппарата; внедрение технологий электронного правительства; развитие международного сотрудничества в сфере противодействия коррупции были поставлены во главу угла в этой нелегкой борьбе с социальным злом.

Однако в числе самых главных мероприятий можно назвать такие

как антикоррупционный мониторинг, анализ коррупционных рисков, принципиальность в решении коррупционных дел и неотвратимость наказания.

В качестве примера таких громких дел, связанных с коррупционными преступлений должностных лиц страны, в том числе и самого высокого ранга по коррупционным злоупотреблениям можно назвать возбужденные уголовные дела в отношении руководителей областей Республики, Министерства обороны страны, крупных промышленных и аграрных корпораций государства.

Список литературы:

1. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. СПС Консультант Плюс.

2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. СПС Консультант Плюс.

3. Конвенция ООН против коррупции. СПС Консультант Плюс.

4. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. СПС Консультант Плюс.

5. Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. «О борьбе с коррупцией». СПС Консультант Плюс.

6. Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 г. № 410-V. СПС Консультант Плюс.

7. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 гг., ведена Указом Президента Республики Казахстан. СПС Консультант Плюс.

8. Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по усилению борьбы с коррупцией, укреплению дисциплины и порядка в деятельности государственных органов и должностных лиц» от 14 апреля 2005 г. СПС Консультант Плюс.

© Гаврилова О.В., 2025

Глухова Анна Анатольевна,
начальник кафедры криминологии
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Фетисова Татьяна Витальевна,
преподаватель кафедры криминологии
Нижегородской академии МВД России

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в работе освещены вопросы актуальности исследования коррупции в органах внутренних дел на современном этапе. Приведены некоторые результаты проведенных коллективом авторов исследований, посвященных изучению отдельных направлений предупреждения коррупции в системе МВД России с акцентом на наиболее распространенных, эффективных и перспективных формах и методах.

Ключевые слова: органы внутренних дел; коррупция; коррупционные преступления; предупреждение.

Коррупция на государственной службе – абсолютно противоестественное явление. Должностные лица, представители органов власти, местного самоуправления и т.п., призванные охранять и защищать интересы человека, общества и государства становятся носителями коррупционной модели поведения. Подрывается вера, обесценивается уважение официальной власти, дискредитирует само понятие служения Отечеству и обществу.

В свою очередь общественная опасность коррупционных правонарушений и преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, которые являются субъектами, наделенными правом применять меры государственного принуждения, намного выше, нежели у других государственных и муниципальных служащих.

Эти и не только факторы обуславливают необходимость совершенствования форм и методов предупреждения коррупции в органах внутренних дел. Своевременный и системный контроль позволяет выявлять проблемные аспекты такой деятельности, а мониторинг промежуточных результатов несомненно определит вектор дальнейшей работы [1].

В этой связи независимо от места и времени сотрудникам органов внутренних дел необходимо учитывать, что их поведение должно всецело соответствовать ограничениям, запретам и требованиям, предъявляемым действующими нормативными актами Российской Федерации, и не допускать поступков, способных вызвать сомнения в их добропорядочности.

Коллективом авторов Нижегородской академии МВД России был проведен ряд исследований в период с 2020 по 2025 гг., позволивших описать

и проанализировать правоприменительную практику по противодействию коррупции в подразделениях МВД России и оценить эффективность антикоррупционной деятельности в системе МВД России.

Антикоррупционные меры, реализуемые в органах, организациях и подразделениях МВД России, можно условно разделить на несколько групп.

Кадровые аспекты антикоррупционной деятельности.

В целях профилактики совершения личным составом дисциплинарных проступков проводятся организационные и практические меры, направленные на улучшение работы с кадрами. Особое внимание по профилактике коррупционного поведения отводится работе с молодыми сотрудниками, а также на предварительном этапе профессионального психологического отбора кандидатов на службу в ОВД.

На особом контроле находится антикоррупционное просвещение граждан, изъявивших желание поступить на службу в органы внутренних дел. Кандидаты на должности в органы внутренних дел изучают запреты, ограничения, требования к служебному поведению, установленные законодательством, также им вручаются тематические памятки. Проводится анализ личных дел, анкет на предмет возможного возникновения конфликта интересов в связи с работой близких родственников с целью предотвращения возможности возникновения конфликта интересов при назначении на должности, в связи с этим, к примеру, в МВД по Республике Крым был разработан соответствующий опросный лист [2]. Принимаются соответствующие меры реагирования, направленные на исключение возможности возникновения конфликта интересов и соответственно сбережение личного состава.

Социально-психологическое изучение личностных особенностей кандидатов на службу является также одним из приоритетных направлений антикоррупционной политики, посредством которого оценивается уровень развитости правосознания, применяются методы оценки благонадежности и прогнозирования успешной профессиональной деятельности с целью профилактики коррупционного поведения кандидатов на должности в органы внутренних дел. Руководителями подразделений проводятся ознакомительные и разъяснительные беседы для выяснения мотивов поступления на службу и изучения коммуникативных качеств личности.

С целью выявления у граждан, поступающих на службу, и сотрудников, назначаемых на вышестоящие должности, склонности к превышению должностных полномочий, а также профилактики коррупционных правонарушений проводится специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа.

В рамках образовательного процесса в ведомственных вузах МВД России с 2011 года введена специальная учебная дисциплина «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел». Нижегородская академии МВД России, реализуя указанную дисциплину применяет практикоориентированный межкафедральный подход, привлекая ведущих педагогических работников пяти кафедр (кафедр криминологии, административного права и процесса,

уголовного и уголовно-исполнительного права, психологии и педагогики, криминалистики). В целях формирования алгоритмов антикоррупционого поведения по преодолению коррупционно опасных ситуаций, которые могут возникнуть в процессе будущей професиональной деятельности, используется обширная полигонная база академии.

Организация антикоррупционного просвещения в МВД России.

Антикоррупционное просвещение в системе МВД России ориентировано на формирование правосознания, положительных установок для оценки ситуаций, связанных с проявлением коррупции и совершением коррупционных правонарушений, формирование правовой культуры соблюдения антикоррупционных стандартов, а также обязанностей, требований, запретов и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции.

Так, например, в первом полугодии 2025 года сотрудниками ОПКиИП УРЛС МВД по Луганской Народной Республике разработаны и направлены памятки сотрудникам и работникам системы МВД по Луганской Народной Республике на темы: «Об основах антикоррупционного поведения» и «Алгоритм действий сотрудника полиции при склонении его к коррупционным правонарушениям» [3].

Мероприятия по урегулированию конфликта интересов и требования к служебному поведению.

На основе изученных материалов приходим в выводу о том, что особое внимание в современных условиях уделяется ситуациям конфликта интересов и соблюдению законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции лицами, замещающими должности, связанные с высокими коррупционными рисками, исполнение обязанностей по которым предусматривает осуществление организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций, контрольных и надзорных мероприятий, принятие решений о распределении бюджетных ассигнований, осуществление государственных закупок, выдачу лицензий и разрешений, хранение и распределение материально-технических ресурсов.

Посредством анализа личных дел сотрудников, их анкет, проведения соответствующего опроса на стадии назначения на должность, а также систематического мониторинга возможности прохождения должностными лицами МВД России в условиях подконтрольности (подчиненности) выявляются условия, указывающие на возможность возникновения конфликта интересов в связи с работой близких родственников, принимаются соответствующие меры реагирования, направленные на исключение возможности возникновения конфликта интересов и соответственно сбережение личного состава.

Вопросы представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

На особом контроле находится обеспечение неукоснительного исполнения Федерального закона от 30.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», Приказа МВД России от 16.12.2016 № 848 «О перечне должностей федеральной

государственной службы в Министерстве внутренних дел Российской Федерации и должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, при замещении которых сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, федеральные государственные гражданские служащие и работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством внутренних дел Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей». Предоставленные сведения собираются и анализируются кадровыми подразделениями территориальных органов МВД России.

Представление достоверных и полных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера является одной из основных антикоррупционных обязанностей сотрудников органов внутренних дел. Деятельность на данном направлении прежде всего ориентирована на выявление существенных, значительных проступков. Результатом такого подхода является, в частности, применение института утраты доверия.

Обязанность уведомления о склонении к совершению коррупционного правонарушения.

До первой половины 2025 года во исполнении требований приказа МВД России от 19.04.2010 года № 293 «Об утверждении порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений» (в настоящее время приказ № 512 от 28.07.2025 г. «Об утверждении порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений») сотрудники органов внутренних дел (в частности) обязаны уведомлять представителя нанимателя (работодателя).

При этом в целях стимулирования добросовестного выполнения служебного долга применяется практика поощрения сотрудников, отказавшихся от взятки. Помимо денежных премий, к сотрудникам, проявившим принципиальность, честность и профессионализм при склонении их к получению взятки, применяются также и иные виды поощрений: объявление благодарности, снятие ранее наложенного взыскания. Подобная практика широко применяется во многих субъектах Российской Федерации и заслуживает поддержки.

Подводя краткий итог, отметим, что разнообразие форм и методов предупреждения коррупционных проявлений в органах внутренних дел позволяет на ранних этапах выявить коррупционно опасные ситуации, применить меры раннего реагирования и не допустить совершения коррупционного правонарушения или преступления.

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России, отметил: «Нельзя снижать темп в борьбе и с любыми коррупционными проявлениями. Вновь хочу повторить: коррупция мешает развитию нашей экономики, социальной сферы, рынка труда, негативно влияет на деловую среду

и инвестиционный климат» [4].

Список литературы:

1. Глухова А.А., Теунаев А.С.-У. Мониторинг антикоррупционной деятельности в органах, организациях и подразделениях МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 117–127.

2. Ответ на запрос МВД по Республике Крым от 21.07.2025 № 7/15427. –7 с. Документ опубликован не был.

3. Ответ на запрос МВД России по Луганской Народной Республике от 07.08.2025 №1/11848. – 8 с. Документ опубликован не был.

4. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 01.11.2025).

© Глухова А.А., Фетисова Т.В., 2025

Голубева Людмила Александровна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Юзиханова Эльвира Гумеровна,
начальник кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ИКТ

Аннотация: настоящая статья посвящена разработке эффективных мер противодействия коррупционным правонарушениям, совершаемым с применением информационно-коммуникационных технологий. В качестве ключевого решения предлагается виктимологический подход, который интегрирует аналитические системы на базе искусственного интеллекта и проактивный мониторинг. Такой комплексный метод позволяет целенаправленно снижать уязвимость государственных институтов в условиях цифровой трансформации, создавая устойчивый барьер для новых форм коррупционных проявлений.

Ключевые слова: коррупция; виктимологическая профилактика; информационно-коммуникационные технологии; правоохранительные органы; коррупционные правонарушения, мошенничества, цифровая среда.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизни, включая государственное управление и экономику. Однако наряду с несомненными преимуществами, данная тенденция породила новые, высоколатентные и общественно опасные формы противоправной деятельности. В частности, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) активно освоены коррупционерами, которые используют их для совершения мошенничеств в отношении государственных и муниципальных ресурсов.

Особое беспокойство для данных преступлений вызывает такой аспект, как коммуникация. В отличие от традиционных технических методов, таких как взломы и вирусные атаки, современные коррупционные схемы реализуются через легитимные каналы связи, включая системы электронного документооборота, платформы государственных закупок, мессенджеры и социальные сети. Это позволяет злоумышленникам эффективно организовывать коррупционные сделки, манипулировать данными и успешно скрывать следы своей противоправной деятельности.

Указанные обстоятельства обуславливают масштабность, транзакционный характер и высокую сложность выявления подобных преступлений с использованием традиционных методов правоохранительной деятельности. Поэтому,

сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости поиска новых, опережающих стратегий противодействия.

Как мы уже выяснили, коррупционные мошенничества, совершаемые с использованием средств ИКТ, представляют собой качественно новый вид противоправной деятельности, который не просто транслирует традиционные коррупционные схемы в цифровую среду, но и порождает уникальные, присущие только ей механизмы реализации. Специфика таких мошенничеств обусловлена самой природой информационно-коммуникационных технологий, что проявляется в ряде ключевых характеристик.

Так, данным преступлениям свойственны повышенная латентность и анонимность, поскольку использование зашифрованных мессенджеров и анонимных сервисов позволяет коррупционерам минимизировать риск идентификации, маскируя противоправные сделки под легитимное деловое общение [1, с.348]. В отличие от классических кибератак, здесь ИКТ используются именно как инструмент общения и платформа для взаимодействия, где преступление совершается не через взлом системы, а через манипуляцию ее легальными пользователями или преднамеренное искажение вводимых данных.

Важной особенностью является трансграничный характер и высокая скорость совершения таких деяний. Географические границы перестают быть препятствием, а согласование условий и передача инструкций могут осуществляться мгновенно между участниками из разных стран, что крайне затрудняет юрисдикционное расследование. Кроме того, этим мошенничествам присуща масштабируемость, то есть успешно отработанная схема может быть быстро тиражирована на разные сферы и регионы, например, адаптирована из сферы госзакупок для мошенничеств с грантами или субсидиями. При этом преступления искусно легитимизируются в цифровой среде, так, фиктивные контрагенты обладают полным комплектом электронных документов, включая квалифицированную электронную подпись, а их коммуникация через официальные платформы внешне неотличима от добросовестной деятельности.

На практике распространены несколько типовых моделей таких мошенничеств. В сфере госзакупок это создание юридических лиц-«однодневок» с последующим сговором с организатором торгов для обеспечения победы в электронном аукционе по завышенной цене, где ключевая коммуникация по условиям сговора ведется через личные мессенджеры [2, с.118]. Другой распространенной схемой являются мошенничества с целевым финансированием, когда в электронных заявках на гранты и субсидии искажаются данные для создания видимости соответствия критериям, а положительное решение лоббируется через неформальные каналы связи с чиновником [3, с.21]. Также встречаются манипуляции в сфере государственных услуг, когда создаются «сервисы-посредники», которые за плату гарантируют ускоренное получение лицензий или разрешений, выступая нелегальным интерфейсом между гражданином и коррумпированным должностным лицом. Таким образом, коррупционные мошенничества с использованием ИКТ представляют собой высокоадаптивный вид преступной деятельности, анализ специфики которой позволяет перейти к исследованию виктимологических аспектов — тех системных уязвимостей, которые делают эти

преступления возможными.

Переход от криминологической характеристики к виктимологическому анализу позволяет сместить фокус с фигуры преступника на уязвимости системы и поведение жертвы, понимаемой в широком контексте. В случае с коррупционными мошенничествами с использованием ИКТ жертвой является не только государственный бюджет, но и публичные интересы общества, а также конкретные граждане и бизнес, чьи права ущемляются в результате недобросовестного распределения ресурсов. В таком случае виктимологический потенциал данной категории преступлений раскрывается через комплекс виктимогенных факторов, порождаемых цифровой средой и формирующих специфические типы виктимности.

Ключевым проявлением является институциональная виктимность, то есть уязвимость самих государственных и муниципальных институтов. Она обусловлена сложностью и недостаточной прозрачностью внедряемых цифровых процедур, например, автоматизированных систем управления госзакупками или распределения субсидий. Многоэтапность электронных процессов, зачастую непонятная даже для самих чиновников, создает идеальные условия для манипуляций и скрытия противоправных действий. Кроме того, низкий уровень цифровой грамотности части государственных служащих, неспособных распознать признаки манипуляции или мошенничества в электронном документообороте, значительно повышает риски.

Наряду с институциональной, выделяется профессиональная виктимность, присущая конкретным должностным лицам [4, с.234]. Ее источником служат их служебные полномочия и доступ к распределению значительных финансовых или административных ресурсов. В цифровой среде давление на таких лиц и соблазн к совершению противоправных действий только возрастают, поскольку коррупционное предложение может поступить в любой момент через каналы, стирающие грань между личным и профессиональным общением, такие как мессенджеры или социальные сети. Отсутствие непосредственного визуального контакта с инициатором коррупционного предложения психологически облегчает его принятие, создавая иллюзию безнаказанности.

Наконец, цифровая среда порождает принципиально новый тип — технологическую виктимность. Эта уязвимость заложена не в людях или процедурах, а в самих информационных системах и платформах. Несовершенство программного обеспечения, отсутствие встроенных систем аудита, отслеживающих цепочку принятия решений, и алгоритмические ошибки, позволяющие проводить аномальные операции, — все это объективные факторы, которые могут быть использованы коррупционерами. Таким образом, система сама по себе, в силу своих технических характеристик, может выступать как соучастник преступления, облегчая его совершение. Совокупность данных видов виктимности формирует благоприятную почву для коррупционных мошенничеств, что требует пересмотра роли правоохранительных органов, которые должны перейти от реагирования к проактивному управлению рисками и нейтрализации этих уязвимостей.

Специфика и виктимологический потенциал коррупционных мошенничеств

с использованием ИКТ требуют кардинального пересмотра роли правоохранительных органов в системе противодействия. Их функция не может ограничиваться исключительно регистрацией заявлений и последующим расследованием уже совершенных преступлений. В новых условиях ключевой задачей становится организация проактивной, профилактической деятельности, направленной на системное снижение виктимности. Это предполагает переход от работы со следствиями к управлению рисками, что реализуется через выполнение аналитической и координационной функции. Ее концепция заключается в систематическом сборе данных о типовых коррупционных схемах, а также о существующих проблемах в функционировании компьютерных систем и методах их устранения. Полученные данные предполагается представить в виде аналитического отчета для последующего распространения среди всех государственных органов и организаций, занимающихся противодействием коррупции.

В рамках данного подхода разрабатывается комплекс мероприятий, направленных на минимизацию уязвимостей системы в целом. Приоритетное внимание уделяется правовому просвещению и методической деятельности. В таком случае, правоохранительные органы, опираясь на свои уникальные компетенции и профессиональный опыт, должны разрабатывать и распространять специализированные методические рекомендации и интерактивные памятки для государственных и муниципальных служащих. Данные материалы призваны способствовать повышению осведомленности граждан о методах защиты своих интересов в цифровом пространстве, а также о распознавании подозрительных предложений о взяточничестве, поступающих через электронные каналы связи.

Кроме того, необходимо активно взаимодействовать с представителями IT-сектора для разработки и внедрения стандартов проверки информационных систем, применяемых в сфере государственного управления, что позволит своевременно выявлять и устранять потенциальные уязвимости в программном обеспечении на этапе проектирования и разработки.

Однако стандартных мер недостаточно для противодействия изощренным коррупционным схемам. В связи с этим необходимо внедрение специализированных механизмов, направленных на выявление и нейтрализацию рисков в конкретных областях и операциях. Крайне важно задействование технологий для непрерывного мониторинга интернет-пространства. Это предполагает разработку и использование правоохранительными органами специализированного программного обеспечения, способного обрабатывать большие массивы данных с применением методов искусственного интеллекта. Данное программное обеспечение способно автоматически анализировать информацию, содержащуюся на веб-сайтах государственных закупок, реестрах государственных услуг и иных открытых источниках, выявляя аномалии, подозрительные схемы и взаимосвязи, которые могут свидетельствовать о коррупционных действиях.

Еще одной перспективной концепцией является внедрение "антикоррупционных чат-ботов". Эти программные решения могут функционировать внутри ключевых информационных систем, таких как государственные порталы услуг или электронные платформы бюджетного планирования. Чат-боты в режиме реального времени отслеживают действия пользователей, включая должностных

лиц и поставщиков, информируя их о потенциальных коррупционных рисках и последствиях их действий. Они выполняют функции автоматизированных консультантов по вопросам соблюдения антикоррупционного законодательства.

Таким образом, современная роль правоохранительных органов трансформируется в управление цифровыми рисками. Расследование коррупционных преступлений является лишь одним из этапов. Приоритетной задачей становится превентивная деятельность и предупреждение коррупционных проявлений с использованием передовых технологий.

Проведенное исследование позволило раскрыть сущность и специфику коррупционных мошенничеств, совершаемых с использованием средств ИКТ, и обосновать необходимость применения виктимологического подхода в качестве ключевого элемента системы противодействия данному виду преступлений. Анализ показал, что эти преступления характеризуются не только высокой латентностью и трансграничностью, но и принципиально новой коммуникативной природой, когда ИКТ используются не для взлома, а для организации коррупционного взаимодействия и манипуляции легальными цифровыми процессами. Центральным выводом работы является положение о том, что эффективное противодействие таким мошенничествам невозможно без целенаправленного воздействия на их виктимологическую основу.

Многоаспектный характер выявленных уязвимостей требует пересмотра функций правоохранительных органов, который должен включать переход к проактивным и аналитическим мерам. В качестве основного направления преобразования деятельности предлагается переход к упреждающей модели управления рисками, реализуемой через комплекс взаимосвязанных мер. Речь идет о развитии аналитической и координационной функции, включая создание баз знаний о типичных схемах и уязвимостях; реализации мер общей профилактики, таких как специализированное правовое просвещение и разработка стандартов антикоррупционного аудита IT-систем; а также о внедрении инструментов специальной профилактики, в частности, использовании платформ проактивного мониторинга на основе Big Data и искусственного интеллекта и внедрении в государственные информационные системы «антикоррупционных бот-советников».

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленной разработке алгоритмов для AI-мониторинга коррупционных рисков, детальном изучении психологических аспектов виктимного поведения в цифровой среде, а также в проведении сравнительно-правового анализа лучших зарубежных практик противодействия киберкоррупции. Таким образом, предложенная в статье система виктимологической профилактики, центром которой становятся правоохранительные органы, представляет собой концептуальную основу для построения адекватного и эффективного ответа на вызовы цифровой эпохи в сфере противодействия коррупции.

Список литературы:

1. Зимушина, В. В. Анонимность пользователей интернета как провоцирующий фактор угроз информационной безопасности / В. В. Зимушина // Культура информационной безопасности: вызовы времени : Материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Москва, 23–24 ноября 2023 года. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 347-351;

2. Бочкова, Ю. А. Сговоры на торгах при осуществлении государственных закупок / Ю. А. Бочкова // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2(50). – С. 117-120.

3. Мангасаров, Р. А. Борьба с преступлениями экономической и коррупционной направленности, связанными с распределением и использованием бюджетных средств, выделенных на реализацию национальных проектов и федеральных целевых программ / Р. А. Мангасаров // Полицейская и следственная деятельность. – 2022. – № 1. – С. 17-29.

4. Карташова, А. О. Феномен профессиональной виктимности: содержательный анализ / А. О. Карташова // Психология и педагогика XXI века: актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей IV Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Орехово-Зуево, 16 марта 2023 года. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2023. – С. 233-235.

© Голубева Л.А., 2025

Графова Екатерина Евгеньевна,
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Валькова Татьяна Владимировна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕТЕРМИНАЦИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются детерминанты коррупционного поведения в современном обществе с позиции криминологического, социологического и психологического подходов. Проведен комплексный анализ факторов, влияющих на формирование и проявление коррупции, включая социально-экономические условия, институциональные механизмы и индивидуальные психологические характеристики. Особое внимание уделено взаимодействию объективных и субъективных детерминант, а также их роли в создании условий для проявления коррупционного поведения. Научная новизна исследования заключается в системном объединении различных подходов к анализу коррупционного поведения, выявлении комплексных взаимосвязей между социально-экономическими, институциональными и психологическими факторами, а также предложении интегрированных мер по снижению коррупционных рисков, учитывающих одновременно институциональные и личностные аспекты.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, детерминанты, социально-экономические факторы, институциональные факторы, психологические факторы, антикоррупционная политика.

Коррупционное поведение представляет собой одну из наиболее острых социальных и правовых проблем современного общества. Распространение коррупции оказывает разрушительное влияние на экономику, социальную сферу и систему государственного управления, снижая доверие граждан к органам власти и подрывая легитимность государственных институтов. В условиях глобализации и усиления взаимосвязей между государствами, коррупция становится не только национальной, но и международной проблемой, требующей комплексного научного анализа.

Научное исследование детерминант коррупционного поведения является важным этапом в разработке эффективных механизмов противодействия коррупции. Под детерминацией понимается совокупность факторов, обуславливающих формирование и проявление коррупционного поведения у индивидов и в организациях. Анализ детерминант позволяет выявить как объективные социально-экономические и институциональные причины, так и субъективные

психологические механизмы, влияющие на принятие коррупционных решений.

Коррупция как социально-правовое явление рассматривается в науке с различных позиций: криминологической, социологической, психологической и институциональной. Криминологический подход определяет коррупцию как разновидность преступного поведения, охватывая деяния, предусмотренные соответствующими статьями уголовного законодательства (например, УК РФ: статьи 290–292). Социологический подход акцентирует внимание на социальных условиях, способствующих коррупции: уровне бедности, неравенстве, культуре взаимного «покровительства» и социальном капитале общества. Психологические исследования рассматривают мотивацию индивида, влияние личностных характеристик, этических норм и моральных установок.

Методологической основой исследования является системный подход, позволяющий рассматривать коррупционное поведение как результат взаимодействия множества факторов: социально-экономических, политических, правовых, психологических и культурных. Важным компонентом является также институциональный подход, акцентирующий внимание на роли государственных и негосударственных институтов в формировании условий для коррупционной деятельности.

В научной литературе выделяются три основные группы детерминант коррупционного поведения:

1. Социально-экономические – уровень жизни населения, доходы государственных служащих, социальная стратификация, экономическая нестабильность [3, С. 47].

2. Институциональные – качество законодательства, эффективность контроля и надзора, прозрачность государственных процедур, независимость судебной системы[2].

3. Психологические и личностные – индивидуальные моральные установки, склонность к риску, социальное влияние и давление окружения [4, С. 36].

Социально-экономические условия являются одними из ключевых факторов формирования коррупционного поведения. Недостаточный уровень доходов государственных служащих, экономическая нестабильность, высокий уровень безработицы и социального неравенства создают среду, благоприятствующую коррупции. По данным Федеральной службы государственной статистики, регионы с низким средним доходом населения и высоким уровнем бедности характеризуются более высоким уровнем проявлений коррупции.

Институциональные детерминанты включают эффективность законодательства, степень контроля и надзора, прозрачность процедур и механизмов принятия решений в государственных органах. Законодательная база России, включая Уголовный кодекс РФ (ст. 290–292), ФЗ «О противодействии коррупции», обеспечивает правовую основу для выявления и наказания коррупционных правонарушений. Однако реальная эффективность мер зависит от качества их реализации, независимости органов контроля и степени открытости государственной службы.

Ключевым аспектом является также культура управления и этические

стандарты государственных институтов. Исследования показывают, что в организациях с низким уровнем прозрачности и слабым внутренним контролем формируется среда, в которой коррупция воспринимается как социально допустимая практика[5, С. 18].

Психологические детерминанты коррупционного поведения включают индивидуальные моральные установки, уровень профессиональной этики, склонность к риску и восприимчивость к социальному давлению. Мотивы коррупции могут быть как материальными (получение выгоды, повышение дохода), так и нематериальными (влияние, статус, укрепление социальных связей). Психологические исследования показывают, что личностные характеристики индивида, воспитание и профессиональное окружение существенно влияют на вероятность участия в коррупционных действиях.

Институциональные факторы дополняют социально-экономические и психологические. К ним относятся уровень прозрачности государственных процедур, эффективность антикоррупционных органов, наличие механизмов общественного контроля, а также степень независимости судебной системы. Исследования показывают, что комплексная работа по повышению прозрачности и ответственности государственных органов снижает мотивацию к коррупционному поведению[3, С. 48].

Снижение уровня коррупции требует комплексного подхода, включающего социальные, правовые и организационные меры. Среди ключевых направлений можно выделить:

1. Повышение прозрачности государственного управления – открытые данные, электронные сервисы, четкие процедуры принятия решений.

2. Усиление правового контроля – эффективная работа правоохранительных органов, независимость судебной системы, строгие санкции за коррупционные действия.

3. Социально-экономические меры – повышение заработной платы государственных служащих, снижение социального неравенства, стимулирование честной конкуренции.

4. Воспитание антикоррупционной культуры – формирование у граждан и служащих ценностей честности, ответственности и социальной солидарности.

Важной частью профилактики является сочетание институциональных и психологических подходов: внедрение стандартов профессиональной этики, регулярное обучение государственных служащих, создание механизмов внутреннего контроля и системы поощрения добросовестного поведения.

Детерминация коррупционного поведения в современном обществе является результатом сложного взаимодействия социально-экономических, институциональных и психологических факторов. Эффективная борьба с коррупцией требует комплексного подхода, учитывающего особенности социальной среды, мотивацию индивидов и качество работы государственных институтов. Разработка и внедрение мер по повышению прозрачности, ответственности и этики государственной службы создают условия для снижения коррупционных рисков.

Научное исследование детерминант коррупционного поведения позволяет не только выявлять причины возникновения коррупции, но и разрабатывать

стратегические рекомендации для государственных органов и общества в целом. В условиях глобализации и усиления общественного контроля вопросы детерминации коррупции приобретают особую значимость для обеспечения устойчивого развития государства и повышения доверия граждан к власти.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, №25, ст. 2954.

2. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // «Парламентская газета», №90, 31.12.2008.

3. Долгова А.И. Социально-экономические детерминанты коррупционного поведения // Криминология. – 2019. – № 2. – С. 45–53.

4. Иванова С.П. Психологические предпосылки коррупционного поведения // Социологические исследования. – 2018. – № 6. – С. 34–42.

5. Кудрявцев В.Н. Институциональные аспекты коррупции // Вестник права. – 2020. – № 4. – С. 12–21.

© Графова Е.Е., 2025

Грицак Надежда Ивановна,
преподаватель кафедры экономики и гуманитарных наук
Камышинского технологического института (филиал)
Волгоградского государственного технического университета

К ВОПРОСУ ОБ БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В РЯДЕ АНГЛОСАКСОНСКИХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США, КАНАДЫ)

Аннотация: в статье проанализированы антикоррупционные мероприятия в плане сдерживания коррупционных проявлений, которые проводят Правительства ряда англосаксонских стран: Великобритании, Соединенных Штатов, Америки, Канады. Приведены актуальные нормативные акты по борьбе с коррупцией в рассматриваемых странах. Показано, что антикоррупционная политика Правительств США, Великобритании, Канады весьма эффективна и имеет весьма позитивные итоги.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, мероприятия, антикоррупционная политика, закон.

Коррупция для нашей страны стала одной из болевых точек и кровоточащих язв, которые разъедают изнутри российское общество. В нашем государстве проводится много антикоррупционных мероприятий, создано антикоррупционное законодательство, но, несмотря на все принимаемые меры уровень коррупции в нашей стране еще достаточно высок.

Поэтому мне показалось небезынтересным проанализировать антикоррупционную политику, проводимую в некоторых странах мира, таких как Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Канады.

Антикоррупционная политика Правительства вышеназванных стран в себе самые активные мероприятия в плане сдерживания коррупционных проявлений

«Северный Альбион» – Великобритания по общепризнанному мнению занимает лидирующие позиции в борьбе с этим социальным злом. Островное государство, не побоимся этого слова, – передовик таких позитивных перемен в этом направлении своей деятельности. Английское законодательство по борьбе с коррупцией имеет давнюю историю и берет свое начало еще в XIX в. с момента принятия в 1889 г. Закона «О взяточничестве в публичных организациях» [1] и последующего его последовательного обновления. Вне всякого сомнения, сформированное в настоящее время антикоррупционное законодательство страны достаточно перспективно и полностью соответствует современным международным стандартам.

В основе государственной стратегии борьбы с коррупцией в стране – семь основополагающих принципов, которые включают в себя: бескорыстие, неподкупность, объективность, подотчетность, открытость, честность, личный пример.

Во главу угла антикоррупционного внимания поставлены преступления,

связанные со взяточничеством, «проплатой» должностных лиц с целью получения государственных наград, покупки государственных должностей, подкупа судей и служащих судебного ведомства. Нельзя не сказать и том вкладе, который вносит Комитет по стандартам поведения служащих в общественной жизни в общее для всех англичан дело по борьбе с коррупцией в стране.

Законодательством Великобритании предусмотрено проведение эффективных мероприятий по контролю за всеми участниками служебных и корпоративных правоотношений. Законом предусматривается немедленное реагирование и переход к более действенным санкциям за преступления, связанные с коррупцией. По английским законам предусмотрено привлечение к ответственности за коррупционные правонарушения даже тех и лица и организаций, которые лишь косвенно причастны к деятельности не совсем «прозрачных» и «чистых» в этом отношении компаний, не только английских, но и зарубежных.

В этой связи нельзя не упомянуть и Всемирный экономической форум «Партнерство против коррупции», положения и предложения которого успешно применяются в Великобритании.

Концепции, по борьбе с коррупцией, предложенные в «Инициативах по повышению прозрачности деятельности добывающих отраслей» имеют своей целью укрепление честности и добропорядочности в негосударственном секторе экономики и национальных органах власти.

Нельзя не сказать и об общих этических стандартах поведения государственных служащих, которым принадлежит важнейшая роль. Этические стандарты поведения госчиновников очень негативно квалифицируют стяжательство, продажность, лживость и непорядочность. За преступления, связанные со взяточничеством назначаются наказания, связанные не только со штрафами, отставкой и лишением пенсии, но и наказания, связанные с лишением свобод от трех до семи лет.

Затрагивая вопрос об организационных структурах, которые созданные в этом островном государстве по борьбе с коррупцией, нельзя не упомянуть о специальном Управлении жалоб на сотрудников полиции, которое создано в структуре Министерства внутренних дел страны.

Использование «индикаторов коррупции» позволяет точно определить наиболее опасные коррупциогенных зон и получить объективную оценку возможных коррупционных рисков. В качестве примеров приведем факты нецелевого использования государственных средств. Индикаторами этого правонарушения выступают использование служебного автотранспорта в личных целях; неоправданные расходы на питание; проживание и расходы в личных целях; использование государственного имущества в личных помещениях; оплата из бюджетных средств работы сотрудников за выполнение частных поручений; назначение приближенных и родственников на государственные должности.

Бурные общественные дебаты были вызваны принятием антикоррупционного Закона «О борьбе со взяточничеством» в 2011 г. [2].

В законодательном акте коррупция трактуется в узком смысле и означает «предложение, передачу, вымогательство или принятие стимулов или вознаграждений, которые могут повлиять на действия органов власти, их членов

или представителей».

Документ интегрировал в себе все нормы ныне действующих антикоррупционных законодательных актов, добавил немало новых положений, закрепил основные принципы антикоррупционной политики Великобритании: экстерриториальность; своевременность оценки коррупционных рисков; обязательность требований антикоррупционного законодательства для всех без исключения служащих; систематическая проверка кадров на предмет их благонадежности; доступность информации, касающейся коррупционной проблематики; систематический контроль.

Нельзя не упомянуть и того, что особый акцент был поставлен на противодействии таким коррупционным проявлениям, как подкуп, мошенничество, хищение активов и нецелевое использование информации, злоупотребления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, За вышеперечисленные противоправные деяния предусмотрены и наказания: тюремное заключение, уплата стоимости полученного «подношения», ссуды или иного вознаграждения, лишение пенсии, лишение права на избрание или назначения на публичную должность сроком до семи лет. Нельзя не упомянуть и действующей норме об уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за отсутствие действий в борьбе со взяточничеством.

Говоря о практике противодействия коррупции «за океаном», нельзя, прежде всего, рассмотреть опыт Соединенных Штатов Америки, которая сложилась довольно давно и имеет системный характер, свою стратегию, основан на сочетании мер предупредительного характера с мерами по пресечению коррупции, широкому спектру ограничений и запретов, связанных с поступлением и прохождением государственной и муниципальной службы, строгой урегулированности лоббистской, банковской, биржевой и иных коррупционно опасных видов деятельности. Серьезная уголовная ответственность установлена не только за получение и передачу взятки, но и даже за ее предложение и обещание. Подкуп наказывается крупными штрафами и лишением свободы до 15 лет. Гражданин может лишиться своей государственной должности, даже если в отношении него возникало подозрение в совершении им коррупционных правонарушений. Чревато это также и крушением его политической карьеры.

Правила этического поведения, действующие в «Новом Свете» исключают возникновение, каких бы то ни было, частных материально-финансовых и иных интересов, препятствующих качественному исполнению служебных обязанностей в интересах общества, государства и граждан Соединенных Штатов. Законодательно в США закреплены такие понятия, как «коррупционное правонарушение», «конфликт интересов», «индекс восприятия коррупции», «антикоррупционный мониторинг».

Вынесение приговоров по многочисленным проявлениям коррупционных преступлений в виде взяток, которые выплачивались крупными корпорациями США за получение иностранных заказов, в конце семидесятых годов XX века (в 1977 г.) повлекло за собой принятие Закона о пресечении иностранной коррупционной практики, которые выплачивались крупными корпорациями США за получение иностранных заказов. В США практически отсутствуют иммунитеты,

позволяющие должностным лицам избегать наказания за коррупцию.

Затрагивая вопрос, о структурах, которые осуществляют антикоррупционный контроль, следует сказать об уполномоченных на то комитетах и комиссиях Сената и Палаты представителей Конгресса США. Комитетами осуществляется связь с федеральными министерствами и ведомствами, проводятся слушания и парламентские расследования деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц высшего ранга, замеченных в коррупционных связях. В штате каждого ведомства предусмотрен специальный сотрудник, контролирующий соблюдение должностными лицами организации внутриведомственных этических норм; кроме того он осуществляет связь с Главным контрольно-финансовым управлением и Управлением по этике при Правительстве США.

Главной задачей Управления по этике при Правительстве США является толкование нормативных документов с точки зрения Закона о служебной этике; обеспечение декларирования доходов, расходов, имущества и ценных бумаг чиновников; организация антикоррупционного образования, расследование наиболее «деликатных» коррупционных ситуаций. Ответственность за качество расследования коррупционных преступлений и поддержание обвинения в суде на федеральном уровне осуществляет Департамент юстиции. Особое место отводится Федеральному бюро расследований (ФБР), особенно в части реализации Закона «О коррупционных практиках за рубежом» [3].

Нельзя не упомянуть и судебные органы, органы прокуратуры, специальные подразделения полиции, институт независимых прокуроров, которые проводят эффективные мероприятия по профилактике, предотвращению и нейтрализации коррупции.

В так называемом Законе о «свистунах» допускается, что любой гражданин США может сообщить в Министерство юстиции об известных ему фактах коррупции и получить за такую информацию часть суммы, предусмотренной в виде наказания для нарушителя. Органы суда и прокуратуры, специальные подразделения полиции, институт независимых прокуроров эффективно используют положения Закона в своей антикоррупционной работе. Важна и та лепта в общее антикоррупционное дело, которую вносят «телефоны доверия» и «горячие линии».

Говоря о борьбе с коррупций в США в настоящее время, то с уверенностью можно констатировать, что это – один из приоритетов государственной политики страны.

Об эффективности приводимой Правительством США антикоррупционной политики, свидетельствует тот факт, что по Индексу восприятия коррупции США никогда не опускалась ниже 25-го места в мире.

Нельзя не упомянуть и о правовой основе антикоррупционной защиты в стране. Такими документами стали «Кодекс этики правительственной службы», действующий со дня его принятия в 1958 г. [4]; «Акт об этике поведения государственных служащих США», принятый в 1978 г. [5]; «Принципы этического поведения правительственных чиновников и служащих», вступившие в законную силу в 1990 г. [6]; «Акт о защите информаторов»1989 г. [7].

В соответствии с вышеперечисленными документами государственным

служащим в обязательном порядке предписывается подавать информацию о своих «длящихся» коммерческих интересах; о наличии в собственности недвижимого и «движимого» имущества; о всех компаниях, бизнес-фирмах, кредиторах, общеобразовательных учреждениях, с которыми служащий непосредственно, через жену, несовершеннолетних детей или других членов семьи поддерживает финансово-деловые отношения. Выполнение вышеуказанных действий применяется и помимо специальных антикоррупционных деклараций.

Государственным служащим строго запрещено получение любых подарков и подношений, а также благодарностей в любых материально осязаемых формах со стороны лиц, добивающихся совершения каких-либо выгодных для них (или невыгодных для других) служебных действий со стороны чиновников. Разрешенные подарки стоимостью свыше 100 дол, в обязательном порядке декларируются. Подарки, стоимость которых выходит за пределы предусмотренной Законом суммы, должны быть отданы в собственность государству. В случае нарушения, указанных норм чиновника ожидают санкции со стороны государства: суровое наказание: штраф, частичная или полная дисквалификация, понижение в должности, уголовное преследование. Серьезно ограничены права служащих на «левые» заработки и на полученные доходы после его отставки.

Нормами Закона «О федеральном регулировании лоббистской деятельности» [8], принятого в 1946 г. любая организация, которая оказывает влияние на Конгресс, обязана регистрировать лоббистов и сообщать о присутствии своих интересов в законодательной сфере. Каждый лоббист обязан ежеквартально публиковать в «Ведомостях конгресса» отчет о своей деятельности. Законодатель исходит из того, что неурегулированный лоббизм неизбежно ведет к принятию решений, выгодных лишь для ограниченного круга лиц и, как следствие, к коррупции.

Задачами принятого в 2007 г. Закона «О частном руководстве и открытом правительстве» [9], стали: расширение прозрачности управления и политической деятельности; запрет лоббистами руководствоваться исключительно партийной солидарностью; запрет служащим и конгрессменам получать от лоббистов каких-либо подарков и вознаграждений, которые могут трактоваться как коррупционные.

В рамках нашей статьи мы не могли не рассмотреть опыт Канады, где сформировалась своя антикоррупционная практика и своя система правовых норм и нравственных принципов, направленных на сдерживание процессов коррупционного поражения государственного аппарата и частного сектора.

Коррупционные правонарушения, к которым относятся взяточничество, подкуп, обман правительства, торговля влиянием квалифицируются как самые тяжелые преступления и нередко приравниваются к государственной измене. К уголовной ответственности на равных основаниях привлекаются и взяткодатели, и взяткополучатели. Говоря о наказаниях, то они весьма серьезны. Члену канадского Парламента, который совершил коррупционное преступление, возможно назначение наказания в виде лишения свободы сроком до 14 лет и лишением его депутатской неприкосновенности.

Координирующим органом по борьбе с коррупций в Канаде стал Государственный антикоррупционный комитет. Структурно он состоит из восьми членов Правительства страны и девяти представителей системной оппозиции. Руководителем Комитета назначается наиболее авторитетный представитель оппозиции.

По инициативе Комитета в 1985 г. были приняты «Кодекс этики государственного служащего» [10], и «Кодекс по урегулированию конфликта интересов в отношении лиц, замещающих государственные должности» [11].

В числе законодательных актов, контролирующих коррупционную ситуацию в стране можно также назвать кодексы по урегулированию конфликта интересов в палате общин и в сенате. Необходимо подчеркнуть, что в Канаде в соответствии с вышеназванными документами Регулированию подлежит буквально все: от порядка использования служебной информации до получения подарков и иных приоритетов.

В порядке предупреждения коррупции практикуется такая форма контроля, как конфиденциальный доклад руководителю обо всей собственности его сотрудников – ценных бумагах, долях в товариществах и кооперативах, фермерском хозяйстве, недвижимости, займах, которыми владеет подчиненный. Под контролем также все внешние доходы.

Исполнения вышеуказанных правил обеспечиваются соответствующими нормами уголовного, административного, дисциплинарного, и общественного воздействия.

Список литературы:

1. Закон «О взяточничестве в публичных организациях». Принят в 1889 г. СПС Консультант Плюс.

2. Закон «О борьбе со взяточничеством. Принят 1 июля 2011 г. СПС Консультант Плюс.

3. Закон «О коррупционных практиках за рубежом». СПС Консультант Плюс.

4. Кодекс этики правительственной службы. Принят в 1958 г. СПС Консультант Плюс.

5. Акт об этике поведения государственных служащих США. Принят в 1978 г.;

6. Принципы этического поведения правительственных чиновников и служащих. Приняты в 1990 г. СПС Консультант Плюс.

7. Акт о защите информаторов 1989 г. СПС Консультант Плюс.

8. Закона «О федеральном регулировании лоббистской деятельности». Принят в 1946 г СПС Консультант Плюс.

9. Закон «О частном руководстве и открытом правительстве». Принят в 2007 г. СПС Консультант Плюс.

10. Кодекс этики государственного служащего. Принят в 1985 г. СПС Консультант Плюс.

11. Кодекс по урегулированию конфликта интересов в отношении лиц, замещающих государственные должности. Принят в 1985 г. СПС Консультант Плюс.

© Грицак Н.И., 2025

Гунченко Дмитрий Олегович,
преподаватель кафедры криминологии
Нижегородской академии МВД России;
Сулейманов Сулейман Тимурович,
старший преподаватель кафедры криминологии
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЦ, СООБЩИВШИХ О КОРРУПЦИИ

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме обеспечения эффективной государственной защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции. Автор анализирует действующие правовые механизмы, выявляет их системные недостатки и пробелы. Особое внимание уделяется вопросам гарантии конфиденциальности, физической безопасности и защиты от преследования. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для усиления защиты «коррупционных информаторов»

Ключевые слова: государственная защита, коррупция, предупреждение коррупции, предупреждение коррупции, безопасность, уголовный процесс.

Интерес к проблеме осуществления государственной защиты возрастал на протяжении последнего времени в связи с реализацией актуальной задачи борьбы с организованной преступностью и коррупцией в нашей стране. Формирование механизма государственной защиты участников уголовного процесса происходит на основе глубокого научного осмысления всех направлений практической деятельности в области организации следствия и судопроизводства. По справедливому утверждению А.Ю. Епихина, «процессуальная деятельность, связанная с производством по уголовному делу, a priori предполагает нормальную, то есть урегулированную законом, работу государственных служащих (должностных лиц, ведущих производство по делу, иных участников уголовного судопроизводства) правоохранительных органов. Среда функционирования правоохранительных и судебных органов Российской Федерации должна включать безопасные условия такой деятельности» [1, с. 5]. При этом безопасные условия производства по уголовному делу должны распространяться на всех участвующих в судебном заседании лиц, включая свидетелей, потерпевших и иных участников процесса.

Необходимость государственной защиты участников уголовного судопроизводства обусловлена важностью обеспечения их безопасности и сохранения объективности их показаний. Ю.А. Скосырская в данном контексте справедливо отмечает, что «без соответствующей защиты лица, обладающие ценными сведениями для расследования и суда, могут отказаться от сотрудничества с правоохранительными органами из страха за свою жизнь или жизнь своих близких» [2, с. 136]. Данное обстоятельство особенно актуально в случаях расследования

преступлений, связанных с коррупцией, и другими тяжкими преступлениями, где уровень угрозы для участников процесса значительно возрастает.

В данном контексте важную роль играет использование оперативно-розыскных мероприятий, которые направлены на выявление, предупреждение и пресечение угроз в отношении защищаемых лиц. Оперативно-розыскная деятельность позволяет не только обеспечить безопасность участников процесса, но и собрать дополнительные доказательства против лиц, оказывающих давление на них. Среди основных задач ОРМ в данном направлении можно выделить выявление источников угроз, нейтрализацию потенциальной опасности и организацию защиты жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства.

Коррупция является всеобъемлющей, поскольку охватывает практически все аспекты коррупции и обеспечивает основу для действий на национальном и местном уровнях. У нее есть механизм проверки, который приглашает гражданское общество принять участие в процессе проверки на национальном уровне. Она предлагает проведение международных встреч, на которых участники различных государств могут поделиться своими выводами и рекомендациями, чтобы повысить их эффективность Коррупционная преступность представляет собой сложный социально-правовой феномен, который наносит разрушительный вред экономическому развитию страны, способности государства бороться с организованной преступностью и негативно воздействует на все сферы общественной жизни, в этих условиях эффективное противодействие коррупции невозможно без обеспечения безопасности лиц, сообщающих о коррупционных проявлениях. Институт государственной защиты свидетелей и потерпевших становится ключевым элементом в системе мер, направленных на борьбу с этим опасным социальным явлением, обеспечивая возможность получения правдивых показаний, способных изобличить организаторов и участников коррупционных схем [3, с. 258-265].

Государственная защита участников уголовного судопроизводства, включая лиц, сообщивших о коррупции, представляет собой систему мер безопасности, применяемых уполномоченными государственными органами в отношении указанных лиц, а также их близких родственников, родственников или близких лиц, при наличии достаточных данных о том, что их жизни, здоровью или имуществу угрожает опасность .В Российской Федерации данный институт регулируется как Уголовно-процессуальным кодексом, так и специальными федеральными законами, образующими в совокупности нормативно-правовую базу для применения мер государственной защиты. Систематизация мер государственной защиты, имеющихся в различных нормативных актах, способствует оказанию эффективной, полноценной помощи участникам уголовного судопроизводства на различных стадиях уголовного процесса [4]. Особую значимость институт государственной защиты приобретает именно в сфере противодействия коррупции, поскольку коррупционные преступления характеризуются высокой степенью латентности, а лица, их совершающие, часто обладают значительными ресурсами для организации противодействия правосудию, включая запугивание или физическое устранение свидетелей.

Мировой опыт свидетельствует о том, что эффективные программы защиты

свидетелей являются неотъемлемым инструментом в борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Наиболее известной является федеральная Программа защиты свидетелей США, управляемая Службой маршалов США, данная программа была авторизована Законом о контроле над организованной преступностью 1970 года и с момента своего создания в 1971 году обеспечила защиту, переселение и предоставление новых идентичностей более чем 19250 свидетелям и членам их семей.

Ключевыми элементами успеха американской программы являются комплексный подход, включающий предоставление новых идентичностей, финансирование для покрытия основных living expenses, медицинскую помощь, профессиональное обучение и помощь в трудоустройстве, круглосуточная защита всех свидетелей, находящихся в среде с высокой степенью угрозы, включая досудебные слушания и судебные заседания, добровольность участия и осознание рисков при отказе от программы. Важно отметить, что ни один участник Программы защиты свидетелей, следовавший ее guidelines, не был убит или пострадал, находясь под активной защитой Службы маршалов США [5].

Аналогичные программы существуют и в других странах. В Италии программа защиты свидетелей была официально учреждена в 1991 году и управляется Центральным отделом защиты Полиции государства, фокусируясь на защите так называемых "pentiti" - бывших членов криминальных или террористических организаций, решивших сотрудничать с властями. В Ирландии Программа защиты свидетелей управляется Генеральным прокурором и осуществляется элитным Специальным детективным подразделением национальной полиции [6].

В Российской Федерации государственная защита лиц, сообщивших о коррупции, осуществляется в рамках Федерального закона "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства", этот нормативный правовой акт предусматривает систему мер безопасности, которые могут применяться как в совокупности, так и по отдельности. Обеспечение единства профилактики коррупции и борьбы с ней способно вывести противодействие коррупции на качественно иной уровень, однако в научной литературе отмечается наличие проблемных вопросов при реализации института государственной защиты в России. Исследователи указывают на недостатки законодательного регулирования института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, необходимость совершенствования механизмов применения мер государственной защиты. Одной из ключевых проблем является обеспечение эффективной защиты в условиях цифровой эпохи. Как отмечают специалисты, современные технологии, включая социальные сети, возможность мгновенного доступа к информации через интернет и смартфоны, создают дополнительные проблемы для сохранения в тайне личностей защищаемых лиц [7, с. 139].

Институт государственной защиты лиц, сообщивших о коррупции, является важнейшим элементом в системе мер противодействия этому опасному социальному явлению. Мировой опыт демонстрирует эффективность хорошо

финансируемых и продуманных программ защиты свидетелей, которые позволяют обеспечить безопасность лиц, сотрудничающих с правосудием, но для Российской Федерации актуальной задачей является совершенствование как нормативной базы, регулирующей применение мер государственной защиты, так и практических механизмов их реализации, а усиление профилактической составляющей антикоррупционной деятельности, обеспечение единства профилактики коррупции и борьбы с ней способно вывести противодействие коррупции на качественно иной уровень. Дальнейшее развитие института государственной защиты лиц, сообщивших о коррупции, должно включать в себя адаптацию лучших международных практик с учетом национальных особенностей, укрепление межведомственного взаимодействия, а также обеспечение адекватного ресурсного сопровождения соответствующих программ, только при этих условиях может быть обеспечена эффективная защита лиц, содействующих раскрытию коррупционных преступлений, и, как следствие, повышена результативность борьбы с коррупцией в целом.

Список литературы:

1. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А.Ю. Епихин. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Скосырская Ю.А. Теоретико-методолигические основы изучения системы обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве // Человеческий капитал. 2021. № 6 (150).
3. Юзиханова, Э. Г. Концентрация и дифференциация коррупционной преступности в Северо-Западном федеральном округе / Э. Г. Юзиханова // Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов в противодействии коррупции : Материалы межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09 декабря 2022 года / Сост.: А.Д. Рубан. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – EDN CJFDQC.
4. Раджабов Р.О. Совершенствование правового регулирования поводов применения мер государственной защиты лиц, содействующих производству по уголовному делу // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4.
5. Dozier S. K., O'Hearn D. The Federal Witness Security Program: A Retrospective Look //Dep't of Just. J. Fed. L. & Prac. – 2020. – Т. 68. – С. 135.
6. Savona E.U., Transnational Organized Crime and International Security (2019).
7. Шхагапсоев З.Л., Карданов Р.Р. Особенности государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2021. Т.11. №4.

© Гунченко Д.О., Сулейманов С.Т., 2025

Девяшов Максим Вадимович,
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Удодов Григорий Александрович,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИИ

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ современных методов профилактики коррупции, смещающих фокус с карательных мер на превентивное создание среды, в которой коррупция становится технически сложной, экономически невыгодной и социально неприемлемой. Делается вывод о том, что главным трендом является превентивная «инженерия» систем, лишающая потенциального нарушителя как возможности, так и желания действовать противоправно.

Ключевые слова: профилактика коррупции; платформизация государственных услуг, проактивная аналитика; конфискация активов, БРИКС, транснациональная коррупция.

В современном мире подходы к противодействию коррупции претерпели фундаментальную трансформацию. Сегодня акцент сместился с карательных мер, направленных на поимку и наказание виновных, на превентивное создание такой среды, где коррупция становится технически сложной, экономически невыгодной и социально неприемлема. Основной тренд современности - это не реактивное «тушение пожаров», а проактивная «инженерия» систем и процессов, которая лишает потенциального нарушителя как возможности, так и желания действовать противоправно.

Ключевую роль в этом играют цифровые технологии, такие как искусственный интеллект, блокчейн и платформенные решения, которые обеспечивают беспрецедентный уровень прозрачности и контроля. Данная статья рассматривает наиболее современные и эффективные методы профилактики коррупционных преступлений, включая платформизацию государственных услуг, повышение «цены» коррупции для чиновника, проактивную аналитику рисков, новые формы взаимодействия с обществом и международное сотрудничество.

Говоря о платформизации государственных сулуг, следует отметить, что её нормативной **о**сновой ранее стала государственная программа «Информационное общество (2011-2020 годы)» (впоследствии обновленная постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 года №386-20) [1, 2]. Мероприятия по реализации государственной программы, начиная с 2019 года, дали

старт национальным проектам «Цифровая экономика» (2019-2024 год) и «Экономика данных» (2024 - н.в.) [3, 4]. В процессе развития программ цифровой трансформации была выделена инициатива «Государство как платформа», основной целью которой становится создание клиентоцентричных сервисов, позволяющих закрыть основные потребности граждан [5].

Во-первых, ключевым механизмом является снижение личных контактов благодаря переходу на полностью онлайн-формат получения услуг, что исключает саму возможность вымогательства. Во-вторых, цифровые платформы позволяют применять технологии анализа данных: искусственный интеллект автоматически выявляет подозрительные закупки и несоответствия в доходах и расходах чиновников, формируя «красные флаги» для проверок. В-третьих, использование блокчейна обеспечивает неизменяемость данных в реестрах собственности и контрактов, позволяя гражданам проверять их подлинность и препятствуя сокрытию незаконных операций.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что платформизация не просто делает услуги удобнее, но и меняет саму среду, в которой действует чиновник. Она снижает возможности для злоупотреблений за счет автоматизации, прозрачности и ограничения пространства для личных, непрозрачных решений.

Продолжая анализ современных подходов, можно выделить еще одну группу методов, которая, на наш взгляд, направлена на повышение так называемой «стоимости» коррупции для потенциального нарушителя. Если говорить проще, идея заключается в том, чтобы сделать коррупцию экономически невыгодной и чрезмерно рискованной, лишив ее главного стимула - личного обогащения.

По словам Э.С. Дикаевой, «Основное проявление коррупции усматривается во взаимосвязи с экономическими преступлениями, в связи с чем выступает в качестве одного из видов экономической преступности.» [5, с. 122], кроме того, автором отмечено, что - «Коррупция является одной из составляющих теневого сектора экономики, поэтому необходимо учитывать при определении стратегии управления национальной экономики, при выработке политики развития страны.» [5, с. 122].

В этой связи основным инструментом воздействия на экономические мотивы коррупции является конфискация активов неизвестного происхождения, когда бремя доказывания законности приобретения имущества возлагается на чиновника, что лишает коррупцию главного смысла - сохранения незаконных доходов.

Третьим важным направлением в профилактике коррупции, на которое хотелось бы обратить внимание, является подход, который можно назвать проактивной аналитикой, предполагающий выявление и устранение коррупционных рисков до того, как они реализуются в противоправных действиях.

Одним из интересных инструментов представляется создание так называемых карт коррупционных рисков. На основе данных из разных источников - например, статистики проверок, жалоб граждан и даже анализа социальных

сетей - формируется цифровая карта региона или отрасли. На ней визуально выделяются зоны с наибольшей коррупционной опасностью.

По словам Е.В. Гулиной проекты таких карт «могут содержать криминалистическую, а также оперативно-розыскную, не секретную информацию, что существенным образом повышает превентивный эффект проекта» [6, с. 227]. Как нам кажется, это позволит правоохранительным и контролирующим органам более рационально распределять свои ресурсы, работая точечно с наиболее проблемными участками, а не проводя повсеместные проверки.

Также заслуживает внимания опыт применения психометрического тестирования. При приеме на работу в органы власти, особенно на должности, связанные с высокими коррупционными рисками (например, в таможне или налоговой службе), кандидаты могут проходить специальные тесты. Эти тесты направлены на выявление склонности к неэтичному поведению.

Коллективом авторов В. Г. Морогиным и В. А. Мазиловым, по результатам своего исследования предложена «разработка и апробация системы экспериментально-психологических методов «коррупционной психодиагностики», предназначенных для количественной оценки истинных побуждений в различных сферах человеческой деятельности государственного значения и основанных на этих методах практических приемов «антикоррупционной психопрофилактики» с целью их возможной психокоррекции [7, с. 248]. Хотя этот метод пока не получил широкого распространения, он представляется нам перспективным для дополнительной фильтрации кандидатов на стадии отбора.

Завершая анализ современных подходов, следует отметить, что в условиях глобализации коррупция приобрела транснациональный характер. Поэтому четвертым ключевым направлением представляется развитие международного сотрудничества на новом уровне. Как показывает изучение материалов, ни одно государство не способно самостоятельно противостоять коррупционным схемам, выходящим за его пределы.

Значимым достижением в этой области можно считать автоматический обмен налоговой информацией. Данный механизм обязывает банки автоматически передавать данные о счетах нерезидентов налоговым органам других стран. Нам представляется, что это серьезно усложняет сокрытие незаконно полученных средств в офшорных зонах и создает дополнительные барьеры для легализации коррупционных доходов.

Также важной инициативой выглядит создание совместных следственных групп, подобных тем, что формируются в рамках БРИКС.

По мнению К.К. Клевцова, «совместная (международная) следственная группа является важным компонентом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.» [8, с. 146], в этой связи автор предлагает «включить нормы, регламентирующие понятие, основание, порядок создания и деятельность СМСГ, в УПК РФ» [8, с. 146].

Такой подход позволит правоохранительным органам разных стран оперативно обмениваться информацией и проводить скоординированные расследования. По нашему мнению, это особенно актуально для расследования дел о транснациональной коррупции, когда участники схемы находятся в разных

юрисдикциях.

На основании проведенного анализа можно отметить, что главным современным трендом профилактики коррупции является - превентивная «инженерия», а не реактивное «тушение пожаров». Задача - не поймать взяточника, а так перестроить систему, чтобы у него не было ни возможности, ни желания это делать. Акцент сместился на прозрачность, управление данными и изменение экономических стимулов, где технологии играют решающую роль.

Список литературы:

1. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)»: распоряжение Правительства РФ № 1815-р от 20 октября 2010 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://digital.gov.ru/ru/ documents/3564 2.

2. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства РФ № 386-20 от 31 марта 2020 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://digital.gov.ru/ru/ documents/7150.

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ № 204 : принят Президентом Российской Федерации 07 мая 2018 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ acts/bank/43027.

4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ № 309 : принят Президентом Российской Федерации 07 мая 2024 года [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://kremlin.ru/ events/president/news/73986.

5. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: Учебное пособие / О. С. Яхонтова, В. Б. Клишков, В. В. Пасынков [и др.]. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. - 176 с. - ISBN 978-5-91837-984-4. - EDN WNZEWQ.

6. Гулина, Е. В. Проект карты антикоррупционных рисков как средство выявления, расследования и профилактики коррупционных преступлений в сфере высшего образования / Е. В. Гулина // Сибирское юридическое обозрение. - 2019. - Т. 16, № 2. - С. 223-227. - DOI 10.19073/2658-7602-2019-16-2-223-227. - EDN XLHQKV.

7. Морогин Владимир Григорьевич, Мазилов Владимир Александрович Коррупция: возможная психодиагностика, необходимая профилактика // Ярославский педагогический вестник. 2014. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-vozmozhnaya-psihodiagnostika-neobhodimaya-profilaktika (дата обращения: 11.11.2025).

© Девяшов М.В., 2025

Деревянко Елена Олеговна,
начальник 3 отдела по исследованию
проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия
преступлениям коррупционной направленности
научно-исследовательского центра № 3
по исследованию проблем противодействия
преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА КОМПЕТЕНТНЫХ ОРГАНОВ СТРАН СНГ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы сотрудничества правоохранительных органов стран СНГ с другими государствами (их объединениями), заинтересованными в создании альтернативных платформ для борьбы с коррупцией, в том числе по возврату коррупционных активов из-за рубежа. Приводятся перспективные направления взаимодействия БКБОП с вновь созданными органами, специализирующимися на противодействии вызовам и угрозам безопасности государств - членов ШОС.

Вносятся предложения по совершенствованию нормативной правовой базы и ее адаптации в условиях осложнения международной обстановки.

Ключевые слова: коррупция, возврат коррупционных активов, международное сотрудничество, противодействие коррупции, СНГ, ШОС.

Правоохранительные органы Российской Федерации в складывающейся в настоящее время военно-политической обстановке совершенствуют существующие механизмы международного сотрудничества с акцентом на использование всего потенциала межгосударственных и межрегиональных объединений с дружественными странами.

В частности, 10 октября 2025 года на заседании Совета глав государств Содружества независимых государств в Душанбе по инициативе Президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева был учрежден новый формат взаимодействия – «Содружество Независимых Государств плюс» [1].

Данный формат дает возможность для сотрудничества между странами СНГ и другими государствами (их объединениями), заинтересованными в создании альтернативных платформ для борьбы с коррупцией, а также в установлении взаимодействия, в том числе между правоохранительными органами.

Для органов внутренних дел Российской Федерации в качестве реализации подобной идеи в сфере противодействия коррупции и возврата преступных активов из-за рубежа может выступить расширение взаимодействия Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ (далее - БКБОП) с вновь созданными органами, специализирующимися на противодействии вызовам и угрозам безопасности государств - членов Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС).

Так, 1 сентября 2025 года в г. Тяньцзине Китайской Народной Республики по итогам заседания Совета глав государств-членов ШОС Президентом Российской Федерации В.В. Путиным подписано Соглашение о создании Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств - членов ШОС (далее – Универсальный центр) [2].

Универсальный центр создается на базе Региональной антитеррористической структуры ШОС в г. Ташкенте Республики Узбекистан с включением в его структуру Центра информационной безопасности и Центра по противодействию транснациональной организованной преступности с местом дислокации в г. Бишкеке Киргизской Республики[3].

Универсальный центр и его структурные подразделения имеют статус постоянно действующего органа ШОС, предназначенного для содействия взаимодействию правоохранительных органов и координации их сотрудничества в противодействии транснациональной организованной преступности, коррупции, незаконной миграции, терроризму, экстремизму и их проявлениями в информационном пространстве [4].

Предполагается, что на платформе Универсального центра будут разработаны механизмы, который позволят устанавливать:

- типологию транснациональных преступных организаций;
- каналы легализации преступных доходов;
- схемы совершения преступлений;
- цифровые и финансовые следы преступлений;
- связи и контакты с транснациональными преступными организациями.

Одной из основных задач, возложенных на Универсальный центр и его структурные подразделения, является установление и поддержание в интересах компетентных органов сторон рабочих контактов с профильными международными организациями, государственными органами и организациями, а также при необходимости - с негосударственными, некоммерческими, коммерческими организациями и учреждениями [2].

Направлениями деятельности Универсального центра и его структурного подразделения, в том числе по направлениям, затрагивающим компетенцию Министерства внутренних дел Российской Федерации, являются:

- разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества в противодействии преступности, носящей международный характер;
- подготовка и проведение оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций, в том числе в киберпространстве;
- осуществление розыска лиц за совершение или причастность к совершению преступлений;
- информационно-аналитическое обеспечение правоохранительных органов;
- формирование специализированных банков данных, информационно-телекоммуникационных систем и банка данных цифровых следов кибератак;
- участие в разработке проектов международных договоров и документов и проведение научно-практических конференций, семинаров, а иных научно-представительских мероприятий и др.

По нашему мнению, развитие сотрудничества между БКБОП и органами ШОС настоящее время представляется одним из наиболее перспективных в настоящее время направлений. Целесообразность и актуальность использования механизма взаимодействия компетентных органов в сфере противодействия коррупции обусловлена, прежде всего:

1) появлением новых форм и способов совершения коррупционных преступлений, зачастую носящих трансграничный характер, а именно:

- отмывание денег через виртуальные валюты,

- использование сложной структуры капитала для сокрытия незаконной деятельности;

- совмещение служебных обязанностей должностных лиц с незаконной деятельностью по обогащению;

2) реализацией крупных международных, энергетических, инфраструктурных и инвестиционных проектов, с повышенными рисками, проведением представительских и спортивных мероприятий, развитием государственно-частного партнерства и цифровой экономики;

3) установлением цифровых и финансовых следов коррупционных преступлений и правонарушений, возвращением и репатриацией доходов от коррупции.

В сложившихся условиях установление сотрудничества компетентных органов СНГ и ШОС в сфере противодействия коррупции и возвращения коррупционных активов может развиваться, прежде всего, в областях, затрагивающих компетенцию органов внутренних дел, а именно:

– определения юрисдикций, в которых могут быть скрыты коррупционные активы;

– сбора сведений об их месте нахождении;

– получения доказательств их перемещения либо установления прав на них.

Основными направлениями сотрудничества в указанной сфере могут быть:

– оперативно-розыскное обеспечение;

– информационно-аналитическое обеспечение;

– экспертно-криминалистическое и техническое сопровождение.

Взаимодействие БКБОП и Универсального центра ШОС позволит выработать новые принципы и концептуальные подходы к методам, способам и средствам межгосударственного и межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, в том числе в сфере противодействия коррупции и будет способствовать:

- поддержанию прямых контактов между МВД России и региональными полицейскими организациями или правоохранительными органами разных стран через специальные механизмы обмена информацией;

- внедрению информационных технологий, в том числе на основе искусственного интеллекта и формирование единой информационно-аналитической базы данных по различным направлениям международного сотрудничества (уголовно-правового, гражданско-правового и оперативно-розыскного);

- получению и анализу компетентными органами России информации

на всех стадиях межгосударственного сотрудничества по розыску, аресту, конфискации коррупционных активов, а также отдельных аспектов их управления, раздела и распоряжения.

Подводя итог, необходимо отметить, что МВД России с 2022 года в условиях политического давления, санкций и «заморозки» межгосударственного взаимодействия по противодействию коррупции и поиску зарубежных активов коррупционеров проделана значительная работа по активизации международного сотрудничества с дружественными странами по профильным вопросам. В то же время данная деятельность нуждается в постоянном совершенствовании. В качестве глобальной меры по преодолению кризиса представляется создание аналога Интерпола на новом пространстве - в рамках соответствующей платформы по взаимодействию правоохранительных органов Китая, Индии, ЮАР, иных государств - партнеров Российской Федерации по БРИКС, ШОС и других международных организаций.

Принимая это во внимание, для координации практических действий между органами СНГ и ШОС в рамках международного взаимодействия компетентных органов в сфере противодействия коррупции представляется целесообразным рассмотреть возможность подписания международного договора о сотрудничестве БКБОП с Универсальным центром ШОС.

Список литературы:

1. Совет глав государств СНГ принял решение об учреждении формата «Содружество Независимых Государств плюс» // Официальный интернет-портал СНГ. ULR: https://e-cis.info/news/564/131155/?ysclid=mhaoypgg5f714529188. (дата обращения: 27.10.2025).

2. Соглашение глав-государств членов ШОС «Об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств - членов Шанхайской организации сотрудничества подписано Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 01.09.2025 // Официальный интернет-портал МИД России. ULR: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/62936/ (дата обращения: 27.10.2025).

3. На базе РАТС ШОС в Ташкенте создадут Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств - членов организации// Официальный интернет-портал SPUTNIK Узбекистан. ULR: https://uz.sputniknews.ru/20250901/51650252.html?ysclid=mhap7qdrjb40586560 (дата обращения: 26.10.2025).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.08.2025 № 1338 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Соглашения об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств - членов Шанхайской организации сотрудничества» // СПС «КонсультантПлюс».

© Деревянко Е.О, 2025

Ефремов Никита Викторович,
оперуполномоченный по особо важным делам ОРО ОРЧ СБ МВД по Республике Карелия

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ФУНКЦИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ПРИЧАСТНЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: в статье представлен анализ понятия и функций должностного лица, закрепленных в российском уголовном законе. Показаны их особенности как признаков специального субъекта коррупционного преступления, раскрывается их официальное толкование в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Проанализированы содержание таких функций, выполняемых разными категориями сотрудников органов внутренних дел и их влияние на признание их должностными лицами.

Ключевые слова: должностные лица; органы внутренних дел; преступления коррупционной направленности; сотрудники; функции.

Острую реакцию общественности вызывают сообщения о любых преступлениях, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, и особенно – о преступлениях коррупционной направленности. В результате их совершения причиняется ущерб, связанный со снижением авторитета ведомства, наступают общественно-опасные последствия, подрывающие нормальное функционирование органов внутренних дел.

Коррупция, будучи «негативным социальным явлением, коррупция получает широкое распространение в системе публичного управления, противоречит его задачам, отвлекает общественные ресурсы, расходует их в противоправных целях» [1, с. 126].

Преступления коррупционной направленности, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел (Далее ОВД) можно отнести к отдельной категории, что связано с особым правовым статусом сотрудников, выступающих их специальными субъектами.

Следует отметить, что в уголовном законе понятие «специальный субъект» единым определением не закреплено, но вместе с тем, критерии возникновения его специальных признаков имеются в диспозициях ряда статей глав 30 и 31 УК РФ.

В примечании к статье 285 УК РФ сформулировано понятие должностного лица, где включены его функции и признаки. Им признается человек, который постоянно, временно или по специальному полномочию выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции или функции представителя власти в государственных органах, органах местного самоуправления, госкорпорациях, госучреждениях и других организациях, где есть государственное участие. Тем самым, критерием возникновения у сотрудника особого правового статуса должностного лица является наделение его специфическими, определенными законом тремя группами функций.

Содержание организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций и функции представителя власти приведено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [2], которое является официальным их толкованием.

Последовательное рассмотрение соответствующих пунктов Пленума и их спроецирование на должностных лиц ОВД является важным моментом квалификации, что позволяет правильно установить субъекта конкретного коррупционного преступления.

Согласно пункта 3 Пленума № 19 к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к статье 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Преобладающая часть преступлений коррупционной направленности совершается сотрудниками, выполняющими функции представителей власти, являющиеся субъектом получения взятки [3].

С точки зрения осуществления сотрудниками оперативно-служебной деятельности как основной, и сосредоточенности ведомства на реализации полномочий в правоприменительной сфере, позволяет взглянуть на деятельность сотрудников в первую очередь в качестве представителей власти.

Самое смысловое содержание правоохранительной функции делает этот вид функций главным в деятельности органов внутренних дел. При исполнение сотрудниками своих профессиональных обязанностей чаще всего ими совершаются преступления в сферах уголовного и административного производств, оперативно-розыскной деятельности, охраны общественного порядка.

В то же время согласно статье 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [4] деятельность полиции направлена на защиту общества от противоправных посягательств, на предупреждение и пресечение преступлений, административных правонарушений путём уголовно-правового принуждения лиц, нарушающих закон.

Указанный подход позволяет предположить, что подверженность коррупционным проявлениям имеют подразделения, наделённые функциями административного, уголовного и иного воздействия на лиц, не находящихся в непосредственно подчинении, где имеется возможность к принуждению.

К данной категории субъектов относятся представители служб, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие и административно-правовую деятельность. Для указанной группы должностных лиц характерны традиционные коррупционные составы: преступления, предусмотренные ст. 285, 290, 292 УК РФ и т.д.

Под организационно-распорядительными функциями, согласно пункта 4 Пленума, следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п. К таким функциям относятся полномочия по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия.

К категории лиц с такими функциями могут относиться руководители подразделений, совершающие противоправные действия в отношении своих подчинённых сотрудников, например, неосновательно обогащаясь за их счёт, или руководители кадровых подразделений, оказывающие содействие в решении вопросов трудоустройства кандидатов или продвижения по службе действующих сотрудников и т.д.

Под административно-хозяйственными функциями понимаются полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходованием) [2].

При данном подходе к рассматриваемой категории лиц относятся сотрудники, осуществляющие функции по распоряжению имуществом и денежными средствами в подразделениях ОВД. Например, является должностным преступлением сговор члена жилищно-бытовой комиссии с сотрудником, имеющим жилое помещение, направленный на неправомерное предоставление денежной компенсации за поднаём жилого помещения, либо фиктивное списание товарно-материальных ценностей со склада с последующим обращением в свою собственность и распоряжением, что является характерным для ст. 159 УК РФ, 160 УК РФ.

Распространенной категорией субъектов коррупционных преступлений являются сотрудники, совершающие служебное мошенничество. Они получают материальную выгоду от иных лиц под видом взятки за совершение действий, внешне похожих на их должностные обязанности, но фактически не реализуемые вследствие реального отсутствия таких полномочий.

Служебное мошенничество имеет многообразных типов субъектов, оно может совершаться руководителями организаций, а также сотрудниками, которым имущество было вверено для выполнения производственных функций [6, с. 79], имеющими функции близкие к административно-хозяйственным.

Таким образом, наделение субъекта статусом должностного лица, чаще всего представителя власти, служит основанием для возникновения особого специального субъекта, что играет определяющую роль в случаях квалификации

преступлений, совершаемых сотрудниками ведомства.

Представляет интерес то обстоятельство, что нормативно термин «преступления коррупционной направленности» не закреплён. Это осложняет анализ признаков субъектов данной категории посягательств.

Вместе с тем необходимо отметить существующий подход к ведению учёта и классификации рассматриваемой категории преступлений, который стал возможен благодаря Указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024, которым утверждён перечень № 23 преступлений коррупционной направленности [6]. В соответствии с Перечнем преступление признаётся коррупционным только в случае его совершения должностными лицами, указанными в примечаниях к статье 285 УК РФ. Обязательным является наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц) и взаимосвязи с его служебным положением, совершение преступления только с прямым умыслом.

Таким образом, противоправность деяний сотрудников ОВД варьируется в зависимости от объекта посягательства, сопряжена с предоставленными сотруднику функциями, либо с выполнением им внеслужебных обязанностей, благодаря занимаемому им служебным положением.

Представляется, что вышеуказанные правовые нормы путём их проекции на фактические обстоятельства играют существенную роль при разрешении противоречий, связанных с отделением должностных преступлений от иных видов противоправных деяний и установления истины.

Список литературы:

1. Баранчикова М. В., Кирюхина Ю.В. Коррупция как угроза безопасности современному обществу: уголовно-правовой и социологический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 126. 124-131.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // URL: https://www.consultant.ru.

3. Баранчикова М.В. Квалификация получения взятки представителем власти // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4. С. 119-124.

4. Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // URL: https://www.consultant.ru.

5. Баранчикова М.В. Использование служебного положения как способ совершения специальных видов мошенничества // Закон и право. 2018 №. 10. С. 78-80.

6. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 462/11 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчётности» // URL: https://www.consultant.ru.

© Ефремов Н.В., 2025

Ершова Александра Сергеевна,
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Турунова Меруерт Нурлановна,
преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Аннотация: в представленной работе дается оценка актуального состояния законодательной базы, направленной на противодействие коррупционным проявлениям в России. Проведен разбор основных нормативных документов, устанавливающих принципы антикоррупционной деятельности, включая стратегические программы и инструменты по недопущению конфликта интересов в госструктурах. Анализ показал, что эволюция правовых норм создает предпосылки для оптимизации борьбы с коррупцией. В заключение подчеркивается важность постоянного совершенствования юридических методов и инструментов для обеспечения эффективного противостояния этому явлению.

Ключевые слова: противодействие коррупции, правовое регулирование, антикоррупционное законодательство, национальное законодательство, международные стандарты, коррупционные риски, антикоррупционная политика, совершенствование законодательства, антикоррупционная культура, оценка эффективности.

Коррупция как социальное и правовое явление привлекает внимание множества исследователей, что обусловлено ее негативным влиянием на государственное управление, экономическое развитие и общественное доверие. Несмотря на наличие нормативных актов и механизмов контроля, проблемы коррупции продолжают усугубляться, особенно в условиях динамических социальных преобразований и глобализации. Актуальность данной работы связана с необходимостью не только выявления существующих недостатков в правовом регулировании, но и разработкой новых, более эффективных подходов, которые учитывают комплексность причин коррупционного поведения и многообразие форм его проявления. С точки зрения междисциплинарного анализа, коррупция не может быть сведена исключительно к нарушению закона или к отдельным проявлениям криминального поведения. Экономические факторы играют важную роль, поскольку коррупционные практики часто возникают там, где отсутствует прозрачность в распределении ресурсов, а контроль

над государственными средствами недостаточно строг. В таких условиях возникает стимул использовать служебные полномочия для личного обогащения, что приводит к снижению эффективности государственных программ и нарушению принципов справедливого распределения бюджетных средств. 30 Одним из первых значимых документов стал указ Президента РФ от 1992 года «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», который заложил основы правового регулирования и обязал государственных служащих подавать декларации о доходах и имуществе [1]. Этот указ опирался на ранее принятые судебные постановления Верховного суда СССР, направленные на пресечение злоупотреблений властью и служебных полномочий. Представленный акт являлся первым антикоррупционным нормативным документом в области борьбы с коррупцией на уровне государственной службы. Если проанализировать Указ Президента Российской Федерации «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», то в этом документе гражданские служащие должны были заполнять специальные декларации. Это касалось тех чиновников, которые поступали на руководящую должность. В декларации нужно было перечислить несколько основных сведений следующего характера:

- информация о различных доходах;
- информация о недвижимости и движимом имуществе;
- информация, которая касается банковских вкладов.

Если наблюдались нарушения отражения информации в декларации, гражданского служащего или служащего на муниципальном уровне, их могли уволить и привлечь вплоть до уголовной ответственности. Контроль за выполнением указа нужно было возлагать на контрольное управление при Президенте Российской Федерации [1].

Также системное развитие антикоррупционного законодательства получило импульс после ратификации Конвенции ООН против коррупции в 2006 году и введения в действие в 2008 году комплексных президентских указов, направленных на усиление мер противодействия коррупции. В настоящее время основой правовой базы является Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции», который определяет общие принципы антикоррупционной политики, мер профилактики, контроль за соблюдением законодательства и ответственность за коррупционные правонарушения [2]. В дополнение к нему функционируют Федеральный закон от 17.07.2009 №172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и Федеральный закон от 03.12.2012 №230-ФЗ «О контроле соответствия расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Однако, несмотря на разносторонний подход и широту нормативной базы, реализация положений закона сталкивается с рядом проблем и пробелов. Прежде всего, эффективность применения антикоррупционных норм в России оценивается низко: корпус международных рейтингов свидетельствует о том, что страна занимает 138 место из 180 по индексу восприятия коррупции, что указывает на высокую распространённость коррупционных проявлений в различных сферах общественной жизни [3].

Существуют недостатки в процедурах проведения антикоррупционной

экспертизы нормативных актов и в полномочиях органов, осуществляющих контроль за доходами и расходами сотрудников государственных структур. При этом отмечается, что сочетание бюрократических процедур и централизованности управления порождает определённые коррупционные риски в самой системе государственного управления. Особое внимание в стратегических документах уделяется проблемам коррупции на базе государственных предприятий и организаций, где зачастую создаются коррупционные сети, влияющие на экономическую безопасность страны. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года подчеркивается необходимость повышения эффективности управления этими предприятиями и усиления антикоррупционных мер именно на этом уровне [6]. Таким образом, современное национальное законодательство России в области противодействия коррупции является комплексным и постоянно совершенствуемым, но сохраняет ряд системных проблем. Среди них — необходимость ужесточения мер ответственности, совершенствование контроля за соблюдением антикоррупционного права и повышение прозрачности деятельности государственных органов. Для успешной борьбы с коррупцией требуется не только законодательное регулирование, но и эффективная реализация принятых норм, что станет предметом дальнейшего анализа в контексте международного опыта и инновационных технологий выявления коррупционных преступлений.

Если сравнивать на примере зарубежного опыта, то Совет Европы разработал и реализует ряд важных конвенций, в частности, об уголовной и гражданско-правовой ответственности за коррупционные преступления (1999 г.), а также руководящие принципы по борьбе с коррупцией (1997 г.), которые подчеркивают необходимость согласованных мер на международном уровне и создание специализированных механизмов контроля. Созданная при Совете Европы Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) осуществляет мониторинг выполнения обязательств государствами и выносит рекомендации, что способствует системному снижению коррупционных рисков в подписавших страны [4]. Несмотря на необязательность рекомендаций ГРЕКО, их внедрение значительно улучшает качество антикоррупционной политики. Для России международные инициативы имеют принципиальное значение. С момента вступления в силу «UNCAC» в 2006 году в российском законодательстве начались процессы активного внедрения международных стандартов. Вместе с тем сложности возникают из-за изменений в международных обязательствах, например, вследствие денонсации Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.). Это обуславливает потребность в выработке новых региональных стратегий, таких как Евразийская антикоррупционная стратегия, которая могла бы учесть специфические политические и экономические особенности стран Союза. Интеграция международного опыта в национальную правовую систему требует не только механического переноса норм, но и адаптации с учётом внутреннего правового контекста и особенностей государственного устройства. Это включает совершенствование нормативной базы, развитие институционального потенциала и формирование эффективных механизмов совместного мониторинга и контроля. Одной из центральных проблем является недостаточная ответственность

лиц и органов, непосредственно участвующих в разработке и применении нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией. Это ведёт к тому, что нормативная база порой содержит пробелы, а некоторые положения федерального закона «О противодействии коррупции» остаются недостаточно конкретизированными, что усложняет практическое применение данных норм и ослабляет контроль.

Применение административных мер в борьбе с коррупцией оценивается положительно, однако эти методы требуют постоянного сочетания с уголовными санкциями. В России же уголовная ответственность за коррупционные преступления применяется недостаточно последовательно и жестко, что создает почву для распространения коррупционных проявлений и снижает общий уровень устрашения потенциальных нарушителей [5]. В ряде случаев органы власти демонстрируют низкую готовность к антикоррупционным расследованиям, что связано также с коррупционным влиянием внутри самой силовой структуры. Значительный вызов создаёт и необходимость адаптации антикоррупционного законодательства к региональным особенностям, поскольку коррупционные проявления в различных субъектах Российской Федерации имеют специфический характер. Хотя на местном уровне отмечается развитие собственных законодательных инициатив, отсутствие единых стандартов и координации снижает эффективность борьбы с коррупцией в регионах [6].

Отдельно стоит подчеркнуть, что общественное восприятие коррупции остаётся довольно инертным: в ряде социологических исследований до 90% опрошенных считают вовлечёнными в коррупцию представителей государственной власти, что снижает доверие к антикоррупционным мерам и подрывает мотивацию граждан к их поддержке и реализации. Социальная пассивность и отсутствие широкого общественного контроля создают дополнительное поле для устойчивого существования коррупционных схем.

На фоне перечисленных проблем формируется необходимость в совершенствовании антикоррупционного законодательства. Предлагается усилить ответственность за разработку и исполнение правовых актов, ввести предварительные административные меры (преюдицию), повысить уголовную ответственность за коррупционные преступления, а также устранить нормативные пробелы, препятствующие эффективному исполнению закона. Стоит разработать комплексную модель, которая призвана обеспечить целостность и согласованность антикоррупционной политики, минимизируя фрагментарность правового пространства и повышая адаптивность законодательства к современным вызовам [7]. Основой модели выступает интеграция репрессивных и нерепрессивных норм, что позволяет охватывать всесторонние аспекты коррупционного поведения — начиная от превентивных мер и заканчивая эффективным наказанием. Такая двусторонняя структура законодательства способствует балансу между профилактикой коррупции и реагированием на факты правонарушений, что повышает качество реализации правовых норм и снижает возможности обхода закона. Важным элементом модели является систематизация и унификация нормативных определений, включая расширение понятия коррупции и четкую регламентацию признаков коррупционных правонарушений. Это устраняет неоднозначность

в правоприменительной практике и повышает качество квалификации преступлений, что усиливает юридическую определённость и способствует созданию единой правоприменительной практики [7].

Для оперативного выявления и устранения пробелов в законодательстве модель предусматривает широкое применение юридических технологий: правовой и антикоррупционной экспертиз, а также правового мониторинга. Внедрение данных инструментов выступает фильтром нормативных проектов, обеспечивающим предотвращение принятия коррупциогенных или противоречивых норм, и позволяет адаптировать законодательство к политическим, экономическим и социальным изменениям. Автоматизация и цифровизация мониторинга усиливают прозрачность и прогнозируемость процессов правотворчества [8]. Ключевым компонентом является формирование культуры неподверженности коррупционным действиям через институализацию этико-нравственных норм, что расширяет воздействие правового регулирования на сознание граждан и служит мотивацией к соблюдению закона. Этому способствуют образовательные программы, просветительские кампании и внедрение этических кодексов в деятельность государственных и частных организаций, создавая устойчивую социальную среду, нетерпимую к коррупции. Внедрение комплексной модели способствует укреплению национальной безопасности и формированию правового государства, создавая предпосылки для устойчивого социально-экономического развития. А также рекомендуется расширить перечень коррупционных преступлений в Уголовном кодексе РФ и чётко включить в него все формы коррупционных проявлений, включая те, которые сейчас недостаточно охвачены законодательством, например, связанные с злоупотреблением полномочиями в сфере закупок и чиновничеством, отражённые в статье 304 УК РФ. Это позволит повысить полноту правового реагирования и исключить возможность правового пробела в квалификации коррупционных действий. Для совершенствования расследования коррупционных преступлений необходима координация работы правоохранительных органов, прокуратуры и контролирующих структур с целью оперативного обмена информацией и проведения комплексных проверок. Внедрение специализированных подразделений и повышение квалификации следственных сотрудников позволит повысить раскрываемость коррупционных преступлений.

Разработанные рекомендации направлены на устранение выявленных нормативных пробелов, усиление системы ответственности и совершенствование контроля за соблюдением законодательства. Особое значение придается формированию устойчивой антикоррупционной культуры через образование, информационные кампании и активизацию общественного участия, что отражает понимание коррупции не только как правового нарушения, но и как социально-нравственной проблемы. Таким образом, комплексный анализ и разработка предложенных правовых и организационных мер обеспечивают системное усовершенствование антикоррупционной политики в России. Последовательное внедрение этих решений станет основой для долгосрочного противодействия коррупции, способствуя формированию общества, основанного на принципах законности, прозрачности и этической ответственности.

Список литературы:

1. Мартовецкая Ю.В. Современное состояние правового регулирования противодействия коррупции в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №10-5 (97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-pravovogo-regulirovaniya-protivodeystviya-korruptsii-v-rf.

2. Коннова П.И. Федеральное законодательство о противодействии коррупции: состояние и направления совершенствования // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/federalnoe-zakonodatelstvo-o-protivodeystvii-korruptsii-sostoyanie-i-napravleniya-sovershenstvovaniya.

3. Айбатов М.М., Омаров М.А. Антикоррупционное законодательство: сущность и роль в правовой системе Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnoe-zakonodatelstvo-suschnost-i-rol-v-pravovoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii.

4. Лозовский Д.Н., Норец А.М. Международное законодательство в борьбе с коррупцией и практика его применения в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-zakonodatelstvo-v-borbe-s-korruptsiey-i-praktika-ego-primeneniya-v-rossii.

5. Нальгиева Х.Л. Проблемы реализации антикоррупционной политики в России // Endless light in science. 2022. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-realizatsii-antikorruptsionnoy-politiki-v-rossii.

6. Ярилина К.П. Причины и проблемы реализации законодательства о противодействии коррупции в России // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. №12-2 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-problemy-realizatsii-zakonodatelstva-o-protivodeystvii-korruptsii-v-rossii.

7. Бугаевская Н.В. Совершенствование антикоррупционного законодательства: основные тенденции современного этапа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. №1-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-antikorruptsionnogo-zakonodatelstva-osnovnye-tendentsii-sovremennogo-etapa.

8. Елисеева В.С. Технологии совершенствования антикоррупционного законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-sovershenstvovaniya-antikorruptsionnogo-zakonodatelstva.

© Ершова А.С., 2025.

Загадерчук Надежда Николаевна,
слушатель факультета института психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соломатина Елена Александровна,
доцент кафедры криминологии
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация: в данной статье рассматриваются психологические механизмы формирования коррупционного поведения личности. Особое внимание уделено влиянию моральных установок, когнитивных искажений и групповых норм на процесс принятия решений, связанных с нарушением этических и правовых норм. Анализируются социально-психологические факторы, способствующие толерантности к коррупции и воспроизводству коррупционных практик в профессиональной среде.

Ключевые слова: коррупция, моральные установки, когнитивные искажения, групповые нормы, социальная психология, девиантное поведение.

Феномен коррупции, как и его первое упоминание возникает с истоков истории, а именно в Древнем Вавилоне при царе Хамурапи, издавшего закон о деятельности судей. В частности, если судья вынес решение и поставил печать на соответствующем документе, а затем свое решение изменил, его следует оштрафовать и изгнать из судебной коллегии. Также и во времена Древней Руси Иван IV Грозный боролся с коррупцией. За таковое деяние он ввел смертную казнь [4].

В настоящее время некоторое количество ученых- психологов сосредоточено на то, чтобы изучить механизмы возникновения коррупции, социальные и психологические характеристики лиц, склонных к данному явлению.

В соответствии с п.п. а,б, п.1, ст.1 ФЗ № 273 «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г., коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также равное ему совершение деяний от имени или в интересах юридического лица [2].

Коррупция представляет собой не только правовое, но и сложное психологическое явление, затрагивающее систему нравственных, когнитивных и социальных регуляторов поведения человека. Несмотря на наличие правовых механизмов противодействия, коррупционное поведение сохраняется, что свидетельствует о глубинных психологических основаниях его формирования. Изучение этих оснований позволяет выявить внутренние мотивы, искажения восприятия и групповые влияния, способствующие девиантным формам поведения в служебной и общественной деятельности.

В свою очередь, ученые А.Л. Журавлев, А.В. Юрьевич, подчеркивают, что психологическая составляющая коррупции органически включена в исследуемое многоаспектное социальное явление [3].

Опираясь на коррупцию как многоаспектное и социальное явление, Вановская О.В. отмечает в своем научном труде моральные установки, когнитивные искажения и групповые нормы как детерминанты коррупционного поведения [4].

Разбирая коррупционное поведение личности в целом, стоит отметить, что у него есть свой психологический механизм формирования.

Моральные установки определяют внутренние стандарты, на основе которых индивид оценивает свои поступки и поступки других. В контексте коррупционного поведения происходит нравственная переоценка, при которой человек оправдывает незаконное вознаграждение «реалистическими» аргументами: низкой оплатой труда, необходимостью «компенсации», «взаимопомощью» или «традицией системы».

Согласно исследованиям ученого А. М. Бандуры, механизм морального отчуждения позволяет личности сохранять позитивный образ себя при совершении аморальных поступков. В коррупционном контексте это проявляется в рационализации («все так делают»), отрицании ущерба («никто не пострадал») и диффузии ответственности («так принято в организации») [5].

Таким образом, деформация моральных установок становится ключевым внутренним условием принятия коррупционного решения.

В свою очередь, такая детерминанта коррупционного поведения как когнитивное искажение, проявляет себя в качестве психологического механизма, которое создает систематические ошибки мышления, и в то же время играет важную роль в искажённом восприятии риска, выгоды и моральных последствий коррупционных действий.

Наиболее значимые искажения включают в себя:

- эффект избирательного восприятия — склонность замечать только ту информацию, которая оправдывает коррупционные действия и игнорировать противоположные факты;

- сдвиг ответственности — вера в то, что «настоящая вина» лежит на системе, руководстве или обстоятельствах;

- эвристика доступности — переоценка вероятности безнаказанности на основании личного опыта или наблюдений;

- иллюзия контроля — убеждение, что человек способен «контролировать» последствия коррупционных действий и избежать наказания;

- групповое мышление — склонность членов коллектива поддерживать консенсус и не высказывать сомнения в неэтичности общепринятых практик [6].

Когнитивные искажения, действуя совместно с нарушением моральных установок, снижают внутренние барьеры к коррупционным поступкам, формируя ложную когнитивную рационализацию неправомерных действий.

В психологическом механизме такой детерминанты как групповые нормы, а также вопросе социальном подкрепление коррупции мы наблюдаем коррупционное поведение, которое редко формируется в изоляции — оно возникает в определённой социальной среде, где существуют устойчивые групповые нормы и толерантность к девиантным практикам.

В организациях, где коррупция является частью неформальной культуры, наблюдаются следующие механизмы социального влияния:

- «нормативное давление» — ожидание лояльности к коллективу и подчинение «внутренним правилам» важнее соблюдения закона;

- «социальное научение» — усвоение моделей поведения через наблюдение за действиями старших коллег или руководства;

- «механизм вознаграждения и наказания» — продвижение и одобрение «лояльных» сотрудников, исключение или маргинализация тех, кто нарушает негласные правила;

- «эффект сплочённости» — моральное оправдание действий в пользу «своих» против «чужих» [7].

Таким образом, групповая динамика формирует психологическую среду, где коррупционные практики не только оправдываются, но и становятся частью профессиональной идентичности.

Исходя из анализа вышеуказанной информации, можно выделить следующую схему формирования психологических механизмов коррупционного поведения:

1. Личностный уровень — деформация моральных установок, снижение чувства внутреннего контроля, оправдание аморальных действий.

2. Когнитивный уровень — наличие искажённых представлений о выгоде, риске и справедливости.

3. Социальный уровень — влияние групповых норм, социального подкрепления и организационной культуры.

В совокупности эти уровни образуют психологическую систему коррупционного выбора, в которой нравственные барьеры ослаблены, а социальные механизмы создают ощущение приемлемости девиантных действий.

Таким образом, формирование коррупционного поведения — результат сложного взаимодействия моральных, когнитивных и социальных факторов. Изменение только внешних правовых условий не способно устранить коррупцию без коррекции психологических установок и групповых норм. Необходима системная работа по развитию этической компетентности, моральной ответственности и критического мышления у сотрудников государственных структур.

Считаем, что осознание психологических механизмов личности позволяет выстраивать более эффективные профилактические меры, направленные не только на наказание, но и на предупреждение коррупционного поведения через

воспитание моральных ориентиров и изменение организационной культуры.

Список литературы:

1. Ванновская, О.В. Компьютеризированная система антикоррупционной диагностики «АКорД» [Текст] - СПб.: ИМАТОН, 2015. – 96 с.

2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции».

3. Журавлев, А.Л, Юревич, А.В. Психологические факторы коррупции в современной России [Текст] А.Л. Журавлев, А.В. Юревич // Психологический журнал. – 2012. Т. 33, № 3. С. 43-52.

4. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korruptsionnogo-povedeniya (дата обращения: 01.10.2025).

5. Бандура А. Теория социального научения. — М.: Эксмо, 2020. – 256 с.

6. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2019. – 311 с.

7. Фёдоров А.В. Социально-психологические аспекты коррупционного поведения государственных служащих // Психология и право. — 2022. — № 2. С. 10-22.

© Загадерчук Н.Н., 2025

Зеленова Валерия Владимировна,
курсант факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Ширшанова Екатерина Алексеевна,
преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

КОРРУПЦИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация: коррупция в правоохранительной системе является серьезной проблемой, поскольку наносит ущерб, нарушая права и законные интересы граждан, а также снижает уровень доверия государственной власти. В рамках исследования анализируются статистические данные, тенденции и практические примеры, выявляя ее структурные особенности, причины и последствия для правового государства, что позволяет понять масштабы и сложность проблемы. Критическим аспектом анализа является внимательное изучение коррупционных преступлений, таких как взяточничество, вымогательство и злоупотребление должностными полномочиями.

Ключевые слова: коррупция, преступность, правоохранительные органы, взятка, коррупционные преступления, взяточничество.

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач государственной политики и важнейшим направлением деятельности органов государственной власти Российской Федерации, которым отводится центральное место в реализации антикоррупционного законодательства и обеспечении его неукоснительного соблюдения.

Особенно негативную реакцию у граждан вызывает коррупция в правоохранительных органах. Коррупции подвержены органы государственной власти всех уровней. Осознавая тот факт, что коррупции подвержены органы, которые согласно законодательству призваны осуществлять защиту прав и законных интересов граждан, население чувствует себя особенно незащищённым. Как совершенно справедливо отмечают М.В. Баранчикова и Ю. В. Кирюхина «коррумпированность правоохранительных органов не позволяет эффективно противодействовать тем процессам, которые реально угрожают безопасности личности, общества и государства [1].

Согласно Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» понятие «коррупция» трактуется, как: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества

и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. При этом коррупция признана одной из системных угроз безопасности Российской Федерации. Президентом страны В.В. Путиным коррупция названа одним из главных барьеров на пути развития Российского государства, и борьба с ней является принципиальной задачей [2].

Статистика коррупционных преступлений в правоохранительной системе представляет собой сбор, анализ и представление данных о случаях коррупции среди сотрудников правоохранительных органов, таких как полиция, прокуратура, суды и другие правоохранительные структуры. Эта статистика позволяет оценить масштаб проблемы, выявить тенденции, а также определить меры по её предотвращению и борьбе. Ниже приведено общее описание ключевых аспектов такой статистики [3].

В первом квартале 2025 года было выявлено почти на четверть больше коррупционных преступлений, чем в первом квартале 2024-го, сообщили РБК в Генпрокуратуре.

Если в первом квартале 2024 года было выявлено 12 466 таких преступлений, то в первом квартале этого года — 15 458 (больше на 24%) (рис. 1).

Рисунок 1. Количество выявленных преступлений коррупционной направленности

Согласно статистике последних лет, больше половины коррупционных преступлений — это взятки: в 2023 году они составили чуть больше половины (55,7%), а в 2024-м — 60,3% .

В первом квартале 60,9% всех зарегистрированных в России преступлений коррупционной направленности — это взятки, количество которых возросло на 29%, с 7300 до 9418 преступлений (в 2024 году — на 14,6%, с 20 279 в 2023-м до 23 240 в 2024-м), следует из материалов Генпрокуратуры.

Число пресеченных случаев получения взятки в первом квартале этого года по сравнению с первым кварталом предыдущего возросло на 25,9% (с 2707 до 3409) и превысило количество зарегистрированных фактов дачи взятки на 549 преступлений.

По статье о получении взятки (ст. 290 УК РФ) в 2024 году выявлено 7610 преступлений — это почти на треть больше, чем в 2023 году (5960 преступлений) [4]. По статье о даче взятки (ст. 291 УК РФ) в 2024 году выявили 6749 преступлений (рост по сравнению с предыдущим годом составил 19,3%) [5].

Несмотря на усилия, коррупция продолжает быть серьезной проблемой, причем преступления совершаются на различные суммы и затрагивают многие уровни власти и сферы деятельности. Это подчеркивает необходимость постоянного обновления и уточнения данных по коррупционным преступлениям в 2024 году и в последующем. Каждый новый отчет не только отражает текущее состояние дел, но и служит основой для будущих антикоррупционных инициатив.

На основе вышеперечисленных статистических данных можно сделать вывод о том, что работы по борьбе с коррупцией недостаточно, так как ежегодно число коррупционных преступлений, к сожалению, возрастает, и каждый квартальный отчет о коррупционных преступлениях напоминает о необходимости усиленных мер и совершенствования правовой системы для эффективного противодействия коррупции. Данное обстоятельство губительно сказывается на деятельности правоохранительных органов, подрывает доверие граждан к государственным институтам и может привести к абсолютно разрушительным последствиям [6].

Список литературы:

1. Баранчикова М.В., Кирюхина Ю.В. Коррупция как угроза безопасности современному обществу: уголовно-правовой и социологический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 2 (99). – С. 124-131.

2. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции»

3. Портал правовой информации Генеральной Прокуратуры РФ. - [Электронный ресурс]. -URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 21.10.2025).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

5. Ширшанова Е. А. Криминологическая характеристика взяточничества в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2024. - № 2 (102). - С. 201-210; https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-201-210.

6. Тихомиров Ю. А., Трикоз Е. Н. Право против коррупции // Журнал российского права. - 2007. - № 5 (125). - С. 39-52.

© Зеленова В.В., 2025

Злоказова Юлия Валерьевна,
доцент кафедры экономической безопасности
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат экономических наук

КОРРУПЦИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ИНФЛЯЦИИ: БЮДЖЕТНЫЙ, МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ И МОНЕТАРНЫЙ КАНАЛЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу влияния коррупции на инфляционные процессы. Актуальность исследования обусловлена устойчивой корреляцией между уровнем коррупции и инфляцией, особенно проявляющейся в периоды макроэкономической нестабильности. Цель работы — систематизация механизмов воздействия коррупции на инфляцию и разработка предложений по совершенствованию антикоррупционной политики.

В результате описаны три канала влияния: бюджетно-налоговый (через «коррупционную надбавку» в госзакупках), институционально-монополистический (через разрушение конкурентной среды) и монетарный (через монетизацию коррупционного дефицита бюджета). Теоретической основой анализа выступили институциональная теория и теория институциональных ловушек.

Разработаны предложения по противодействию коррупционно-инфляционной спирали, включая внедрение системы оценки коррупционных рисков в бюджетном процессе, создание прозрачных платформ госзакупок и усиление антимонопольного регулирования.

Ключевые слова: коррупция; инфляция; макроэкономическая стабильность; коррупционная надбавка; институциональные ловушки; антикоррупционная политика; государственные расходы.

Актуальность исследования влияния коррупции на инфляционные процессы обусловлена, во-первых, взаимосвязью экономических процессов и, во-вторых, разноплановым негативным воздействием коррупции на экономическое развитие. Указанное подтверждается статистикой Международного валютного фонда, согласно которой в странах с высоким уровнем коррупции инфляция в среднем на 4-6 процентных пунктов выше, чем в странах с низким уровнем коррупции [1]. В 2022-2023 гг. на фоне глобальной макроэкономической нестабильности этот разрыв увеличился [2], что требует осмысления механизма воздействия и связанных с ним перспектив противодействия.

В этой связи целью является обобщение научно-экономических представлений о воздействии коррупции на инфляцию и их интерпретация в контексте государственных инструментов противодействия – антикоррупционной политики.

Достижение цели осуществляется нами посредством решения ряда задач: описание эмпирических аспектов воздействия коррупции на инфляцию, анализ обоснований взаимосвязи коррупции и инфляции через призму экономических теорий коррупции и описание направлений совершенствования антикоррупционной политики.

Рассмотрим эмпирические представления о взаимосвязи коррупции и инфляции посредством обращения к основным аспектам ее изучения:

1. Бюджетно-налоговый канал. Коррупция систематически увеличивает государственные расходы через механизм «коррупционной надбавки». Как демонстрируют Braun M. и Di Tella R. [3], в условиях коррумпированной системы формируется «инфляция издержек коррупционной природы». Это подтверждается исследованиями Кавицкой И.Л. [4], показывающими, что коррупционная составляющая в себестоимости продукции естественных монополий может достигать 20-30%, создавая постоянное инфляционное давление.

Модель Blackburn K. и Powell J. [5] раскрывает глубинный механизм этого процесса: коррупция приводит к неэффективному распределению бюджетных средств, направляя инвестиции в экономически необоснованные, но коррупционноемкие проекты. Это не только увеличивает текущие расходы, но и создает структурные дисбалансы, требующие последующей денежной эмиссии.

Бюджетно-налоговый канал воздействия коррупции на конечную стоимость товара может быть продемонстрирован на примере государственных закупок. Согласно исследованию Организации экономического сотрудничества и развития, коррупционные надбавки в госзаказах составляют в среднем 20-30% от стоимости контрактов в развивающихся странах [6]. В то же время противодействие данному каналу, как показывает опыт ряда зарубежных стран, способствует снижению уровня инфляции [7,8].

2. Институционально-монополистический канал. Коррупция разрушает конкурентную среду, создавая привилегированные условия для отдельных участников рынка. Исследование Özşahin S. и Üçler G. [9] демонстрирует, как коррупционные связи позволяют компаниям-монополистам устанавливать завышенные цены, формируя административно-коррупционную инфляцию. Этот эффект усиливается в условиях слабых институтов, когда антимонопольное регулирование становится инструментом избирательного применения.

Данный вывод также подтверждается исследованием Всемирного экономического форума, показывающим, что в странах с высоким уровнем коррупции цены на товары естественных монополий на 15-20% выше [10]. Например, в Бразилии после реализации антикоррупционной программы в энергетическом секторе тарифы для конечных потребителей снизились на 18%, что может быть объяснено антикоррупционным эффектом [7].

3. Монетарный канал влияния коррупции на инфляцию. Помимо рассмотренных бюджетно-налогового и институционально-монополистического каналов, коррупция оказывает значительное прямое воздействие на инфляцию через монетарный механизм. Данный аспект имеет фундаментальное значение, поскольку связывает фискальную политику с денежно-кредитной и раскрывает механизм формирования инфляции спроса под влиянием коррупционных практик. Системная коррупция приводит к хроническому недополучению доходов бюджета и параллельному росту неэффективных расходов, формируя структурный дефицит [11]. Недополучение доходов возникает вследствие коррупционных схем в налоговых и таможенных органах, когда происходит занижение налоговой базы и предоставление неправомерных льгот. С другой стороны,

как показано выше, коррупция искусственно завышает государственные расходы через «коррупционную надбавку» в закупках и финансировании неэффективных проектов.

В условиях слабых институтов и неразвитого финансового рынка власть прибегает к монетизации, то есть к прямому или косвенному кредитованию государства со стороны центрального банка [8]. Данный процесс может быть описан в рамках модели «инфляционного налога». Правительство, неспособное собрать достаточные традиционные налоги или разместить долг на рыночных условиях, использует сеньораж – доход от печатания денег. Коррупция усугубляет эту проблему, снижая фискальную емкость экономики и доверие к государственным долговым инструментам. Таким образом, общество вынуждено платить «двойной налог»: первый – в виде прямых потерь от коррупции, второй – в виде инфляции, которая является следствием финансирования коррупционного дефицита.

Завершая, отметим, что бюджетно-налоговый, институционально-монополистский и монетарный аспекты характеризуют влияние коррупции на инфляцию с эмпирических позиций. Однако для понимания сущности влияния следует обратиться к теоретическим интерпретациям коррупции.

Анализ экономических теорий коррупции, разработанных отечественными исследователями, позволяет конкретизировать интерпретации связи коррупции и инфляции, предлагаемые зарубежными учеными. Так, в рамках институциональной теории (Г.А. Сатаров) коррупция рассматривается как системная дисфункция, порождающая институциональные ловушки [12]. Инфляция в этой парадигме выступает следствием нарушения базовых институциональных основ экономики – защиты прав собственности, контрактного права и конкурентных механизмов.

С позиции ресурсного подхода (О.И. Горбанева) коррупция представляет собой механизм нерационального распределения ограниченных ресурсов [13]. Инфляционный эффект возникает вследствие двойных потерь: прямого перераспределения ресурсов в коррупционных схемах и снижения общей производительности экономики.

Теория институциональных ловушек в интерпретации Ю.В. Латова [14] объясняет устойчивость коррупционно-инфляционной спирали самоподдерживающимся характером коррупционных практик, которые воспроизводятся даже при формальном изменении макроэкономических условий.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные направления разработки данной проблематики.

1) Разработка интегральной теоретико-эконометрической модели, учитывающей эффекты воздействия. Она позволит количественно оценить вклад каждого аспекта в совокупную инфляцию и выявить синергетические эффекты между ними, например, как монополистическое завышение цен (инфляция издержек) в условиях коррупционного дефицита бюджета усиливается его монетизацией (инфляция спроса).

2) Разработка монетарной теории взаимосвязи, нацеленная на дополнение

представлений о монетарном аспекте влияния коррупции на инфляцию, с сопутствующей эконометрической проверкой гипотезы «коррупционного дефицита», а также анализ трансмиссионных механизмов, демонстрирующих как коррупционные оттоки капитала влияют на валютный курс и ослабляют каналы передачи монетарной политики, используя данные платежных балансов и динамики валютных резервов.

Завершая, отметим перспективы дальнейшей разработки темы путем построения комплексных количественных моделей отношений коррупции и инфляции в совокупности описанных каналов. Это позволит трансформировать антикоррупционную политику из области деклараций в действенный инструмент обеспечения макроэкономической, в том числе ценовой, стабильности, имеющий измеримый бюджетный и социально-экономический эффект.

Список литературы:

1. International Monetary Fund. World Economic Outlook: Inflation and Growth Dynamics. — Washington: IMF, 2023. — 180 p. — URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO (дата обращения: 20.09.2025).

2. Tanzi V., Davoodi H. R. Corruption, Public Investment, and Growth // IMF Working Paper. — 1997. — No. 97/139. — 22 p.

3. Braun M., Di Tella R. Inflation, Inflation Variability, and Corruption // Economics & Politics. — 2004. — Vol. 16, No. 1. — P. 77-100.

4. Кавицкая И. Л. Инфляция издержек коррупционной природы: механизм возникновения и последствия // Финансы и кредит. — 2020. — Т. 26, № 5(797). — С. 1021-1035.

5. Blackburn K., Powell J. Corruption, Inflation and Growth // Economics Letters. — 2011. — Vol. 113, No. 3. — P. 225-227.

6. OECD. Government at a Glance 2021. — Paris: OECD Publishing, 2021. — 280 p. — URL: https://www.oecd.org/publications/government-at-a-glance-22214399.htm (дата обращения: 21.09.2025).

7. Brazil Ministry of Mines and Energy. Energy Sector Modernization Program: Results and Impacts. — Brasília: MME, 2022. — 45 p. — URL: https://www.gov.br/mme/pt-br/assuntos/noticias/ (дата обращения: 20.09.2025).

8. Cukierman A., Edwards S., Tabellini G. Seigniorage and Political Instability // American Economic Review. — 1992. — Vol. 82, No. 3. — P. 537-555.

9. Özşahin S., Üçler G. The Causality Relationship between Corruption and Inflation: The Case of Middle East Countries // Procedia Economics and Finance. — 2016. — Vol. 38. — P. 207-215.

10. World Economic Forum. The Global Risks Report 2024. – Geneva: WEF, 2024. – URL: https://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2024/ (дата обращения: 21.09.2025)

11. Rose-Ackerman S., Palifka B. J. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. — 2nd ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016. — 618 p.

12. Сатаров Г. А. Современная российская коррупция: особенности и направления противодействия // Общественные науки и современность. — 2018. — № 6. — С. 25-40.

13. Горбанева О. И. Коррупция при распределении ресурсов в статической модели сочетания общих и частных интересов // Вопросы безопасности. — 2022. — № 3. — С. 21-32. — DOI: 10.25136/2409-7543.2022.3.33477.

14. Латов Ю. В. Институциональные ловушки: природа, механизмы, социально-экономические последствия // Журнал институциональных исследований. — 2010. — Т. 2, № 1. — С. 36-54.

15. Korea Public Procurement Service. Digital Transformation in Public Procurement: 2018-2023 Results. — Daejeon: PPS, 2023. — 32 p. — URL: https://www.pps.go.kr/eng/resource/white_paper.jsp (дата обращения: 20.05.2024).

16. National Statistics Office of Georgia. Economic Transformation 2004-2023: Institutional Reforms and Outcomes. — Tbilisi: Geostat, 2023. — 84 p. — URL: https://www.geostat.ge/en/publications (дата обращения: 20.09.2025).

17. World Bank. Global Economic Prospects: The Role of Institutions in Inflation Control. — Washington: World Bank, 2023. — 156 p. — URL: https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects (дата обращения: 20.09.2025).

© Злоказова Ю.В., 2025

Иваньков Николай Юрьевич,
слушатель факультета института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кизилов Александр Павлович,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент,

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация: данная статья посвящена рассмотрению актуальных и злободневных вопросов, связанных с борьбой с коррупционными преступлениями в Российской Федерации. Проведен детальный анализ несовершенства действующей системы превентивных мер и практики применения законодательства, подчеркнуты препятствия, возникающие при установлении факта коррупции, а также отмечен недостаток юридического образования участников коммерческих отношений. Автор выдвинули ряд предложений, направленных на оптимизацию подходов к предотвращению экономических злоупотреблений и коррупционных практик, предложили расширить компетенцию надзорных структур, повысить качество образовательных инициатив и усилить общественный контроль.

Ключевые слова: борьба с преступлениями, коррупция, экономические преступления.

За последние несколько лет коррупция стала одной из важнейших угроз России и экономике общества. Согласно официальной статистике Генеральной прокуратуры, в первом квартале 2025 года количество выявленных случаев коррупции увеличилось примерно на 25%, превысив показатели за аналогичный период прошлого года. Подобные правонарушения, а также прослеживаемость тенденции к коррупции подрывают стабильность финансового сектора, замедляют инвестиционную активность и негативно влияют на доверие граждан к правительству, особенно это отображается в социальных сетях, где население высказывает негодование по данному вопросу.

Для того, чтобы было понимание, что такое коррупция и экономические преступления, государство сформировало целый ряд важных нормативных документов, которые раскрывают формирование оснований для борьбы с подобными явлениями. Прежде всего, речь идет о Конституции Российской Федерации, которая гарантирует верховенство закона, равенство граждан и запрещает любые

попытки злоупотребления властью. Далее, стоит упомянуть действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (№ 63-ФЗ от 13 июня 1996 года), который устанавливает санкции за преступления, совершенные в экономической сфере и в сфере коррупции (главы 22, 23, 30). Этот правовой инструмент направлен на защиту социально значимых интересов и поддержание легитимности рыночной экономики.

Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции» выступает ключевым документом, определяющим государственную политику в области борьбы с коррупцией. Данный акт установил фундаментальные правила, принципы и направления деятельности в данной сфере. Помимо этого, существенным элементом стало принятие ряда президентских указов, таких как Национальный план противодействия коррупции на период 2021–2024 годов, а также Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года, утвержденная указом президента РФ от 2 июля 2021 года № 400. Эти документы способствуют формированию целостной концепции борьбы с коррупционными проявлениями на территории нашей страны.

Коррупция в России распространяется благодаря множеству взаимосвязанных факторов. Ключевым моментом является значительная доля теневой экономики, где повсеместно применяются неформальные операции и налоговые махинации. Предприниматели вынуждены уходить в «серую» сферу из-за избыточного налогообложения, бюрократических препятствий и низких показателей эффективности государственных служб. Помимо этого, серьезное влияние оказывает тесная связь организованной преступности с государственными структурами и бизнесом. Такие объединения позволяют преступным организациям свободно распоряжаться финансовыми потоками и безнаказанно присваивать бюджетные средства. Коррумпированные должностные лица вступают в преступные коалиции, участвуя в рэкете, захвате бизнеса и отмывании денежных средств. Дополнительно важной особенностью выступает устоявшаяся культура патронажа и клановых взаимоотношений, где личные симпатии и родственные связи преобладают над соблюдением закона, превращая коррупцию в норму и обыденность.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, подразделения полиции выявили большое количество преступлений в этой сфере: зарегистрировано 82,8% экономических преступлений и 77,3% преступных деяний коррупционного характера. Так, в 2024 году было зафиксировано более 18 тысяч преступлений, связанных с коррупцией, общий ущерб составил 14,2 миллиарда рублей. Что касается экономических преступлений, то за тот же период было выявлено более 65 000 эпизодов, большинство из которых (более 46 000) относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Общий материальный ущерб от этого преступления, подтвержденный материалами завершенных и приостановленных уголовных дел, составил внушительную сумму в 295,7 миллиарда рублей.

Одним из явлений, определивших эволюцию организованной преступности в коррупции, стал процесс объединения. Консолидация организованной

преступной среды подразумевает объединение различных элементов вокруг общих целей и интересов. Процесс консолидации охватывает различные уровни и проявляется в виде слияния организованных преступных группировок, занимающихся традиционной общеуголовной преступностью и деятельностью в экономической сфере. Эта интеграция сопровождалась образованием крупных сообществ, в которые объединялись лидеры и организаторы различных сфер преступной деятельности.

Кроме того, процесс консолидации сопровождается проникновением представителей криминальных структур в государственные органы и институты власти. Преступные группировки активно устанавливают контакты с государственными чиновниками, продвигают лояльных им людей на важные посты, создают систему взаимозависимости и коррупционных отношений, заключают выгодные государственные контракты со своими фирмами, давая так называемые «откаты» за сотрудничество с ними.

Таким образом, организованная преступность оказывает серьезное влияние на функционирование всей системы государственно-властных отношений, усиливая криминальную составляющую во многих сферах общественной жизни.

Организованные преступные группы стремятся к максимальной прибыли, используя как законные, так и незаконные источники дохода. Для эффективной борьбы с ними необходимо создать четко работающую систему взаимодействия между правоохранительными органами, службами экономической безопасности и антикоррупционными подразделениями. Это позволит устранить дублирование функций, избежать несогласованности действий и, как следствие, повысить скорость и качество расследования преступлений.

В частности, хотя федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции» обеспечивает необходимые правовые рамки, реализация его положений нередко сталкивается с серьёзными трудностями, связанными с отсутствием согласованности между судебными инстанциями и структурами следствия.

Хотя законодательство в сфере экономических преступлений постепенно совершенствуется, результаты его применения оставляют желать лучшего. Генеральная прокуратура России сообщает, что значительная часть уголовных дел не доходит до суда, прекращаясь на этапе предварительного следствия. Исследователи, включая В.В. Лунеева, объясняют это тем, что экономические преступления по своей природе трудноуловимы, а преступники оперативно адаптируются к новым мерам правового контроля, что создает серьезные препятствия для правоохранительных органов.

Слабый контроль за расходами чиновников подрывает доверие к антикоррупционным усилиям государства. Несовершенство процедур мониторинга и отчетности позволяет скрывать коррупционные нарушения. Например, требование о декларировании доходов и имущества госслужащих, закрепленное в статье 9 федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года «О противодействии коррупции», предусматривающие обязательное заявление о доходах и активах чиновников, часто не исполняются должным образом. Отсутствие эффективной проверки подлинности этих данных создает возможности для злоупотреблений.

Кроме того, низкий профессионализм юристов и правоохранителей в сфере борьбы с коррупцией подтверждается практикой. Сложные схемы уклонения от налогов и отмывания денег не всегда корректно выявляются и оцениваются. В результате возбуждаются дела с недостаточной доказательной базой, которые редко доходят до суда или заканчиваются оправданием.

Распространенность коррупционных схем в правоохранительной и судебной сферах является одной из ключевых причин неэффективного правоприменения. Непрозрачность процессов и отсутствие гарантий безопасности для заявителей, сообщающих о нарушениях, способствуют сокрытию преступлений и уклонению виновных от ответственности. Статья 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ регулирует процедуру рассмотрения заявлений о преступлениях, однако недостаток исполнительности указанного порядка снижает общественное доверие к работе судов и правоохранительных органов.

Недостаточная ясность и определенность действующего законодательства порождает ряд существенных проблем, среди которых можно выделить:

1. Нечеткость границ: размытые формулировки затрудняют проведение четкой границы между схожими составами преступлений, как, например, в случае со статьями 285 и 286 Уголовного кодекса РФ.
2. Сложность в установлении истины: доказывание вины по некоторым статьям, таким как статья 197 УК РФ (фиктивное банкротство), сопряжено с повышенными требованиями к доказательной базе.
3. Нормативная избыточность: наличие пересекающихся и дублирующих друг друга норм усложняет процесс применения законодательства.
4. Неопределенность терминологии: Использование абстрактных и допускающих различные интерпретации терминов, таких как «материальный ущер», создает предпосылки для разногласий в правоприменительной практике.

Проблема наказания за коррупцию стоит особенно остро. Нынешние санкции слишком мягки и не останавливают коррупционеров от повторных нарушений. Для решения этой проблемы нужно не только пересмотреть Уголовный кодекс, но и усилить меры профилактики, предусмотренные, например, Федеральным законом от 27.07.2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ». Текущие антикоррупционные меры недостаточны для существенного снижения уровня коррупции.

Эффективная борьба с коррупцией требует комплексного подхода, сочетающего превентивные меры и пресечение уже совершенных преступлений. Только карательных мер недостаточно для искоренения глубоко укоренившихся коррупционных практик. Необходимо активно внедрять профилактические инициативы, формирующие в обществе нетерпимость к коррупции.

Важно повышать квалификацию сотрудников правоохранительных органов в области финансового анализа и укреплять их сотрудничество с Центральным банком, налоговой службой и Росфинмониторингом. Использование цифровых платформ с искусственным интеллектом для отслеживания финансовых операций также играет ключевую роль.

Кроме того, для успешной борьбы с коррупцией необходимо повысить открытость и прозрачность государственных учреждений. Публикация информации

о расходовании бюджета, раскрытие коррупционных схем и привлечение граждан к контролю за деятельностью властей создают эффективный механизм обратной связи и способствуют снижению коррупции.

Для разрешения обозначенных проблем целесообразно внести поправки в российское законодательство о противодействии коррупции, в части, касающейся о предоставлении федеральной службе безопасности, прокуратуре и другим надзорным органам полномочия для оперативного вмешательства в случае подозрения на коррупционное преступление. Важно упростить процедуру передачи дел о коррупции между ведомствами. Особенно актуально усовершенствовать Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 года в аспектах лоббистской деятельности, необходимо ввести обязательное регулирование и регистрацию деятельности профессиональных лоббистов, чтобы предотвратить скрытое продвижение частных интересов в ущерб общественному благу.

Опыт показывает, что дефицит прозрачности в процедурах государственных закупок регулярно создаёт предпосылки для появления коррупционных схем. Поэтому необходимы обязательные антикоррупционные регламенты и этические нормы поведения для сотрудников государственных учреждений, а также расширение функций общественных наблюдательных комиссий при властных структурах.

Обеспечение безопасности участников антикоррупционных инициатив представляет собой значимый фактор. Разработка четко регламентированных процедур защиты осведомителей и свидетелей будет способствовать увеличению числа граждан, готовых к сотрудничеству с правоохранительными структурами. В частности, имплементация конфиденциальных каналов для передачи информации о коррупционных проявлениях укрепит доверие к ведомствам, осуществляющим расследования.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаемые преобразования позволят сформировать устойчивую систему противодействия экономическим и коррупционным преступлениям, обеспечивая прозрачность и результативность функционирования государственного механизма, а также снижая масштабы коррупции на всех уровнях управления. Выявленные проблемы подтверждают императивность интегрированного подхода к борьбе с подобными правонарушениями. Хотя существующие нормативно-правовые акты имеют существенное значение для формирования эффективных антикриминальных стратегий, для достижения измеримых результатов необходима дополнительная поддержка со стороны государства и гражданского общества.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. ст. 2954.

3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). ст. 6228.

4. Алексеев С. С. Государственное управление в условиях глобализации: проблемы теории и практики. – М.: Норма, 2016. – 320 с.

5. Богданов А.В., Кизилов А.П., Хазов Е.Н. Основные направления взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями и противодействия коррупции // Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. – №2. – 2018. – С. 72-76

6. Глущенко А.Ю. Противодействие коррупции: теория и практика. — М., 2021.

7. Гордейчик С. В. Преступления в сфере экономики: квалификация и расследование. – Красноярск : Полиграфцентр, 2017. – 280 с.

8. Капитонова И.И. Коррупция и правосознание. – СПб., 2020

9. Кузнецов В. В. Коррупционная составляющая экономических преступлений: современное состояние и перспективы борьбы / В. В. Кузнецов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 1. – С. 12–16.

10. Лунеев В.В. Преступность XX века. – М.: Норма, 2020. – 298 с.

11. Маслов Д. Г., Кизон Е. А. Теневая экономика в России как системное институциональное явление// Общественные науки. Экономика. - № 4 (28). – 2013. – С. 167.

12. Черкасов К.В. Некоторые вопросы мониторинга правоприменения в современной России в контексте противодействия коррупции в сфере государственного управления // Вестник КГУ. – № 1. – 2019. – С. 203.

13. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4b6c83d.

© Иваньков Н.Ю., 2025

Ильин Алексей Евгеньевич,
начальник научно-исследовательского центра № 3
по исследованию проблем противодействия
преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук;
Казакова Вера Александровна,
главный научный сотрудник 3 отдела
по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям коррупционной направленности
научно-исследовательского центра № 3 по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России;
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Института международного права и правосудия ФГБОУ ВО МГЛУ,
доктор юридических наук, профессор

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПОЛИЦИЕЙ ГЕРМАНИИ

Аннотация: в статье освещаются подходы служащих полиции ФРГ к предупреждению коррупционных преступлений, показаны приоритеты противодействия запланированной преступности перед ситуативной. Констатируется значение статистических сведений как основы планирования уголовной политики борьбы с коррупцией. Перечисляются факторы, позволяющие выявить коррупционные проявления на раннем этапе, которые ориентировочно указывают на коррупционное поведение, а также являются сигналами совершения таких правонарушений, называемые индикаторами коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: предупреждение коррупции; полиция ФРГ; индикаторы коррупции; ситуативная и запланированная коррупция.

Германия как одна из стран, успешно реализующих комплексные меры по борьбе с коррупцией, характеризуется наличием системы антикоррупционного законодательства.

Основой правового противодействия коррупции можно считать главу 30 Уголовного уложения Германии, аккумулирующую должностные преступления, Закон о борьбе с коррупцией от 20 ноября 2015 г. Закон об ограничении деятельности служащих по совместительству от 9 сентября 1997 г., Директиву федерального правительства о борьбе с коррупцией в федеральных органах управления от 30 июля 2004 г. и как приложения к ней Кодекс действий против коррупции и Методические указания[1]. Аналогичные документы принимаются на местном уровне.

Солидная нормативная база содержит также ведомственные инструкции, директивы, детально регламентирующие механизм борьбы с коррупцией. Немаловажное значение придается выработке стандартов морально одобряемого социального поведения. Так с 1995 г. действуют Кодекс антикоррупционного

поведения, Рекомендации к соблюдению Кодекса, а также «Инструкция для руководящего состава» [2].

В Германии ведется весьма подробная полицейская статистика, фиксирующая не только количество и виды совершаемых коррупционных преступлений, но и их классификацию по различным основаниям. Федеральным ведомством уголовной полиции (ВКА) ежегодно публикуются данные о коррупции, по которым можно проследить их динамику. По сведениям немецких исследователей, динамика выявления коррупционных преступлений волнообразна. В основном это связано с ресурсами правоохранительных органов и резонансом, вызываемом общественностью при обнародовании громких коррупционных расследований [3]. Статистика служит основой для формирования политики борьбы с коррупцией, определения ее приоритетов. Пристальное внимание в антикоррупционной деятельности уделяется выявлению коррупционных схем как в государственном, так и в частном секторах. В сфере государственной службы таких дел примерно половина, треть направлена против коммерческих предприятий, в сфере правоохраны – около 13%, политическая коррупция составляет около 2%. Коррупционные схемы применяют также в избирательной системе, строительной отрасли, других отраслям бизнеса [4].

Принято делить коррупцию на ситуативную и запланированную, что можно с определенной долей условности сравнить с российским делением на бытовую и организованную. Основная цель такого структурирования коррупции в Германии – сосредоточение борьбы с запланированной коррупцией, характеризующейся систематичностью, масштабностью, устойчивостью. Аргументы связаны с пониманием коррупции как системы, и, следовательно, противодействие ей должны быть также системным. Доказательство тому – значительное превалирование дел о запланированной коррупции.

В коррупции также принято выделять предварительный этап - действия, нацеленные на создание благоприятного для нее климата. На этой стадии целесообразно предотвращать появление коррупции со стороны конкретных лиц. Специалисты справедливо указывают на важность предупреждающего воздействия [5]. Для этого существует перечень так называемых индикаторов коррупции, прямо или косвенно указывающих на ее зарождение или существование. Индикаторы разработаны на основе обобщения коррупционных правонарушений и выделении из них типичных, закономерных свойств [6].

Часто индикаторы связаны с поведением конкретных людей, которое может косвенно указывать на их коррупционность. К ним относятся:

- образ жизни, не соответствующий доходам чиновника, статусу его должностного положения;
- внезапные изменения расходов в сторону увеличения;
- психологические проблемы, свидетельствующие о возникшей зависимости от кого-то, склонности к девиантному поведению;
- частое появление на банкетах с их оплатой;
- участие в деловых мероприятиях или частных встречах с бизнесменами;
- предоставление чиновнику различных необоснованных скидок или особых условий оплаты покупок;

- доставка подарков под видом рекламных акций;
- инициативная работа, встречи с деловыми партнерами в выходные дни;
- выполнение работы дома в выходные дни;
- замкнутость с коллегами по работе, отчужденность;
- неаргументированные изменения в принятии решений по службе;
- неожиданный уход от конфликтных вопросов по работе там, где они ожидаемы;
- принятие единоличных решений без советов специалистов, если их мнение необходимо.

Следующая группа индикаторов расценивается как коррупционные сигналы и имеет непосредственную связь с коррупционным поведением:
- принятие решений незаконным способом;
- различная подходы и оценка аналогичных ситуаций;
- сознательное злоупотребление полномочиями или их расширение при необходимости интерпретации ситуации;
- стремление избежать проверок и вмешательства иных лиц в управленческие функции;
- уклонение от контакта в конкретных делах с другими подразделениями организации;
- необоснованное привлечение к работе посторонних лиц;
- вступление в договорные отношения с невыгодными условиями в ущерб организации;
- немотивированное оказание предпочтения или поддержка определенных контрагентов при обсуждении условий контракта и заключении договора;
- обход общественных тендеров;
- утрата финансовых актов, наличие фальсификаций в документации;
- необъяснимо быстрое решение вопросов, требующих большего времени;
- пренебрежение сомнениями коллег о законности актов или процедур;
- закупка ненужных или устаревших материалов, использование неэффективной логистики;
- покупка продукции по завышенным ценам;
- повторные официальные поездки в определенные компании без необходимости;
- жалобы клиентов или конкурентов, сигналы коллег.

Специалисты считают, что «Директива по противодействию коррупции, изданная Министерством внутренних дел Германии, предполагает создание мощной системы как внутриведомственного, так и надведомственного антикоррупционного контроля» [7]. Наличие таких алгоритмов существенно облегчает работу полиции и позволяет пресечь проявления коррупции на раннем этапе, что повысит эффективность противодействия этому негативному явлению в целом.

Список литературы:

1. Петрова Ю. И., Бутова Т. В. Об аспектах антикоррупционной политики в Германии // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. № 42. С. 24 – 26.

2. Европейский опыт борьбы с коррупцией / В. Моисеев // Человек и труд : ежемесячный научно-практический журнал. 2011. № 10. С. 31-34.

3. Баумерт В.Т. Актуальные вопросы противодействия коррупции в публичном и частном секторах // материалы российско-германской научной-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)" (Санкт-Петербург). 2021. С. 9 - 29.

4. Ригер, Х .-И. Предотвращение – ключевой фактор в борьбе с коррупцией / Х.-И. Ригер. – URL: http://www.sapa.sib.ru/Podrazd/riger.doc.

5. Poerting P., Vahlenkamp W. Internal strategies against corruption: Guidelines for preventing and combating corruption in police authorities // Crime, Law and Social Change 1998. № 29. С. 225–249. https://doi.org/10.1023/A:1008357022817AP

6. Лейтгейзер Г. Актуальные вопросы борьбы с коррупцией в государственном и частном секторах // материалы российско-германской научной-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)" (Санкт-Петербург). 2021. С. 9 -29.

7. Поляков М. М. Европейский опыт борьбы с коррупцией органами исполнительной власти и прокуратуры // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. №2-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-opyt-borby-s-korruptsiey-organami-ispolnitelnoy-vlasti-i-prokuratury (дата обращения: 28.09.2025).

© Ильин А.Е., Казакова В.А. 2025

Казаков Родион Алексеевич,
слушатель факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Корчагов Евгений Валентинович
старший преподаватель кафедры огневой подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация: в статье автор рассматривает возможности цифровой среды и, в частности, цифрового рубля, как эффективного средства борьбы с коррупцией на современном этапе. Автор демонстрирует актуальные статистические данные с целью подтверждения актуальности проведенного исследования.

Ключевые слова: коррупция, цифровизация, предупреждение коррупции, цифровой рубль, предупреждение преступности.

Предтечей к созданию и внедрению проекта цифрового рубля послужил Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», основной целью которого явилась цифровизация экономической отрасли.

Считаем значимым раскрыть тему нашей научной статьи с рассмотрения текущего состояния платёжной системы на территории России. В настоящее время взаимодействие между банками и клиентами банков осуществляется посредством открытия клиентами счёта в определенном банке, который предусматривает внесение наличных денежных средств и их конвертацию в безналичные деньги. Важным аспектом в рамках этих взаимоотношений является то, что банки коммерческие. Это значит, что регулирование осуществляется путём реализации процедур конкретного финансового института. Например, это может проявляться в требованиях к переводам (банки самостоятельно определяют степень ограничения сумм по переводам, производят блокировку в случаях, если операции кажутся им сомнительными). Разница в регулировании видна и при переводах денежных средств между разными финансовыми. Это, в первую очередь, проявляется в установлении различных лимитов, которые предусматривают комиссию, а могут производиться и без неё. На этот счёт хотелось бы процитировать аналитика банка БКФ, Максима Осадчего: *«Сбербанк получает и львиную долю комиссионных доходов от осуществления переводов денежных средств по банковским счетам по поручению физических лиц. Так, за 2019 год весь банковский сектор получил по этой статье доходы в размере 71,6 млрд.руб., тогда как Сбербанк – 67,1% этой суммы (что составляет 48,1 млрд.руб)»*.

Рассмотрев текущее состояние платежной системы необходимо отметить,

что на данный момент правила ввода и вывода денежных средств устанавливает коммерческий банк через свои лимиты, тарифы и комиссии. Каждый банк индивидуален в выборе перечисленных категорий. Выдача лицензий, правила работы, выдача займов по ключевой ставке, регулирование отношений в банковской среде возложены на Центральный Банк России.

Какие изменения будут внесены посредством внедрения проекта Цифрового рубля?

До разработки данной платформы клиенты коммерческих банков не взаимодействовали напрямую с Центральным Банком России, но после они становятся прямыми пользователями платформы именно ЦБ России, что вытекает из Положения о платформе цифрового рубля [2].

Данное Положение содержит в себе ряд основополагающих понятий, раскрывающих сущность цифрового рубля.

Первым из них выступает платформа цифрового рубля. По сути своей она представляет программное обеспечение, которое осуществляет хранение данных, их пересылка.

Вторым понятием является оператор платформы цифрового рубля. Если кратко отразить значение, то создателем и регулятором выступает ЦБ России.

В рамках третьего понятия выступает пользователь платформы, которые путём запроса напрямую в ЦБ России получают индивидуальный счёт цифрового рубля, который является единственным (создание второго счета недопустимо). Особенностью взаимодействия между пользователем и ЦБ России является посредник в лице коммерческого банка (приложения коммерческих банков), посредством которого осуществляется управление счетом.

Четвертым понятием выступают участники платформы (банки).

При описании действующей финансовой системы мы писали о том, что каждый банк вправе трактовать содержание своих финансовых институтов. При введении единого счёта, отпускаемого ЦБ России, его управление возможно через приложения любого банка. Он находится не на счету банка, а на платформе Центрального Банка России.

Теперь необходимо отразить, как получается цифровой рубль. Его получение протекает через следующие этапы: наличные деньги конвертируются в безналичные, а безналичные деньги поступают на платформу ЦБ России. Для получения наличных денежных средств схема та же, но в обратном порядке.

Интересным механизмом оплаты цифровым рублем видится возможность его использования без доступа к сети «Интернет». Используем пример: Покупатель решил приобрести маленьких цыплят у фермера, который живёт на отдаленном расстоянии от цивилизации (хорошо владея при этом технологиями). Путём перевода или иными способами электронной оплаты деньги были отправлены, но их зачисление будет произведено при появлении покупателя в зоне действия сети «Интернет».

В сфере государственного управления цифровой рубль будет играть существенную роль по противодействию коррупции и нецелевому расходованию денежных средств.

Необходимо отразить, что билеты банка России промаркированы уникальными номерами. По той же схеме запрограммированы цифровые рубли. Это говорит о том, что внутрь каждого цифрового рубля можно заложить различные условия его исполнения. В качестве примера можем привести пример с материнским капиталом. Так, молодой семье выдаются цифровые рубли, которые программируются под условия, при которых возможна реализация материнского капитала. То есть, трата денег на иные категории недопустима (такие операции подлежат блокировке).

На уровне государства реализация денежных средств из бюджетов будет функционировать по такому же принципу. Например, на развитие спорта в одном из субъектов России выделяется 20 000 000 рублей. Значит, что траты возможны со всем сопутствующим с развитием спорта.

Из доклада «Цифровой Рубль. Доклад для общественных консультаций» Банка России прозвучала следующая формулировка: «Для контроля целевого использования средства в цифровом рубле могут быть помечены специальным признаком, указывающим на допустимые цели расходования этих средств. Применение цифрового рубля позволит государству автоматически отслеживать движение денежных средств, выделяемых в рамках государственных контрактов или иных бюджетных платежей, запретить их расходование на цели, не соответствующие их предназначению».

Таким образом, введение цифрового рубля позволит упростить процессы переводов денежных средств, осуществления покупок. Кроме того, значительная роль отводится и контролю за целевым расходованием денежных средств органами государственной власти, гражданами, наделенными правом на получение социальных выплат. При правильной интеграции платформы цифрового рубля в коммерческие банки возникновение трудностей для клиентов банков минимально.

Список литературы:

1. Черенкова С.А. Достоинства и потенциальные риски введения цифрового рубля в современной России // Национальная безопасность / Notabene. 2023. № 1. С. 53–65.

2. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820 (в ред. от 12.07.2024)"О платформе цифрового рубля"(вместе с "Порядком урегулирования споров и разногласий") (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 № 74716). КонсультантПлюс [сайт] —режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454540/ свободный (дата обращения: 05.11.2025) — Загл. с экрана.

3. «Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 года)"(утв. Банком России) \ КонсультантПлюс // www.consultant.ru[сайт] — режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364913/ свободный (дата обращения: 05.11.2025) — Загл. с экрана.

4. Пшеничников В.В. Эволюция форм и видов денег от натурального обмена до цифровых транзакций: автореф. дис. … д-ра экон. наук. СПб., 2023. 37 с.

© Казаков Р.А., 2025

Карпова Наталия Анатольевна,
доцент кафедры уголовного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что правовые меры являются основным законодательным инструментом в противодействии коррупционным преступлениям. Тем не менее, их разработка и последующее применение сопряжены с комплексом юридически значимых проблем: отсутствие законодательного определения понятия коррупционного преступления; дискуссионные вопросы классификации и квалификации преступлений коррупционной природы; разработка правовых и организационно-управленческих мер противодействия коррупции; современная надлежащая уголовно-правовая оценка коррупционных деяний. Научная новизна статьи определяется в теоретической разработке автором понятия коррупционного преступления, а также в определении элементов, охватывающих систему правовых мер, направленных на противодействие коррупции.

Ключевые слова: коррупция; коррупционное преступление; взяточничество; подкуп; противодействие коррупции.

В контексте Федерального закона от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции», понятие коррупции раскрывается в пункте «а» статьи 1 посредством перечисления конкретных коррупционных правонарушений. Наиболее значимым инструментом реализации политики противодействия коррупционным преступлениям является Уголовный кодекс Российской Федерации, о чем свидетельствует использование в ст. 1 Федерального закона уголовно-правовых терминов: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, использование лицом своего должностного положения вопреки законным интересам. Также обращает на себя внимание, что ст. 13 Федерального закона в первую очередь предусматривает уголовную ответственность физических лиц за коррупционные преступления, а затем административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность. Вместе с тем действующий уголовный закон Российской Федерации не содержит законодательной дефиниции данного преступления. Согласно словарю русского языка, коррупция трактуется как «подкуп, взяточничество, продажность должностных лиц в целях личного обогащения». Тем не менее, данная дефиниция представляется неполной для всестороннего осмысления понятия и сущности коррупции.

Отметим, что многими специалистами в уголовно-правовой доктрине обращается особое внимание на законодательное отсутствие понятия коррупционного преступления, что в свою очередь, препятствует противодействию коррупционной преступности в целом. Вместе с тем анализ нормативной директивы позволил выделить общие признаки преступлений коррупционной направленности, нашедшие свое отражение в указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации №870/11/1 и МВД Российской Федерации «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), используемых при формировании статистической отчетности» от 27.12.2017 года [1].

Итак, характерными признаками коррупционного преступления являются:

1. Причинение вреда авторитету публичному аппарату власти.

2. Противоправное происхождение имущественных благ (денег или иного имущества, имущественных прав, выгод, услуг).

3. Использование служебного положения вопреки интересам службы.

4. Наличие признаков специального субъекта: преступление совершается лицом, признаки которого предусмотрены соответствующими нормами Особенной части Уголовного кодекса (статьи 285 и 201 УК РФ).

5. Прямой умысел.

6. Наличие корыстной или иной личной заинтересованности.

Отметим, что Ю.Ю. Малышева справедливо подчеркивает, что коррупция-комплекс противоправных деяний, совершаемых за незаконное вознаграждение лицом, злоупотребляющим своим служебным положением. Автор корректно указывает на то, что данный вывод находит подтверждение в определении коррупции, представленном в справочном документе ООН, посвященном международной борьбе с этим явлением. Согласно данному документу, «коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» [2, с. 68-69].

В доктрине уголовного права имеется спорное, но заслуживающее внимания мнение специалиста И.А. Цоколова, согласно которому автор предлагает ввести в УК РФ статью 14.1 «Коррупционное преступление». Под преступлением данного вида предлагается понимать запрещенное уголовным законом под угрозой наказания общественно опасное предлагается деяние, совершенное с прямым умыслом из корыстной или иной личной заинтересованности лицом, подпадающим под признаки, предусмотренные примечаниями к ст. 201 или ст. 285 УК РФ, с использованием своего служебного положения и вопреки интересам службы, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [3, с. 13-17].

Полагаем, что конкретизировать понятие коррупционного преступления не совсем корректно в УК РФ, во-первых, оно подпадает под признаки общего понятия преступления, во-вторых, преступления иной природы также будут нуждаться в законодательном закреплении в уголовном законе, что нарушит принципы построения правовых норм.

В этой связи нам импонирует точка зрения К.А. Лопатиной, по мнению которой создание в УК РФ отдельной статьи, предусматривающей понятие коррупционного преступления, нецелесообразно. Правовые суждения автора сводятся к тому, что не следует нарушать внутреннюю структуру кодекса. В связи с чем, в целях оптимизации российского законодательства предлагается внести изменения в статью 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», закрепив в ней определение коррупционного преступления, что будет способствовать совершенствованию нормативной базы в целях обеспечения полной и безошибочной квалификации подобных деяний [4, с. 43-44].

Схожей правовой позиции придерживаются Л.А. Букалерова и М.Н. Копылов, предлагающие в целях упрощения отнесения деяний к коррупционным преступлениям дополнить статью 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» пунктом следующего содержания: «коррупционные преступления» - преступления, которые могут быть совершены с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Перечень коррупционных преступлений устанавливается правовым актом Генеральной Прокуратуры и МВД РФ» [5, с. 107-108].

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим к следующему выводу. Предлагаем в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» внести следующее определение: «Коррупционное преступление – это совершенное с целью получения выгод и преимуществ для себя или других лиц умышленное общественно опасное деяние, состоящее в противоправном получении вопреки интересам службы государственным, муниципальным или иным публичным служащим либо служащим коммерческой или иной организации денег, ценных бумаг или иного имущества, прав на него, выгод и услуг имущественного характера либо в предоставлении таких благ».

Следует отметить, что для разрешения вопроса о совершенствовании правового механизма в борьбе с коррупционными преступлениями, необходимо определить систему мер в сфере антикоррупционной деятельности. Такая система противодействия коррупции является комплексной и охватывает целый ряд направлений, связанных с вопросами законодательной регламентации и правоприменительной практики в данной сфере. Предлагаем выделить основные элементы, входящие в систему правовых мер противодействия преступлениям коррупционной направленности:

1) криминологические меры направлены на изучение причин и условий возникновения коррупционного поведения, разработку рекомендаций по предупреждению правонарушений в данной сфере посредством проведения научных исследований, мониторинга ситуации, оценки рисков и подготовки соответствующих предложений органам государственной власти;

2) уголовно-правовые меры устанавливают ответственность за совершение взяточничества, злоупотребления должностными полномочиями, коммерческого подкупа и других видов преступлений коррупционной направленности;

3) уголовно-исполнительные меры применяются для исполнения наказания, назначенного судом за коррупционное преступление: лишение свободы, штраф, запрет занимать определённые должности и другие формы ограничения права на осуществление профессиональной деятельности;

4) административно-правовые меры регулируют порядок привлечения должностных лиц к ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства и совершение административных правонарушений, связанных с использованием служебного положения в корыстных целях (наложение штрафов, дисциплинарные взыскания, отстранение от занимаемой должности);

5) финансово-правовые меры обеспечивают прозрачность финансовых операций государственных служащих и организаций, контроль над расходованием бюджетных средств, предотвращают незаконное обогащение должностных лиц (декларирование доходов и расходов, проверки целевого использования средств, выявление и пресечение нелегальных схем финансирования);

6) гражданско-правовые меры включают иски о возмещении ущерба, нанесённого действиями коррумпированных сотрудников, признание сделок недействительными, взыскание убытков, компенсаций морального вреда потерпевшим лицам;

7) организационно-управленческие меры направлены на разработку стратегии борьбы с коррупцией, формирования специализированных подразделений, повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, внедрение этических стандартов поведения, создание каналов информирования населения о случаях коррупции и механизмов подачи жалоб, антикоррупционная пропаганда.

Таким образом, система мер противодействия коррупции представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов правового воздействия и организационно-управленческих мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и наказание за противоправные деяния коррупционной природы. Эффективная система противодействия коррупции – это слаженный механизм, объединяющий правовые рычаги и управленческие решения.

Правоохранительная практика убедительно демонстрирует, что уголовный закон сам по себе недостаточен для искоренения коррупции в целом. Тем не менее, важность уголовно-правового воздействия нельзя недооценивать.

По мнению большинства специалистов, запреты, установленные российским уголовным законом и направленные на противодействие преступлениям в сфере коррупции, выполняют двойную функцию: они не только служат инструментом ее предупреждения, но и выступают четким индикатором границ социально неприемлемого поведения с позиции государства, а также определяют правовые основания для привлечения виновных к уголовной ответственности.

Основные направления совершенствования уголовно-правового механизма противодействия коррупции:

а) совершенствование уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за преступления коррупционной направленности;

б) уточнение законодательных терминов, определений, конструкций, связанных с понятием и видами коррупционного преступления;

в) совершенствование системы уголовных наказаний за рассматриваемые преступные деяния посредством ужесточения ответственности за отдельные виды коррупционных преступлений, более широкой реализации назначения дополнительных видов наказаний, минимизации применения условного осуждения;

г) совершенствование законодательства в части конфискации имущества как меры уголовно-правового характера, применяемой за совершение преступлений данного вида;

д) обобщение и анализ материалов правоприменительной практики в целях обеспечения единства и системности в применении норм уголовного закона, регулирующие вопросы ответственности за коррупцию.

Актуальность совершенствования антикоррупционного законодательства, устанавливающего ответственность за рассматриваемые преступления, а также практики его применения не вызывает сомнений. Настоящая статья призвана оказать содействие законодателю в решении этой насущной задачи.

Список литературы:

1. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации от 27.12.2017 №870/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Малышева Ю.Ю. Понятие коррупционного преступления по уголовному законодательству современной России // Угрозы и безопасность. 2012. № 36 (177). С. 68-69.

3. Цоколов И.А. Проблемы уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления. Статья 1. К вопросу об оптимизации понятия «коррупционное преступление» // Российский следователь. 2011. № 5. С. 13 – 17.

4. Лопатина К. А. К вопросу об определении понятия коррупционных преступлений // Гуманитарный научный журнал. 2023. № 4-2. С. 43-44.

5. Букалерова Л.А., Копылов М.Н. К вопросу о понятии «Коррупционные преступления» // Общество и право. 2012. №1 (38). С. 107-108.

© Карпова Н.А., 2025

Квитчук Анатолий Сергеевич,
начальник кафедры специальной и автомобильной техники
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел
Российской Федерации;
Квитчук Маргарита Александровна,
заместитель начальника кафедры
финансового учета и контроля
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат экономических наук, доцент

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО – ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

Аннотация: коррупция как социальное явление неизбежна для развития мировых цивилизаций. Коррупция имела место быть в исторической ретроспективе. В статье показана ее природа с точки зрения зарождения и развития в различных периодах жизни общества и государства, особенно во время расслоения общественных масс по уровню дохода и благ, а также увеличения государственного аппарата, от решений которого зависела реализация прав и законных интересов граждан. Тем не менее, противодействие коррупции происходило на всех этапах становления государственности.

Ключевые слова: коррупция, общество, власть, государство, правоохранительные органы.

Коррупция является проявлением общественной и государственной жизни, выступает следствием не только проявления человеческих слабостей, но и результатом социальных отношений, возникающих в части реализации прав и обязанностей их участников. Коррупцию, как социальное явление следует считать неизбежным для развития мировых цивилизаций, как в историческом, так и современном отображении данного вопроса [4]. Объективным является суждение о том, что коррупция имела место быть в исторической ретроспективе, а значит, для понимания ее сущности, в том числе в условиях современности, важно понять ее природу с точки зрения ее зарождения и развития в различных периодах жизни общества и государства.

Доказательством длительного исторического пути коррупции являются труды ученых древности в области исследования государства и общества. Вопросы негативных последствий коррупции раскрываются в трудах ученых Древней Греции, Рима, Карфагена, Египта и др. Так, первое упоминание о коррупции и борьбе с ней относят ко второй половине XXIV в. до н. э. и связывают с шумерской государственностью [3].

При этом, несмотря на официальное осуждение проявлений коррупции среди официальных государственных лиц и ученых, коррупция в большинстве стран древнего мира зачастую носила повсеместный характер. Так, например,

А.А. Мазурин пишет, что «в первобытных и раннеклассовых обществах плата жрецу, вождю или военачальнику за личное обращение к их помощи рассматривалась как универсальная норма» [6].

Со временем укрепления государственности, негативные последствия от проявлений коррупции стали восприниматься высшими должностными лицами государства в качестве одних из условий неудач во внешних и внутренних делах. Например, поражение Карфагена в Пунических войнах связано, прежде всего, с коррупцией. Военный деятель Карфагена Ганнибал был вынужден вести войну на территории Римской империи без необходимого для него подкрепления, прежде всего из-за действий коррумпированных членов Сената Карфагена, которые были подкуплены противниками Ганнибала и не подготовили дополнительные силы из числа солдат, оружия и провианта [9].

Развитие коррупции стало обретать более широкие проявления со времени расслоения общественных масс по уровню дохода и благ, а также увеличению государственного аппарата, от решений которых зависела реализация прав и законных интересов граждан. Так, граждане Древнего Рима в отношении нового чиновника, прибывшего для управления той или иной провинций, говорили: «Он приехал бедным в богатую провинцию, а уехал богатым из бедной провинции» [11].

В это время в римском праве появился специальный термин «corrumpire», который был синонимом слов «портить», «подкупать» и служил для обозначения любых должностных злоупотреблений [1].

Между тем борьба с коррупцией, как и само ее проявление в отдельных государствах древности происходила по-разному, что было обусловлено спецификой и ролью самого государства. Так, например, в законах царя Хаммурапи (около 1810–1750 гг. до н. э.) указывалось, что в случае изменения своего решения судья должен был оплатить исковую сумму по делу в 12 кратном размере с последующим оставлением своей должности [10].Такое историческое свидетельство показывает, с одной стороны, наличие проявлений коррупции, с другой стороны, борьбу с нею. Вместе с тем о системном противодействии и как следствие, отсутствии коррупции в те времена говорить не приходилось.

В период раннего средневековья (в том числе зарождения российской государственности), в связи с отсутствием централизованной власти и наличия феодальных центров, коррупция, как социальное явление стала развиваться в более широком ключе. Сама система получения благ со стороны власть имеющих происходила за счет подношений, поборов, а справедливость решений зависела от размера полученной платы. Так, в средневековой России «кормления» воевод и присвоение им платы за разрешение конфликтов считались обычным доходом служивых людей, наряду с жалованием из казны или получением поместий.

Вместе с объединением земель вокруг одного центра, государство в лице высших лиц принимало меры по недопущению открытых коррупционных отношений, предоставляя жалования «служивым». Однако полноценного искоренения или как минимум создания системной борьбы с коррупцией в период Средневековья в Европе и на Руси не произошло. В этой связи А.А. Мазурин пишет, что «показательные наказания коррумпированных чиновников

обычно не давали почти никакого результата, потому что на место устраненных (разжалованных или казненных) появлялись новые вымогатели взяток [6].

Также интересен тот факт, что в странах Европы в средние века сам факт «подношения» для короля или судьи не являлся незаконным действием, а лишь проявлением «внимания и заботы к государеву делу». Такие действия считались традицией или обычаем. Вместе с тем следствием данного рода действий служили незаконные и несправедливые решения. В этой связи создавались лишь внешние атрибуты соблюдения законов и правил и как следствие формальное безучастие в коррупционных проявлениях должностных лиц.

Возвращаясь к истории коррупции в России, необходимо отметить, что развитие ее (коррупции) происходило по аналогичным канонам европейских государств, а именно от института «кормления» до продажи должностей, титулов и званий. При этом проявления коррупции наблюдались в разрозненных княжествах Киевской Руси и Московском государстве, которое в свою очередь объединило вокруг себя множество феодальных земель. Вместе с тем уже в 1397 году в уголовном законе Пскова – Псковской Судной грамоте содержались статьи, закреплявшие запрет на получение «посулов» (древнерусское название взятки).

Уже в Судной грамоте 1561 года взяточничество являлось преступлением и наказанием за ее совершение могло быть в виде тюремного заключения или смертной казни. При анализе Соборного уложения от 1649 года взяточничество было связано с нарушением против правосудия. Данное положение указывало, что коррупция являлась негативным явлением с точки зрения указанного закона только для судебной власти и коррупционерами могли считаться лица из числа судьей. При этом судебная власть того времени принадлежала и боярам, которые являлись олицетворением всех ветвей власти на своих землях. Все это в очередной раз доказывало, что коррупцией не считались получение благ всеми категориям государственных лиц.

В свою очередь в Уголовном кодексе Российской Империи 1845 года уголовная ответственность предусматривалась за разные виды и формы взяток в зависимости от степени общественной опасности и последствий от совершенных преступлений коррупционной направленности. Наибольший расцвет коррупции в период Российской Империи отнесен к периоду правления Николая II, при котором с учетом развития научно-технического прогресса, экономико-социальных связей между европейскими и азиатскими странами потребность разрешения правовых и иных споров соотносилась с финансовыми возможностями. Данное обстоятельство явилось не только признаком российской действительности. Большинство зарубежных стран, в особенности стран Западной Европы, испытывали существенные проблемы из-за коррумпированности общества и государства.

В этой связи, по мнению некоторых ученых, именно коррупция привела к возрастанию в начале 20 века революционных взглядов и движений среди рабочего класса, которые были недовольны неравномерным распределением доходов и уровня жизни между социальными классами [2].

Как известно, в России произошла смена формата государства, когда на смену империи пришла советская власть. В годы свержения Российской Империи

новое государство осуществляло принятие мер по снижению проявлений коррупции. Так, Декрет СНК от 8 мая 1917 года «О взяточничестве» стал первым в советской России правовым актом, предусматривавшим уголовную ответственность за взяточничество. Наказанием, помимо лиц виновных в принятии взятки, подвергались также виновные в даче взятки, подстрекатели, пособники и все прикосновенные к даче взятки служащие [10]. В 1921 году Декретом СНК «О борьбе со взяточничеством» вводится освобождение от уголовной ответственности взяткодателей, при условии, если они своевременно заявят о вымогательстве взятки или окажут содействие раскрытию дела о взяточничестве. Строгость наказаний за взятки в СССР росла постоянно, однако, по мнению М.А. Томневой, масштабы взяточничества при этом не сокращались [8].

Соглашаясь с М.А. Томневой, необходимо отметить, что советское государство, понимая потребность принятия законодательных и иных управленческих решений, связанных с нейтрализацией коррупционных проявлений и изменений сознания граждан, приняло ряд нормативно-правовых актов, направленных на искоренение данного социального явления. Так, в июле 1918 года принято постановление Совета народных комиссаров РСФСР «Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях», а затем 21 декабря 1922 г. декретом введены «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях».

Указанными и иными нормативно-правовыми актами предпринимались попытки создания условий для искоренения коррупции, в том числе ее причин и условий. Вместе с тем говорить о наличии системы борьбы с коррупцией в первые годы развития советского государства в данной ситуации не приходится. Государство лишь криминализировало совершение коррупционных деяний и лишь под запретом наказания граждане отказывались от совершения преступлений данного направления.

По мнению А. К. Садрисламова и Дашкова Т. К. борьба с коррупцией в период существования СССР имела свои особенности:

– информация о наказании коррупционеров освещалась не всегда, а только в нужный момент;

– действовала развитая система всеобщего доносительства;

– лица, совершившие преступления коррупционной направленности, подвергались суровому наказанию;

– развивалась антикоррупционная агитация [9].

Тем не менее, несмотря на значительные успехи в борьбе с проявлениями коррупции во всех направлениях жизнедеятельности, сама экономическая модель СССР предусматривала создание условий для такого рода действий, пусть и в меньших масштабах, чем ранее. Все это было обусловлено присутствием дефицита товаров, услуг и отсутствием частной собственности, а также развитием международных экономических связей с иностранными государствами.

Проявление коррупции в СССР также осуществлялось при разрешении кадровых вопросов, связанных с назначением на должность государственных

лиц. Так, в 1969 г. по СССР прогремело «азербайджанское дело», в ходе которого стали известны расценки на приобретение государственных должностей. Стать судьей стоило 30 тыс. рублей, 100 тыс. нужно было выложить за пост секретаря райкома. В Москве за должность директора магазина платили от 10 до 30 тыс. рублей, в зависимости от товарооборота. При этом средняя зарплата по стране тогда составляла чуть более 100 рублей в месяц [7].

Еще одним громким коррупционным делом советского периода стало дело фирмы «Океан» (1981 – 1982). Еще в конце 70-х годов, когда раскручивалось знаменитое «икорное дело». Тогда за дачу взятки заместителю министра рыбного хозяйства СССР Рытову был арестован директор сочинского магазина «Океан» Пруидзе. Выяснилось, что через его торговую точку за границу нелегально продавали чёрную икру в больших банках с маркировкой тихоокеанской сельди [7].

Коррупционные преступления также были связаны с осуществлением купли-продажи товаров, привезенных из иностранных государств, которые вызывали повышенный интерес у советских граждан своим качеством и отсутствием аналогов в Советском Союзе. Все это требовало от правоохранительных и иных государственных органов советской власти обеспечения действенного воздействия на причины и условия коррупционных проявлений.

Следовательно, можно констатировать, что коррупция является исторически сформатировавшимся социальным явлением, которое берет свое начало с периода существования древних государств. Коррупция явилась следствием развития отношений между людьми и особенностями государственного управления в обществе. Между тем противодействие коррупции, профилактика, принятие соответствующих мер по их нейтрализации и недопущения коррупции [5] происходило на всех этапах становления государства, которое осознавало, что проявления коррупции приводят к изменениям политической формации, а в некоторых случаях и к распаду самой его сущности.

Список литературы:

1. Андрианов В. Д. Коррупция как глобальная проблема: история и современность: Уч. пособие. М., 2011. С. 301.

2. Касьянов В. С. Коррупция и борьба с ней в советской России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 4. С. 16-25.

3. Качкина Т.Б., Качкин А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: учеб. пособие. – Ульяновск, 2010. С.80.

4. Квитчук, А. С. Коррупция в деятельности Госавтоинспекции: искоренение и профилактика / А. С. Квитчук, М. А. Квитчук // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 7. – С. 83-87.

5. Квитчук А.С. К вопросу о совершенствовании тактических приемов, форм и методов борьбы с коррупцией в подразделениях Госавтоинспекции / А.С. Квитчук, М.А. Квитчук // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт- Петербург, 27 марта 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 560-565.

6. Мазурин, А. А. История борьбы с коррупцией в России и зарубежных странах / А. А. Мазурин // Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т., Рязань, 20–22 ноября 2019 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 101-106.

7. Малышева, М. Н. История коррупции в СССР / М. Н. Малышева, Т. И. Шаповалова // Коррупция в России и за рубежом: Сборник статей по материалам межвузовской научно-практической конференции, Красноярск, 26 апреля 2017 года. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2017. С. 11-18.

8. Рзаева, А. И. История зарождения и развития коррупции в России / А. И. Рзаева // NovaUm.Ru. – 2016. – № 4. – С. 110-112.

9. Садрисламов, А. К. История, современное состояние коррупции и ее влияние на соблюдение прав человека / А. К. Садрисламов, Т. К. Дашков // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2020. – № 1. С. 67-72.

10. Хрестоматия по истории отечественного государства и права / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2004. С. 371.

11. Шипицына Г.М. Историко-лингвистический взгляд на концепт взяточничество // Уральский филологический вестник. Серия Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. – 2016. – № 2. С. 296-305.

© Квитчук А.С., Квитчук М.А., 2025

Киор Анастасия Александровна,
курсант факультета подготовки специалистов
по программам высшего образования
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Василиади Александр Христофорович
преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК НА ПРИМЕРЕ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО РИМА

Аннотация: в данной статье рассматриваются механизмы борьбы с коррупцией в Древней Греции и ив Древнем Риме, анализируются меры государственной и общественной направленности, включая предотвращение коррупционных практик. В Древнем Риме особую роль играли законодательные инициативы и судебные процессы, направленные на ограничение и на пресечение злоупотреблений властью, включая взяточничество. В Древней Греции внимание актуализировалось на социальной ответственности граждан, а также посредством публичных дискуссий, проводимых в качестве народного собрания. Оба древних общества, обе великие цивилизации и государственности показывают нам яркий пример древности: важность понимания пагубности коррупции, и показательные шаги для её уменьшения, несмотря на правовую и институциональную ограниченность в тогдашних условиях.

Ключевые слова: коррупция, государственность, коррупционная активность, наказание, древность, подкуп.

Термин «коррупция» происходит от латинского слова «corrumpere», что в переводе «портить». Легитимизированное толкование приведенного феномена, регламентировано положением Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» [1], согласно которому «коррупция - это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами». Некоторые исследователи современного общества утверждают, что коррупционные проявления в государственных структурах стали распространяться, преимущественно начиная с XVIII века.

Бесспорно, подобные точки зрения существуют, но важно учитывать

свидетельства древних исторических документов, опровергающих данное утверждение. Анализируя историю становления государственности в странах ближнего и дальнего Востока, можно сделать вывод, что зарождение коррупции уходит далеко за рамки возникновения системного аппарата управления, организованного государственного устройства [2]. Её проявление берет свои истоки еще в первобытных и раннеклассовых обществах, нельзя не отметить, что это было в нестандартной для современности форме. Наиболее ярким примером является язычество, где люди веруя в высшие силы Богов и зависимость от них, выполняли определенный порядок личного обращения к жрецу либо вождю, который заключался в передаче указанным лицам своего рода подарков. Эти подарки, квалифицируемые в настоящее время как взятки в связи с наличием одного из альтернативных действий объективной стороны коррупционных составов преступления, носили тогда общеобязательный характер и воспринимались как универсальная норма, поэтому никто не выступал против и не предпринимал никаких попыток борьбы с происходившим. Наоборот, в связи с постепенным развитием обществ и появлением служителей культа - колдунов, шаманов и знахарей, продолжали практиковать практику завоевания расположения через дарение, что позволяет сделать вывод о наличии коррумпированности деяний в догосударственный период [3]. Также коррупция была известна в таких античных цивилизациях Древней Греции и Рима, а также в таких древневосточных цивилизация, как: Древний Египет, Индия, Китай и другие. По мере развития и усложнения системы государственного управления происходили изменения: высшие должностные лица начали настаивать на том, чтобы чиновники низших уровней удовлетворялись исключительно установленным фиксированным жалованьем. Однако на практике они зачастую продолжали негласно пользоваться своим положением для тайного увеличения своих доходов [4].

Первым известным историческим деятелем, пытавшимся реформировать государственное управление для последующего введения карательных мер за проявление коррупции при выполнение служебных обязательств чиновников и судей, стал Урукагина — правитель шумерского города-государства Лагаш во второй половине 24 века до нашей эры. Общеизвестно, что и Законы Хаммурапи, датируемые почти четырьмя тысячелетиями назад, содержали положения о наказании за получение взяток.

Одним из ярких примеров коррупционной активности была Древняя Греция, чья история насыщенна множеством событий. Так, древнегреческий философ Аристотель, анализируя государственный аппарат Греции в 4 веке до н.э., выделил важный аспект: чиновники, занимавшие должности старейшин в спартанских учреждениях имели психологические предпосылки к подкупности: «Люди, занимающие эту должность, оказывается, бывают доступны подкупу и часто приносят в жертву государственные дела ради угождения». Данные слова ярчайшим образом показывают глубокую и обоснованную проблему коррупции в Древнегреческом государстве [5].

Другой древнегреческий мыслитель, политик и законодатель Солон (7-6 век до н.э.) выделял бесчисленное количество чиновников в Афинах, которых без

особых усилий можно было склонить к коррупционным действиям. И лишь немногие из них отказывались в преступлениях подобного характера. Следует выделить тот факт, что ради необходимости политического устранения конкурента в борьбе за высокую должность, поступали обвинения в подкупности чиновника и в присвоении им народного(общественного) имущества. И это считалось своеобразным «громоотводом», поскольку отводило подозрения в замешательстве или в заинтересованности других. Так, один из первых должностных лиц города Афины – Кимон был обвинен в получении взятки от македонского царя Александра I из династии Аргеадов (5 век до н.э.) после возвращения из военного похода.

В Древней Греции считалось, что аналогом коррупции были повреждения, наносимые организму и имуществу, и уже как следствие – упадок нравов, подкуп человека и народа в целом.

Одним из других ярчайших и известных примеров коррупции в Древней Греции выделяется случай с Клеоменом (наместником Египта). Так, Клеомен, назначенный Александром Македонским в III веке до н.э. предпринял попытки спекуляций с торговлей зерном, в результате чего, жителям Греции катастрофически не хватало продовольствия. Когда афера раскрылась, Александр приказал сварить Клеомена в кипящем масле.

Другим из наиболее коррумпированных государств считался Древний Рим. Проблема взяточничества была всегда актуализирована, как при царях, так и в период Римской Республики, и в Римской Империи. Пик взяточничества был достигнут под закат Римской Империи в 4-5 веке н.э. И немаловажную роль в борьбе с коррупцией тогда сыграло римское право [6].

В Римском государстве существовал Закон XII таблиц (451-150 гг. до н.э.). Согласно данному законодательному акту, судья, который был пойман на взятке, подлежал смертному приговору. Народные собрания в Римском государстве являлись органом законодательной власти, чья деятельность имела обширный характер. Некоторые законодательные акты, относящиеся к борьбе с коррупцией, уцелели и до наших дней. В XVI веке были обнаружены 11 единиц (кусков) медной доски с отрывками римских законов, один из которых описывал борьбу со взяточничеством. В 1790 году рядом с небольшим городком были найдены бронзовые доски, на которых содержались отрывки закона о взятках во время правления династии Гракхов (наиболее известный Тиберий Гракх) [7].

В законодательстве Римской Империи упоминались случаи коррупции, что относилось к государственным преступлениям, но в основном, рассматривалось как имущественное преступление. В 1 веке до н.э. был издан сборник законов, согласно которому должностные лица наказывались за получение взяток, нарушив таким образом свои служебные обязанности. Самыми строгими видами наказания считалось: изгнание, смертная казнь.

Уже во II-III веках взяточничество стало восприниматься как сугубо нормальное явление, в особенности в римских судах. Однако, реакция последовала, и спустя время была создана судебная коллегия по делам о вымогательствах и взятках. В состав коллегии входили преимущественно сенаторы Римской Империи. В последствии данный орган был переименован в Постоянную коллегию.

Коррупция в указанный период приобрела колоссальные масштабы, вплоть до того, пока государственные механизмы и структуры не стали формироваться без её участия. Особым случаем и примером служит тот факт, что после смерти Гая Юлия Цезаря в сенат входили преимущественно лица, ранее принявшие взятку или попавшие в государственные структуры по родственным связям. Таким образом была создана ситуация, при которой римские императоры не смогли контролировать чиновников. Подкуп и незаконное обогащение становились обычным рутинным мероприятием. Именно данный фактор бесконтрольности и коррупционности, помимо внешнего (нашествие варвар), является причиной упадка и окончательного падения Римской Империи.

Борьба с коррупцией в Древне Греции и в Древнем Риме стала примером для последующих народов и государств, ориентировавшихся на преемственность античности, и ярким примером того, как коррупция пагубно влияет на социум и государственную политику.

Таким образом, противодействие коррупционным проявлениям в Древних Империях Средиземноморья является важным свидетельством раннего государственного регулирования общественных отношений. Итоги доказывают нам, что несмотря на различные политические системы (к примеру: Римская Республика и Демократия в греческих полисах), обе цивилизации строили и развивали механизмы сдерживания коррупции, включая законодательство, судебные процедуры и общественный контроль. Указанные меры способствовали укреплению государственной власти и гражданского общества, однако искоренить коррупцию им не удалось, что в последствии отражает универсальность данной проблемы в истории развития не только политики и права, но и коррупционных и экономических преступлений. Коррупция, в последствии приобрела характер болезни для всех форм государств, вплоть до сегодняшних дней [8].

Список литературы:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция)

2. Лезина, Е. П. Возникновение и развитие понятия коррупции / Е. П. Лезина, А. Ю. Исакова // Контентус. – 2020. – № 5(94). – С. 121-128. – DOI 10.24411/2658-6932-2020-10051. – EDN BWHZQI.

3. Казаков, О. И. История и основное понятие коррупции / О. И. Казаков // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5(23). – С. 340-342. – EDN ZBMHTP.

4. Саушева, Е. А. Исторический аспект возникновения коррупции / Е. А. Саушева // Вестник магистратуры. – 2012. – № 7. – С. 42-44. – EDN PBJHIJ.

5. Везломцев, В. Е. Коррупция в Древних Афинах - «предательство» демократических ценностей или социальная норма?. – Манускрипт, Том 13. Выпуск 6 /2020: Том 13. Выпуск 6 /2020 / Везломцев В. Е. // Манускрипт – 2020 – Манускрипт: история. философия, искусствоведение: научный журнал Том 13. Выпуск 6 /2020 – с. 123 - 128.

6. Везломцев, В. Е. Коррупция и антикоррупционные меры в контексте социально - политического и этического дискурса в Древнеримской Республике. – Манускрипт, Том 13. Выпуск 9 /2020: Том 13. Выпуск 9 /2020 / Везломцев В. Е. // Манускрипт – 2020 – Манускрипт: история. философия, искусствоведение: научный журнал Том 13. Выпуск 9 /2020 – с. 99 - 104.

7. Бабиков, А. П. Коррупция в древнем мире / А. П. Бабиков // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2015. – № 11(113). – С. 51-55. – EDN VCEXZT.

8. Ахметова, Н. А. Борьба с коррупцией: история и современность / Н. А. Ахметова, С. А. Фролов // Современная научная мысль. – 2017. – № 1. – С. 250-254. – EDN XWUFZT.

© Киор А.А., 2025

Киселева Лада Юрьевна,
слушатель факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Дикаева Элина Салмановна,
старший преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация: в научной статье проводится анализ антикоррупционных мер, проводимых в Дании, Финляндии и Сингапуре – странах, стабильно занимающих высокие позиции в международных рейтингах восприятия коррупции. Исследуются их правовые и институциональные основы, направленные на профилактику указанных правонарушений. Автором делается вывод о том, что принятие во внимание зарубежного опыта противодействия коррупции положительным опытом сказывается на разработке рекомендаций по совершенствованию антикоррупционной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция; профилактика коррупции; противодействие; зарубежный опыт; антикоррупционная политика государства.

В современном мире коррупция представляет собой сложное многоаспектное явление, подрывающее основы государственных институтов и доверие гражданского общества к деятельности должностных лиц. Соответственно, профилактика коррупционных правонарушений – приоритетное направление деятельности государства в любой стране.

6 октября 2025 года вступил в силу Указ Президента Российской Федерации № 709 «О дополнительных мерах по противодействию коррупции». Подзаконный акт установил новые меры, направленные на проверку сведений, предоставляемыми кандидатами на должности государственных служащих, а также теми, кто уже состоит в должности. Указанные обстоятельства демонстрируют, что антикоррупционная политика нашего государства в первую очередь направлена на предупреждение коррупционных правонарушений, которое выражается в устранении причин и условий, порождающих данное явление.

За январь-август в Российской Федерации было зарегистрировано 1 219 064 преступлений, среди которых 32 851 – коррупционной направленности [1]. Первый заместитель руководителя Главного следственного управления Следственного комитета России по Санкт-Петербургу М.Г. Парастаева отметила, что в первом полугодии 2025 года в Санкт-Петербурге было возбуждено 518 уголовных дел коррупционный направленности. Этот показатель на 38% выше, чем за аналогичный период прошлого года [2]. Анализ статистики свидетельствуют о том,

что проблема противодействия коррупции требует разработки новых мер, направленных на ее профилактику, а также принятия во внимание опыта предупреждения у зарубежных стран. Как справедливо отмечает Е.М. Павлик: «…заимствование из иностранных государств положительного опыта влияет в той или иной степени на различные стороны общественной жизни» [3].

Согласно данным международной неправительственной организации Transparency International за 2024 год Дания, Финляндия и Сингапур являются лидерами, как страны с наивысшем индексом восприятия коррупции среди 180 государств [4], что говорит об их эффективной деятельности по профилактике указанных правонарушений. В связи с этим, в нашей работе будут рассмотрены меры противодействия коррупции на примере вышеперечисленных стран.

Значимым элементом антикоррупционной стратегии Дании выступает создание эффективной системы социальной защищенности государственных служащих. Обеспечение доступа к бесплатному здравоохранению и образованию, а также высокий доход формируют надежную экономическую основу, которая сводит к минимумы стимулы для совершения антикоррупционных правонарушений.

Для государственного аппарата Дании действует строгий этический кодекс, регламентирующий поведение чиновников. Основополагающими принципами их деятельности являются гласность и открытость. Такая максимальная прозрачная системы служит противодействием коррупции, значительно затрудняя возможности получения и дачи взяток.

К тому же, повсеместной практикой в стране стало включение в трудовой договор специального положения о недопустимости коррупционных действий. Его подписание является обязательным условием для приема на должность. Кандидату, который не желает подписывать данный пункт, правомерно отказывают в трудоустройстве. В случае нарушения положения – работодатель имеет возможность расторгнуть трудовой договор с сотрудником, кроме того, в личное дело вносится соответствующая запись, а в характеристике указывается причина увольнения.

Особенно интересным является закрепление в Уголовном кодексе Дании «публичного пассивного взяточничества». Статья 144 предусматривает наказание в виде штрафа или тюремного заключения на срок до 6 лет за «необоснованное получение, требование или принятие обещания подарка или других привилегий любым лицом, осуществляющим датскую, иностранную или международную государственную должность или функцию» [5].

В уголовном законодательстве Финляндии не содержится термин «коррупция». Однако находит в нем свое место получение и дача взятки должностному лицу, устанавливая наказание в виде штрафа или лишения свободы на срок до 4 лет.

Функцию по контролю за соблюдением антикоррупционного законодательства и принятию мер ответственности за его нарушение возложены в Финляндии на судебные и правоохранительные органы. Особую роль в данной системе играют независимые органы: Канцлер Юстиции и Омбудсмен Парламента. Они

наделены полномочиями по проведению расследования коррупционных правонарушений, а также по принятию мер при их совершении.

Устойчиво низкий уровень коррупции в Финляндии является результатом действия нескольких взаимосвязанных факторов:

- экономика свободна от излишнего государственного регулирования, судебная власть полностью независима от исполнительной;
- гласность и общедоступность правовых актов государственных органов;
- внешний и внутренний контроль над деятельностью органов государственной власти;
- активная роль гражданского общества и средств массовой информации;
- прозрачность избирательных кампаний;
- высокий уровень жизни и сильный средний класс.

Отдельно стоит отметить нетерпимость граждан Финляндии к коррупционным проявлениям, что обусловливается спецификой ее культуры. Глубокое уважение закона, честность, трудолюбие и восприятие коррупционных правонарушений как «масштабное социальное зло» препятствует распространению данной категории правонарушений. Как отмечает Е.А. Болтинова: «Население Финляндии отличается достаточно активной гражданской позицией в борьбе с коррупцией. Неплохо развиты институты гражданского общества, при этом население имеет четкую позицию о том, что условия их жизни, прежде всего, зависят от них самих» [6].

В Сингапуре существует специализированный независимый орган – Бюро по расследованию случаев коррупции. Правовой основой его деятельности служит Акт о предотвращении коррупции, в котором дается детализированная квалификация противоправных действий в виде незаконного вознаграждения.

Помимо реализации функции контроля, которая включает проверку нарушений со стороны должностных лиц и передачу соответствующих материалов для дисциплинарного разбирательства, Бюро выполняет превентивную роль. Она заключается в расследовании и профилактике коррупционных проявлений в обоих секторах экономики – государственной и частном. Данный орган также анализирует деятельность органов власти, подверженных коррупционным рискам, с целью выявления проблем в системе управления. Выявленные недостатки становятся основанием для направления рекомендация руководителям соответствующих ведомств по их устранению.

Интересным фактом является установление законодательного положения о «презумпции виновности» для чиновников. Если они не могут доказать законность своих действий и решений, то автоматически становятся виновными в коррупционном правонарушении. К тому же, у чиновников отсутствует неприкосновенность, в связи с чем Бюро по расследованию случаев коррупции имеет право проводить проверку их банковских счетов.

В целом, антикоррупционная политика Сингапура сводится к профилактике коррупционных правонарушений и реализуется через комплекс взаимосвязанных факторов:

- сопоставление уровня доходов государственных служащих со среднерыночными показателями оплаты труда в частном секторе;

- наличие института обязательного ежегодного декларирования имущественного положения должностных лиц, дополненный правом прокуратуры инициировать проверку их банковских счетов;

- применение строгих мер ответственности к высшим должностным лицам, с целью сохранения общественного доверия к органам власти;

- последовательная деятельность по ликвидации излишней бюрократизации административных органов [7].

Проведенный анализ мер противодействия коррупционным правонарушениям на примере таких стран, как: Дания, Финляндия и Сингапур позволяет сделать вывод о том, что каждое государство разрабатывает свою индивидуальную модель антикоррупционной политики. Скандинавские страны демонстрируют создание максимальной прозрачности деятельности государства и социальной защищенности, где ключевую роль играет нетерпимость гражданского общества к коррупции. В то же время Сингапур базируется на ужесточении законодательства в сфере коррупционных правонарушений. Соответственно, перенятие опыта зарубежных государств положительным опытом скажется на совершенствовании отечественной системы противодействия коррупции, учитывая актуальные социально-экономические и политические условия нашей страны.

Список литературы:

1. Главный информационно-аналитический центр [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 17.10.2025).

2. РБК: последние новости России и мира сегодня // РБК [сайт]. 2025. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/27/07/2025/688349ef9a794717e9746e68 (дата обращения: 20.10.2025).

3. Павлик, Е. М. Зарубежный опыт противодействия коррупции в правоохранительных органах / Е. М. Павлик // Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности : Материалы межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 225-227.

4. Индекс восприятия коррупции 2024 // Transparency International: anticorruption center. URL: https://www.transparency.am/en/cpi (дата обращения: 21.10.2025).

5. Косолапов, Е. А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией (на примере антикоррупционных компаний Сингапура, Гонконга, Швеции, Финляндии и Дании) / Е. А. Косолапов // Исследования молодых ученых : Материалы LXXIV Международной научной конференции, Казань, 20–23 января 2024 года. – Казань: Молодой ученый, 2024. – С. 34-38.

6. Болтинова, Е. А. Противодействие коррупции на примере Финляндии / Е. А. Болтинова // Проблемы развития современного общества : Сборник научных статей 9-й Всероссийской национальной научно-практической конференции. В 3-х томах, Курск, 23–24 января 2024 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 157-160.

7. Кивишева, И. В. Противодействие коррупции в Сингапуре / И. В. Кивишева, Н. Б. Сорокин // Молодежь и XXI век - 2024 : Сборник научных статей 13-й Международной молодежной научной конференции. В 3-х томах, Курск, 15–16 февраля 2024 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 73-76.

© Киселева Л.Ю., 2025

Клишков Владимир Борисович,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОВД

Аннотация: статья фокусируется на коррупции, которая представляет собой одно из наиболее сложных социально-экономических проблем в современности.

Исследование затрагивает тему коррупционных проявлений в системе правоохранительных органов, выделяя ключевые факторы, которые способствуют коррупционной деятельности внутри Министерства внутренних дел. Анализируются методики оценивания эффективности антикоррупционных мероприятий и определяются профилактические меры, используемые для сдерживания коррупции в рамках МВД.

Ключевые слова: коррупция, законы против коррупции, борьба с коррупцией, полиция.

С каждым годом государственные институты все более сосредоточены на борьбе с коррупцией и препятствии росту коррупционных деяний. Статистика показывает уменьшение количества коррупционных проступков, но в СМИ продолжают возникать сообщения о громких коррупционных скандалах, преимущественно связанных с злоупотреблением властью со стороны сотрудников правоохранительных структур.

Коррупция в научной сфере и законодательной системе России рассматривается как серьёзная угроза национальной безопасности. Главная проблема в борьбе с коррупцией заключается в том, что данное явление не новое, а существует достаточно продолжительное время. Вдобавок, значительная часть населения не распознаёт типичные признаки коррупционных действий и иногда допускает мелкие коррупционные нарушения, что усложняет эффективное противодействие этому явлению.

Коррупция внутри правоохранительных органов порождает множество проблем в обеспечении законности и порядка, включая игнорирование инцидентов правонарушений; невозможность коррумпированных сил оказывать сопротивление угрозам для безопасности личности, общества и государства; намеренное затягивание расследований; предвзятость в рассмотрении дел против всех категорий граждан; промедление в ходе следственных действий; нарушения прав и законных интересов населения; формирование условий для развития других видов преступной деятельности.

Более того, проникновение коррупционных практик в полицейские структуры снижает уровень доверия общественности к государственной власти, ослабляя её имидж как на внутреннем, так и на международном уровне. Коррупция в рядах полиции препятствует эффективности правоохранительной системы,

отрицательно влияя на легитимность государственного аппарата и компрометируя обеспечение прав и свобод граждан.

Исходя из обсуждения, следует подчеркнуть важность оптимизации административных и юридических методов борьбы, а также улучшения координации работы правоохранительных органов.

В контексте антикоррупционной стратегии России можно классифицировать два основных вида коррупционных правонарушений. Один тип связан с явным нарушением законодательства через взяточничество. Второй тип охватывает игнорирование антикоррупционных предписаний, при котором лицо, занимающее государственную должность, нарушает специфические для их профессиональной сферы правила и ограничения.

Необходимо выделить ряд обстоятельств, которые способствуют процветанию коррупции в органах МВД и прочих правохранительных учреждениях.

Многие сотрудники проявляют неуважение к законодательству и цинизм к обязательным к исполнению правилам.

Распределение престижных и высокооплачиваемых должностей на основе личных связей, верности руководству или коррупционных сделок.

Использование служебного положения сотрудником для личной выгоды, а также необоснованно широкое осуществление административных распоряжений.

Недостаточная тщательность при подборе кадров, слабая оценка личностных качеств кандидатов в полицейские структуры, пониженная дисциплинарная строгость в правоохранительных органах.

Недостаточное вознаграждение работников правоохранительной системы не соответствует их повседневным финансовым потребностям и значительно уступает уровню оплаты труда в частном секторе экономики.

Ощущение иммунитета у сотрудников за действия и поступки коррупционной направленности, обусловленное недостаточной эффективностью регуляторной и инспекционной работы соответствующих институтов.

В данной ситуации, осветим профилактические мероприятия, исполняемые в рамках Министерства внутренних дел России, которые выполняются по следующим направлениям:

– в контексте принятой процедуры отбора и набора претендентов на должность;

– при осуществлении экспертизы на предмет коррупционных норм;

– в контексте осуществления ведомственного надзора, организации проведения инспекций, контрольных и целевых проверок;

– в ходе проверки достоверности и правдивости информации о доходах, расходов, собственности и долгах имущественного порядка работников полицейских структур;

– в контексте морально-психологической подготовки персонала правоохранительных структур.

Реализация этой декларационной системы представляет собой простую,

но высокоэффективную меру в борьбе против коррупции. С одной стороны, сотрудники правоохранительных органов, нарушившие это требование, обязаны нести дисциплинарное наказание за коррупционные нарушения, включая возможное увольнение. Это закрепляет законные основания для применения санкций к нарушителям. С другой стороны, данное предписание дает возможность точно анализировать доходы и расходы служащих, проводя при необходимости служебные проверки для определения необъяснимых источников финансирования. Кроме того, данный метод служит эффективным инструментом предотвращения коррупции, так как он заставляет принять во внимание неотвратимость публикации финансовых данных, что может изменить логику поведения сотрудников органов внутренних дел, у которых сохранение репутации и работы может оказаться более важным, чем участие в коррупционных схемах. Эта обязательная норма может привести к отказу от коррупционных импульсов уголовно-правового характера.

Применение стандартизированных методов оценки поведения согласно антикоррупционным законам является важной частью юридической практики. Однако данные методы могут использоваться правоохранительными агентствами только в ходе детального расследования, предполагающего наличие явных указаний на коррупционные нарушения, а не только подозрений. Такие следственные мероприятия осуществляются исключительно в пределах компетенции правоохранительных структур.

В современном мире, где правопорядок несет в себе решающее значение, актуальность прецизирования законодательства становится особенно важной. Важность этого процесса заключается в выработке четких норм и критериев, которые будут регулировать область коррупционных действий. Такой подход минимизирует возможности ошибочной трактовки законов, применяемых к некоррупционным действиям, обеспечивая защиту прав и свобод граждан. Реализация этой стратегии является ключевой для эффективности и справедливости правовой системы.

К тому же, не менее критичным является вопрос конкретизации законодательных рамок, касающихся полномочий и механизмов функционирования антикоррупционных учреждений. Такое уточнение будет способствовать повышению их эффективности в противодействии коррупционным действиям и повысит степень законности их работы. Ясность и доступность информации о деятельности этих органов крайне важны для сохранения веры населения в правосудие и укрепления законности.

© Клишков В.Б., 2025

Козеева Анна Олеговна,
слушатель факультета подготовки сотрудников кадровых подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Яхонтова Олеся Сергеевна,
доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОВД РФ

Аннотация: автором рассмотрены основные направления предупреждения коррупционно-опасного поведения сотрудников ОВД РФ. Обосновывается необходимость внедрения политики индивидуальной психологической профилактики, применения психодиагностических методов, представлены выводы о развитии антикоррупционном мониторинга при отборе кандидатов на должность.

Ключевые слова: коррупция, коррупционно-опасное поведение, профилактика, антикоррупционная политика, психологическая характеристика сотрудника ОВД, получение взятки.

Многие годы проблема коррупции представляет существенную опасность для национальной безопасности большинства государств, в том числе и для Российской Федерации. Также, следует упомянуть о том, что коррупция в ОВД представляет собой не только проблему с точки зрения уголовно-правовых отношений и роста уровня преступности, но также и со стороны социально-культурного аспекта в обществе. Наличие коррупционно-опасного поведения подрывает доверие к институтам государственной власти. Особо остро общественностью воспринимаются случаи совершения коррупционных преступлений сотрудниками полиции и ОВД, потому как эти люди должны стоять на защите государственных интересов, общественного порядка и безопасности, способствуя повышению ее уровня.

Как отмечает М. В. Гончарова: «Коррупция в органах внутренних дел детерминируется совокупностью политических, правовых, социально-экономических, нравственно-психологических и идеологических факторов, действующих на нее как на часть коррупции в целом. Одновременно на распространение коррупции в рассматриваемой сфере влияют специфические факторы, характерные только для системы органов внутренних дел» [1, С. 123].

Важным этапом развития политики противодействия коррупции в России являлось подписание указа Президента «О мерах по противодействию коррупции» в 2008 году. Несмотря на то, что в настоящий момент правовая регламентация в части противодействия коррупции обеспечивает удовлетворе-

ние потребностей общества в полной мере, рассматриваемая проблема будет являться актуальной еще долгое время, потому как деструктивные процессы способны существенно снизить уровень национальной безопасности [2, С. 216].

Анализ существующих научных трудов по представленной теме позволил сформулировать основные факторы, влияющие на коррумпированность сотрудников ОВД. Так, к ним принято относить: специфику взаимоотношений сотрудников с населением, высокую кадровую ротацию, формальный порядок прохождения аттестации сотрудников ОВД, несовершенство правовых актов, создающих возможность злоупотребления должностным положением; несовершенство системы поощрений; формирование в средствах массовой информации негативного образа сотрудника; напряженный характер отношений с начальником[1, С. 125-126]; технологическое несовершенство и слабая оснащенность [2, С. 217].

Важно обеспечить должный уровень подготовки специалистов, в обязанности которых входит подбор кандидатов при приеме на службу в ОВД. Именно от уровня их квалификации и профессиональной подготовки зависит дальнейшее благополучие кадрового состава Министерства внутренних дел.

Целесообразным представляется внедрить модель интеграции систем профилактики кадрового отбора и адаптации, которая могла бы включать более углубленные психологические тестирования при приеме на службу; а также институт наставничества более опытных сотрудников, имеющих безупречную служебную репутацию. На последующем этапе, после того, как сотрудники приступают к выполнению служебных обязанностей, не стоит отказываться от проведения мониторингов коррупционно-опасного поведения в дальнейшем, отдавая предпочтение скринингам устойчивости к коррупционным аспектам деятельности.

Оценивая информационно-аналитические возможности, следует рассмотреть внедрение единой централизованной базы сотрудников, склонных к коррупционно-опасному поведению по результатам проведенных тестирований и скринингов. Более детальное исследование особенностей личности и отдельных аспектов служебной деятельности лица, потенциально имеющего склонность к совершению актов, подрывающих доверие в ОВД, позволит обеспечить надежный контроль и станет важным звеном в цепи обеспечения антикоррупционных мер.

Централизованный характер способствует предупреждению коррупционно-опасного поведения на федеральном уровне всей системы МВД, например, в случае переводе сотрудника на другую должность в ином субъекте Российской Федерации. Более продвинутым уровнем будет являться применение алгоритмов систем искусственного интеллекта, способного к прогнозирвоанию коррупционного поведения отдельных сотрудников.

Эти меры являются в первую очередь превентивными и способствуют предупреждению преступления, а не восстановлению последствий уже совершенного сотрудником ОВД РФ общественно-опасного деяния.

Переходя к рассмотрению криминологического портрета сотрудника, наиболее склонного к совершению преступлений коррупционной направленности, следует указать на наличие следующих характеристик: лицо преимуще-

ственно мужского пола в возрасте 36-40 лет, имеющее специальное звание среднего начальствующего состава, со стажем службы в ОВД от 11 до 15 лет, состоящий в браке и имеющий на иждивении несовершеннолетнего ребенка [3, С. 205]. Представленные характеристики следует учитывать при реализации комплексных мер индивидуальной профилактики, направленных на активное превентивное воздействие. Иными словами, зная о представленных чертах, возможным представляется наиболее своевременное выявление признаков профессиональной коррупционной деформации; утраты ценностных ориентиров; девиантного поведения, предшествующего совершению коррупционного деяния.

Также, в рамках рассмотрения данной темы необходимым является рассмотрение виктимологических особенностей совершения взяточничества. Виктимизация может быть как внутренней (формирование служебной среды образом, провоцирующим поощрение коррупционного поведения; бездействие руководителей и старшего начальствующего состава, и, нередко, коррумпированность самих руководителей), так и внешней (давление со стороны лиц, обращающихся в ОВД, склонение к совершению преступления коррупционной направленности).

По нашему мнению, к отдельным аспектам противодействия коррупции в органах внутренних дел можно также причислить проведение тематических занятий и планерок по темам ГУРЛС МВД, демонстрация специализированных антикоррупционных видеоматериалов; функционирование телефонных линий доверия в качестве информационных каналов о нарушениях коррупционной направленности или попытках подрыва доверия к сотрудникам; рассмотрение отдельных случаев нарушения служебной дисциплины на заседаниях комиссий по служебной дисциплине и профессиональной этике [4, С. 166].

Формирование и применение мер по противодействию коррупции должно стать основной частью профессионально-нравственного сознания сотрудников ОВД РФ, являясь своего рода мотивацией к службе и осуществлению должностных обязанностей.

Таким образом, предупреждение коррупционного поведения требует комплексного подхода, обоснованного научными исследованиями на основе сочетания мер правового, организационного, психолого-ориентированного характера. Выявление специфических черт личности на более ранних этапах (таких как, например, отбор кандидатов на службу) позволит реализовать превентивные меры в полном объеме. На всех этапах прохождения службы необходимо формировать должный образ восприятия своего положения сотрудниками ОВД. Усугубление факторов, провоцирующих детерминацию коррумпированности, напрямую зависит от профессиональной деформации, которая в конечном итоге приводит к восприятию сотрудником своего служебного места в качестве инструмента улучшения благосостояния.

Список литературы:

1. Гончарова М.В. Факторы, детерминирующие распространение коррупции в органах внутренних дел // Научный портал МВД России. 2017. № 4(40).

2. Десятова О. В. Правовые и организационно-управленческие детерминанты коррупции в органах внутренних дел // Право и государство: теория и практика. 2019. № 1 (179).

3. Ширшанова Е. А. Криминологическая характеристика взяточничества в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2(102).

4. Зарубина Е. В. Антикоррупционная составляющая в профессионально-нравственном сознании сотрудников органов внутренних дел // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 21.

© Козеева А. О., 2025

Козленко Дарья Сергеевна,
слушатель факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Валькова Татьяна Владимировна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

КОРРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВИДЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается феномен коррупционной преступности в условиях современных глобальных вызовов. Также автор проводит анализ эволюции традиционных форм коррупции, при этом особое внимание уделяет тенденциям, характеризующим коррупцию в XXI веке. На основе проведенного анализа автором делается вывод о необходимости комплексного подхода к противодействию коррупции, сочетающего правовые, экономические и технологические меры.

Ключевые слова: коррупция; коррупционная преступность; тенденции коррупции; киберкоррупция; международная коррупция.

Данная тема считается актуальной постольку, поскольку коррупция оказывает разрушительное воздействие на экономику нашей страны. Это происходит путем нерационального распределения ресурсов, увеличением издержек у различных видов бизнесов и снижением инвестиционной привлекательности страны. Кроме того, коррупция на международной арене признана одной из ключевых проблем, требующих совместных усилий всех государств, для её решения.

Также актуальность обуславливается тем, что коррупционная преступность остается одним из наиболее деструктивных явлений для современного общества, подрывающим основы государственного управления, препятствующим экономическому развитию и разрушающим общественное доверие к институтам власти. Глобализация, цифровая трансформация и усложнение экономических отношений привели к значительной трансформации коррупционных практик. Традиционные формы взяточничества и злоупотребления полномочиями эволюционируют, приобретая новые, более изощренные и часто транснациональные формы. В этой связи актуальным является научный анализ современных видов и ключевых тенденций коррупционной преступности, что является необходимым условием для разработки адекватных и эффективных мер противодействия.

Перед началом рассмотрения видов и тенденций коррупционной преступности необходимо разобраться с её понятием. Коррупционная преступность — это совокупность преступлений, связанных с использованием должностными

лицами своих полномочий или статуса в целях получения личной выгоды (материальной или нематериальной) в ущерб интересам общества и государства. Это явление включает в себя широкий спектр противоправных действий, которые нарушают принципы законности, справедливости и равенства.

Коррупционные преступления представляют собой широкий спектр противоправных действий, связанных с использованием должностных полномочий для получения личной выгоды. Эти преступления можно классифицировать по различным критериям, включая сферу совершения, характер действий и субъектов.

Проклассифицируем коррупционные преступления по следующим критериям:

1) По характеру действий:

— Взяточничество: получение взятки (ст.290 УК РФ), дача взятки (ст.291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст.291.1 УК РФ);

— Злоупотребление должностными полномочиями (ст.285 УК РФ): использование служебного положения в личных целях, что приводит к нарушению прав и интересов граждан, организаций или государства;

— Коммерческий подкуп (ст.204 УК РФ): передача или получение незаконного вознаграждения в частном секторе (например, подкуп сотрудников компаний для получения коммерческой выгоды);

— Незаконное участие в предпринимательской деятельности: должностные лица занимаются бизнесом, используя свои служебные полномочия для получения прибыли;

— Халатность (ст.293 УК РФ): невыполнение должностных обязанностей, что приводит к ущербу для государства или общества.

2) По сфере совершения:

— Государственная и муниципальная коррупция: взятки и злоупотребления в органах власти, государственных учреждениях и местном самоуправлении;

— Коррупция в правоохранительных органах: подкуп сотрудников полиции, судей, прокуроров и других представителей правоохранительной системы;

— Коррупция в сфере образования: взятки за поступление в учебные заведения, сдачу экзаменов, получение дипломов;

— Коррупция в здравоохранении: взятки за предоставление медицинских услуг, лекарств, ускорение лечения;

— Коррупция в судебной системе: подкуп судей, следователей и других участников судебного процесса для влияния на решения;

— Коррупция в сфере государственных закупок: манипуляции при проведении тендеров, нецелевое использование бюджетных средств;

— Коррупция в частном секторе: подкуп сотрудников компаний, недобросовестная конкуренция, коммерческий шпионаж.

3) По уровню организации:

— Индивидуальная коррупция: отдельные случаи взяточничества или злоупотребления полномочиями;

— Системная коррупция: коррупция, пронизывающая всю систему государственного управления или отдельные ее сферы;

— Организованная коррупция: коррупционные схемы с участием организованных групп, включая представителей власти, бизнеса и криминальных структур.

4) По мотивации:

— Материальная коррупция: получение денег, имущества, ценных бумаг или других материальных благ;

— Нематериальная коррупция: получение услуг, льгот, продвижение по службе, оказание влияния.

5) По масштабу:

— Мелкая (бытовая) коррупция: взятки в повседневной жизни (например, в образовании, медицине, ГИБДД);

— Крупная коррупция: коррупционные действия, связанные с крупными суммами денег или значительным ущербом для государства;

— Политическая коррупция: использование власти для достижения личных или групповых целей (например, манипуляции выборами, лоббизм).

6) По степени публичности:

— Явная коррупция: открытые требования или предложения взяток;

— Скрытая коррупция: коррупционные действия, маскирующиеся под законные процедуры (например, "откаты" при заключении контрактов).

Разобрав виды коррупционной преступности важно отметить тенденции её развития, но перед этим обратимся к статистике. По количеству коррупционных преступлений за последние 5 лет, можно проанализировать рост их количества. Так, в 2019 было зарегистрировано – 30 991 преступлений в сфере коррупции, в 2020 – 30 813, в 2021 – 35 051, 2022 – 35 140, 2023 – 36 407, 2024 – 21 259 [1].

Из общего числа зарегистрированных коррупционных преступлений, их основные тенденции можно свести к следующим:

1) Усложнение коррупционных схем, что характеризуется тем, что коррупционные действия становятся более многоступенчатыми и трудно предсказуемыми, также стали использоваться более сложные финансовые механизмы и чаще использоваться цифровые технологии для сокрытия следов преступления;

2) Глобализация коррупции: она выходит за пределы национальных границ, приобретая транснациональный характер, увеличивается роль международных корпораций в коррупционных схемах (например, подкуп иностранных должностных лиц для получения контрактов), усложнение взаимодействия между правоохранительными органами разных стран в борьбе с коррупцией;

3) Рост киберкоррупции: использование цифровых технологий для совершения коррупционных преступлений (например, взлом баз данных, манипуляции с электронными торгами), появление новых форм коррупции, связанных с криптовалютами, сложность выявления и доказательства таких преступлений из-за их технической сложности;

4) Расширение сфер коррупции: она проникает в новые сферы, такие как здравоохранение, образование, экология, цифровая экономика, особую остроту приобретает коррупция в сфере государственных закупок и распределения бюджетных средств, растет уровень коррупции в частном секторе (например, подкуп сотрудников компаний для получения коммерческой информации);

5) Рост бытовой коррупции: увеличение случаев мелкой коррупции в повседневной жизни (например, взятки в образовании, медицине, ГАИ), низкий уровень доверия граждан к государственным институтам, что способствует распространению бытовой коррупции;

6) Увеличение масштабов коррупции в условиях кризисов: в периоды экономических, политических или социальных кризисов уровень коррупции возрастает. Примеры: нецелевое использование средств, выделенных на борьбу с пандемией COVID-19, или коррупция в условиях военных конфликтов;

7) Повышение уровня организованной коррупции: все чаще происходит вовлечение в коррупционные схемы представителей власти, бизнеса и криминальных структур;

8) Усиление борьбы с коррупцией: многие страны ужесточают антикоррупционное законодательство и усиливают контроль за деятельностью чиновников, внедрение цифровых технологий для повышения прозрачности государственных процессов (электронные торги, цифровые платформы);

9) Изменение общественного восприятия коррупции: в обществе растет нетерпимость к коррупции, особенно среди молодежи, активное участие гражданского общества в выявлении и предотвращении коррупционных практик (например, через социальные сети и общественные организации);

10) Коррупция в условиях цифровизации государственных услуг: с одной стороны, цифровизация снижает уровень коррупции за счет автоматизации процессов, а с другой стороны, возникают новые риски, связанные с утечкой данных, манипуляциями в электронных системах и коррупцией в IT-сфере [2].

Коррупционная преступность на современном этапе представляет собой динамичный, многоликий и адаптивный феномен. Эволюционируя от примитивных форм взяточничества к сложным транснациональным и высокотехнологичным схемам, она продолжает оставаться серьезной угрозой национальной и международной безопасности.

Борьба с ней не может быть ограничена исключительно мерами уголовного преследования. Необходим комплексный стратегический подход, включающий: правовое совершенствование: ужесточение законодательства в сфере противодействия отмыванию доходов, развитие института конфискации имущества; экономические и административные меры: внедрение прозрачных цифровых платформ для госзакупок и оказания госуслуг, декларирование доходов; технологические решения: активное использование технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных для выявления аномалий и коррупционных рисков в государственных расходах и процедурах; международное сотрудничество: усиление взаимодействия в рамках международных организаций по вопросам выявления, пресечения и возврата активов.

Только последовательная и многоплановая работа по всем этим направлениям позволит выработать эффективный иммунитет общества и государства к вызовам современной коррупционной преступности.

Список литературы:

1. Статистика коррупционных преступлений за 2020-2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт российской правовой статистики URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doklad_2024.pdf (дата обращения: 17.10.2025).

2. Паршина И.А., Чуб И.С. Состояние и тенденции развития коррупционной преступности в современной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. С. 21-26.

3. Мулявко Д. Е. Современные тенденции коррупционной преступности в Российской Федерации: вызовы и перспективы // Юридический мир. 2025. № 02. С. 34-38.

4. Переверзева А. Е. Тенденции коррупционной преступности и пути противодействия // Молодой ученый. 2021. № 47 (389). С. 266-273.

5. Веденин Д. В. Коррупционная преступность: современные тенденции // На страже закона. 2023. С. 10-15.

© Козленко Д.С., 2025

Комарова Полина Алексеевна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: в данной работе исследуется системная проблема - коррупция в сфере организации незаконной миграции. В статье выявляются и анализируются два ключевых фактора, способствующих коррупции в рассматриваемой сфере: правовая неграмотность мигрантов и расширение бюрократического аппарата, задействованного в процедурах легализации иностранных граждан. На основе анализа конкретных примеров делается вывод о том, что коррупция в сфере миграции перестала быть прерогативой исключительно правоохранительных органов и превратилась в межотраслевую системную угрозу. Ключевая рекомендация заключается в необходимости дополнения законодательных ограничений мерами, направленными на выявление и перекрытие коррупционных каналов и повышение прозрачности административных процессов.

Ключевые слова: миграционная политика; миграционное законодательство; коррупционные риски; коррупция; организация незаконной миграции; легализация мигрантов.

Последние несколько лет в Российской Федерации, традиционно являющейся одним из ключевых центров привлечения миграционных потоков, наблюдается активное ужесточение миграционного законодательства. Власти делают акцент на качестве миграционных потоков, а не на их количестве, поощряя и поддерживая интеграцию тех, кто легально намеревается проживать на территории нашего государства. Только за последний год предприняты следующие меры: расширен перечень категорий иностранных граждан, которые подлежат государственной дактилоскопической регистрации, фотографированию и медицинскому освидетельствованию; проводится эксперимент по апробации сбора биометрических персональных данных иностранных граждан при пересечении ими государственной границы Российской Федерации.

При этом некоторые авторы скептически относятся к рестриктивной политике России в области миграции. Так, С.Ю. Андрейцо пишет о том, что «стремление к ужесточению миграционного законодательства настораживает, вместо этого необходимо отлаживать и совершенствовать правоприменительную практику» [1; 42]. Несомненно, такая позиция является обоснованной, поскольку сосредоточение лишь на ужесточении законодательства в отсутствии практики налаживания и отработки уже действующих механизмов может быть контрпродуктивным.

Тем не менее, на наш взгляд, ужесточение миграционного законодательства - необходимая мера, однако, ключевой момент заключается в том, чтобы

ограничительная политика была сбалансированной и целевой. Любое ужесточение требует взвешенного подхода, в противном случае это может повлечь негативные последствия, к примеру, увеличение числа коррупционных преступлений. Подобная ситуация особо усугубляется в субъектах, сталкивающихся со значительным притоком мигрантов. К примеру, в Санкт-Петербурге «по итогам 2024 года миграционный прирост составил 70,5 тыс. человек, что в 7,2 раза больше по сравнению с 2023 годом» [2]. Аналогичная позиция находит свое отражение в трудах других исследователей. Так, Е.О. Бондарь и Ю.Н. Сосновская приходят к выводу о том, что «формулируя современную миграционную политику, Российская Федерация не должна забывать о наличии регионального компонента, это означает, что мы должны учитывать разнообразие миграционных ситуаций в нашей большой стране» [3; 68].

Сегодня коррупция в сфере миграции становится все более распространенным фактом. Современные тенденции свидетельствуют о значительной трансформации и усложнении данного вида преступной деятельности. Мы полагаем, что это связано с двумя основными факторами:

- незнание мигрантами законодательства РФ;

- расширение бюрократического аппарата, участвующего в оказании миграционных услуг, которое происходит вследствие ужесточения миграционного законодательства.

В первом случае иностранные граждане, не обладающие достаточным уровнем знаний в области права, совершают нарушения миграционного законодательства, в том числе случайно. Это положение приобретает еще большее значение в связи с тем, что миграционное законодательство часто подвергается изменениям.

Рассматривая второй фактор, можно говорить о том, что ужесточение законодательства в сфере миграции может повлечь за собой формирование коррупционных рисков. Коррупционный риск, в соответствии с Рекомендациями по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации, представляет собой возможность совершения работником организации, а также иными лицами от имени или в интересах организации коррупционного правонарушения. В этой связи мы делаем вывод о том, что при расширении круга органов и организаций, участвующих в процедурах легализации иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России, растут возможности получения взяток их работниками.

Когда законные каналы миграции становятся труднодоступными или вовсе перекрываются для некотрых иностранных граждан, мигранты и организаторы их незаконного перемещения и пребывания начинают активно искать «обходные пути», главным из которых становится подкуп должностных лиц. Таким образом, ужесточение законодательства, не подкрепленное мерами по повышению прозрачности административных процедур и противодействию коррупции, может приводить к обратному эффекту.

Традиционное представление о коррупции в сфере незаконной миграции сводится к тому, что ключевыми субъектами в этом негативном явлении являются сотрудники правоохранительных органов, в частности, МВД России.

Действительно, коррупционные преступления среди сотрудников полиции - самые очевидные и освещаемые в средствах массовой информации факты. Однако, на данный момент, к сожалению, сфера коррупции, связанной с организацией незаконной миграции, становится все шире и сложнее. Коррупция в сфере миграции постепенно выходит за рамки исключительно правоохранительных органов и приобретает характер межотраслевой системной проблемы, затрагивающей различные государственные институты и сферы деятельности. Коррупционные риски пронизывают теперь не только силовые ведомства, но и самые разные государственные институты и сферы деятельности, так или иначе участвующие в процедурах легализации мигрантов. На сегодняшний день нередки случаи получения взяток должностными лицами медицинских и образовательных организаций.

Так, «сотрудники ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и Центрального аппарата МВД России задержали 30 человек, которые причастны к организации криминальной схемы по оформлению мигрантам за взятки сертификатов на знание русского языка, российского законодательства и истории» [4]. Данный пример иллюстрирует наличие устойчивой связи между нелегальной миграцией и коррупцией. Ужесточение нормативно-правовой базы в виде обязательных экзаменов при отсутствии мощных механизмов контроля и противодействия коррупции повлекло за собой незаконный обход этих правил. Взамен процедуры интеграции и фильтрации мигрантов, основанной на критериях владения языком и знания законодательства, система допускает возможность легализации лиц, не сдавших экзамены, что сводит на нет эффективность внедренных законодательных изменений.

«В Московской области оглашен приговор семи участникам организованной группы, обвиняемым в организации незаконной миграции под предлогом оказания медицинских услуг. По версии следствия, в период с января 2022 по декабрь 2023 года группа, состоящая из исполнительного директора медицинской клиники и его подчиненной, а также пятерых сообщников, организовала незаконный въезд мигрантов в Россию и их дальнейший транзит в страны Евросоюза. Клиентами злоумышленников становились иностранцы, в основном жители государств Ближнего Востока. Злоумышленники оформляли фиктивные приглашения на лечение от имени подконтрольной медицинской организации, что позволяло мигрантам получать визы. После прибытия в Россию фигуранты встречали иностранных граждан и расселяли их по квартирам. Большинство мигрантов либо не посещали клинику вовсе, либо лишь сдавали анализы, что создавало условия для незаконного въезда 160 человек» [5]. Подобные случаи являются наглядным доказательством того, что ужесточения должны быть не только количественными, то есть связанными с введением большого количества запретов, но и качественными, направленными на выявление и перекрытие именно таких изощренных каналов организации незаконной миграции. В противном случае, как показывает практика, стремительно растут возможности получения взяток должностными лицами различных учреждений. Борьба с нелегальной миграцией входит в новую стадию, где ключевым становится не только наказание самих

мигрантов, но и глубокая проработка уязвимостей в административных процедурах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ужесточение нормативно-правовой базы в сфере регулирования миграционных процессов порождает системные риски, главным из которых является рост коррупции. Коррупционные факты перестали быть прерогативой исключительно правоохранительных органов и приобрели межотраслевой характер, что подтверждается примерами из практики. Сейчас коррупция пронизывает многие институты, вовлеченные в процедуры легализации и интеграции мигрантов. Ключевым выводом является утверждение о том, что ужесточение законодательства является необходимой, но недостаточной мерой - необходимо повышение прозрачности процедур легализации иностранных граждан, а также принятие мер по противодействию коррупции.

Список литературы:

1. Андрейцо С. Ю. Направления совершенствования миграционной политики в России / С. Ю. Андрейцо // Закон и право. 2025. № 5. С. 41-44.

2. Прирост населения Петербурга за счет мигрантов увеличился в 7 раз / РБК: Последние новости Санкт-Петербурга и Ленинградской области сегодня URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/21/06/2025/684fec1e9a794793508defe9 (дата обращения: 14.11.2025).

3. Бондарь Е. О. Коррупция как условие, способствующее незаконной миграции в России / Е. О. Бондарь, Ю. Н. Сосновская // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 2(54). С. 67-69.

4. Полиция Петербурга обыскивает 25 адресов по делу о русском языке / Новости Санкт-Петербурга и Ленинградской области: ФОНТАНКА.ру URL: https://www.fontanka.ru/2024/03/27/73389497/ (дата обращения: 24.10.2025).

5. В Московской области вынесен приговор организаторам незаконной миграции под прикрытием медицинских услуг / Общественный совет при УФНС России по Московской области URL: https://www.rsnmo.ru/index.php?id=95807 (дата обращения: 24.10.2025).

© Комарова П.А., 2025

Котенко Андрей Витальевич,
курсант факультета подготовки специалистов
по программам высшего образования
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель
Василиади Александр Христофорович
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ МВД РОССИИ КАК БЕСЦЕННЫЙ РЕСУРС ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОНЫХ ДЕЯНИЙ

Аннотация: в статье исследуется роль образовательных организаций системы МВД России в подготовке специалистов по профилактике коррупционных правонарушений. Научная новизна состоит в разработке комплексного подхода к оценке эффективности антикоррупционного образования, включающего правовые, этические и профессионально-деятельностные критерии, а также предложении мер совершенствования нормативно-правового и методического обеспечения подготовки кадров. Выявлены ключевые проблемы подготовки и предложены пути их решения, включая унификацию стандартов, усиление практической направленности обучения и совершенствование кадрового обеспечения. Обоснована необходимость интеграции институциональных, педагогических и нормативно-правовых мер для формирования устойчивых антикоррупционных компетенций у выпускников.

Ключевые слова: антикоррупционная подготовка; образовательные организации; антикоррупционная культура; модульные программы; профессиональная компетенция; этические стандарты.

В современных условиях противодействие коррупции является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации, отражающим стремление государства обеспечить верховенство закона, защиту прав и свобод граждан, а также эффективность функционирования институтов публичной власти. Системное формирование антикоррупционной политики началось в начале 2000-х годов и получило нормативное закрепление в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1], который определил правовые и организационные основы предупреждения, выявления и пресечения коррупционных проявлений.

Государственная политика в данной сфере реализуется на основании национальных планов противодействия коррупции, утверждаемых Президентом Российской Федерации, а также национальной стратегии противодействия коррупции, предусматривающей комплекс мер, направленных на формирование антикоррупционной среды в органах государственной власти, повышение прозрачности управленческих процедур и развитие антикоррупционного просвещения.

Важным элементом государственной антикоррупционной системы является деятельность Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, координирующего действия федеральных и региональных органов исполнительной власти.

Министерство внутренних дел Российской Федерации занимает центральное место в реализации антикоррупционной стратегии, выполняя функции по предупреждению, выявлению и расследованию коррупционных преступлений, а также по формированию антикоррупционной культуры среди личного состава органов внутренних дел. В структуре МВД России функционируют специализированные подразделения: управления собственной безопасности и подразделения по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями, обеспечивающие комплексный подход к профилактике и пресечению коррупционных правонарушений.

Особое значение придаётся кадровой политике и профессиональной подготовке сотрудников системы МВД, включая формирование у них устойчивых антикоррупционных установок и правовых компетенций. В этом контексте образовательные организации МВД России выступают не только как центры профессиональной подготовки, но и как институциональная основа формирования антикоррупционной культуры, способствующей укреплению доверия общества к органам правопорядка.

Таким образом, государственная политика Российской Федерации в области противодействия коррупции опирается на принципы законности, открытости и межведомственного взаимодействия, а деятельность МВД России является неотъемлемым элементом её практической реализации, обеспечивая как правоприменительное, так и профилактическое воздействие на коррупционные риски в системе государственной службы.

Образовательные организации системы МВД России выступают ключевым институциональным звеном в обеспечении подготовки кадров правоохранительных органов, что подчёркивается в исследованиях Р.И. Носатого: «ведомственные образовательные учреждения постоянно осуществляют фундаментальные и прикладные исследования в целях обеспечения кадрового и научного потенциала» [2, с. 268].

В соответствии с нормативными положениями, образовательные организации МВД обеспечивают подготовку специалистов среднего, высшего и дополнительного профессионального образования по направлениям, необходимым для работы в органах внутренних дел, включая юридическое обеспечение, оперативно-розыскную и следственную деятельность. В структуру таких организаций входят факультеты, институты, кафедры, реализующие учебные программы и дополнительное профессиональное образование, а также подразделения по подготовке кадров для экономической безопасности и противодействия коррупции [3, с. 57-58].

Функции данных организаций многоплановы. Во-первых, они реализуют функцию кадровой подготовки: от начальной профессиональной подготовки вновь принятых сотрудников до повышения квалификации. Во-вторых,

образовательные организации выполняют функцию научно-методического обеспечения: разрабатывают учебно-методические материалы, учебные программы, участвуют в исследованиях по актуальным проблемам правоохранительной деятельности [2, с. 270]. В-третьих, они реализуют воспитательную функцию, т.е. формируют у курсантов профессиональное мировоззрение, служебную мораль и правосознание [4]. В-четвёртых, важной становится функция специализации, особенно по направлениям, связанным с экономической безопасностью и противодействием коррупции, что отражает современную военно-правовую и правоприменительную практику МВД России.

Переходя к месту антикоррупционной подготовки, следует отметить, что подготовка сотрудников в сфере профилактики коррупционных правонарушений занимает всё более значимое место в системе профессионального обучения сотрудников МВД. В образовательных организациях вводятся дисциплины, модули и курсы, посвящённые антикоррупционной тематике, например, дисциплина «Антикоррупционная политика» [3, с. 71] входит в магистерскую программу направления «Юриспруденция» и предусматривает формирование знаний о правовых нормах, организационно-правовых мерах противодействия коррупции. Также методические рекомендации по организации антикоррупционного обучения федеральных государственных служащих свидетельствуют: «обучение … по образовательным программам дополнительного профессионального образования антикоррупционной тематики должно быть обеспечено» [3, с. 85-86]. Следовательно, антикоррупционная подготовка уже становится не факультативным, а компонентом системного характера, интегрированным в образовательный процесс МВД.

В части внедрения антикоррупционных модулей в программы высшего и дополнительного профессионального образования наблюдается целенаправленная модернизация учебного содержания. В частности, учебно-методические программы предусматривают выделение антикоррупционного модуля как обязательной либо предусмотренной части учебной дисциплины. Например, программа дисциплины «Антикоррупционное образование и воспитание» указывает, что дисциплина направлена на повышение правовой грамотности, формирование антикоррупционного мировоззрения и стандарта поведения у студентов. Кроме того, внедрение модульных программ разработки УНП ООН показывает сходную тенденцию: модули «Участие граждан в борьбе с коррупцией» и др. могут быть адаптированы к образовательным организациям правоохранительной направленности. Таким образом, образовательные организации МВД активно интегрируют антикоррупционные компоненты в учебные планы как по базовому, так и по дополнительному профессиональному образованию [3, с. 122].

Особое внимание заслуживает процесс формирования антикоррупционной культуры у курсантов и слушателей, который может быть рассмотрен через три компонента: правовое воспитание, этические стандарты поведения и развитие личной ответственности и правосознания.

Правовое воспитание предполагает системное ознакомление с антикоррупционным законодательством, механизмами ответственности и профилактики коррупционных правонарушений. Так, курс «Антикоррупционная политика»

предусматривает знание законов, умение применять положений законодательства, навыки анализа новых правовых актов. Ведомственные образовательные организации МВД, выполняя воспитательную функцию, обеспечивают правовое просвещение курсантов, что способствует формированию устойчивой негативной установки к коррупции [3, с. 270-271].

Этические стандарты поведения подразумевают развитие у будущих сотрудников органов внутренних дел профессиональной моральной позиции, ориентации на честность, неподкупность, служебную добросовестность. В современной педагогической литературе подчёркивается, что образовательные учреждения должны формировать «антикоррупционный мировой взгляд», нетерпимое отношение к любым проявлениям коррупции [4]. В данном контексте курсанты и слушатели осваивают дисциплины, тренинги, игровые модели, направленные не только на знание, но и на формирование ценностей.

Развитие личной ответственности и правосознания означает, что образовательная деятельность должна выходить за рамки передачи знаний и навыков и включать формирование личностных качеств: гражданственности, служебного самосознания, честной служебной позиции. Методические рекомендации подчёркивают, что воспитательной целью освоения дисциплины является развитие личности, ответственное отношение к труду и его результатам, уважение к закону и правопорядку. В итоге формируется кадровый состав, способный не только оперативно действовать, но и осознавать ценностные основания своей деятельности, предупреждать коррупционные риски, проявлять моральную устойчивость [5].

Целесообразно отметить, что образовательные организации МВД России выполняют комплексную функцию подготовки специалистов в сфере профилактики коррупционных правонарушений, обеспечивая как формирование правовых и профессиональных компетенций, так и воспитание антикоррупционной культуры. Интеграция антикоррупционных модулей в программы, системное правовое и этическое воспитание курсантов, а также развитие личной ответственности создают основу для устойчивого кадрового потенциала, способного эффективно реагировать на современные вызовы коррупции. Однако дальнейшее исследование требует эмпирической оценки эффективности этих программ и механизмов внедрения антикоррупционных технологий в педагогическую практику.

Оценка эффективности подготовки специалистов в области профилактики коррупционных правонарушений требует системного подхода, сочетающего количественные и качественные индикаторы. По мнению Р.И. Носатого, ключевыми критериями выступают соответствие образовательных результатов целям профессиональной деятельности, уровень сформированности профессионально-правовой и ценностно-моральной компетентности, а также практика применения приобретённых знаний в служебной деятельности [2, с. 272]. В качестве объективных показателей авторы предлагают использовать:

1) результаты итоговой аттестации и сертификационных экзаменов по антикоррупционным модулям;

2) динамику служебной дисциплины и выявленных коррупционных нарушений среди выпускников;

3) участие выпускников в профилактических мероприятиях и разработке внутренних антикоррупционных регламентов;

4) оценки руководителей подразделений и внешних экспертов [3, с. 159; 4].

Качественные показатели включают уровень правосознания, готовность к профессиональной этике и способность критически анализировать коррупционные риски.

Анализ опыта ведущих вузов МВД России демонстрирует разнонаправленность практик. Так, Академия управления МВД России акцентирует внимание на интеграции междисциплинарных курсов и практико-ориентированных стажировок в подразделениях собственной безопасности, что, по мнению ряда авторов, повышает мотивацию и усвоение профессиональных стандартов [3, с. 164]. Московский университет МВД делает упор на модульность программ и применение кейс-методов, позволяющих моделировать реальные коррупционные ситуации и отработать алгоритмы реагирования. Отмечается также положительный эффект включения в образовательный процесс экспертов из прокуратуры и антикоррупционных подразделений, что способствует межведомственному взаимодействию и обмену практиками [3, с. 166].

Вместе с тем анализ выявляет ряд системных проблем и ограничений.

Во-первых, это недостаточная унификация критериев оценки антикоррупционной компетентности: отсутствуют единые отраслевые стандарты, что затрудняет сопоставление результатов обучения в разных образовательных организациях [4].

Во-вторых, дефицит практико-ориентированных площадок и слабая интеграция обучения с реальной оперативной практикой; значительная часть программ остаётся теоретически насыщенной и формальной.

В-третьих, низкая мотивация курсантов и слушателей к изучению антикоррупционной тематики в условиях, когда карьерные стимулы и оценочные механизмы не связаны напрямую с демонстрацией антикоррупционных компетенций.

В-четвертых, кадровый дефицит преподавателей с практическим опытом расследований экономических и коррупционных преступлений.

Для преодоления указанных проблем исследователи предлагают конкретные меры. Во-первых, разработать единый «блок-стандарт» антикоррупционных компетенций для системы МВД (унифицированные критерии, модули и методы оценивания), закреплённый методическими рекомендациями Министерства и включённый в профессиональные стандарты. Во-вторых, усилить практико-ориентированную составляющую: обязать образовательные учреждения предусматривать не менее определённого процента учебного времени на стажировки в подразделениях собственной безопасности и на моделирование ситуаций с использованием реальных деловых сценариев [3, с. 170]. В-третьих, ввести механизм стимулирования - учёт антикоррупционных компетенций при аттестации и продвижении по службе, что повысит мотивацию обучающихся демонстрировать практические навыки. В-четвёртых, совершенствовать подготовку

преподавательского состава через целевые программы переподготовки и повышение квалификации для практиков-следователей и сотрудников собственной безопасности.

На уровне законодательства и нормативных актов также предлагаются изменения, а именно формализация требований к содержанию антикоррупционного образования в профессиональных стандартах МВД; включение обязательных модулей по антикоррупционной этике и практикам в федеральные государственные образовательные стандарты по направлениям подготовки, релевантным работе в органах внутренних дел; установление нормативов практической подготовки и показателей эффективности её реализации. Кроме того, целесообразно внедрить механизмы мониторинга и внешней оценки образовательных программ с участием независимых экспертов и представителей гражданского общества.

Таким образом, повышение эффективности подготовки возможно при сочетании институциональных реформ (унификация стандартов, стимулирование), педагогических инноваций (модульность, кейс-обучение, стажировки) и законодательного закрепления требований. Такая интеграция обеспечит формирование у выпускников не только теоретических знаний, но и устойчивых практических навыков и ценностных установок, необходимых для эффективной профилактики коррупционных правонарушений.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. - Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 25.10.2025).

2. Носатый Р. И. Образовательные учреждения МВД России как основа формирования профессиональной полиции // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. - № 12 (202). – С. 267-272.

3. Мухамбетов Ф. Н., Яковлев Д. Ю., Крипакова Д. Р. Курс Антикоррупционная политика. - Астрахань: 2024. – 259 с.

4. Хамдеев А. Р. Программа дисциплины «Антикоррупционное образование и воспитание». Казань: 2014. - Электронный ресурс. – URL: https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/39393.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

5. Методические рекомендации «Организация антикоррупционного обучения федеральных государственных служащих» от 25.09.2012 № 34. - Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129623/b26b2e47bd38905e1b2e8e82c424a69d639de743/ (дата обращения: 24.10.2025).

© Котенко А.В., 2025

Кочеткова Елена Александровна,
старший преподаватель кафедры криминологии
Нижегородской академии МВД России

К ВОПРОСУ О НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕРАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРНИИХ ДЕЛ (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА)

Аннотация: в настоящей статье анализируется эффективность уведомления как ключевого инструмента предупреждения коррупции в органах внутренних дел. Обосновывается, что обязанность сотрудников сообщать о случаях склонения к коррупционным правонарушениям позволяет пресекать их на ранней стадии. Данная мера выступает действенным средством оперативного выявления и профилактики коррупционных рисков, способствуя формированию в служебных коллективах атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Ключевые слова: коррупция; уведомления о склонении к совершению коррупционного правонарушения; коррупционные правонарушения.

В настоящее время коррупция является одной из самых серьезных проблем, мешающих развитию как государства, так и общества в целом. В России борьба с коррупцией осуществляется через законодательные инициативы, и в 2025 году продолжается работа над улучшением правовых норм, направленных на противодействие этому негативному социальному явлению. Эта деятельность включает в себя обновление и разработку новых законов и мероприятий, направленных на борьбу с коррупцией. Законодательством предусмотрены ряд мер, которые активно используются в настоящее время.

Несмотря на то, что в подразделениях Министерства внутренних дел России на различных уровнях проводятся различные антикоррупционные мероприятия, количество преступлений коррупционного характера продолжает расти. Так в 2024 году совершено 38503 преступления коррупционной направленности, что 5,8% больше, чем в 2023 году [1].

Антикоррупционное просвещение граждан, желающих поступить на службу в органы внутренних дел, находится на особом контроле. Эта важная часть работы, направленная на формирование у будущих сотрудников четкого понимания норм и стандартов, регулирующих их профессиональную деятельность.

Кандидаты на должность в правоохранительных органах изучают ограничения, требования, запреты, касающиеся служебного поведения, установленные действующим законодательством. Для этого им предоставляются тематические памятки, содержащие важную информацию и рекомендации.

В процессе подготовки кандидатов проводится анализ личных дел и анкет, это позволяет выявить возможные конфликты интересов, возникающие в связи с работой их близких родственников. Наличие таких связей может повлиять на объективность и беспристрастность при выполнении служебных обязанностей.

Важным аспектом данной работы является принятие необходимых мер реагирования, которые направлены на исключение возможности возникновения конфликтов интересов.

Антикоррупционное просвещение и профилактика конфликтов интересов являются ключевыми элементами в подготовке кадров для органов внутренних дел, что в свою очередь способствует повышению доверия граждан к правоохранительным органам и укреплению законности в обществе [2].

Ежегодно проводится декларационная компания в МВД России, в ходе которой сотрудники, занимающие определённые должности, предоставляют в кадровые подразделения справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Обязательным условием повышения эффективности принимаемых антикоррупционных мер является применение всех принципов противодействия коррупции, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О Противодействии коррупции» (признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; законность; неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений; приоритетное применение мер по предупреждению коррупции) [3].

Особое внимание уделяется обязанности уведомления о склонении к совершению коррупционного правонарушения, которое предусмотрено Приказом МВД России от 28.07.2025 год № 512 «Об утверждении Порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений».

На основе проведенного анализа мы пришли к выводу, что у сотрудников органов внутренних дел не принято писать уведомление о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, но в 2024 году и первом полугодии 2025 года появилась тенденция к увеличению количества поступающих от сотрудников уведомлений [4].

Рассмотрим описываемую практику на основе фактических данных. Так, за первое полугодие 2025 года от сотрудников Госавтоинспекции МВД по Республике Татарстан поступило 306 уведомлений о склонении к коррупционным правонарушениям, из них 270 уведомлений поступило от сотрудников ДПС, 7 уведомлений от сотрудников регистрационных подразделений, 25 уведомлений от сотрудников экзаменационных подразделений и 4 уведомления от инспекторов по исполнению административного законодательства.

Зарегистрировано 20 фактов отказа от взяток, по которым возбуждено 15 уголовных дел по статье 291 УК РФ. За добросовестное выполнение служебных обязанностей, проявленную бдительность и профессиональное мастерство при исполнении служебных обязанностей на протяжении последних 4 лет поощрены ведомственными наградами 25 сотрудников Госавтоинспекции МВД по Республике Татарстан. По итогам первого полугодия 2025 года продолжена практика поощрения наиболее отличившихся сотрудников Госавтоинспекции.

Для поощрения сотрудников, проявивших добросовестность и отказавшихся от предложенных взяток, используется практика различных поощрений.

Кроме денежных вознаграждений, к сотрудникам, проявившим принципиальность, честность и профессионализм в ситуации, когда их пытались склонить к коррупционным действиям, применяются и другие формы поощрения. Поощрения могут быть в форме объявленной благодарности или отмены ранее наложенных дисциплинарных взысканий

Личную дисциплинированность проявили сотрудники УМВД России по Хабаровскому краю при подаче уведомления представителю нанимателя (работодателя) о фактах поступления обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, так:

- в 2024 году от сотрудников УМВД России по Хабаровскому краю поступило 16 уведомлений о склонении к коррупционному правонарушению (2 сотрудников поощрены денежной премией в размере 10 000 рублей);

- за первое полугодие 2025 года от сотрудников УМВД России по Хабаровскому краю поступило 9 уведомления о склонении к коррупционному правонарушению (4 сотрудникам объявлена благодарность).

В целях повышения мотивации к службе, материального поощрения, укрепления антикоррупционной устойчивости личного состава ГУ МВД России по Иркутской области, сообщившим о склонении к совершению коррупционных правонарушений, выработана практика поощрений в виде денежного премирования в размере от 5 000 рублей до 10 000 рублей.

В МВД России по Республике Крым, в целях повышения мотивации к службе, материального поощрения, укрепления антикоррупционной устойчивости личного состава, сообщившим о склонении к совершению коррупционных правонарушений, в 2024 году были применены различные поощрения.

Всего было поощрено 52 сотрудника, из них: 31 сотрудник поощрен денежной премией, 9 сотрудников поощрено почетной грамотой, 4 сотрудникам объявлена благодарность, к 8 сотрудникам применена мера поощрения в виде снятия ранее наложенного дисциплинарного взыскания.

За 2024 год поступило около 3436 уведомлений сотрудников о фактах обращений в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений.

По результатам рассмотрения указанных уведомлений возбуждено 561 уголовное дело; к уголовной ответственности было привлечено 279 граждан. Кроме того, за 2024 год было поощрено 94 сотрудника органов внутренних дел за составление уведомлений о склонении к совершению коррупционного правонарушения.

Руководителями подразделений МВД России вдобавок установлены такие меры поощрений как: поощрение в виде денежной премии (за 2024 г. поощрен 61 сотрудник); благодарность (за 2024 г. – 10); почетная грамота (за 2024 г. – 13); досрочное снятие, ранее наложенное дисциплинарного взыскания (за 2024 г. – 10).

Яркими примерами, где по результатам антикоррупционных проверок наблюдается снижение роста сотрудников органов внутренних дел, привлечённых к уголовной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, являются:

ГУ МВД России по Челябинской области, где в 2024 г. к уголовной ответственности было привлечено – 32 должностных лица, а за 2025 г. – 19;

ГУ МВД России по Саратовской области, в 2024 г. привлечен к уголовной ответственности 91 сотрудник, а в 2025 г. – 9 сотрудников (-60,9%);

ГУ МВД России по Воронежской области наблюдается снижение сотрудников, в отношении которых возбуждены уголовные дела (за 6 месяцев 2025 года в отношении 15 сотрудников (АППГ - 17)) за преступления коррупционной направленности;

УМВД по Ярославской области, где в 2024 г. к ответственности было привлечено 18 сотрудников, а в 2025 г. – 3.

Данные статистические сведения указывают на положительную динамику повышения правовой грамотности личного состава в области противодействия коррупции.

Изучив деятельность подразделений, занимающихся профилактикой коррупции и других правонарушений в МВД России, представленную на официальных веб-сайтах территориальных органах МВД на региональном, межрегиональном и окружном уровнях, а также в образовательных учреждениях МВД в разделе «Противодействие коррупции» было выявлено, что по результатам проведенного социального опроса пользователи сайта дают свою оценку работе направленной на предотвращение коррупционных правонарушений на различных уровнях:

-«Высокий уровень» эффективности применяемых антикоррупционных мер, направленных на предупреждение и профилактику коррупционных проявлений в подразделениях органов внутренних дел, был отмечен на официальных сайтах: МВД по Республике Крым; УМВД России по Брянской области (77% - в 2024 г., 91% - в 2025 г.); УМВД России по Камчатскому краю (85%); УМВД России по г. Севастополь (98%); УМВД России по Смоленской области.

- «Средний уровень (оценка «удовлетворительно»)» был зафиксирован в: МВД по Луганской Народной Республике; УМВД России по Еврейской автономной области; ГУ МВД России по Саратовской области (88% - в 2025 г., 83% - в 2024 г.); ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу; ГУ МВД России по Московской области.

Нижегородская академия МВД России ежегодно вносит свой вклад внедрения стандартов антикоррупционного поведения, реализуя его в преподавании межкафедральной (кафедра криминологии, кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, кафедра административного права и процесса, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, кафедра криминалистики) специальной учебной дисциплины «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел». В целях формирования практических умений и навыков поведения в коррупционно-опасных ситуациях в рамках учебной дисциплины проводятся не просто занятия семинарского типа, а используя полигонную базу академии проводятся тренинги, которые позволяют на практике выявить проблемные места, ошибки которые с высокой степенью вероятности могут допустить будущие молодые сотрудники и дать рекомендации по устранению

этих ошибок.

В заключение нашего исследования следует отметить, что эффективность профилактических антикоррупционных процедур может быть обеспечена только непрерывным, каждодневным проведением всего комплекса мероприятий по предупреждению коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. Анализ коррупционных проявлений и мониторинг антикоррупционных мероприятий выявляют обнадеживающие тенденции и примеры успеха в формировании антикоррупционного поведения сотрудников МВД России. Следовательно, каждый сотрудник и работник системы МВД России должен рассматривать в качестве своих ключевых приоритетов борьбу с коррупцией — её предупреждение, обнаружение и пресечение, а также устранение последствий коррупционных правонарушений и сведение их негативного влияния к минимуму.

Список литературы:

1. Судебная статистика Российской Федерации. URL: http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 06.11.2025).

2. Ревягин, А. В. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел : учебное пособие / А. В. Ревягин, В. В. Бабурин. — Омск : Омская академия МВД России, 2016. — 116 с. — ISBN 978-5-88651-629-6. — Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/72866.html (дата обращения: 06.11.2025).

3. Борков, В. Н. Уголовно-правовое предупреждение коррупции: монография / В. Н. Борков. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – 172 с. – ISBN 978-5-88651-592-3. – EDN WXCBND. (дата обращения: 06.11.2025).

4. Данные взяты из аналитического обзора, подготовленного кафедрой криминологии Нижегородской академии МВД России.

© Кочеткова Е.А., 2025

Ладушкин Сергей Иванович,
доцент кафедры философии и социологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ КОРРУПЦИИ И ПОВЕДЕНИЕ АГЕНТОВ В SWARM-СИСТЕМАХ

Аннотация: в контексте теории глубоких разногласий исследуются корреляция позиций коммуникативных агентов относительно феномена коррупции с типологией моделей роевого, стадного и стайного поведения в swarm-системах; предлагаются изменения в методике логического образования в образовательных организациях МВД России.

Ключевые слова: неформальная логика, теория глубоких разногласий, эпистемология дверных петель, swarm-системы, роевой интеллект.

Противодействие коррупции как системному явлению в обществе включает в себя в качестве важного элемента формирование такого отношения к проявлениям этого социального порока, которое обнаруживает себя в принципиальной неприемлемости должностного подкупа со стороны всех членов социального общества. Существенную роль в создании этого климата нетерпимости к коррупции играют устойчивый в плане рецепций, трансформаций и трансляций дискурсивный обмен между агентами коммуникации в профессиональных сообществах, в которых любые проявления коррупционных настроений и действий сопровождаются исключительно негативными коннотациями. Эффективное сопротивление коррупции возможно лишь в рамках общей антикоррупционной идеологии, пронизывающей социум на всех этажах его саморефлексии. Создать надежный заслон коррупции в обществе, в котором действуют двойные стандарты в отношении использования служебного положения в целях личного обогащения, невозможно, так же, как невозможно создать атмосферу взаимной терпимости и уважения в обществе, пронизанном милитаристскими настроениями в обстановке отсутствия в информационном пространстве точек зрения, альтернативных официальным.

Если политические и экономические причины коррупции достаточно хорошо изучены, то причины когнитивного плана, связанные с тем, как люди мыслят коррупцию и взаимодействуют относительно нее через речь в пространстве вербальной коммуникации, изучены значительно слабее. Логика этого речевого взаимодействия, создающая ментальные предпосылки для возникновения в обществе коррупционных настроений и явлений, в котором социальные конфликты репрезентируются в речевых актах, активно исследуются в современной когнитивистике, теории аргументации, в неформальной логике и других направлениях, близких по духу и форме к аналитической философии и философии языка.

В рамках перечисленных выше направлений социальный феномен коррупции тематизируется в аргументативном измерении, как устойчивый элемент

логики социального взаимодействия агентов коммуникации - психически вменяемых, самосознательных и социально ответственных субъектов информационного обмена, включенных в сеть личных и деловых связей. Эта логика интерактивного взаимодействия агентов формируется и реализуется в среде речевой коммуникации и имеет объективный характер несмотря на то, что осуществляется посредством действий конкретных человеческих индивидуумов, преследующих свои субъективно значимые цели.

Понятая таким образом коррупция предстает в контексте исследований аналитических философов и когнитивистов в качестве некоторого социального регулятора, устанавливающего, хотя и ненормативный, но вместе с тем поддерживающий и стабилизирующий отношения агентов баланс их противоречивых интересов. Новый ракурс на проблему коррупции открывает теория глубоких разногласий, у истоков которой стоял американский философ Р. Фогелин, чьи исследования в области аргументации и эпистемологии оказали заметное влияние на аналитическую философию в целом. Теория глубоких разногласий стала в последние годы предметом оживленных дискуссий также среди исследователей в области логики права [1].

Идейный фундамент теории глубоких разногласий восходит к трудам позднего Витгенштейна, где обсуждаются непреодолимые препятствия, порой возникающие в ходе рациональных дискуссий по научным и социальным вопросам. Отмечая хорошие перспективы использования логики как средства рационального разрешения содержательных конфликтов, сторонники теории глубоких разногласий подчеркивают известную недостаточность логического инструментария для снятия разногласий в тех случаях, когда последние касаются принципиальных для агентов коммуникации вопросов [2]. Образ дверных петель, на которых держатся, словно входные двери, системы аргументации рациональных агентов, оказывается удачной аналогией для ситуации несоизмеримости обоснований конкурирующих друг с другом позиций. Будучи сколь угодно утонченной и детализированной в своей проработанности система аргументов, подобно дверному полотну в стенном проеме, не может влиять на те принципы, на которые она сама же и опирается. Как и подвешенная на петлях дверь, система аргументов способна открывать и закрывать проход в умы социальных коммуникантов определенных рациональных доводов, но она, как и обычная дверь, всецело зависит в этой своей функциональности, от способа ее крепления к незыблемому каркаса когнитивно-ценностных установок. Нормально работающая когнитивная петля позволяет дверям дискуссий открываться для разумных аргументов и закрываться для неразумных, но при определенных условиях когнитивная петля перестает функционировать нормально, и тогда ум собеседников либо закрыт для разумных доводов, либо, напротив, открыт для неразумных.

Что представляют собой дверные петли в когнитивном плане применительно к коррупции. Согласно Фогелину, их можно мыслить в трех смыслах – в эпистемическом, в процедурном и в рамочном. Первый смысл, представленный в работах некоторых специалистов по эпистемологии, трактует их как базовые дескриптивные предложения, образующие собой необходимый каркас любых рациональных суждений и основанных на них действий [3, 4]. Такая трактовка

обусловливает собой в умах носителей этих взглядов представления о коррупции как о чем-то настолько распространенном, что даже не требует специальной рефлексии в плане обсуждения условий ее существования. Эта точка зрения обычно оперирует генерализованными суждениями вроде «все так делают», «это обычное дело в бизнесе/в политике/в нашей сфере» и т.д. Носители такой точки зрения фактически приравнивают норму к тому, что распространено и повсеместно встречается. При этом, конечно же, упускаются из виду очевидные контрпримеры того, что в других странах/в другом бизнесе/в другой сфере общественные процессы могут протекать совсем иначе и не сопровождаться столь явными проявлениями коррупции. Принимается в расчет только свой опыт (в лучшем счете, опыт «своих», мыслящих коррупцию так же обобщенно), все остальное априорно выводится за пределы сравнения и анализа.

В то же время, эпистемическая трактовка коррупции с легкостью меняет поляризацию своей рефлексии как только речь заходит о примерах, подтверждающих собственные неоправданные генерализации, пусть даже они заимствованы из опыта «не-своих». Эпистемическая трактовка дверных петель как принципов, определяющих границы рациональной дискуссии, приводит агента коммуникации к такой позиции, при которой все «свое/наше» однозначно хорошо, в то время как все «не свое/чужое» однозначно плохо [5].

Такой способ аргументирования типологически соответствует стайным способам организации мышления и поведения индивидов. Из общей теории систем, заложенной еще в трудах Л. фон Берталанфи [6, 7], известно, что организация взаимодействия биологических индивидов в общности соответствует четырем основным поведенческим архетипам – рой (swarm), стадо (herd), стая (flock) (животные формы взаимодействия) и коллектив (человеческий способ взаимодействия) [8]. Обобщенным образом животные формы самоорганизации всех трех видов также называют при этом swarm-системами. Отношение к коррупции, при котором последняя легитимируется в умах носителей эпистемической трактовки дверных петель, соответствует стадному способу самоорганизации сообщества индивидов (herd-agents). Принцип стадной самоорганизации живых сообществ: то, что делают все, то и полезно для стада. Такой принцип лежит в основе так называемого стадного интеллекта (herd-intelligence). Главная черта стадного интеллекта – распределенное, децентрализованное принятие решений агентами коммуникации, организованной по принципу стадного взаимодействия [9].

Вторая трактовка дверных петель как способов организации рационального взаимодействия индивидов представляет их в качестве процедурных моментов, регулирующих выдвижение обосновывающих или опровергающих доводов не безусловно, не как самоочевидную дескрипцию безальтернативного положения дел в мире, но именно как некоторый регулятивный принцип самоорганизации агентов коммуникации в определенных социальных и/или исторических условиях. Здесь отношение к коррупции осознанно негативно, она мыслится в общем случае как негативное явление, которое, вместе с тем, может быть оправдано из соображений высшей целесообразности. Представления о коррупции как о чем-то самоочевидном и повсеместном здесь отвергаются, поскольку этой позиции

не чужд элемент рефлексии, сравнения и избирательного анализа того, что считается «своим/нашим». Однако принципы практического разума берут верх над принципами разума теоретического, и легитимация коррупции в умах носителей этой когнитивной установки осуществляется на ином основании, чем у сторонников эпистемической трактовки.

Коррупция признается здесь как социальное зло, но лишь абстрактно, говоря в общем и целом. Однако в конкретных обстоятельствах места и времени она может признаваться сторонниками этой точки зрения практически целесообразной, например, если это выгодно «для блага фирмы/корпорации/народа/Родины» и т.п. Абстрактное осуждение социального зла отнюдь не противоречит в уме таких коммуникативных агентов конкретному его оправданию. Здесь работает та же когнитивная модель, что и в отношении к несправедливым войнам: война в целом как трагедия народа и как признак краха государственной дипломатии порицается, но конкретная война «для блага Родины» признается целесообразной и даже подлежащей моральному возвеличиванию. В терминах биологической типологии общей теории систем такой способ поведения и поддерживающая его аргументация соответствуют стайной модели организации индивидов (flock-agents): любые обоснования, исходящие от лидеров («вожаков стаи») признаются априорно правильными и подлежащими беспрекословному исполнению, поскольку считаются способствующими социальному единению. Но вне контекста стайного единомыслия (flock-intelligence) такие коммуникативные агенты вполне способны на самостоятельную рефлексию и решения, отличные от решений лидера. Многочисленные исторические примеры подтверждают это: едва индивид в силу жизненных обстоятельств выпадает из стайной вертикали власти, его поведение становится вариативным, появляется способность к критическому мышлению, к позиции, отличной от позиции большинства; однако, будучи включенным во властную вертикаль, flock-агент полностью принимает правила корпоративной коммуникации, подчиняясь им и умственно, и поведенчески [10].

Третья трактовка дверных петель как способа организации принципов рационального взаимодействия коммуникативных агентов, названа Фогелем «рамочной». Идея рамочной трактовки отчасти близка к процедурной, но смысловой акцент здесь ставится на том, что роль рамочных предложений, внутри которых общаются и дискутируют агенты коммуникации, играют здесь некоторые фундаментальные конструкции (общие предпочтения и взгляды), которые каждый рациональный агент берет на себя как своего рода моральные обязательства (commitments). От принципов нормативной этики эти моральные обязательства отличаются тем, что в них нет прямой трактовки вопросов различения добра и зла, однако имеется добровольно принятое на себя фоновое согласие действовать внутри выбранных рамок, координируя себя с другими агентами, действующими внутри тех же рамок. Внутри рамочных предложений дискуссия ведется на основе обычной логической методологии (включая методы рассуждения из арсенала формальной логики); за пределами рамочных предложений вовсе не существует общих норм ведения дискуссий, зато действуют принципы, аналогичные межвидовой конкуренции в эволюционной биологии.

Применительно к пониманию коррупции такая позиция означает, что внутри видовых рамок, определяющих сообщество коммуникативных агентов, сохраняется рациональное отношение к коррупции, как к социальному злу, подлежащему рациональной рефлексии, социальной коррекции и правовому регулированию. Но за пределами этих рамок не может быть никакого нормативного пространства, общего для различных рамочных миров, здесь работают лишь изменчивые условия видового выживания: если коррупция полезна агентам в их противостоянии стратегическим соперникам, они поддержат ее в социальном пространстве конкурентов; если она вредна им, они будут с ней бороться. Но если при определенных условиях коррупция в собственных рядах будет способствовать выживанию их как вида в его противостоянии конкурентам, агенты будут поддерживать ее и в своих собственных рядах тоже. Очевидно, то такая позиция лишена какой-либо априорной оценочности в отношении феномена коррупции – эти оценки всякий раз задаются соображениями тактического плана, аналогично способам борьбы биологического сообщества за выживание.

Типологически такому лишенному устойчивых принципов коллективному поведению соответствует роевой интеллект (swarm intelligence) – модель когнитивно-поведенческого взаимодействия индивидов между собой и с окружающей средой, которое характеризуется управлением и самоорганизацией на основе стохастических ситуативных корреляций. У swarm-агентов, действующих в рамках модели роевого интеллекта, нет и не может быть никакого собственного постоянного убеждения насчет коррупции как социального феномена, зато всякий раз есть набор ситуативных мнений, возникающих в зависимости от складывающихся в обществе оценочных векторов. Единственным принятым на себя добровольно обязательством swarm-агента является его решение быть вместе со своим «роем» и действовать вместе с ним в его ситуативной динамике. Если сегодня отношение к коррупции негативное, роевой агент дает негативные оценки тоже; если завтра отношение «роя» к коррупции изменится полярным образом, аналогичным образом изменится и оценочное суждение роевого агента. Такие оценочные флуктуаций характерны для swarm-агентов не только относительно коррупции, но и по отношению к любым значимым социальным явлениям – реформам, войнам и пр.

Формирование осознанного отношения курсантов ведомственных вузов МВД к коррупции как социальному злу с необходимостью должно учитывать те типологические способы коллективного взаимодействия агентов социальной коммуникации, которые, с одной стороны, должны соответствовать собственным целям и задачам органов внутренних дел, но, с другой стороны, не должны подавлять собой общегражданскую позицию сотрудника ОВД. Решение этой двоякой задачи возможно при целенаправленном знакомстве учащихся ведомственных вузов с современными когнитивными swarm-моделями интеллектуального поведения, которые опираются на общую теорию систем, на разработки в области искусственного интеллекта, эвристических методов рассуждений, методологии критического мышления, а также на первичное ознакомление с методами оптимизации мышления на основе эволюционных метаэвристик. В качестве базовой модели для обучения этим способам когнитивной самоорганизации

мышления и поведения индивидов может быть взят стандартный курс формальной логики, дополненный и расширенный материалом из области теории вывода (с изучением основных видов нормальных дедуктивных рассуждений), а также знакомство с практически значимыми кейсами из теории глубоких разногласий и примерами из области неформальной логики и теории аргументации [11].

Список литературы:

1. Fogelin, R. J. The Logic of Deep Disagreement // Informal Logic. 2005. Vol. 25. No. 1, pp. 3 – 11.

2. Ranalli, C. What is Deep Disagreement? // Topoi. 2021. vol. 40, pp. 983 - 998.

3. Scanlon T. Beeng Realistic About Reasons. Oxford.: Oxford University Press, 2014.

4. Ranalli, C. Deep Disagreement and Hinge Epistemology // Synthese. 2020. N 197. pp. 4975 – 5007.

5. Christensen D. Epistemology of Disagreement: The Good News // Philosophical Review. 2007. N. 116. pp. 187 – 218.

6. Bertalanffy von, L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. George Braziller.: New York, 1969. – 307 p.

7. Bertalanffy von, L. The History and States of General Systems Theory // The Academy of Management Journal, vol. 5, No. 4, General Systems Theory, Dec. 1972. – pp. 407 – 426.

8. Reynolds, C. W. Flocks, Herds and Schools: a Distributed Behavioral Model // Computer Grafics. 1987. Vol. 21, N. 4. – pp. 25 – 34.

9. Floreano D, Mattiussi C. Bio-inspired Artifical Intelligence: Theories, Methods and Technologies. The MIT Press, 2008.

10. Feldman, R. Deep Disagreement, Rational Resolutions, and Critical Thinking // Informal Logic. 2005. Vol. 37, N. 1. pp. 13 – 23.

11. Walton, D. Informal Logic. A pragmatic approach. Cambridge.: New York, 2008. – 367 p.

© Ладушкин С.И., 2025

Лантух Эдуард Владимирович,
начальник кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Гаврилова Ольга Вячеславовна,
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ СИНГАПУР

Аннотация: в статье рассмотрен опыт борьбы с коррупцией и ее проявлениями в Республике Сингапур. Проанализированы эффективные антикоррупционные мероприятия, которые были проведены руководством страны по борьбе с этим социальным злом, и показаны успехи и достижения государства в Юго-восточной Азии в данном направлении своей деятельности.

Ключевые слова*:* Республика Сингапур, коррупция, коррупционные преступления, антикоррупционная политика, власть, государство, законодательство.

В законодательстве всех стран мира закреплен постулат – борьба с коррупцией и ее проявлениями. Но только в немногих государствах на нашей планете применяют самые строгие и последовательные законы по борьбе с коррупцией, как в Республике Сингапур. В этом юго-восточном государстве коррупционные дела занимающих высокие государственные должности чиновников расследуются с исключительной суровостью, которой нет ни в одной другой стране мира. Антикоррупционная политика в стране построена таким образом, что никто, будь то министр, член Парламента или самое высокое должностное лицо государства, не может находиться выше Закона.

Республика Сингапур в настоящее время – одно из наиболее социально-экономически развитых государств Юго-Восточной Азии. Республике есть чем гордиться – на протяжении жизни одного поколения ей удалось совершить прорыв из «третьего мира» в «первый». [1].

По мнению специалистов, это одно из самых криминогенно безопасных обществ в мире, экономика которого почти полностью истребила коррупцию» [3, с. 125].

После получения Сингапуром независимости, руководители страны решили стать образцом поведения для своих чиновников, сделав открытыми все данные о своем состоянии, доходах, коммерческих интересах и финансовых операциях. Премьер-министр Ли Куан Ю подчеркнул: «Сингапур сможет выжить лишь

в случае, если министры и управляющие чиновники будут неподкупны и высокими профессионалами своего дела» [7].

В основу работы Правительства страны по борьбе с коррупций и ее проявлениями был положен принцип: «Оставаться честным и неподкупным». Контроль над этим социальным злом был стратегически важен для национального развития Сингапура.

Нельзя не упомянуть и тех проблем, с которыми столкнулись лидеры государства в противостоянии коррупции: несовершенство законодательства (многие коррупционные преступления оказались «вне Закона», а сотрудники правоохранительных органов не обладали всей полнотой властных полномочий, дающих им возможность эффективно выполнять свои должностные полномочия; доказательства по коррупционным деяниям было чрезвычайно сложно получить, ввиду «непрозрачности» законов и участия подавляющего числа государственных служащих в коррупционных схемах; чрезвычайно низкая заработная плата государственных чиновников. Государственные Служащие Сингапура были бедны по сравнении с работниками коммерческих структур, и многие из госчиновников пользовались своим служебным положением в личных целях; нельзя не упомянуть и о низком уровне правовой культуры и образования в обществе.

Победить коррупцию в государстве и прорваться в лидеры экономического развития, Сингапур смог за счет политической воли своих правителей и эффективного антикоррупционного законодательства.

Рассмотрим этапы борьбы с этим социальным злом в этой небольшой юго-восточной стране, которая практически его победила.

Прежде всего, было принято решение ликвидировать все возможности для совершения коррупционных действий. Были упрощены процедуры принятия решений чиновниками; ликвидирована «двусмысленность» толкования законов (были изданы «прозрачные», понятные и простые правила); отменены некоторые разрешения и лицензирование.

Нельзя не сказать о противодействие коррупции в высших эшелонах власти, которое активно приводилось в государстве.

Не остались в стороне от этой злободневной проблемы и средства массовой информации страны. Самые вопиющие случаи коррупционных преступлений незамедлительно оказывались на первых полосах печатаных изданий Республики. Сразу несколько высших должностных лиц страны (министров) были признаны виновными в коррупционных преступлениях – каждый – на десятилетие во временном промежутке с 1960-х по 1980-х гг., и получили различные сроки заключения или покончили жизнь самоубийством, в том числе и давние соратники Ли Куан Ю. «Неприкасаемых» не было даже среди близких родственников первого лица государства, расследования были инициированы и против них. И это все свидетельствует, что антикоррупционная политика в стране не имеет «двойных» стандартов.

Лидер государства Ли Куан Ю в своих воспоминаниях подчёркивал, что он постоянно насаждал принцип верховенства Закона и равенства всех перед Законом, включая высших чиновников и своих родственников. [13].

Эффективной мерой в борьбе с коррупцией в стране стало серьезное увеличение денежного довольствия судей. Зарплата сингапурского судьи достигла нескольких сот тысяч долларов в год (в 1990-е гг. – свыше одного млн дол.). Нельзя не упомянуть и о жёстком подавлении мафиозных структур, действовавших на территории страны. Не обошли повышением заработной платы и государственных служащих, которые занимали ответственные посты, их уровень зарплат достиг уровня топ-менеджеров частных корпораций.

Опытным путем Сингапур доказал, что в борьбе с коррупцией адекватное вознаграждение жизненно важно для поддержания честности и высоких моральных качеств у политических лидеров страны и высших должностных лиц государства, ведь, ни у кого не может вызвать сомнения постулат, что малооплачиваемые министры и государственные служащие разрушили не одно правительство

Ли Куан Ю утверждал, что политическим лидерам стоит платить самые высокие зарплаты потому, что они заслужили это тем, что олицетворяют порядочное и честное руководство страны. Если им недоплачивать, они могут поддаться соблазну и быть вовлеченными в коррупционные схемы. В соответствии с этим суждением, высшего должностного лица государства, заработная плата госслужащих Республики неизменно возрастала, с целью избежать «утечки мозгов» в частный сектор.

В 1989 и 1994 гг. зарплаты высшим государственным служащим Сингапура выросли так сильно, что они стали самыми большими в мире. Тем не менее, эта формула не означает ежегодного автоматического увеличения жалования госчиновникам, потому что доходы частного сектора то повышаются, то понижаются. В 1995 г. доходы в частном секторе снизились и 1997 г. было соответственно уменьшено и денежное довольствие всех министров и высших должностных лиц государства Сингапур.

Необходимым условием для существования неподкупного Правительства страны является и тот факт, что кандидатам на правительственные посты нет необходимости обладать большими денежными суммами, чтобы быть избранными на высокий государственный пост, иначе это приводит в действие порочный круг коррупции. Убеждены, что высокая «стоимость» выборных мероприятий, являлась и является проклятием многих стран. Затратив значительные суммы на избирательную кампанию, победители должны не только вернуть потраченные на это денежные средства, но и накопить их для следующих выборов.

Лидеры правящей партии значительно снизили издержки на свои избирательные кампании. У партии не было необходимости пополнять казну после выборов, и одаривать подачками своих избирателей в период между выборами. Республика Сингапур продемонстрировала, что система «чистых», свободных от денег выборов помогает сохранить честным и Правительство.

Ли Куан Ю., который находился у власти в Сингапуре более двух десятилетий разработал своеобразное «руководство к действию» для будущих политических лидеров страны, которые, по его мнению, должны быть последовательны и решительны в своих действиях, руководить честно, беспристрастно

и эффективно, не используя своё положение в своих корыстных целях. Выживание Сингапура может быть обеспечено только путём создания честной и не коррумпированной администрации – и эта убежденность высшего руководства Сингапура не может вызывать никаких сомнений. Ли Куан Ю сказал историческую фразу: «Начав бороться со взяточничеством, первым делом посади трёх своих друзей. Вы точно знаете, за что, и они знают, за что» [1].

У Правительства Сингапура было достаточно политической воли, чтобы реализовать свои намерения по борьбе с коррупцией и добиться в этом направлении деятельности самых высоких результатов. Для этого использованы эффективные методы противодействия коррупции в сфере государственной службы.

Каждый государственный служащий, уличённый в получении взятки, по законодательству Сингапура наказывается весьма сурово. Если его вина доказана, то возбуждается уголовное дело. Чиновник, осуждённый за коррупционное преступление, лишается работы и многих льгот.

Однако встречаются и случаи, когда доказательств для возбуждения уголовного дела недостаточно. В этой ситуации чиновника могут подвергнуть дисциплинарной процедуре в виде временного отстранения от выполнения его служебных обязанностей, понижения в должности, задержке выплаты заработной платы, штрафа, выговора и даже отставки.

Приведем в пример некоторые из эффективных мероприятий, приводящихся в Сингапуре для предотвращения совершения коррупционных деяний: выбор оптимальных административных решений; устранение возможностей для коррупции, присутствующих, как в действующих нормативных актах, так и в организации работы различных служб и ведомств; соразмерный пересмотр заработной платы чиновников; напоминание бизнесменам при подписании контрактов, что дача взятки чиновникам может привести к разрыву контракта; сокращение и облегчение для граждан разного рода бюрократических процедур; профилактические беседы с чиновниками о том, как не оказаться вовлеченным в коррупционные схемы; профилактические занятия со студентами учебных заведений об опасности коррупции; предупредительные меры по недопущению задержек в предоставлении разрешений и лицензий и т.д.

Законом предусмотрена норма о том, что государственные служащие ежегодно обязаны подавать декларацию об отсутствии у них долгов, так как увязший в долгах чиновник может быть быстрее вовлечен в коррупционные схемы. Ложные сведения, представленные в рамках Декларации, государственным служащим ведет к его увольнению со службы.

Кроме того, каждый, кто принимается на государственную службу и в процессе ее прохождения каждый год обязан декларировать свое имущество и инвестиции, включая доходы своей второй половины и несовершеннолетних детей. Несоответствие полученных доходов и заработной платы чиновника влечет за собой административное расследование.

У государственных служащих Республики Сингапур строго под запретом поучение любых подарков, как деньгами, так и в любой другой форме, от лиц которые имеют с ними деловые отношения. При невозможности отказаться

от презента, например, в соответствии с протокольными мероприятиями, связанными с визитом иностранной делегации, чиновник может подарок принять, но должен незамедлительно передать его своему руководителю. Однако, чиновник может получить понравившийся преподнесенный ему подарок, при условии предварительной оплаты его стоимости, которую официально определили финансовые органы страны.

Нельзя не упомянуть и о том, что законодательная база Республики четко закрепила пределы ответственности государственных служащих. Говоря о мерах запретительного характера, то чиновникам запрещается: принимать любые подношения от любого члена общества в качестве платы за услугу; принимать подарки за бездействие; принимать плату за проявление или не проявления расположения кому-либо, вопреки должностным обязанностям; намерено допускать ошибки в официальных документах, а также делать лживые и ложные заявления; принимать подарки, приглашения к трапезе или совместные развлечения от любого лица, с которым чиновника связывают деловые отношения; внеурочная деятельность или коммерческая деятельность без письменного разрешения руководства; получать плату за свои действия в рамках выполнения своих профессиональных обязанностей; принимать вознаграждение или компенсацию от любого партнера за внеурочную работу по сопровождению проекта последнего; вкладывать свои денежные средства в коммерческие проекты предпринимателя, с которым чиновник связан официальными отношениями; получать «откаты» от предпринимателей, оказывающих услуги; принимать приложения бесплатно пользоваться в личных целях транспортными средствами, услугами по ремонту жилплощади с лицами, с которыми связаны деловыми отношениями; вступать в неформальные отношения с любым лицом, с которым чиновник имеет официальные отношения, и проявлять в отношении этого лица фаворитизм; принимать предложения, связанные с заграничными командировками от деловых партнеров, прикрываясь обучением или просмотром поставляемого товара; приходить в гости лицам, с которыми чиновник состоит в деловых отношениях; брать деньги в долг у клиентов, с которыми у чиновника деловые отношения; разрешать клиенту оплачивать счета или отдавать долги чиновника; ставить личные интересы выше государственных; причинять вред государственным интересам, указывая клиентам на «лазейки» в договорах.

Вместе с тем на государственных служащих возложены определенные обязанности в этом направлении. Чиновникам необходимо: сообщать о любых коррупционных проявлениях; избегать неформальных отношений с членами общества, вступающими с ним в деловые отношения, чтобы избежать обвинений в предвзятости и фаворитизме; изучать Закон о противодействии коррупции; работать с гражданином, с которым он вступает в деловые отношения и без протекции «свыше»; устраняться от, связанных с их профессиональными обязанностями дел, в которых возможно получение и собственной выгоды.

Вне веского сомнения, Сингапур одно из наименее коррумпированных государств на нашей планете. И одну из главных мест в этой работе занимает «Сингапурское бюро по расследованию коррупции» (CPIB). Бюро является правительственным учреждением, которое расследует коррупционные преступления

в государственном и частном секторах и назначает справедливые наказания за подобные противоправные деяния в соответствии с Законодательством Республики Сингапур [2, с. 682].

В 2020 г. государственный сектор Сингапура был оценен экспертами «Transparency International», как четвертый из наименее коррумпированных в мире, и самый «прозрачный» в Азии [3].

Одним из объяснений низкого уровня коррупции в Республике Сингапур, является тот факт, что по сравнению с «соседями» – Таиландом и Малайзией, властные структуры Сингапура могли оказывать серьезное давление на структуры частного бизнеса, вынуждая последние вкладывать свои инвестиции в те секторы государственной экономики, которые, в конечном итоге, принесли в долгосрочной перспективе пользу всему обществу.

Убеждены, что опыт борьбы с коррупцией, тот непростой путь, который проделал Сингапур в этом направлении своего развития, не может не вызвать уважения и заслуживает самого тщательного изучения и анализа.

Список литературы:

1. Зотов Г. Спасибо, но лучше не надо. Как борются с коррупцией в Сингапуре // Аргументы и факты. 2014. 16 мая. № 20.

2. Шурыгин Ф. Ф. Антикоррупционная политика Республики Сингапур // Молодой ученый. 2015. № 22 (102). С. 681-691.

3. Хо Оливия. Сингапур занимает четвертое место среди наименее коррумпированных стран мира и является самой «чистой» страной в Азии" // Straits Times. 2021. 26 марта.

© Лантух Э.В., Гаврилова О.В., 2025

Лебедева Кристина Александровна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений по работе с личным составом
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Яхонтова Олеся Сергеевна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АСПЕКТЫ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в основе исследования данной работы положены основные предлагаемые отечественными исследователями меры противодействия коррупции, а также детерминанты появления рассматриваемого явления. Согласно изученному материалу предлагаются иные меры противодействия, которые могут поспособствовать активной борьбе с коррупцией не как с явлением из вне, а именно как формирующегося антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: преступления; коррупция; органы внутренних дел; санкции; антикоррупционная политика.

Профилактика и предотвращение коррупции по праву считаются одними из наиболее животрепещущих вопросов современной российской общественности. Однако несмотря на превалирующее количество исследований в различных отраслях науки, таких как криминология, криминалистика, уголовное право, а также социологические и психологические исследования, количество преступлений коррупционной направленности имеет тенденцию к увеличению. Так, согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в период за январь-март 2025 года выявлено 15 458 коррупционных правонарушений, когда за тот же временной отрезок 2024 года — 12 466. При этом общее количество подобных преступлений, выявленных в течение 2024 года составило 38 503, в то время как за 2023 год — 36 407 преступлений [1].

На основе анализа статистических данных не составляет труда сделать вывод о недостаточной эффективности предпринимаемых мер в борьбе с коррупцией. В рамках рассматриваемой темы следует произвести анализ предлагаемых исследователями мер превенции, которые могут поспособствовать снижению количества совершаемых противоправных коррупционных деяний.

Как отмечает А. Н. Наренкова, одной из детерминант неэффективности проводимой политики по устранению коррупции считается несовершенство законодательства. В связи с этим Наренкова утверждает о необходимости внесения изменений в статью 15 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года в части продления срока размещения сведений

об увольнении лица в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения в реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия с пяти лет до пожизненного [2, С. 465]. Как отмечает автор, именно такая санкция поспособствует предотвращению совершаемых преступлений.

Данной точке зрения противопоставляется иная, основанная на исследованиях деятельности государственных служащих по Центральному федеральному округу, проводимые И. А. Селивановской, посвященные сбору данных о количестве уволенных сотрудниках с государственной службы в связи утратой доверия. Проведя детальный анализ было выявлено колоссальное количество уволенных сотрудников, что несомненно свидетельствует о повышенном коррупционном риске именно в данной сфере, а также о системности существующей проблемы [3, С. 368]. Однако, как справедливо отмечает И. А. Селивановская, увольнение сотрудников в связи с утратой доверия является карательной мерой и не способствует профилактике данных преступлений, которая будет наиболее эффективна в совершенствовании деятельности сотрудников кадровых подразделений, которые, в свою очередь, будут формировать антикоррупционную мотивацию посредством повышения правовой культуры и правосознания служащих [4, С. 40].

На основе рассмотренных положений следует полагать, что точка зрения, согласно которой необходимо ужесточать санкции в отношении сотрудников, совершивших коррупционные правонарушения основана на опыте борьбы с данным явлением в зарубежных странах. Однако санкции, применяемые в отношении государственных служащих, реализующую свою деятельность в иностранных государствах, не коррелируются с закрепленными нормами и обычаями в Российской Федерации.

Так, согласно источникам Transparency International, такие страны, как Дания, Швеция, Финляндия, Германия и др. являются наиболее не восприимчивыми государствами к коррупции. Как отмечают многие исследователи, такие как Е. А. Косолапов [5, С. 36], А. Н. Наренкова [2, С. 466], Э. Е. Стародубцева [6, С. 384] и другие, что одной из основных мер профилактики являются ожесточённые санкции в отношении лиц, совершивших данного рода противоправное деяние. Однако рассматривая размер санкций, приведенных в уголовных кодексах перечисленных государств с размерами санкций в Уголовном кодексе Российской Федерации следует вывод, что некорректно сличать санкции за совершение коррупционных правонарушений в зарубежных странах с российскими, а также утверждать о необходимости их повышения в России. Это связано с тем, что размеры наказаний за преступления коррупционной направленности в Российской Федерации значительно превышают размер санкций в зарубежных странах за аналогичные преступления.

Так, статья 144 Уголовного кодекса Дании предусматривает наказание в виде уплаты штрафа или лишения свободы до шести лет в отношении государственного служащего, принявшего взятку [7]. В Германии срок лишения свободы за аналогичное преступление составляет от шести месяцев до пяти лет, в Швеции — до шести лет лишения свободы и в Китайской народной республике уголовная ответственность выражается в лишении свободы до пяти лет или применение ареста [8, С. 64].

Проводя аналогию между уголовным законодательством зарубежных государств с российским следует отметить, что статья 290 УК РФ, предусматривающая наступление уголовной ответственности за получение взятки имеет несколько квалифицированных и особо квалифицированных составов, где минимальный срок лишения свободы составляет до трех лет, а максимальный — до пятнадцати лет. Стоит отметить, что для сравнительной характеристики применяемых санкций за получение взятки в качестве вида наказания выступает лишение свободы, но также УК РФ предусматривает и альтернативные виды наказаний, таких как штраф, лишение права занимать определённые должности или заниматься определенной деятельностью, а также ч. 1 ст. 290 УК РФ дополнительно предусматривает исправительные работы и принудительные работы [9].

Таким образом предлагаемая мера, направленная на профилактику преступлений коррупционной направленности, связанная с ужесточением санкций не может рассматриваться как основополагающий инструмент, основанный на опыте зарубежных государств.

Помимо этого, исследователи неоднократно выступают за поддержание идеи активного участия средств массовой информации (далее — СМИ) в продвижении политики антикоррупционного поведения. Так, В Новой Зеландии в случае совершения государственным служащим коррупционного правонарушения, исход расследования данного дела транслируется в СМИ [2, С. 466]. Однако, в данном случае заслуживает внимания точка зрения В. Н. Агеева, который акцентирует внимание на том, что на данный момент времени, новостная лента пестрит сведениями о сотрудниках, совершивших преступления коррупционной направленности [10, С. 30]. При этом, как правило, такие информационные посты и публикации в социальных сетях и мессенджерах дополняются негативными комментариями общественности, которая не только выражает недовольство в отношении деятельности правоохранительных органов, но и начинает идентифицировать любого государственного служащего как преступника, единственная задача которого заключается лишь в получении взяток.

В результате деятельности СМИ формируется негативное отношение населения к государственным служащим, в частности, к правоохранительным органам, выражающееся в недоверии к осуществляемой ими легальной деятельности. Стоит отметить, что данное утверждение не является призывом к отмене распространения информации о совершении коррупционных преступных деяний в СМИ.

Представляется, что наиболее целесообразным решением будет распространение информации о сотрудниках, которые отказываются от дачи взяток, которые расследуют данного рода преступления и каким образом они реализуют соответствующую деятельность. Следует дополнить, что вышеперечисленные сведения публикуются в информационном пространстве, однако не предаются такой широкой огласке как сведения, содержащие информацию о сотрудниках, совершающих коррупционные преступления. Именно распространение в массы информации о сотрудниках, добросовестно исполняющих свои служебные обязанности, которые, в частности, предпринимают меры в борьбе с коррупцией,

положительно скажутся на общественном мнении населения, что в последствие поможет достичь взаимопонимания и доверия граждан к сотрудникам.

Нельзя не упомянуть, что на данный момент наблюдается тенденция к снижению численности квалифицированного персонала в органах внутренних дел, а также в целом вопрос комплектования представляется острым не только за счет недостаточного материального и социального обеспечения, но и относительно морально-психологического обеспечения. Из-за дефицита личного состава сотрудники, проходящие службу в органах внутренних дел испытывают сильные нагрузки, что в итоге приводит к таким негативным последствиям, как эмоциональное и профессиональное выгорание, которые способствуют отсутствию мотивации к добросовестному исполнению служебных обязанностей, а также дальнейшему прохождению службы в органах внутренних дел.

Опытные сотрудники, в попытках улучшить материальное состояние придаются совершению преступлений коррупционной направленности, а сотрудники, впервые принятые на службу либо прослужившие непродолжительное количество времени начинают брать пример с более опытных сотрудников, что приводит к повышению количества совершаемых преступлений.

Также это связано с, так называемой, «палочной системой», согласно которой сотрудники любыми способами должны выполнить определенный руководством план. Согласно исследованиям сотрудников кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России — 63% опрошенных сотрудников отметили наличие «палочной системы» как провокатора коррупционных преступлений [11, С. 85].

На основании проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующее:

- ужесточение санкций за совершение преступлений коррупционной направленности как мера профилактики и противодействия не приведет к ожидаемому результату. Определив значительную разницу между размерами наказаний за подобные преступления в уголовном законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран следует вывод, что проблема не кроется в размере санкций;

- публикация в СМИ сведений, содержащих информацию о сотрудниках, совершивших коррупционные преступления негативно сказывается на общественном мнении и доверии к государственным служащим. Наиболее целесообразным подходом будет являться распространение сведений о сотрудниках, которые ведут с данным явлением активную борьбу, в частности, отказываясь от подобных предложений взяток;

- не секрет, что материальное и социальное обеспечение сотрудников не коррелируется с выполняемыми ими задачами, что подталкивает опытных сотрудников идти на коррупционные преступления, а только принятые на службу сотрудники, либо, состоящие на службе непродолжительное количество времени, так сказать, берут «пример со старших», что способствует увеличению количества совершаемых преступлений;

- в высоких показателях преступности среди сотрудников весомое значение имеет «палочная система», цель которой состоит в выполнении заданного плана, что никак не сказывается на эффективности выполняемых сотрудниками задач. Из-за необходимости выполнить тот или иной пункт плана, сотрудникам приходиться идти на всевозможные меры, в том числе, и на преступления.

В заключение следует отметить, что рассматриваемые детерминанты и способы противодействия совершения преступлений коррупционной направленности, предполагают сделать вывод о необходимости укоренения в органах внутренних дел меры поощрения. Представляется, что моральное и материальное стимулирование сотрудников на должном уровне поспособствует снижению желания совершать подобные преступления, а продолжение активной борьбы с данным явлением поспособствует повышению роли коррупционной политики в обществе, что в последующем скажется на снижении совершения преступлений коррупционной направленности.

Список литературы:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf (дата обращения: 08.10.2025).

2. Наренкова А. А. Сравнительно-правовой анализ мер по противодействию коррупции на государственной службе в России и за рубежом / А. А. Наренкова // Державинский форум. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 462-470.

3. Петухов, И. А. Совершенствование мер, направленных на противодействие коррупции / И. А. Петухов // Моя профессиональная карьера. – 2025. – Т. 2, № 71. – С. 365-376.

4. Селивановская И. А. Увольнение в связи с утратой доверия (на примере Центрального федерального округа) / И.А. Селивановская // Государственная власть и местное самоуправление. — 2023. — № 2. — С. 37-40.

5. Косолапов Е. А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией (на примере антикоррупционных компаний Сингапура, Гонконга, Швеции, Финляндии и Дании) / Е. А. Косолапов. — Текст : непосредственный // Исследования молодых ученых : материалы LXXIV Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2024 г.). — Казань : Молодой ученый, 2024. — С. 34-39.

6. Стародубцева Э. Е. Действенные методы борьбы с коррупцией на примере зарубежных стран // E-Scio. 2022. № 8 (71). С. 383-391.

7. О коррупции в Дании [Электронный ресурс]. URL: https://denmark.mid.ru/ru/o-danii/o_korruptsii_v_danii (дата обращения: 10.10.2025).

8. Ковалева А. Ю. Законодательство зарубежных стран о взяточничестве // Наука. Общество. Государство. 2018. № 2 (22). С. 62-67.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025), (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

10. Агеев В. Н. Причины возникновения и способы противодействия коррупции в органах внутренних дел в Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 4. С. 25-40.

11. Ненароков С. В. Роль дисциплинарной ответственности в формировании антикоррупционного поведения сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД Росии. — 2023. — № 1 (99). — 80-85.

© Лебедева К.А., 2025.

Метелькова Виктория Дмитриевна,
курсант факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Дикаева Элина Салмановна,
старший преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: в статье рассматривается коррупция в высшем образовании, ее причины, последствия и меры противодействия. Исследуются факторы, способствующие коррупции, и ее влияние на студентов и преподавателей. Предлагаются меры борьбы, включая реформы управления, повышение прозрачности и внедрение антикоррупционных программ.

Ключевые слова: коррупция, высшее образование, противодействие, профилактика, инструменты противодействия.

Коррупция в сфере высшего образования представляет собой одну из наиболее острых и сложных проблем современного общества, затрагивающую интересы студентов, преподавателей, образовательных учреждений и государства в целом. В условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий система высшего образования сталкивается с новыми вызовами, среди которых коррупционные практики занимают особое место. Эти практики не только подрывают доверие к образовательным учреждениям, но и негативно сказываются на качестве образования, что в свою очередь влияет на конкурентоспособность выпускников на рынке труда. В данной статье рассматриваются ключевые причины коррупции в сфере высшего образования, проанализируем ее последствия для различных участников образовательного процесса и предложим возможные инструменты противодействия этому явлению. Целью исследования является не только выявление масштабов проблемы, но и формулирование рекомендаций для повышения прозрачности и эффективности образовательной системы.

На сегодняшний день существует четкое определение понятия «коррупция», установленное Федеральном законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1]. Коррупцией считается – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом

своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

В сфере образования существует ряд распространенных проявлений коррупции:

-Нерациональное расходование государственных средств;

-Подкуп должностных лиц при проведении аккредитации образовательных организаций;

-Противозаконное оформление аттестатов и иных документов, подтверждающих получение образования;

-Необоснованное принятие абитуриентов в учебные заведения в обход установленных правил конкурсного отбора;

-Злоупотребления со стороны преподавательского состава в период экзаменационных сессий (например, завышение требований к студентам при сдаче экзаменов и зачетов) и другие. [2].

Основной закон Российской Федерации, а именно статья 43 Конституции, обеспечивает всем жителям страны возможность получения образования. Гарантируется бесплатное дошкольное, общее базовое и среднее профессиональное образование. Каждый россиянин, успешно прошедший конкурсный отбор, имеет право на бесплатное высшее образование [3]. Проявления коррупции в сфере образования являются серьезным нарушением конституционных прав граждан. Они ведут к дискриминации граждан с низким уровнем дохода, подрывая принципы равных возможностей и доступности образовательных услуг для всех слоев населения. Коррупционные действия в образовательной системе препятствуют реализации конституционного права на образование.

Если говорить о причинах наличия коррупции в сфере отношения, то можно выделить следующие:

1. Низкие заработные платы преподавателей. Д. М. Шибаева отмечает, что решением такой проблемы будет выступать введение по аналогии с зарубежным законодательством механизма академического вознаграждения педагогов [4].

2. Стремление студентов «легче» и «быстрее» сдать экзамены, сессии и т. д.

3. Падение нравов как студентов, так и преподавателей и иных субъектов отношений.

4. Правовая проблема. Как указывает Е. О. Филиппова, правовая проблема выражается в недостаточном правовом регулировании сферы взаимоотношений между студентами и преподавателями, в рамках которой существует большой риск коррупционных преступлений [5]. Помимо этого, несовершенство правовой базы проявляется в отсутствии достаточных норм, регулирующих привлечение преподавателей к ответственности за такие преступления.

Злоупотребления в сфере высшего образования влекут за собой глубокие

и разносторонние результаты, оказывающие влияние на учащихся, преподавательский состав и всю структуру образования. Прежде всего, это негативно сказывается на уровне обучения, поскольку нечестные методы, вроде взяток за хорошие баллы или получение диплома, разрушают стремление студентов к получению знаний и деформируют их понимание значимости учебы. Во-вторых, коррупция вызывает падение престижа научной среды, формируя обстановку скептицизма и уныния среди добросовестных студентов и преподавателей. Это может стать причиной оттока перспективных специалистов из сферы высшего образования, что плохо отражается на научных проектах и новых разработках. В-третьих, незаконные схемы разрушают имидж учебных заведений, что может уменьшить их привлекательность на международном уровне и сократить поток иностранных учащихся. В конечном итоге, итоги коррупции в высшем образовании не только урезают личные перспективы студентов, но и создают угрозу для общественно-экономического прогресса государства в целом.

Одним из значимых факторов, поддерживающих распространение коррупционных схем в российском обществе, является, как это ни парадоксально, апатичное отношение населения к качеству приобретаемого образования [6]. Сложился потребительский взгляд, где ключевым аспектом становится финальный итог – диплом, свидетельство или другой подтверждающий документ, а не сам образовательный процесс и развитие необходимых профессиональных навыков и знаний. Взрослые прививают студентам стремление получить диплом, представляя его как гарантию перспективного будущего и финансового благополучия, тем самым показывая, что учеба имеет второстепенное значение, ведь в дальнейшем все равно придётся «доучиваться» на рабочем месте. Подобное отношение провоцирует и у самого студента безразличие к учёбе, что, в свою очередь, подталкивает его к решению академических проблем нечестными методами. Отсутствие сопротивления подобным явлениям фактически поощряет различные проявления коррупции. Пассивность граждан становится питательной средой для коррупции в образовательной сфере.

Для предотвращения коррупции в университетах создается и внедряется ряд мер, ориентированных на предупреждение коррупционных правонарушений. В первую очередь, это информирование работников об ответственности за участие в коррупционных схемах, создание внутренних нормативных документов по борьбе с коррупцией и их публикация на веб-сайтах учебных заведений, ежегодное предоставление сведений о доходах руководителей и главных бухгалтеров высшей школы, устранение предпосылок для коррупции при приеме студентов и на протяжении всего периода обучения, привлечение экспертов из производственной сферы и иных университетов к проведению государственных аттестаций и экзаменов на финальном этапе обучения для повышения объективности оценивания знаний выпускников. [7].

В настоящее время для минимизации данного деструктивного явления в образовательной сфере реализуется ряд инструментов. Основой, безусловно, выступает федеральный закон «О противодействии коррупции» [8], раскрывающий основные положения государственной политики в противодействии коррупции. Специфические меры для педагогических работников раскрываются в законе

«Об образовании в Российской Федерации» и других нормативных актах, среди которых:

- запрет на оказание платных образовательных услуг при возможности возникновения конфликта интересов конфликту интересов педагогического работника;

- запрет на получение подарков;

- запрет на использование своей профессиональной деятельности для иных целей: политической агитации, навязывания убеждений политического, религиозного и иного характера, а также отказа от них и иное;

Можно также выделить следующие специальные инструменты противодействия коррупции, отмеченные в основополагающем законе «Об образовании в Российской Федерации»:

- введение понятия «конфликт интересов педагогического работника», когда у педагогического работника при осуществлении им своей деятельности возникает личная заинтересованность в получении какой-либо выгоды, что может повлиять на надлежащее исполнение им своим обязанностей.

- регламентирование деятельности по урегулированию споров между участниками образовательных отношений;

- возможность принятия участия законных представителей обучающихся в организации учебного процесса, а именно:

- ознакомление с содержанием образовательного процесса, применяемыми технологиями, результатов успеваемости;

- возможность участия в управлении образовательной организацией согласно уставу этой организации;

Естественно, предложенные действия, даже будучи реализованными, не смогут полностью искоренить коррупцию в высших учебных заведениях, как и во всей образовательной системе в целом. Тем не менее, они способны постепенно минимизировать злоупотребления со стороны преподавателей и уменьшить стремление студентов использовать что-либо, кроме усердия в учебе, для достижения успеха. Поступление в университет не должно служить способом уклонения от военной службы или формального посещения занятий исключительно ради диплома. Необходимо кардинально изменить систему ценностей в образовании, чтобы она перестала быть отражением проблем нездорового общества. Именно образовательная сфера (наряду со здравоохранением, правоохранительными органами и муниципальным управлением), подверженная коррупции, имеет наиболее серьезные последствия в долгосрочной перспективе. Порочная модель поведения, привитая человеку в период формирования личности, практически не поддается искоренению. В результате формируется поколение специалистов, усвоивших принципы отрицания социальных норм и моральных ценностей ради личной выгоды. "Бог наделил человека инстинктом самосохранения. Но когда рациональный контроль ослабевает, воля человека слабеет, а мировоззренческие принципы исчезают, инстинкт берет верх, и человек теряет способность сопротивляться искушениям".

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О противодействии коррупции"

2. Андрющенко, Д. Д. Противодействие коррупции в сфере высшего образования / Д. Д. Андрющенко // Проблемы противодействия коррупции в современном обществе: Сборник научных трудов по материалам докладов V ежегодной открытой молодежной дискуссионной площадки, Волгоград, 25 марта 2022 года. – Волгоград: Волгоградский технологический колледж, 2022. – С. 26-28.

3. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

4. Шибаева Д. М. Коррупция в сфере высшего образования: проблемы и пути их решения / Д. М. Шибаева // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 12(30). – С. 225–227.

5. Филиппова Е. О. Коррупция в системе высшего образования: проблемы и пути решения / Е. О. Филиппова // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. – № 12(39). – С. 727–732.

6. Сычева А. В. Коррупция в сфере высшего образования: коррозия правосознания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-sfere-vysshego-obrazovaniya-korroziya-pravosoznaniya (дата обращения: 02.11.2025).

7. Сорокина, А. И. Профилактика коррупции в студенческой сфере / А. И. Сорокина, И. В. Спирин // Современные технологии и научно-технический прогресс. – 2023. – № 10. – С. 350-351.

8. Гребенкина, С. А. Правовые основы противодействия коррупции в сфере высшего образования / С. А. Гребенкина // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 1(60). – С. 108-111.

© Метелькова В.Д., 2025.

Михайлин Владимир Алексеевич,
курсант Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России.

Научный руководитель:
Гаврилова Ольга Вячеславовна,
старший преподаватель
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы борьбы с коррупцией в Санкт-Петербурге и Ленинградкой области. Приведены примеры самых громких уголовных дел, которые были возбуждены против чиновников высокого ранга в Санкт-Петербурге за коррупционные преступления. Показаны пути противодействия этого социального зла.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, государство, проблема, борьба с коррупцией, уголовная ответственность

Коррупция является одной из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивается современное российское общество. Она оказывает разрушительное воздействие на экономику, политику и социальную сферу, подрывает доверие граждан к государственным институтам и негативно влияет на развитие страны в целом.

Первая проблема, с которой сталкиваются государства в борьбе с коррупцией, – отсутствие эффективных механизмов контроля и наказания. Коррупционные действия часто остаются безнаказанными из-за слабости правоохранительных органов, недостатка независимых судебных систем и неэффективности антикоррупционных органов. Это создает условия для безнаказанности коррупционеров и подрывает доверие граждан к правосудию.

Вторая проблема связана с недостаточной прозрачностью и открытостью государственных процессов. Отсутствие доступа к информации контроля со стороны общественности способствует развитию коррупционных схем и сделок. Государственные закупки, финансовые операции и принятие решений часто осуществляются в закрытом режиме, что создает благоприятную среду для коррупционных схем.

Третья проблема связана с низким уровнем этического сознания и моральных ценностей в обществе. Коррупция не только является результатом недостаточной эффективности системы контроля и наказания, но и отражает моральное состояние общества в целом. Если люди не осознают вреда, который наносит

коррупция обществу, и не придерживаются высоких моральных стандартов, то борьба с этим явлением будет бессмысленной.

В рамках нашей статьи мы решили рассмотреть самые громкие коррупционные скандалы, которые произошли в Северной столице – Санкт-Петербурге. К сожалению, наш город не свободен от этого социального зла, которое опоясало своими сетями, многие сферы [7, с. 184].

В рамках нашего небольшого исследования коррупционных преступлений в городе Великого Петра, м не могли не рассмотреть Дело о хищении 178 млн руб. при строительстве «Газпром Арены». Октябрьский районный суд Санкт-Петербурга в 1922 г. провозгласил приговор пяти фигурантам, причастным к завышению стоимости систем видеонаблюдения при строительстве стадиона: Сергею Беляеву, Валерию Морозу, Александру Половко, Дмитрию Сбруеву и Андрею Соболеву. Суд назначил наказания от тех с половиной до шести лет лишения свободы, а также штрафы. С осужденных была взыскана сумму ущерба солидарно в пользу Комитета по строительству города.

Не могли обойти вниманием мы и коррупционное дело бывшего вице-губернатора Марата Оганесяна. Куйбышевский суд в 2021 г. приговорил Оганесяна к пяти с половиной годам колонии строгого режима и штрафу в 20 млн руб. за хищение около 50 млн руб. при строительстве «Газпром Арены». Вместе с ним были осуждены его заместитель Александр Янчик и другие участники преступной схемы. Главный фигурант коррупционного процесса – Оганесян признал свою вину.

Коррупционный скандал в администрации города Колпино не мог остаться вне нашего поля зрения. В июне 2025 г. были задержаны глава администрации Колпинского района Ленинградской области Юлия Логвиненко, глава местной администрации Дмитрий Кохно и депутат Законодательного собрания города Олег Милюта. Их обвиняют в получении взяток в размере не менее 9,2 млн руб. от генерального директора подрядчика за покровительство в получении государственных контрактов на благоустройство города. Логвиненко и Кохно задержаны, Милюта также стал фигурантом уголовного дела.

Не менее громким оказалось и уголовное дело, возбужденного против экс-главы Адмиралтейского района Сергея Оверчука. Оверчук в ноябре 2024 г. был задержан по подозрению в получении взятки в особо крупном размере. Следственными органами было установлено, что с октября 2022 по март 2024 г.г. экс-глава через посредника (своего заместителя Игоря Комарова) получал не менее 5 % от стоимости государственных контрактов на ремонт и благоустройство территорий города. Общая сумма взяток, полученных фигурантом дела составила составила 8 млн руб.

И последний коррупционный скандал, о котором мы хотели бы поведать – дело бывшего главы Василеостровского района Эдуарда Ильина. Ильин был задержан в 2024 г. в после того как он два года лет скрывался от следственных органов. Его обвиняют в получении взяток в размере около 5,6 млн руб. от представителей охранного бизнеса в обмен на покровительство на получение контрактов. Ранее он занимал должность главы района, но в 2022 г. покинул свой пост, а в 2024 году был задержан в Москве.

Но существуют эффективные пути борьбы с коррупцией.

Прежде всего, нельзя не сказать о нормативно-правой базе, которая была создана в нашей стране по борьбе с коррупцией: Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» [1]; Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» [2]; Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3]; Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [4]; Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [5]; Уголовный кодекс Российской Федерации [6].

Убеждены, что, прежде всего, необходимо усилить контроль и ужесточить наказания за коррупционные преступления. Государственные органы должны обладать достаточными полномочиями для проведения расследований и привлечения виновных к уголовной ответственности. Независимые суды и прозрачные судебные процессы также являются важными элементами борьбы с коррупцией.

Вторым важным шагом, вне всякого сомнения, является повышение прозрачности государственных процессов. Внедрение электронных систем учета и контроля, публикация информации о государственных закупках и финансовых операциях, а также активное привлечение общественности к контролю за деятельностью государственных органов – все это способствует снижению коррупционных рисков.

Третьим важным аспектом является формирование этического сознания и моральных ценностей в обществе. Этого можно достичь через систему образования, включая в программы уроки по этике и антикоррупционному воспитанию, проведение которых должно стать регулярными. Необходима активная пропаганда честного и порядочного поведения государственных служащих, чтобы подрастающее поколение нашей страны могло видеть положительные примеры антикоррупционного поведения.

Борьба с коррупцией является очень сложным и многогранным процессом, требующим совместных усилий государства и всего общества. Для успешной борьбы с коррупцией необходимо усилить контроль и наказание, повысить прозрачность государственных процессов и формировать этическое сознание в обществе.

Эффективности в борьбе с этим социальным злом моно достигнуть только путем взаимодействия всех субъектов системы профилактики, как общих, так и специальных.

Только объединив усилия, мы сможем преодолеть эту серьезную проблему и создать более справедливое и процветающее общество.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 8 марта 2006 года № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

2. Федеральный закон от 25 июля 2006 года № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1ч.). Ст. 3424.

3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря.

4. Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Российская газета. 2009. 22 июля.

5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. 14 февраля.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации, введен в действие Федеральным законом РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ: официальный текст с изм. и доп. СПС Консультант Плюс.

7. Трифонов В.Г., Смольяков А.А., Гаврилова О.А. Актуальные проблемы противодействия преступлений коррупционной направленности (по материалам Санкт-Петербурге и Ленинградской области). В сборнике научных трудов Всероссийской научной конференции «Современные проблемы обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта». М., 2021. С. 184-186.

© Михайлин В.А., 2025

Москалева София Алексеевна,
заместитель командира взвода факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Ширшанова Екатерина Алексеевна,
преподаватель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук

КОРРУПЦИЯ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: в статье анализируется проблема коррупции в Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП России). Обосновывается актуальность темы, обусловленная ролью ФССП России в обеспечении верховенства права и защита законных прав граждан и организаций. Рассматриваются причины возникновения коррупционных проявлений, основание формы их реализации (взяточничество, злоупотребления полномочиями, покровительство) и негативное воздействие на эффективность исполнительного производства и доверие к государству. Также в статье автором предлагаются меры по совершенствованию антикоррупционной деятельности в системе ФССП России.

Ключевые слова: коррупция, ФССП России, судебные приставы, исполнительное производство, взяточничество, противодействие коррупции.

Актуальность исследования обусловлена тем, коррупция в ФССП России подрывает принцип неотвратимости наказания и исполнения решений, препятствует восстановлению нарушенных прав, создавая условия для безнаказанности должников и причиняя прямой ущерб взыскателям. Причиняемый экономический ущерб путем осуществления незаконных действий приставов, которые могут привести к потере активов, затягиванию или неисполнению решений по экономическим спорам, что негативно сказывается на инвестиционном климате и стабильности экономического оборота. Необходимо отметить, что специфика деятельности службы, связанная с распоряжением имуществом, денежными средствами, применением мер принуждения и широтой дискреционных полномочий пристава-исполнителя, создает объективные предпосылки для коррупции.

Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации является одним из ключевых звеньев в системе обеспечения исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц [1]. Эффективность работы ФССП России напрямую влияет на защиту прав взыскателей и должников, соблюдение законности и, в конечном счете, на доверие общества к судебной и исполнительной

власти. Однако, как и многие государственные структуры, ФССП России подвержена риску коррупции.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2024-2025 годы, наблюдается рост числа выявленных коррупционных преступлений, при этом, как отмечают аналитики, растет доля преступлений в крупном и особо крупном размере [2]. Это свидетельствует об усилении противодействия, но также и о стойкости коррупционных схем, что напрямую касается ФССП России, где предметом посягательства часто вступают крупные активы.

В части исследования коррупции в органах исполнительной власти А.И. Долгова отмечала, что: «коррупция в исполнительном производстве является одним из наиболее общественно опасных видов должностных преступлений, поскольку подрывает основы правосудия» [3]. Профессор И.А. Клепицкий в своих работах, посвященных должностным преступлениям, подчеркивает, что именно в ФССП коррупция приобретает наиболее опасные формы, так как «она де-факто легализует неисполнение судебных решений, порывая сам фундамент правой систем» [4].

Детерминанты коррупции в ФССП России имеют системный характер и связаны как с внешними, так и с внутренними факторами. Одной из основных детерминант коррупционных проявлений в ФССП России является широкие дискреционные полномочия – пристав-исполнитель обладает значительной свободой в выборе времени, места и методов совершения исполнительных действий (например, очередность ареста имущества, определение его стоимости), что может быть использовано в корыстных целях. Также отмечается, что в системе ФССП России реализуется недостаточный контроль – большой объем работы, высокая загруженность и, по мнению некоторых исследований, недостаточный прокурорский надзор и внутренний ведомственный контроль могут способствовать укрытию коррупционных действий [5]. Среди социально-экономических детерминанты коррупции следует выделить низкий уровень материального обеспечения сотрудников на фоне высокой ответственности. Сложность и длительность процедур – пробелы и противоречия в законодательстве об исполнительном производстве могут быть использован недобросовестными приставами для создания искусственных препятствий и вымогательства, иных проявлений.

Несмотря на предпринимаемые государством меры, проблема коррупционной преступности в ФССП России остается актуальной, что подтверждается регулярными сообщениями о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ФССП России. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, наблюдается увеличение числа выявленных коррупционных преступлений в целом по стране, в том числе преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере. Подобная тенденция проецируется и на другие государственные структуры, обладающие высокими дискреционными полномочиями. Коррупционные проявления в ФССП России, связанные с незаконным распоряжением имуществом граждан и организаций, вызывают наиболее острый социальных протест и подрывают доверие к государственной власти Российской Федерации.

Формы проявления коррупции в ФССП России многообразны, среди

наиболее распространенных можно выделить: получение взятки (ст.290 УК РФ) за незаконное бездействие (игнорирование требований взыскателя, затягивание производства) ли незаконное действие (снятие ареста с имущества, занижение его оценочной стоимости). Злоупотребление должностными полномочиями (ст.285 УК РФ) неправомерный арест имущества для оказания давления на должников в интересах третьих лиц или использование служебной информации в личных целях. Посредничество «крышевание» должников, содействие в получении информации, либо игнорирование законных требований взыскателей [6].

Для эффективного противодействия коррупции в ФССП России необходим комплексный подход, включающий организационно-правовые, кадровые и технические меры. На наш взгляд, повышение прозрачности и цифровизации путем введение обязательной видеофиксации наиболее значимых исполнительных действий (оценка, арест, изъятие имущества) будет способствовать снижению коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ФССП России. Также перспективными представляются следующие меры: дальнейшее развитие электронного документооборота и онлайн-контроля за ходом производителя; совершенствование кадровой работы – ужесточение требований к кандидатам, регулярная ротация сотрудников, усиление антикоррупционного просвещения; повышение ответственности - усиление уголовной и дисциплинарной ответственности за коррупционные преступлении, а также расширение практики конфискации имущества, полученного преступным путем; повышение материального и социального обеспечения – увеличение заработной платы и социальных гарантий сотрудников с высоким уровнем риска, что является общепризнанной мерой профилактики коррупции.

Таким образом, коррупция в Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации остается одной из наиболее острых проблем в системе государственного управления, так как представляет собой угрозу правовой системы и экономики страны. Успешное противодействие требует не только карательных мер, но и системной работы по снижению коррупциогенности самой службы через прозрачность, цифровизацию и эффективный внутренний и внешний контроль.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
2. Портал правовой информации Генеральной Прокуратуры РФ. -[Электронный ресурс]. -URL: http://crimestat.ru/offenses_chart
3. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011.
4. Ковалева К. В. Проблемные вопросы противодействия коррупции в деятельности Федеральной Службы Судебных Приставов Российской Федерации // Молодой ученый. — 2017. — № 5.1 (139.1). — С. 26-29.

5. Кудрявцев В. Н. Причины коррупции в России: социологический анализ. М.: Норма, 2010.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) Глава 30.
© Москалёва С.А.,2025

Ненашева Людмила Станиславовна,
слушатель факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Яхонтова Олеся Сергеевна,
доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ЮРИДИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРРУПЦИИ И КОРРУПЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация: в статье анализируются проблемные аспекты понятийного аппарата в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации. Рассматривается актуальный вопрос об отсутствии законодательного закрепления таких дефиниций, как «коррупция» и «коррупционное правонарушение», что создаёт риски неоднозначности правоприменения. В исследовании освещаются неудачные попытки законодательной конкретизации этих понятий. На основе анализа научных подходов автор предлагает собственное определение «коррупционного правонарушения» для формирования единообразной правоприменительной практики.

Ключевые слова: коррупция; коррупционное правонарушение; злоупотребление служебным положением; правонарушение; противоправное деяние; антикоррупционная политика.

Ключевым нормативным правовым актом, определяющим основы противодействия коррупции в Российской Федерации, является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции». Согласно ст. 1 данного закона, коррупция – это [9]:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Таким образом, законодатель закрепляет не отдельное понятие, а конкретный перечень противоправных деяний, образующих коррупцию. В свою очередь в научной литературе авторы, наоборот, выявляют конкретное понятие «коррупции», стараясь включить в него перечень противоправных деяний,

предусмотренных законодательством. Так, например, Д. В. Горбунов под коррупцией понимает «социально деструктивное явление, проявляющиеся в использовании властно-распорядительных функций служащих, выраженных в их действиях или бездействиях в своих интересах или в интересах третьих лиц, совершаемые вопреки административно установленного порядка использования правового статуса и полномочий должностного лица» [3, с. 82]. В свою очередь «коррупция» по мнению И. С. Горбанева «это злоупотребление доверием, представляющее повышенную опасность для общества и государства в целом, препятствующее социально-экономическому развитию государства и способствующее нарушению прав и законных интересов физических и юридических лиц» [2, с. 33-34]. Также автор даёт определение коррупции в органах внутренних дел «это использование сотрудниками своего статуса (служебных полномочий) в ходе осуществления правоохранительной деятельности, а также деятельности управленческого характера в интересах третьих лиц или групп за материальное или иное вознаграждение». Из вышесказанного следует, что в научной литературе существует множество точек зрения касаемо рассматриваемого понятия, однако отсутствие в законодательстве закрепления единого определения дефиниции «коррупция» создаёт риски неоднозначности при квалификации деяний и препятствует формированию целостной системы противодействия.

Таким образом, в научной литературе прослеживается стремление к конкретизации понятия «коррупция» через систематизацию её ключевых признаков. Ученые, такие как Д. В. Горбунов и И. С. Горбанев, в своих определениях «коррупции» подчеркнули, что её сущность раскрывается через злоупотребление доверием и служебным положением, что подчёркивает её разрушительный характер для общества и преследование незаконной выгоды. Особую опасность представляет коррупция в органах внутренних дел, где её специфика обусловлена прямым злоупотреблением особым правовым статусом и правоохранительными полномочиями сотрудников.

В свою очередь дефиниция «коррупционное правонарушение» представляет собой более широкое понятие, охватывающее не только преступления, но и административные правонарушения, и дисциплинарные проступки коррупционной направленности. По мнению И. А. Платонова «коррупционные правонарушения – это деяния, которые полностью удовлетворяют установленному законодательством составу коррупционного преступления. Согласно Федеральному закону «О противодействии коррупции» (№ 273-ФЗ), к таким деяниям относятся умышленные действия или бездействие должностных лиц, сопровождающиеся злоупотреблением служебным положением с целью получения незаконной выгоды – будь то денежные средства, ценности, иное имущество или имущественные права – в ущерб законным интересам государства, общества и граждан» [7, с. 2-3]. В свою очередь К. В. Петрова выделяет «основные характеристики коррупционных правонарушений: корыстный мотив, наличие прямого или косвенного умысла и тесная связь деяния с исполнением служебных обязанностей» [6, с. 235]. Таким образом, понятие «коррупционное правонарушение» активно рассматривается в научной литературе, однако, как подчеркнула М. А. Сережкина,

в Российской Федерации отсутствует законодательное определение данной дефиниции. В настоящее время во многих нормативных правовых актах содержится и употребляется понятие «коррупционное правонарушение», в частности:

– ст. 13 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» содержит формулировку: «граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений…» [9];

– ч. 1 ст. 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 45-ФЗ содержит положение о том, что «бюджет Пенсионного фонда РФ пополняется, в том числе, за счет обращения в его пользу конфискованных денежных средств, а также денежных средств, вырученных от продажи конфискованного имущества, полученных в связи с совершением коррупционного правонарушения» [1].

По мнению М. А. Сережкиной на сегодняшний день законодательное закрепление понятия «коррупционное правонарушение» необходимо для единообразного определения противоправного деяния, влекущего конкретные последствия [8, с. 125].

Проблема законодательного закрепления определения «коррупционное правонарушение» становилось предметом нескольких законодательных инициатив. Попытка внести поправку в Федеральный закон «О противодействии коррупции» в части определения «коррупционного правонарушения» осуществлялась в 2019 году членом Совета Федерации А. И. Александровым. Им был внесён законопроект в Государственную Думу о введении определения рассматриваемому понятию. Под коррупционным правонарушением он предлагал определять «деяние (действие или бездействие), обладающее признаками коррупции, за которое законодательством Российской Федерации установлена уголовная, административная, гражданско-правовая или дисциплинарная ответственность» [5]. Однако данная формулировка была признана некорректной из-за использования термина «признаки коррупции», который легально в российском законодательстве не закреплён. Вследствие чего законопроект был отозван в 2020 году. Далее в 2021 году более проработанная инициатива исходила от Министерства юстиции Российской Федерации, которым предлагалось закрепить определение, прямо ссылающееся на составы правонарушений, перечисленные в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» [9]. Согласно предложению Минюста России, «коррупционным правонарушением» необходимо признать деяние (действие или бездействие), которое предусмотрено п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», «и (или) выразившееся в несоблюдении ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных настоящим федеральным законом и другими федеральными законами, регулирующими правоотношения в сфере противодействия коррупции» [4]. Речь идёт о правонарушении, за которое российским законодательством предусмотрена уголовная, административная, гражданско-правовая, дисциплинарная и иная ответственность. Однако, несмотря на прохождение общественного обсуждения весной 2021 года, данный законопроект так и не был внесён

на рассмотрение в Государственную Думу, что оставило данный вопрос без законодательного решения. Необходимость законодательного определения и закрепления понятия «коррупционное правонарушение» не потеряла своей актуальности по вышеизложенным причинам и по сей день.

Стоит отметить, что не всякое деяние является правонарушением. Только определившись с сущностью понятия «правонарушение», возможно ответить на вопрос, что же такое «коррупционное правонарушение» и определить его признаки. По мнению М. А. Сережкиной характерными для правонарушения признаками являются: наличие деяния, противоправность, общественная опасность, виновность, деликтоспособность совершившего правонарушение субъекта, наказуемость [8, с. 126]. На основании указанных признаков правонарушения и с учётом выявленной информации, содержащейся в научной литературе, можно сформулировать авторское определение понятия «коррупционное правонарушение» - это виновное, противоправное, общественно опасное, законодательно наказуемое деяние (действие или бездействие), совершённое деликтоспособным лицом, которое выражается в несоблюдении установленных законодательством ограничений, запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, а также в неисполнении обязанностей, направленных на противодействие коррупции.

Таким образом, анализ научных подходов и законодательных инициатив позволяет констатировать, что понятие «коррупция» и «коррупционное правонарушение», несмотря на их широкое использование в нормативных правовых актах, до сих пор не имеют легального и общепризнанного определения. А неудачные попытки законодательного закрепления термина «коррупционное правонарушение» лишь подчёркивают сложность и актуальность данной проблемы, решение которой необходимо для формирования единообразной правоприменительной практики и повышения эффективности антикоррупционной политики.

Список литературы:

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 1998 г., № 31, ст. 3823.

2. Горбанев И. С. МВД России в системе противодействия коррупции / И. С. Горбанев // Современные исследования высшей школы: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 27 декабря 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 32-36.

3. Горбунов Д. В. К вопросу о понятии коррупции в современном практическом значении // Образование и право. 2025. № 1. С. 80-84.

4. Минюст России предложил законодательно определить понятие коррупционного правонарушения / [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ информационно-правовой портал: [сайт]. – URL: https://www.garant.ru/news/1447896/ (дата обращения: 31.10.2025).

5. Определение коррупционного правонарушения может появиться в российском законодательстве / [Электронный ресурс] // Адвокатская газета: [сайт]. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/opredelenie-korruptsionnogo-pravonarusheniya-mozhet-poyavitsya-v-rossiyskom-zakonodatelstve/ (дата обращения: 31.10.2025).

6. Петрова К. В. Проблемы разграничения понятий «коррупционное преступление» и «преступление коррупционной направленности» / К.В. Петрова. Молодой учёный. 2020. № 42 (332). С. 235-237.

7. Платонов И. А. Сравнительный анализ понятий и признаков коррупционного правонарушения и правонарушения коррупционной направленности в сфере военной службы // Научный журнал. 2025. №3 (74). С. 1-4.

8. Сережкина М. А. Определение понятия «коррупционное правонарушение» в российском законодательстве // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. №2 (14). С. 124-129.

9. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2008 г., № 52 (ч. 1), ст. 6228.

© Ненашева Л.С., 2025

Никуленко Андрей Вячеславович,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОЯВЛЕНИЯМ КОРРУПЦИИ

Аннотация: в статье подвергается критическому анализу современная уголовная политика России, демонстрирующая парадоксальное снижение регистрируемой преступности на фоне обострения социальных антагонизмов и падения профессионального уровня правоохранительной системы. Автор утверждает, что в таковых необходимо задействовать неиспользуемый потенциал институтов, исключающих преступность деяния. Центральное место в исследовании занимает проблема «провокации обороны» — концепции, традиционно отрицаемой в отечественной и зарубежной доктрине.

Ключевые слова: необходимая оборона, провокация преступления, правомерная провокация, обстоятельства, исключающие преступность деяния, противодействие преступности, уголовная политика, оперативно-розыскная деятельность, судебная практика, ЕСПЧ.

Современная криминологическая и уголовно-политическая ситуация в России характеризуется глубоким, злокачественным своеобразием. С одной стороны, мы наблюдаем беспрецедентное усиление социальных антагонизмов, катализатором которых выступает чудовищное по своим масштабам социально-экономическое неравенство. По данным, представленным профессором Я.И. Гилинским, еще в 2015 году Российская Федерация заняла первое место в мире по неравенству распределения богатств: 1% населения контролировал 74,5% национальных активов. Последующие годы, несмотря на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру, лишь усугубили эту тенденцию. Сверхдоходы от экспорта природных ресурсов не инвестируются в развитие человеческого капитала — образование, здравоохранение, науку, — а омертвляются в золотовалютных резервах, которые, как показывает практика, становятся легкой добычей для организованных «экономических хищников» и оседают в юрисдикциях, проводящих откровенно враждебную политику в отношении России.

Согласно фундаментальным законам криминологии, открытым еще в XIX веке, такой уровень социального расслоения и несправедливости неизбежно должен приводить к экспоненциальному росту преступности. Однако официальная статистика МВД России на протяжении многих лет демонстрирует обратную, парадоксальную картину — неуклонное снижение регистрируемых преступлений.

Некоторые исследователи, включая упомянутого Я.И. Гилинского, склонны объяснять этот феномен общемировыми трендами, связанными с «виртуализацией» криминальной активности. Мы же придерживаемся более

прагматичного и, на наш взгляд, реалистичного объяснения. Этот статистический парадокс — не что иное, как следствие системного кризиса государственной машины противодействия преступности. Мы наблюдаем процесс «денационализации» борьбы с криминалом [1, с. 12-22] — государство фактически самоустраняется от выполнения своей ключевой функции. Этот процесс обусловлен комплексом факторов: отвлечением колоссальных кадровых и материальных ресурсов на задачи, не связанные с прямой защитой граждан (охрана массовых мероприятий, подавление политической оппозиции), а также катастрофическим падением профессионального уровня сотрудников оперативных, следственных, прокурорских и судебных органов.

В этих условиях жизненно необходимой становится мобилизация гражданского общества, привлечение широких слоев населения к активному отпору преступным посягательствам. Однако сложившаяся правоприменительная практика движется в противоположном направлении. Любая гражданская инициатива в сфере самозащиты встречается с недоверием и зачастую приводит к уголовному преследованию самих обороняющихся. Печально, что и в академической среде находятся сторонники дальнейшего ограничения права граждан на необходимую оборону и силовое задержание преступников. Такая позиция превращает законопослушных граждан в «жертвенных овнов», лишенных права на защиту и вынужденных пассивно ожидать своей участи.

Одним из наиболее устойчивых табу в теории необходимой обороны является категорический запрет на «провокацию обороны». Большинство ученых либо избегают этой темы, либо ограничиваются лаконичными постулатами, воспроизводящими тезисы почти вековой давности.

Классическая формулировка принадлежит А.А. Пионтковскому: «Если нападение было сознательно спровоцировано лицом для того, чтобы под видом обороны расправиться с нападающим, то подобные действия нужно рассматривать не по правилам о необходимой обороне, а на общих основаниях». Этот тезис, по сути, без изменений кочует из одного учебника в другой, находя отражение и в работах современных китайских правоведов, и в трудах такого авторитетного специалиста, как Э.Ф. Побегайло.

Законодательно запрет на провокацию обороны в России не закреплен. Однако он имплицитно присутствует в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. № 19, который гласит, что не признается находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, спровоцировавшее нападение как повод для совершения противоправных действий. В законодательстве ряда зарубежных стран (Узбекистан, Испания, США (Пенсильвания) и многих стран Латинской Америки) этот запрет сформулирован прямо, обусловливая право на оборону отсутствием провокации со стороны самого защищающегося.

Традиционная доктрина, безусловно, права, когда речь идет о злонамеренной провокации — искусственном создании ситуации для сведения счетов под предлогом самозащиты. Однако сводить всю проблему провокации исключительно к этому аспекту — значит игнорировать сложную диалектику борьбы с преступностью. Мы утверждаем, что существует и другая сторона этого явления — правомерная, тактически оправданная провокация.

Право на осуществление правомерной провокации, в первую очередь, должно принадлежать подготовленным сотрудникам правоохранительных органов. Вопреки мнению некоторых ученых, отрицающих возможность любых «наступательных» действий со стороны полиции, реальная оперативная практика и даже ведомственные нормативы свидетельствуют об обратном.

Например, пункты 266 и 267 Устава ППСП прямо рекомендуют использовать «отвлекающие предлоги» при задержании, не сообщая истинных оснований, чтобы избежать сопротивления. Патрульному предписывается быть готовым к отражению нападения при проверке документов. Это не что иное, как элементы тактической провокации, направленной на выявление истинных намерений подозреваемого и создание безопасных условий для его нейтрализации.

Широко известна и практика «ловли на живца», когда сотрудник полиции (например, женщина-оперативник при расследовании серии изнасилований) играет роль потенциальной жертвы, чтобы спровоцировать преступника на активные действия и задержать его с поличным. В этих ситуациях сотрудники сознательно обостряют ситуацию, чтобы заставить латентного, осторожного преступника «идентифицировать» себя.

Профессор В.И. Михайлов справедливо отмечает, что условия правомерности причинения вреда для лиц со специальным статусом (военнослужащие, сотрудники ОВД) определяются не только общими нормами УК РФ, но и ведомственными актами. Ст. 210 и 211 Устава гарнизонной, комендантской и караульной служб ВС РФ предоставляют часовому право применять оружие без предупреждения при явном нападении и даже по бегущему нарушителю. Верховный Суд РФ подтвердил этот особый статус, указав на необходимость руководствоваться специальными законами и уставами при оценке действий таких лиц.

Удивительно, однако, что В.И. Михайлов, констатируя этот факт, не делает выводов о порочности такого подхода, который создает параллельную систему правового регулирования. Более того, он приходит к неверному, на наш взгляд, заключению, что ст. 37 УК РФ определяет правила обороны только для лиц, действующих в «частном качестве». Такая трактовка искусственно сужает сферу действия конституционного права на самозащиту и лишь легитимизирует пассивность правоохранителей.

Наиболее остро проблема провокации проявляется в делах о взяточничестве. ЕСПЧ в ряде решений (*«Ваньян против Российской Федерации»* и др.) сформулировал жесткий запрет на полицейскую провокацию, которая определяется как воздействие на лицо с целью склонить его к совершению преступления, которое без такого вмешательства не было бы совершено. Верховный Суд РФ в п. 34 Постановления Пленума № 24 от 09.07.2013 г. фактически имплементировал эту позицию, указав, что получение взятки в результате провокации не образует состава преступления.

Профессор П.С. Яни пришел к парадоксальному выводу, что ВС РФ и ЕСПЧ таким образом ввели в российское право новое, неписаное обстоятельство, исключающее преступность деяния — но не для провокатора, а для спровоцированного взяточника.

Мы считаем такой подход глубоко ошибочным по нескольким причинам:

1. Нарушение принципа разделения властей: Ни ВС РФ, ни тем более ЕСПЧ не вправе создавать нормы материального уголовного права.

2. Подрыв института соучастия: Если подстрекательство со стороны полицейского освобождает от ответственности исполнителя (взяточника), то по этой логике следует освобождать от ответственности и исполнителя убийства, если его подстрекал агент под прикрытием. Это юридический абсурд.

3. Игнорирование криминологической реальности: Позиция ЕСПЧ исходит из наивного предположения, что у чиновника нет изначального умысла на получение взятки. На практике же системный коррупционер всегда имеет латентный умысел, и задача ОРМ — лишь создать условия для его проявления и фиксации.

В этой связи принципиальное значение имеет позиция Конституционного Суда РФ, который подтвердил верховенство Конституции над решениями ЕСПЧ, что дает правовую основу для отказа от слепого копирования юридически порочных и, по нашему мнению, русофобских доктрин.

4. Легализация правомерной провокации: пути реформирования

Выход из сложившегося правового тупика мы видим в легализации института «правомерной провокации». Этот термин, возможно, неблагозвучен для кабинетного ученого, но он точно отражает суть явления. Его цель — не создание преступления, а создание контролируемых условий для изобличения лица с уже сформировавшимся преступным умыслом, когда иные методы неэффективны.

Приведем примеры из современной практики, требующие легализации провокации:

- «Телефонный терроризм»: Волна массовых эвакуаций в 2017 году (впрочем, продолжающаяся до сих пор, но с меньшим масштабом), организованная звонками с использованием IP-телефонии из-за рубежа, продемонстрировала беспомощность правоохранительных органов. Утверждения о невозможности противодействия из-за трансграничного характера преступлений являются несостоятельными. Толкование ст. 12 УК РФ позволяет применять силовые меры, включая необходимую оборону, в отношении преступников, находящихся за пределами РФ. Речь может идти не только о физической ликвидации (в случае принадлежности к террористическим организациям), но и о выводе из строя оборудования, блокировке счетов, похищении и доставке в органы правосудия — практика, широко применяемая США и Израилем.
- Борьба с карманными кражами: Успешная работа оперативников по задержанию «с поличным» искусных воров-карманников («щипачей») практически всегда сопряжена с элементами провокации — созданием ситуации, удобной для совершения кражи, под контролем оперативной группы.
- Деятельность гражданских активистов: Движение «СтопХам», несмотря на спорные методы, эффективно использует публичную провокацию для выявления и социального порицания агрессивных нарушителей ПДД.

Для легализации правомерной провокации и устранения существующих противоречий мы предлагаем:

1. Дополнить статью 37 УК РФ частью 2^2 следующего содержания:

«Провокация посягательства не порождает состояния необходимой обороны, за исключением случаев, когда она выразилась в правомерных действиях, в том числе предусмотренных статьей 39[1] настоящего Кодекса».

2. Ввести в главу 8 УК РФ новую статью 39[1] «Правомерная провокация»:

«Статья 39.1. Правомерная провокация

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате правомерной провокации для изобличения виновного в совершении преступления и пресечения возможности совершения им новых общественно опасных деяний, если иными средствами изобличить такое лицо (лиц) в данной ситуации не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

2. Превышением мер, необходимых для правомерной провокации, признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности совершаемого провоцируемым лицом деяния и его личности. При оценке правомерности причинения вреда также учитываются способы уклонения провоцируемого лица от ответственности и разумная необходимость в причинении вреда для достижения целей провокации.

3. Превышение мер, необходимых для правомерной провокации, влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

4. Положения настоящей статьи в полной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки либо служебного положения. В случае противоречия норм других законодательных актов применяются положения настоящей статьи».

Современная криминальная реальность требует отхода от догматических, устаревших представлений о методах борьбы с преступностью. Пассивная, «оборонительная» позиция государства ведет к его поражению в войне с криминалом. Легализация правомерной провокационной деятельности, как в рамках необходимой обороны, так и в качестве самостоятельного института, способна стать мощным инструментом в руках правоохранительных органов и активных граждан, переломить ситуацию и вернуть государству монополию на насилие в целях защиты правопорядка.

Список литературы:

1. Милюков С.Ф. Денационализация борьбы с преступностью в России (на примере капитуляции перед хулиганством) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 12-22.

2. Яни П.С. Провокационно-подстрекательская деятельность как обстоятельство, исключающее ответственность за взяточничество // Энциклопедия уголовного права. Т. 27. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. СПб.: Издание проф. Малинина. МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2017. С. 1127.

3. Пионтковский А.А. Необходимая оборона // Уголовное право. Общая часть: Учебник. – М.: Юрид. изд-во НКЮСССР, 1938.

4. Хуайчжи Чу. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно правовое исследование / Под ред. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.

5. Побегайло Э.Ф. Необходимая оборона // Энциклопедия уголовного права. Т. 7. 2-е изд. СПб.: Изд.-во проф. Малинина, 2014.

6. Уголовный кодекс Испании / под ред. и предисл.: Кузнецова Н. Ф., Решетников Ф. М.; перевод с исп. Зырянова В. П., Шнайдер Л. Г. М.: Зерцало, 1998.

7. Кадников Н.Г., Дмитренко А.П., Русскевич Е.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. М., 2015. – 990с.

8. Михайлов В.И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: основной уголовно-правовой анализ // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10-и тт. Том X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 2016. – С. 66-260.

© Никуленко А.В., 2025

Павлик Елизавета Михайловна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ СТАНДАРТ ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД: НОРМАТИВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация*:* в статье раскрываются аспекты, связанные с регулированием антикоррупционного поведения среди сотрудников органов внутренних дел. Антикоррупционный стандарт поведения сотрудников ОВД является одним из элементов системы предупреждения коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционный стандарт поведения сотрудников ОВД, коррупция, противодействие коррупции, преступления коррупционной направленности.

Сотрудники органов внутренних дел, согласно нормативным правовым актам, являются субъектами профилактики преступлений коррупционной направленности. Ввиду того, что на сотрудников органов внутренних дел возложены властные полномочия по регулированию правовых вопросов, то нередко сами допускают нарушения коррупционного характера, в том числе – совершают преступления в данной сфере. Среди различных правоохранительных органов в отношении сотрудников органов внутренних дел наиболее часто регистрируются преступления коррупционной направленности, во-первых, это связано с большой численностью сотрудников органов внутренних дел, во-вторых, сотрудники органов внутренних дел наиболее тесно общаются с гражданами.

Рассматривая следственно-судебную практику преступлений коррупционной направленности, можно увидеть актуальность и важность данной проблемы. За прошедший 2024 год в России было зарегистрировано 38503 дел коррупционной направленности. Наиболее распространенным составом является «взяточничество», на 2024 год, согласно статистике, было выявлено 23240 преступлений по ст. 290, 291 Уголовного Кодекса Российской Федерации. При этом стоит отметить, что показатели раскрываемости данных преступлений улучшаются. За 2021 год раскрываемость составила 97,8%, а в 2024 году – уже 98,5%. Это связано не только с интенсивной работой органов предварительного расследования, но и с мерами, принимаемыми государственными органами, в области противодействия коррупции.

Одним из направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции [1] является введение антикоррупционных стандартов, то есть установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области.

Выработка единого образца поведения антикоррупционного содержания для сотрудника органа внутренних дел позволит предупредить совершение кор-

рупционных проступков, снизить вероятность их совершения, оказать информационное содействие сотруднику органа внутренних дел при использовании алгоритма поведения в случае установления факта коррупционного действия в отношении сотрудника органа внутренних дел. Введение антикоррупционных стандартов, то есть установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечит предупреждение коррупции в данной области.

Одной из причин совершения коррупции является отсутствие систематического и действенного контроля за сотрудниками. Поэтому, эффективность воздействия антикоррупционных мер зависит от руководителя. Для этого необходимо проводить информационно-пропагандистскую работу, работу по укреплению служебной дисциплины и законности [3]. В целях совершенствования системы информационно-правового обеспечения деятельности полиции необходима координация и взаимодействие на постоянной основе с целью организации проведения комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня правосознания и правовой культуры сотрудников органов внутренних дел и различных категорий граждан с привлечением представителей общественности и СМИ.

Антикоррупционные стандарты предписывают следующие нормы поведения:

– сотрудник должен быть нетерпимым к проявлениям коррупции; [4]

– следует уделять внимание манере своего общения с коллегами, представителями организаций, иными гражданами и, в частности, воздерживаться от поведения, которое может восприниматься окружающими как обещание или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки;

– поведение, которое может восприниматься окружающими как обещание дачи взятки или предложение дачи взятки либо как согласие принять взятку или как просьба о даче взятки, является неприемлемым для государственного служащего, поскольку заставляет усомниться в его объективности и добросовестности, наносит ущерб репутации системы государственного управления в целом;

– одной из основных обязанностей сотрудника ОВД является уведомление в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции, о каждом случае обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционного правонарушения. [2] В ином случае, при сокрытии данного факта, поведение сотрудника будет расцениваться, как грубое нарушение служебной дисциплины сотрудником ОВД.

– Сотрудники, гражданские служащие, работники не вправе получать подарки от физических (юридических) лиц в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, за исключением подарков, полученных в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей. [4]

В системе Министерства внутренних дел Российской Федерации существует управление по работе с личным составом (далее – УРЛС), при котором организована группа по профилактике коррупционных правонарушений. УРЛС осуществляет функции в пределах своей компетенции по профилактике коррупционных правонарушений и проведении мероприятий антикоррупционной направленности. Основная задача данного подразделения - создание у сотрудников нетерпимости к коррупционным проявлениям и повышение эффективности антикоррупционного просвещения.

Таким образом, реализация указанных мероприятий может быть реализована в различных формах (наглядная информация, лекции, презентации), тем самым сможет повлиять на снижение количества преступлений коррупционной направленности среди сотрудников и работников органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;
2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты»;
3. Приказ МВД России от 1 июня 2017 г. №334 «Об утверждении Порядка сообщения в системе МВД России о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением служебных (должностных) обязанностей, его сдачи, оценки и реализации (выкупа)»;
4. Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

© Павлик Е.М., 2025

Павлова Кристина Сергеевна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Павлик Елизавета Михайловна,
доцент *кафедры криминологии*
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ СТРУКТУРАМИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются организационно-правовые основы взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными структурами в сфере противодействия коррупционным правонарушениям в Российской Федерации. Анализируются полномочия прокуратуры, законодательные и нормативные акты, регулирующие координацию и контроль в антикоррупционной деятельности. Уделяется внимание созданию специализированных подразделений, использованию современных технологий контроля, формированию единой информационной системы и повышению квалификации кадров.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, преступность, правоохранительные органы, прокуратура, взаимодействие.

Современное правовое поле определяет широкий спектр полномочий прокуратуры, направленных на предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений, такие как:

1) Защита лиц, сообщающих о фактах коррупции, от преследования и ущемления их прав и законных интересов, оказание им необходимой правовой помощи. Также прокуратура защищает имущественные права граждан, организаций и государства в случае их нарушения в результате совершения коррупционных правонарушений.

2) Мониторинг публикаций средств массовой информации с целью выявления сведений о коррупционных правонарушениях и преступлениях и рассмотрения вопроса об организации по ним проверочных мероприятий.

3) Проверка соблюдения требований, установленных законодательством РФ, в целях противодействия коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

4) Систематическая проверка исполнения законодательства о противодействии коррупции в поднадзорных федеральных органах исполнительной власти, законодательных и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ, органах местного самоуправления, органах военного управления, органах

контроля.

5) Надзор за расследованием уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, в том числе проверка постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям.

6) Участие в судебном рассмотрении наиболее значимых и резонансных уголовных дел при поддержании государственного обвинения по преступлениям коррупционной направленности.

7) Участие в арбитражном, гражданском судопроизводстве по вопросам возмещения ущерба, причиненного коррупцией.

8) Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией.

9) Участие в международном сотрудничестве в области борьбы с коррупцией с международными организациями и антикоррупционными структурами других государств.

Для выполнения данных полномочий требуется эффективное взаимодействие с иными правоохранительными органами [1].

Прокуратура действует на основании Конституции Российской Федерации, Федерального закона №2202-I "О прокуратуре Российской Федерации" от 17 января 1992 года и иных нормативных актов [2] [3].

Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» предусматривает координацию работы прокуратуры с МВД, ФСБ, таможенными органами и другими структурами по вопросам борьбы с коррупцией [4].

С 2007 года в системе органов прокуратуры Российской Федерации появились специализированные подразделения по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции (СППК).

В Генеральной прокуратуре РФ образовано управление по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции. Аналогичные подразделения созданы в прокуратурах субъектов РФ и приравненных к ним специализированных прокуратурах.

Стоит упомянуть, что эффективность борьбы с коррупцией зависит от согласованности действий и оперативного обмена информацией между субъектами взаимодействия. Прокуратура осуществляет надзор за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью следственных и оперативных подразделений, координирует их усилия при расследовании коррупционных преступлений. Особое значение имеет обмен опытом, проведение совместных обучающих мероприятий, а также ответственность сторон за выявленные нарушения.

Несмотря на законодательное закрепление в законах полномочий прокуратуры и развитие межведомственного взаимодействия, остаются проблемы, связанные с недостаточной прозрачностью процедур, несовершенством правового регулирования в отдельных аспектах и необходимостью усиления цифровизации процессов.

Необходимо расширение полномочий прокуратуры, осуществляющееся через укрепление надзорных функций, включая полномочия по антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов, контроля за исполнением запретов

и ограничений на государственной службе, а также ведение мониторинга СМИ и общественных источников на предмет выявления коррупционных проявлений. Немаловажным решением указанных проблем является внедрение новых технологий контроля реализуется через создание электронных систем мониторинга и анализа информации о доходах и расходах государственных служащих, использование цифровых баз данных и автоматизированных инструментов для выявления коррупционных схем. Также формирование единой информационной системы предполагающую интеграцию данных с подразделениями МВД, ФСБ, Следственного комитета и другими структурными органами обеспечит централизованный доступ к информации о коррупционных рисках и позволяет координировать усилия при расследовании и предупреждении преступлений.

Повышение квалификации кадров, который достигается посредством регулярного обучения сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов в области антикоррупционного законодательства, современных методов расследования и анализа финансовых потоков. Это повысит эффективность предупреждения и расследования коррупционных правонарушений, что является одной из приоритетных задач государственной политики.

Список литературы:

1. Приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581 (ред. от 07.07.2025) "Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции" // СПС КонсультантПлюс.

2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

3. Федеральный закон №2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О противодействии коррупции" // СПС КонсультантПлюс.

© Павлова К.С., 2025

Пак Виктор Александрович,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Шахматов Александр Владимирович,
профессор кафедры ОРД
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, В ТОМ ЧИСЛЕ В СФЕРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация: сформулирована система свойств, признаков и способов совершения коррупционных преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств, в том числе, выделяемых на нужды оборонно-промышленного комплекса. Наложение указанных свойств, признаков и способов дает возможность эффективного решения оперативно-тактических задач по предупреждению, выявлению и раскрытию коррупционных преступлений, определяет примерный алгоритм и порядок работы оперативных подразделений.

Ключевые слова: хищение бюджетных денежных средств; оборонно-промышленный комплекс; оперативно-розыскная деятельность; способ совершения преступления; коррупционные преступления, оперативно-розыскная характеристика.

Оперативно-розыскная характеристика определённых видов преступлений играет большую роль в выстраивании эффективной системы противодействия преступности. При этом, важно понимать, что представляет собой такое понятие как «оперативно-розыскная характеристика».

Определение дефиниции «оперативно-розыскная характеристика преступления» в своих работах приводит Б.В. Борин, представляя ее как научно разработанную систему обобщенных данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступлений, отражающих качественные стороны преступления, знание которых является теоретической и информационной базой для разработки основных тактических и методических приемов выявления и раскрытия преступлений [1, С.204].

По мнению А.М. Абрамова, И.А. Климова, в содержание оперативно-розыскной характеристики конкретного вида преступлений, подчеркивающее прежде всего ее негласный характер, входят информационные признаки, которые составляют характеристики преступлений с позиции иных отраслей знаний: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, криминалистической, криминологической, психологической, социологической, экономической и др. [2, С. 83].

В.Ю. Ларичев к основным элементам оперативно-розыскной характеристики экономических преступлений относит: способ совершения преступлений; признаки преступлений, характеризующие установленные способы; наиболее типичный перечень документов, наиболее часто подделываемых, исправляемых, незаконно выдаваемых; перечень документов, оборудования, механизмов, на которых имеются следы преступления; перечень лиц, осведомленных о противоправных действиях преступника, лиц возможно причастных к преступлению, данные о них, их должностном положении, взаимоотношениях между членами преступной группы, а также с другими лицами; другие данные, характеризующие противоправные деяния.[3, С.184].

При этом, А.Е. Ступницкий считает, что оперативно-розыскная характеристика должна содержать в себе общую информационную модель, позволяющую оперативному работнику на ее основе определить наиболее типичные источники информации о том или ином виде преступления, а также вероятные места их нахождения [4, С.18].

Таким образом, ученые приводят схожие определения для данного понятия, что позволяет сделать вывод о том, что для оперативно-розыскной характеристики определенного вида преступлений характерно наличие типизированных сведений о способах, механизмах совершения преступления, способах следообразования и типичных приемах сокрытия следов преступления, а также сведения о личности вероятного преступника. Стоит отметить, что понимание совокупности данных признаков должно способствовать эффективной организации выявления и пресечения преступлений определенного типа с использованием тактики и приемов оперативно-розыскной деятельности.

Переходя к оперативно-розыскной характеристике коррупционных преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств, в том числе в сфере оборонно-промышленного комплекса, стоит отметить, что на формирование системы характерных признаков в данном случает большое влияние оказывают следующие понятия: коррупционное преступление и оборонно – промышленный комплекс.

Коррупционные схемы проникают в различные отрасли экономики, социальные направления, в том числе и сферу оборонно-промышленного комплекса. Поскольку коррупция признана одной из современных угроз национальной безопасности страны, в научном сообществе было сформулировано определение системы мер противодействия данному явлению на государственном уровне. Так, уголовную антикоррупционную политику, необходимо рассматривать как систему политико-правовых отношений, идей, взглядов, принципов, закрепленных в соответствующих директивно-политических документах и нормативных правовых актах, реализующихся в определенных направлениях, формах, средствах и способах деятельности по вопросам противодействия коррупции в сфере осуществления государственной власти, местного самоуправления и негосударственных (корпоративных) интересов [5, С.17].

Оперативно-розыскная характеристика коррупционных преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств, в том числе в сфере оборонно-промышленного комплекса отличается особыми способами совершения

преступлений и сокрытия следов преступлений. Как правило, используются сложные схемы с участием аффилированных должностных лиц или компаний, посредством которых происходит завышение контрактных цен, а также осуществляются злоупотребления при совершении государственных закупок. Преступления, совершаемые при проведении государственных закупок Ш.М. Шурпаевым в своей научной работе определяются как общественно опасные деяния, совершенные умышленно должностными лицами, государственными, муниципальными и иными публичными служащими, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего должностного (служебного) положения при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, преследующими цель извлечения имущественной или неимущественной выгоды в своих интересах или в интересах других лиц, а также подкуп или незаконное вознаграждение указанных лиц [6, С.100-101].

Исходя из данного определения, а также учитывая, что совершение коррупционных преступлений при хищении бюджетных денежных средств, выделяемых на нужды оборонно-промышленного комплекса, так или иначе связаны с проведением государственных закупок, можно выделить следующий специфичный элемент оперативно-розыскной характеристики указанного вида преступлений, а именно субъектный состав. Как правило, субъектами совершения данных преступлений являются высокопоставленные чиновники, руководители государственных корпораций и предприятий оборонно-промышленного комплекса, аффилированные с ними предприниматели.

То есть, характерным элементом для оперативно-розыскной характеристики указанных преступлений является наличие должностного лица, обладающего распорядительными функциями в сфере выделения бюджетных денежных средств, которое в силу коррупционных проявлений способствует благоприятному разрешению вопроса, либо препятствует ему. Нередко указанное должностное лицо является представителем органов государственной власти, либо местного самоуправления, для которого совершение коррупционного преступления зачастую сопряжено с совершением преступлений против интересов государственной службы. Уголовная политика в сфере противодействия преступлениям против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления представляет собой деятельность государства по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений, посягающих на нормальное функционирование службы [7, С.176].

Стоит отметить, что специфичной особенностью субъектной характеристики данного вида преступлений является их совершение в составе организованных преступных групп. Коррупционные преступления в системе свойств и информационных признаков отличаются от других видов преступлений стремительным развитием и обретением разнообразных преступных связей между субъектами преступлений. Коррупция довольно быстро приобретает организованные формы. Коррупция в бюджетный сфере, равно как и коррупция в сфере оборонно-промышленного комплекса на является исключением. При совершении преступлений организованными группами в сфере экономики

оперативно-розыскная характеристика обязательно включает такой элемент, как структура и особенности преступной группы (организации), который описывает распределение ролей, наличие коррупционных связей, систему конспирации и защиты от контроля, что является ключевым для выбора тактики оперативной разработки.

Следующим показателем оперативно-розыскной характеристики коррупционных преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств, в том числе в сфере оборонно-промышленного комплекса является высокий уровень латентности указанных преступлений. Данный факт обусловлен тем, что сфера оборонно- промышленного комплекса напрямую связана со сведениями, составляющими государственную тайну. Таким образом, должностные лица, в чью компетенцию входит обращение с указанными сведениями, а также организация распределения выделяемого бюджетного финансирования, использую свое должностное положение потенциально могут оказывать давление на подчиненных, а также препятствовать проведению проверочных мероприятий.

Высокая латентность хищений бюджетных денежных средств в оборонно-промышленном комплексе обусловлена не только сложностью применяемых финансово-хозяйственных схем, но и корпоративной замкнутостью, режимом секретности, что создает благоприятные условия для сокрытия противоправных действий и затрудняет доступ оперативных и контрольных органов к информации.

Значительный многоуровневый ущерб является еще одним элементом оперативно-розыскной характеристики указанного вида преступлений. Ущерб от коррупционных преступлений в бюджетной сфере носит комплексный характер. Прямой ущерб наносится бюджетной сфере, за счет увеличения расходов, а иногда, снижения доходов. Но косвенно страдают и иные субъекты, с чем полностью согласен Б.В. Борин, который к жертвам таких преступлений относит как сами учреждения, так и весь народ Российской Федерации, поскольку бюджетные структуры призваны, прежде всего оказывать те или иные услуги именно ему [8, С.165]. Помимо прочего, подрывается обороноспособность страны, тормозится технологическое развитие, подрывается авторитет как государственных органов, так и государственной власти.

Таким образом, коррупция в оборонно-промышленном комплексе представляет собой не просто единичные правонарушения, а систему отношений, подрывающую обороноспособность и национальную безопасность государства. Ее последствия многократно опаснее, чем в других отраслях, так как ведут не только к прямому экономическому ущербу, но и к ослаблению военного потенциала страны.

Правоприменительной практике известны факты получения руководителями федеральных учреждений взяток за способствование заключению государственных контрактов на выгодных условиях и обеспечение победы в аукционных процедурах. Вследствие чего заключались государственные контракты с завышением цен на поставляемые товары относительно рыночных цен. Выявление и противодействие такого рода преступлений невозможно без знания оперативно-розыскной характеристики преступлений, позволяющей выработать

наиболее эффективную тактику оперативного перекрытия потенциально девиантных фактов.

Итак, оперативно-розыскная характеристика коррупционных преступлений, связанных с хищением бюджетных денежных средств, в том числе в сфере оборонно-промышленного комплекса является значимым элементом в комплексе превентивных мер противодействия указанным видам преступлений. К отличительным чертам характеристики можно отнести: особые способы совершения и сокрытия преступлений, маскирующиеся под законную деятельность в условиях секретности и сложности технологических процессов; специфический субъектный состав, включающий в себя должностных лиц, в организационно-распорядительные функции которых входит распределение бюджетных денежных средств; высокий уровень латентности; значительный многоуровневый ущерб. Выявление данных преступлений требует от правоохранительных органов сочетания традиционных оперативно-розыскных мероприятий, финансово-экономического анализа и использования специальных познаний в области военно-технической экспертизы.

Список литературы:

1. Борин Б.В. Понятие, определение и значение оперативно-розыскной характеристики преступлений экономической направленности // Пробелы в российском законодательстве.2014. № 1, 2014. С. 202-205.

2. Абрамов А.М., Климов И.А. К вопросу о содержании оперативно-розыскной характеристики вида преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступностью и проблемы ее преподавания: сб. науч. тр. М., 1996. 235 с.

3. Ларичев В.Д. Содержание оперативно-розыскной характеристики преступлений в сфере экономики // Общество и право. 2013. № 2 (44), С. 179-187.

4. Ступницкий А.Е. Проблемные вопросы содержания оперативно-розыскной характеристики преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. №4. С. 16-24

5. Ищук Я.Г., Мартыненко Н.Э., Аносов А.В., Смольянинов Е.С. Организация противодействия коррупции: учебное пособие / под. общ. ред. В.Ф. Цепелева. – М.: Академия управления МВД России. 2020. 98 с.

6. Шурпаев Ш.М. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений коррупционной направленности в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. 297с.

7. Ташкинов А.В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. №8. С. 175-179.

8. Борин Б.В. Реализация уголовной политики в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (уголовно-правовой и криминалистические аспекты) / Б.В. Борин // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 7 (13). С. 162-166.

© Пак В.А., 2025

Петренко Радмила Анатольевна,
курсант факультета очного обучения
Ростовского юридического института МВД России

Научный руководитель:
Корчагина Ксения Александровна,
доцент кафедры административного права
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

КОРРУПЦИЯ И ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация: в данной статье освещены ключевые направления рассматриваемой тематики, которые помогут глубже понять влияние коррупции на функционирование и развитие правового порядка. В работе проанализированы последствия коррупции, в частности, подрыв доверия к государственным институтам, снижение уровня правосознания граждан и воспрепятствование формированию стабильной правовой системы. Также уделено некоторое внимание экономическим последствиям коррупции, которые тормозят развитие конкуренции, затрудняют экономическое развитие и способствуют росту социальной напряженности. Вместе с тем, рассмотрены существующие механизмы, направленные на противодействие коррупции, а также осуществлена оценка их эффективности. Автором отмечено, что борьба с коррупцией требует комплексного подхода, включающего как правовые, так и административные меры.

Ключевые слова: коррупция, нарушение норм права, правовой порядок, противодействие коррупции.

Коррупция, проявляющаяся в различных формах, существенно подрывает правовой порядок в обществе, ведет к разрушительным социальным, нравственно-этическим последствиям, регрессу демократических институтов, что в свою очередь вызывает дестабилизацию государственного аппарата. Снижение уровня социального доверия, дискредитация государственной власти в глазах граждан, подрыв патриотизма, угроза перспективам развития правового общества – возможные последствия коррупционных проявлений, что является недопустимым [1]. Когда граждане начинают видеть примеры безнаказанности коррупционеров среди представителей государственной власти, это приводит к снижению доверия к государственным институтам и вызывает чувство несправедливости. Таким образом, подобные правонарушения не только негативно сказываются на функциях органов власти, но и формируют у населения правовой нигилизм. Фактически, коррупция создает условия, при которых закон перестает быть универсальным инструментом обеспечения прав и свобод граждан [2].

Организация эффективной работы по искоренению коррупционных проявлений, формирования антикоррупционной модели поведения государственных

служащих – одно из приоритетных направлений, обозначенных государством. Актуальность данного вопроса была подчеркнута в апреле 2024 года на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России, где В.В. Путин отметил, что правоохранители должны последовательно продолжать борьбу с коррупцией [3].

Не менее значительными последствиями коррупции является угнетение экономической конкуренции. Коррупционные практики, включая дачу взятки должностным лицам, создают барьеры для честных участников рынка, что мешает развитию предпринимательской деятельности. В результате «более мелкие» субъекты предпринимательской деятельности могут оказаться в невыгодном положении по сравнению с теми, кто использует коррупционные связи для достижения своих целей. Экономическое пространство заполняется неэффективными решениями, являющимися последствиями лоббизма, а экономика в целом развивается медленнее. В связи с чем, Торгово-промышленная палата РФ проводит ежегодные исследования для определения отношения предпринимательского сообщества к коррупции с оформлением доклада о его результатах до 1 февраля каждого года.

Коррупция не просто нарушает принцип законности, она также деформирует правосознание граждан. Привычка к даче и получению взятки создает у людей психологию оправдания подобного поведения, представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, вместе с тем, подрываются морально-нравственные устои в обществе, в результате чего снижается готовность социума к законопослушному поведению, а также к участию в антикоррупционной деятельности.

Антикоррупционное законодательство Российской Федерации является важной составной частью правового порядка и представляет собой систему норм, регулирующих отношения, возникающие в процессе противодействия коррупции на всех уровнях.

В нашем государстве правовую основу противодействия коррупции составляют Конституция РФ, федеральные конституционные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, такие Федеральные законы как «О противодействии коррупции» [4], «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [5] и другие, нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ, иных органов государственной власти и муниципальные правовые акты, направленные на противодействие коррупции.

Россия ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции [6], что не только улучшает методы профилактики и борьбы с коррупцией, делая их более действенными, но и формирует позитивный облик страны как ответственного члена международного сообщества. Она подчеркивает стремление России эффективно бороться с проявлениями коррупции внутри страны и за рубежом.

Структура антикоррупционного законодательства России представляет собой динамичную систему, ориентированную на комплексный подход к решению проблемы коррупции. Она объединяет как внутренние, так и международные элементы, что делает возможным противодействие коррупции в многообразных

ее проявлениях. Антикоррупционное законодательство основывается на комплексном подходе, который не только определяет основные принципы и меры борьбы с коррупцией, но и регулирует вопросы служебного поведения государственных служащих и возникновение конфликта интересов.

Говоря о совершенствовании законодательного регулирования, важно подчеркнуть, что здесь подразумевается не только глубокий анализ действующих норм права и опыта их применения, но и адаптации этих норм к сегодняшним реалиям, включая процессы цифровизации. Цифровые технологии открывают новые возможности для повышения прозрачности действий органов власти. Поэтому необходимо внедрять современные технологические достижения в правоохранительную деятельность, в частности, целях противодействия коррупции.

Активная работа в указанном направлении продолжается, в частности, реализуется Национальный план противодействия коррупции на 2020-2024 г. [7]. За эти годы путем осуществления государственными органами различных мероприятий, предусмотрены такие направления как:

- применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий;

- обеспечение защиты информации ограниченного доступа, полученной при осуществлении деятельности в области противодействия коррупции

- разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий.

В целях повышения эффективности деятельности по профилактике коррупционных и иных правонарушений Указом Президента РФ утверждено Положение о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» [8], которая создана для информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственной власти и др. по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе по проведению с использованием информационно-коммуникационных технологий анализа и проверок соблюдения ограничений, запретов и требований, установленных в целях противодействия коррупции, лицами, на которых распространены такие ограничения, запреты и требования.

Указом Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции», образован Совет при главе государства по противодействию коррупции [9]. Вместе с тем, законодательством в качестве антикоррупционных мер устанавливается уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность.

Практический опыт говорит о том, что наличие хорошего законодательства само по себе не гарантирует победу над коррупцией. Если принятые антикоррупционные меры не получат реального воплощения благодаря действиям правоохранительных структур и поддержке гражданского общества, установленные преграды могут оказаться неэффективными и превратятся лишь в пустые формальности.

Важным аспектом борьбы с коррупцией является реализация профилактических мер, активное вовлечение гражданского общества в процесс борьбы

с коррупцией. Общественный контроль, настойчивость граждан по защите собственных прав могут привести к реальным изменениям в этой сфере.

Таким образом, можно утверждать, что последствия коррупции для правового порядка многообразны и серьезны. От снижения доверия к государственным институтам до нарушения экономического равновесия — каждое из этих последствий требует комплексного подхода к решению проблемы. Необходимы не только законодательные изменения, но и существенное повышение правосознания населения. Важнейшим шагом в этом направлении является повышение правовой грамотности населения. Это может быть достигнуто, например, путем организации различных информационных кампаний и программ по повышению правовой грамотности. Наличие высокого уровня правовой культуры и уважения к закону непосредственно влияет на уровень правопорядка. Образовательные программы, нацеленные на правовое обучение граждан, могут существенно увеличить уровень правового сознания и снизить правовой нигилизм. Так, в 2022 году были разработаны и утверждены типовые дополнительные профессиональные программы в области противодействия коррупции [10]. Деятельность в данном направлении необходимо продолжать и совершенствовать.

В заключении отметим, что коррупция подрывает верховенство закона, доверие граждан к государству и институтам правопорядка, способствуя формированию несправедливого и нестабильного общества. Система мер по противодействию коррупции, может существенно воздействовать на правовой порядок в стране. Важен комплексный подход, который будет учитывать как политические, так и социокультурные аспекты. Эффективные меры по предотвращению и пресечению коррупции, повышение прозрачности и ответственности за коррупционные деяния, формирование антикоррупционной структуры в обществе, являются ключевыми факторами для обеспечения правового порядка и развития страны. Только в рамках координированных действий государства и общества в целом, возможно преодолеть негативные последствия коррупции и создать устойчивый правовой порядок, обеспечивающий защиту прав и свобод граждан.

Список литературы:

1. Корчагина К.А. Коррупция в органах внутренних дел – один из факторов дестабилизации российского общества. Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 107-112.

2. Райгородский В.Л. Ответственность за совершение коррупционных правонарушений//cyberleninka.ru.URL: https: // cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-korruptsionnye-pravonarusheniya/viewer (дата обращения: 18.01.2025).

3. Корчагина К.А. О некоторых вопросах привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации в виде увольнения со службы в связи с утратой доверия. В сборнике: «Правоохранительные органы в системе противодействия коррупции». Материалы межведомственной научно-практической конференции. 2024. С. 122-125.

4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ// URL:http://www.consultant.ru/.

5. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // URL:http://www.consultant.ru/.

6. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // URL:http://www.consultant.ru/.

7. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» //URL: http://www.consultant.ru/.

8. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 (ред. от 26.10.2023) «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон») // URL:http://www.consultant.ru/.

9. Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 (ред. от 25.01.2024) «О мерах по противодействию коррупции» // URL:http://www.consultant.ru/.

10. Приказ Минтруда России от 31.05.2022 № 331н «Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ повышения квалификации в области противодействия коррупции» // URL:http://www.consultant.ru/.

© Петренко Р.А. 2025

Политов Валентин Евгеньевич,
ведущий научный сотрудник 3 отдела
по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения
противодействия преступлениям коррупционной направленности
научно-исследовательского центра № 3
по исследованию проблем противодействия
преступности в сфере экономики ВНИИ МВД России,
кандидат исторических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИНИСТЕРСТВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ - УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы межгосударственного и межведомственного взаимодействия компетентных органов стран Содружества независимых государств, затрагивающего компетенцию МВД России в сфере противодействия транснациональным преступным организациям. Констатируется необходимость заключения соглашения о сотрудничестве министерств внутренних дел объединения в области обеспечения оперативно-розыскной деятельности. Вносятся предложения по совершенствованию нормативной правовой базы и её адаптации в условиях распространения современных форм транснациональной преступности.

Ключевые слова: международное соглашение, Содружество независимых государств, оперативно-розыскная деятельность; транснациональные преступные организации.

Появление новых форм и способов совершения преступлений, зачастую носящих трансграничный характер указывают на необходимость совершенствования уголовной политики Российской Федерации не только в сфере внутригосударственного правового регулирования, но и в области международного сотрудничества.

На наш взгляд, межгосударственное и межведомственное взаимодействие затрагивающее компетенцию МВД России в сфере противодействия транснациональной преступности, прежде всего должно развиваться в рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество).

13 июня 2025 года в Астане состоялось третье Совещание руководителей подразделений криминального блока министерств внутренних дел государств–участников СНГ, организованное МВД Республики Казахстан при координации БКБОП [1].

В ходе мероприятия обсуждались вопросы международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью на территориях государств – участников СНГ и взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности.

По итогам совещания затрагивались аспекты необходимости заключения нового соглашения между Министерствами внутренних дел стран Содружества,

регулирующего вопросы совместного противодействия транснациональной преступности, взамен действующего Соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с организованной преступностью 1994 года (далее – Соглашение) [3].

Безусловно, положения действующего Соглашения не соответствуют сложившимся в настоящее время реалиям и задачам, стоящим перед органами внутренних дел.

В одном из интервью Министр внутренних дел Российской Федерации, генерал полиции Российской Федерации В.А. Колокольцев акцентировал внимание, что органам внутренних дел Российской Федерации в борьбе с преступностью, в том числе носящей трансграничный характер, важно сохранять наступательную стратегию [4].

По нашему мнению, необходимость новации Соглашения обусловлена прежде всего:

- совершенствованием международно-правовой базы;
- формированием нового понятийного аппарата;
- организационно-структурными изменениями органов внутренних дел;
- возможностью сотрудничества компетентных органов стран Содружества с международными организациями и объединениями;
- необходимостью информационно-аналитического и технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

При подготовке нового соглашения в указанной сфере прежде всего должны приниматься во внимание положения Конвенций ООН против транснациональной организованной преступности, принятой в 2000 году [2].

По своей структуре оно может быть рамочным и должно содержать определение преступления, носящего транснациональный характер.

Считаем, что преступлением данной категории может быть признанное всеми сторонами соглашения противоправное деяние в сфере терроризма, экстремизма, киберпреступности, незаконной миграции, коррупции, наркобизнеса, контрабанды, торговли оружием и иных опасных видов преступлений, если оно совершено:

– как минимум в двух государствах Содружества или в одном государстве, тогда как подготовка, планирование, руководство или контроль имел место в другом государстве стороны соглашения;

- в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве или его существенные последствия имели место в другом государстве Содружества.

С учетом особенностей выявления и документирования преступлений, носящих международный характер, и особенностей современной организованной преступности, должна быть разграничена такая форма взаимодействия, как проведение оперативно-розыскных мероприятий, специальных операций и оперативно-профилактических мероприятий, и определены особенности их организационно-тактических форм.

Кроме того, должны быть определены термины и для таких форм организованной преступности, как формирования, организации и группы.

Обмен информацией в пределах компетенции между сторонами соглашения должен осуществляется прежде всего следующим направлениям:

– информационно-аналитическое сопровождение;

- защита лиц, оказывающих содействие компетентным органам;

- оперативно-техническое обеспечение оперативно-розыскной деятельности.

В свою очередь, обмен представляющей оперативный интерес информацией должен осуществляется не только в отношении физических лиц, но и в отношении:

- преступных формирований, организаций и групп;

- юридических лиц, вовлеченных в преступную деятельность;

- иностранных структур и деструктивных организаций, использующих возможности организованной преступности.

Обмен информацией должен осуществляться относительно:

– незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ, групп и отдельных лиц, действующих на территории нескольких стран Содружества или их связях (контактов) с деструктивными организациями и иными структурами, осуществляющими свою преступную деятельность на территории государств, не являющихся сторонами соглашения;

- совершаемых или совершенных преступлениях, носящих трансграничных характер, выявленных намерениях отдельных лиц, групп или организаций их совершить на территории одной или нескольких сторон соглашения;

- структуры преступных организаций, членов, целей и задач, методов, приемов и средств, предназначавшихся для использования при совершении преступлений;

- преступных посягательств и деструктивной деятельности отдельных лиц, групп или организаций, создающих угрозу общественной, экономической или информационной безопасности одной или нескольким сторонам соглашения;

- готовящихся преступных посягательств, направленных против компетентных органов одной из сторон соглашения и лиц, участвующих в пресечении противоправной деятельности организованной преступности, носящей трансграничный характер;

- имущества, оборудования или других средств обеспечения и оснащения, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении преступлений, передачи, сокрытия или утаивания преступных доходов, каналов передачи электронных данных посредством информационно-телекоммуникационных систем, перемещения контрабанды и доставки оружия.

Помимо этого, в новом соглашении должна предусматриваться непосредственная возможность взаимодействия и сотрудничества:

- между профильными полицейскими подразделениями сторон;

- между БКБОП и специализированными органами международных организаций, такими, как: Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности, в состав которого войдет Центр информационной безопасности и Центр по противодействию транснациональной организованной преступности Шанхайской организации сотрудничества; Асеанпол, Америпол,

Африпол, GCCPOL, SARPCCO.

Список литературы:

1. В Астане состоялось Совещание руководителей подразделений криминального блока министерств внутренних дел государств – участников СНГ // Интернет — портал СНГ. URL: https://e-cis.info/news/564/128216/?ysclid=mhor3xa8w7827063081 (дата обращения: 06.11.2025).

2. Конвенция против транснациональной организованной преступности, принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (с изменениями от 15.11.2000) //СПС «Консультант плюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543/ (дата обращения: 05.11.2025).

3. Соглашение о сотрудничестве Министерств внутренних дел СНГ в сфере борьбы с организованной преступностью // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: https://docs.cntd.ru/document/1900735?ysclid=mhordxd0j175149897 (дата обращения: 06.11.2025).

4. Владимир Колокольцев «В борьбе с преступностью важно сохранять наступательную стратегию» // Журнал совета министров внутренних дел СНГ Содружество вып. 2 - 2025. URL: https://bkbopcis.ru/upload/iblock/839/xuucz6vtgqkvygijdf6x8mpqckmn0n1k.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

© Политов В.Е. 2025

Полякова Татьяна Александровна,
преподаватель кафедры правовой и гуманитарной подготовки
Тверского филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕРШЕНИЯ

Аннотация: будучи сложным социальным явлением, коррупция постоянно эволюционирует, «приспосабливаясь» к современным реалиям. Причины и последствия коррупции наносят серьезный вред государству, поскольку снижают эффективность деятельности государственных организаций и служб, дискредитируют их в глазах населения, подрывают доверие к государственной власти. Особенно опасна коррупция в рядах правоохранительных органов, созданных для защиты закона и прав граждан, общества, государства, в том числе от коррупционных правонарушений. В статье исследуются механизмы противодействия дисциплинарным коррупционным правонарушениям в органах внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: дисциплинарный проступок; дисциплинарное взыскание; запреты; коррупция; конфликт интересов, ограничения; сотрудник органов внутренних дел; реестр; утрата доверия.

Существует много определений коррупции, отражающих ее сущность; формулировка может быть различной в зависимости от источника и автора определения. Но в любом случае коррупционное поведение обусловлено стремлением получения личной выгоды (выгоды для третьих лиц) и преимуществ в любой форме посредством возможностей, предоставляемых служебным и должностным положением.

Коррупционные правонарушения можно разделить на несколько групп в зависимости от их опасности для общества и государства: коррупционные дисциплинарные проступки; коррупционные гражданско-правовые деликты; административные коррупционные правонарушения; коррупционные преступления.

В борьбе с любым негативным явлением проще и эффективнее его предотвратить, чем в дальнейшем ликвидировать или нивелировать его последствия. В статье автор акцентирует внимание на правовых последствиях коррупционных дисциплинарных проступков сотрудников органов внутренних дел, поскольку их выявление, пресечение и привлечение виновных лиц к дисциплинарной ответственности является превентивной мерой по отношению к совершению коррупционных административных правонарушений и преступлений. Кроме того, дисциплинарная ответственность является основным видом ответственности в органах внутренних дел. При этом, если сотрудник понес административное или уголовное наказание за коррупционное правонарушение, это не освобождает его от дисциплинарной ответственности, поскольку нарушение законодательства

Российской Федерации признается Законом о службе дисциплинарным проступком [1, ч. 1 ст. 49].

Поскольку проблема коррупции в настоящее время приобрела огромную и вполне обоснованную актуальность, в органах внутренних дел разработан ряд механизмов ее предотвращения, в том числе, административные процедуры, обуславливающие порядок и условия прохождения службы.

Одним из принципов службы в ОВД является взаимосвязь ограничений, обязанностей и запретов, ответственности на службе в органах внутренних дел и социальных гарантий сотрудника. Таким образом, на сотрудника органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих осуществлению сотрудником оперативно-разыскной деятельности [1, ч. 2 ст. 14]. Большинство запретов и ограничений направлено на предотвращение коррупционных правонарушений.

Среди них, в первую очередь, необходимо выделить следующие, то есть те, которые могут считаться предпосылками к коррупционному поведению:

1.Запрет на получение в связи с исполнением служебных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц. К видам вознаграждений закон относит подарки, денежные средства, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и др.

Получение подарка в связи с исполнением служебных обязанностей нельзя приравнивать к взятке. Подарок безвозмезден. Его получение не обязывает одариваемого совершать какие-то действия или отказаться от них. Взятка же предполагает встречное обязательство. Однако, подарок, полученный в связи с исполнением служебных обязанностей от лиц, которые были заинтересованы в решении вопроса, может в дальнейшем стать причиной обращения к сотруднику в целях склонения его к коррупционному правонарушению. Приняв подарок, сотрудник дает повод воспринимать его, как лицо, склонное к коррупции.

2. Запрет на использование должностных полномочий в интересах политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений и иных организаций.

3. Запрет состоять в политических партиях, материально поддерживать политические партии и принимать участие в их деятельности.

Сотрудники ОВД, находясь на страже закона, должны беспристрастно исполнять свои служебные обязанности. При осуществлении служебной деятельности сотрудник не должен быть связан решениями политических партий, иных общественных объединений, религиозных организаций и др.

Нарушение запретов и ограничений, установленных для сотрудников ОВД расценивается как совершение грубого нарушения дисциплины, за которое к нему могут быть применены любые виды взысканий, вплоть до увольнения из органов внутренних дел [1, ч. 2, ст. 49, ст. 50.1; 3].

Важным механизмом профилактики коррупционных правонарушений является институт преодоления конфликта интересов.

Конфликт интересов представляет собой ситуацию, при которой личная заинтересованность сотрудника влияет или может повлиять на объективное исполнение им своих обязанностей [2, ч. 1 ст. 10]. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет личную заинтересованность как возможность получения сотрудником в связи с выполнением служебных обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества, в том числе имущественных прав или услуг имущественного характера, для себя или для третьих лиц. Однако, личная заинтересованность может выражаться и в виде получения самим сотрудником или третьими лицами, в которых он заинтересован также не имущественных благ и преимуществ [об этом более подробно см 3]. Например, необоснованное продвижение по службе, получение льготных, по сравнению с другими сотрудниками, условий работы, отдыха и др.

Сотрудник органов внутренних дел обязан принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов [1, ч. 3 ст. 71]. Невыполнение обязанностей по предотвращению и урегулированию конфликта интересов может привести к временному отстранению сотрудника от исполнения служебных обязанностей; рассмотрению сложившейся ситуации на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов; и, в дальнейшем, к увольнению в связи с утратой доверия. В период временного отстранения от выполнения служебных обязанностей, денежное довольствие сотрудника сокращается до должностного оклада, оклада по специальному званию и надбавке за выслугу лет. Другие надбавки, а также премии в этот период не выплачиваются.

Основания для увольнения в связи с утратой доверия установлены статьей 82.1 Закона о службе. К ним, в том числе, относится непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов; непредоставление сведений о своих доходах и доходах членов семьи; осуществление сотрудником предпринимательской деятельности.

Таким образом, под утратой доверия руководства к сотруднику органов внутренних дел можно понимать совершение последним деяний, которые порождают у нанимателя сомнения в его честности, порядочности и, как следствие, в возможности добросовестно и объективно исполнять свои обязанности.

Сведения об увольнении сотрудника по указанному основанию вносятся в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Создание такого реестра затрудняет указанным лицам сокрытие факта своего увольнения по негативным основаниям; мотивирует сотрудников на соблюдение законодательства; позволяет государственным органам получать информацию о соблюдении претендентами на должность требований законодательства о противодействии коррупции; не допускает к службе в ОВД лиц, совершивших коррупционные правонарушения.

Реестр лиц ведется и размещается в единой информационной системе управления кадровым составом государственной гражданской службы

Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, что облегчает проверку кандидатов на должности в органы внутренних дел.

Часть 12 статьи 89 Закона о службе не предусматривает увольнение сотрудника в связи с утратой доверия в период его временной нетрудоспособности, нахождения в отпуске или командировке. Однако, автор считает необходимым ужесточить законодательство в этом случае и внести в вышеуказанную статью соответствующие дополнения.

При совершении незначительных коррупционных правонарушений, не повлекших за собой существенных последствий, сотрудник привлекается к более мягким видам дисциплинарных взысканий. Однако порядок и условия их применения отличаются от применения взысканий за совершение дисциплинарных проступков. Так, сроки давности привлечения к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения составляют три года со дня совершения коррупционного правонарушения и шесть месяцев со дня поступления информации о совершении сотрудником органов внутренних дел коррупционного правонарушения, не считая периодов временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения его в отпуске или командировке.

По сложившейся повсеместно дисциплинарной практике такие дисциплинарные взыскания не подлежат досрочному снятию, но эта практика законодательно никак не закреплена. Было бы целесообразным внести подобное утверждение в статью 50.1 Закона о службе.

Любой вид взыскания, включая замечание, наложенный на сотрудника в письменной форме за совершение коррупционного правонарушения приводит к приостановлению присвоения очередного специального звания до признания сотрудника не имеющим взыскания за коррупционное правонарушение [1, п. 4 ч. 1 ст. 45]. Любое взыскание, наложенное приказом, считается снятым через год. Автор предлагает увеличить этот срок для взысканий за коррупционные правонарушения до полутора лет, что станет серьезным мотивом для соблюдения законодательства.

Таким образом, меры дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел являются существенными юридическими последствиями совершения коррупционных правонарушений как отдельно, так и дополнительно к административному или уголовному наказанию. Ужесточение дисциплинарных мер за совершение подобных правонарушений оправдано и повысит эффективность борьбы с коррупцией в правоохранительных органах.

Список литературы:

1. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 49 (ч.1). - Ст.7020.

2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч.1). – Ст. 6228.

3. Полякова, Т.А. Порядок и условия прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации : учебно-практическое пособие / Т.А. Полякова. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 184 с.

© Полякова Т.А., 2025

Пономарева Ольга Михайловна,
старший преподаватель
кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в статье представлен анализ понятия антикоррупционная устойчивость сотрудников органов внутренних дел. Автор определяет особенности служебной деятельности, которые выступают факторами, влияющими на формирование антикоррупционной устойчивости. Изучение факторов риска коррупционного поведения сотрудников показывает, что они связаны с особенностями службы, при этом отмечает значительную роль играют личностные характеристики сотрудника как в развитии антикоррупционной устойчивости, так и формировании коррупционного поведения.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная устойчивость, коррупционное давление, коррупционное поведения, сотрудник органов внутренних дел.

Коррупция как антигосударственное и антиобщественное явление существует столько же, сколько существует государство.

Коррупция наносит серьезный ущерб институтам государственной власти и управления, социально - экономическим отношениям.

Коррупция рассматривается как одна из угроз государственной и общественной безопасности [3].

В большей части государств, в том числе Российской Федерации создана система противодействия коррупции. Однако, значительная часть коррупционных нарушений носят латентный характер, поэтому проблема борьбы с коррупцией не перестает быть актуальной для российского государства и общества.

Лица, замещающие должности государственной службы обязаны совершать все действия в интересах службы на основе норм законов. Если государственный служащий пренебрегает норами закона, использует их в своих личных интересах с целью обогащения, а не достижения задач службы, это нарушает баланс общественных отношений, снижает доверие к власти государству, ухудшает качество жизни населения.

С целью противодействия коррупции на портале https://gossluzhba.gov.ru ведется Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения [4].

В системе противодействия коррупции существенная роль отводится законодательному закреплению мер, направленных на профилактику, выявление, пресечение коррупционных нарушений. В нашей стране создана система

коррупционного законодательства, в которую входят законодательные акты федерального уровня (Конституция, Федеральный закон «О противодействии коррупции», Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях РФ и др.), а также подзаконные, в том числе, ведомственные нормативные акты [7].

Коррупция - злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение этих же деяний от имени или в интересах юридического лица [1].

Специфика службы в различных подразделениях ОВД связана с наделением сотрудников властными полномочиями, возможностью принятия решений по различным вопросам в рамках их компетенции.

Властные полномочия, высокий уровень персональной ответственности, жесткая регламентированность профессиональной деятельности, напряженные условия службы (ненормированное служебное время, работа со спецконтингентом), желание воспользоваться возможностями службы в корыстных целях, использовать их в собственных интересах, предложения, которые поступают сотрудникам – все это составляет риски в профессиональной деятельности, оказывающие воздействие на сотрудника.

С сотрудниками всех органов исполнительной власти, в том числе и органов внутренних дел, начиная с этапа отбора на службу и в течение всего периода службы, постоянно ведется работа, направленная на повышение правовой грамотности. В рамках служебной подготовки, воспитательной работы личный состав изучает обзоры информации о нарушении служебной дисциплины и законности, порядок действий в условиях склонения к совершению коррупционного правонарушения. Воспитательная работа в образовательных организациях системы МВД России направлена на формирование у обучающихся антикоррупционной устойчивости.

В широком смысле антикоррупционная устойчивость - совокупность качеств личности, которые позволяют при наличии фактора риска осуществлять выбор модели поведения между криминальным и законопослушным и в пользу последнего.

Решающим условием в реализации законопослушной модели поведения и проявления антикоррупционной устойчивости личности становится не внешний контроль со стороны (руководства, коллег, граждан), а сформированные личностные качества, убеждения, стандарт поведения.

Профессиональный стандарт сотрудника органов внутренних дел как комплекс единых требований, предъявляемых к сотруднику, не сформирован.

Однако, в отношении сотрудников установлены ст. 9 ФЗ «О службе в органах внутренних дел» требования к уровню квалификации (уровню образования, физической подготовки, профессиональным знаниям и навыкам, стажу службы (опыту работы), дополнительные требования к отдельным должностям [2].

Как видно из указанного перечня, социально-психологические требования, определяющие личностную характеристику сотрудника, законодательно не закреплены. Однако, установлен ряд требований к поведению сотрудника, в том числе антикоррупционной составляющей:

- ст. 14 ФЗ «О службе органах внутренних дел» [1];

- Кодекс этики и служебного поведения сотрудника органов внутренних дел [5];

- Постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» [4].

Профессиональный психологический отбор направлен на изучение личных и деловых качеств кандидата для прохождения службы в органах внутренних дел, сотрудника, назначаемого на вышестоящую должность. При проведении психофизиологического исследования одним из факторов риска, подлежащих оцениванию психолога-полиграфолога, выступает коррупционная составляющая профессиональной деятельности, антикоррупционная устойчивость.

При отсутствии профессионального стандарта сотрудника органов внутренних дел необходимо отметить, что психологические и личностные особенности, позволяющие оценивать уровень антикорупционной устойчивости, учитываются не только на этапе отбора на службу, но и при дальнейшем прохождении службы.

По мнению О.В. Ванновской, которая выступает автором методики оценки антикоррупционной устойчивости личности, ее наличие или отсутствие проявляется в ситуации коррупционного воздействия (давления), в результате которого человек должен сделать выбор способа поведения (коррупционного или антикоррупционного) [8, с.118-119]. Этот выбор зависит от зрелости личности, самодостаточности, ее независимости от среды, уровня самоконтроля и саморегуляции, системы ценностных ориентаций.

Уровень самоконтроля и саморегуляции влияют на успешность в профессиональной деятельности сотрудников и способ выбора поведения.

В критических условиях человек осуществляет выбор исходя из значимых для него ценностей и установок. Если в приоритете для сотрудника материальный достаток и не совсем значим способ его достижения, то он сделает коррупционный выбор. Если в систему значимых ценностей входит закон, служебный долг, профессионализм, то выбор будет в пользу антикоррупционного поведения. При этом некоторые действия, совершаемые сотрудниками в рамках исполнения должностных полномочий, которые могут быть оценены как коррупционные, не нарушают нормы действующего законодательства. При этом достаточно сложно доказать, что они носят коррупционный характер.

Таким образом, антикоррупционная устойчивость определяется через совокупность следующих факторов:

- устойчивость к коррупционному давлению;

- владение собой, преобладание позитивных черт в характере;

- мировоззренческие установки и позиции, система ценностей в состав которых входит закон и законопослушное поведение;

- адекватная самооценка, принятие собственного Я;

- высокий уровень гражданской ответственности и сознательности;

- уровень профессионализма, понимание сущности службы в органах внутренних дел, поставленных задач и способов их достижения;

- уровень развития профессиональных, личностных качеств.

Антикоррупционную устойчивость сотрудников невозможно сформировать только путем привлечения сотрудников к дисциплинарной или уголовной ответственности, она должна формироваться в контексте недопустимости коррупционных проявлений поведения в среде сотрудников, общей атмосферы непринятия подобных вариантов поведения и системе воспитательной работы с личным составом.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Электрон. дан. Режим доступа. URL: http: // www. consultant.ru (дата обращения: 16.10.2025).

2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Электрон. дан. Режим доступа. URL: http: //www. consultant.ru (дата обращения: 16.10.2025).

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Электрон. дан. Режим доступа. URL: http: //www. consultant.ru (дата обращения: 16.10.2025).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2018 № 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» (ред. от 12.07.2023 № 1137) // Электрон. дан. Режим доступа. URL: http: //www. consultant.ru (дата обращения: 16.10.2025).

5. Приказ МВД России от 26.06.2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» // Электрон. дан. Режим доступа. URL: http: //www. consultant.ru (дата обращения: 16.10.2025).

6. Приказ МВД России от 27 августа 2024 № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Электрон. дан. Режим доступа. URL: http: //www. consultant.ru (дата обращения: 16.10.2025).

7. Приказ МВД России № 512 от 0**1.09. 2025 г.** «Об утверждении Порядка уведомления в системе МВД о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений» // Электрон. дан. Режим доступа. URL: http: //www. consultant.ru (дата обращения: 16.10.2025).

8. Ванновская, О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография/ О.В. Ванновская. - М,. 2025. - 251 с.

© Пономарева О.М., 2025

Пугачева Светлана Александровна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского университета МВД России

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ТУРЦИИ: РАЗРЫВ МЕЖДУ НОРМАТИВНОЙ БАЗОЙ И ПРАКТИКОЙ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация*:* в статье анализируется антикоррупционное законодательство Турции, подчеркивается разрыв между его нормативной базой и практической реализацией. Автор рассматривает ключевые внутренние правовые акты, а также международные обязательства Турции, включая Конвенцию ОО против коррупции и Конвенцию Совета Европы по борьбе с коррупцией в сфере уголовного права. Особое внимание уделяется деятельности инспекционных органов и Президентского управления по ревизии и административному надзору, функционирование которых, несмотря на формальную институционализацию, определено как зависимое от верхнего руководства, политической воли. Выявлены недостатки существующей антикоррупционной системы, риски и уязвимости.

Ключевые слова: международное право; антикоррупционные меры; коррупционные практики; инспекционные органы; коррупционные риски; предупреждение коррупции.

Борьба с коррупцией является неотъемлемым компонентом современного государственного управления, верховенства права и устойчивого развития. Для стран, стремящихся в транснациональные правовые и институциональные структуры, антикоррупционная политика приобретает особое значение, выступая в качестве индикатора их приверженности ценностям и принципам международного права. Турецкая Республика, проводя политику сближения с Европейским союзом (ЕС) на протяжении нескольких десятилетий (Турция еще в 1963 году подписала соглашение об ассоциации с ЕС (на тот момент – Европейским экономическим сообществом, ЕЭС), в 1987 году подала заявку на членство в союз, при этом переговоры о вступлении начались только в 2005 году [2]), предприняла значительные усилия по гармонизации своего законодательства с международными стандартами. За последние два десятилетия в стране были приняты ключевые законодательные акты, ратифицированы международные конвенции и созданы специальные институты, призванные противодействовать коррупции. Все предпринятые меры привели к тому, что на сегодняшний день Турция представляет собой уникальный юрисдикционный ландшафт в сфере антикоррупционной политики государства со сложным взаимодействием международных обязательств и внутренней правовой системы. Однако, несмотря на формальное соответствие многим норма acquis communautaire (от франц. – дословно «достижение сообщества» - понятие, символизирующее «совокупность всех правовых и политических достижений Европы за всю историю ее существования» [1]) и нормам международного права, на практике наблюдается устойчивый и системный разрыв между декларируемыми принципами, формальным наличием требуемых

законов и реальным их применением. Обозначим основные системные недостатки реализации антикоррупционного законодательства Турции.

1. Нормативно-правовая база борьбы с коррупцией: формальное соответствие международным стандартам

Следует отметить, что юридически Турция добросовестно присоединилась к международным антикоррупционным практикам. В 2003 году страна подписала, а в 2006 году ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции (от англ. - *United Nations Convention against Corruption, UNCAC*), представляющую собой максимально детальный международно-правовой договор, направленный на предупреждение и противодействие коррупции и определяющий комплексные стандарты в области уголовного преследования коррупционных преступлений, международного сотрудничества, а также возвращения активов, незаконно вывезенных за границу. В том же 2003 году была ратифицирована Конвенция Совета Европы по борьбе с коррупцией в сфере уголовного права (от англ. - *Criminal Law Convention on Corruption*, принятая в 1999 году, юридически для упрощения официальной ссылки на документ обозначаемая CETS No 173 как 173-ый договор в серии договоров Совета Европы (от англ. – *Council of Europe Treaty Series, CETS*)), устанавливающая общие для государств-участников Совета Европы уголовно-правовые нормы, нацеленные на унификацию составов коррупционных преступлений и направленные на криминализацию различных форм коррупции — как в публичном, так и в частном секторах, для обеспечения эффективного преследования и укрепления международного сотрудничества в расследовании таких преступлений. Данные международные обязательства де-юре легли в основу национальных правовых реформ Турции.

На внутреннем уровне антикоррупционное законодательство Турции является разрозненным, но закрепляет существенные нормы, способствующие противодействию коррупции. Уголовный кодекс содержит статьи, определяющие состав таких преступлений, как взяточничество (статьи 252-257), злоупотребление служебным положением (статья 257), подделка официальных документов (статьи 204-206) и отмывание доходов, полученных преступным путем (статья 282). В 2004 году был принят Закон №516 «О Комиссии по этике государственных служащих», направленный на укрепление прозрачности и подотчетности в государственном управлении Турции, предотвращение конфликтов интересов, установление этических норм поведения для госслужащих; основным достижением стало то, что закон ввел обязанность декларирования имущества чиновниками для повышения доверия граждан к публичной власти и снижению коррупционных рисков [4].

На первый взгляд, Турция обладает комплексной и в целом современной правовой базой. Однако формальное наличие норм не гарантирует их эффективное применение – практическая их реализация остается крайне слабой. Так, крупнейший коррупционный скандал декабря 2013 года раскрыл не только масштабы злоупотреблений на высшем уровне власти, но и фундаментальные недостатки в турецкой системе противодействия коррупции: в ходе серии полицейских рейдов были задержаны десятки высокопоставленных чиновников, бизнесменов,

родственников министров. Расследование выявило сложную систему взяточничества, отмывания денег, незаконной торговли золотом с использованием государственного банка, незаконной выдачи турецкого гражданства, незаконной выдачи разрешений на строительство на охраняемых территориях и вблизи критически важной инфраструктуры и т.п. Парадоксальным итогом этого громкого дела стало не наказание виновных, а расценивание расследования в качестве «судебного переворота» и «международного заговора» с целью свергнуть правительство; был инициирован широкомасштабный процесс «чистки» - увольнение сотни сотрудников полиции и прокуроров на местах, тем или иным образом задействованных в расследовании; коррупционные обвинения были сняты на том основании, что доказательства были собраны незаконно. Таким образом, один из самых громких коррупционных скандалов был практически «захоронен», не повлекши за собой, по мнению K. Ulusoy, никаких серьезных политических или юридических наказаний для высшего руководства страны (K. Ulusoy, 2014) [6, p.3]. Это событие обнажила главную проблему турецкой правовой системы: в условиях отсутствия независимых институтов, способных сдерживать исполнительную власть, антикоррупционная борьба превращается в инструмент политических расчетов.

2. Инспекционные органы: двойственность мандата и проблема независимости

Ключевым институциональным нововведением стало создание в 2011 году Централизованного инспекционного совета при Президенте (от турецк. - *Cumhurbaşkanlığı Muhasebat ve İdari Denetim Başkanlığı, PMIB* – дословно «Президентское управление по ревизии и административному надзору»). PMIB призван координировать, контролировать и направлять деятельность всех инспекционных органов, функционирующих в рамках отдельных министерств, тем самым обеспечивая их централизацию и, в теории, независимость. Однако, как показывает практика, именно в процессе применения закона и раскрываются его системные уязвимости.

Инспекционные органы являются краеугольным камнем внутреннего административного контроля Турции. В соответствии с международными стандартами, закрепленными, в частности, в статье 35 UNCAC и статье 20 CETS No 173, такие органы должны обладать независимостью, надлежащими полномочиями, достаточными ресурсами для эффективного выполнения своих задач. В турецкой модели эти требования реализованы лишь частично.

Главная проблема заключается в двойственности мандата инспекционных органов. Как отмечает эксперт Совета Европы T. Норре, они «участвуют в трех видах проверок» - административных, дисциплинарных и уголовных (Норре, 2013) [5, p.6]: 1) административные проверки представляют собой внутренне служебное разбирательство, основная цель которого – не наказать конкретного человека, а проанализировать организационное управление внутри конкретного государственного учреждения (например, министерства) на предмет выявления «слабых мест» в административной системе и тех процедур, которые потенциально создают возможности для злоупотребления должностными полномочиями; 2) дисциплинарные проверки реактивны, призваны наказывать служащих

за уже совершенное нарушение служебной дисциплины, включая коррупционные поступки; 3) уголовные расследования – сфера исключительной компетенции прокуратуры и полиции; направлены на установление уголовной ответственности. Слияние всех трех функций в одной структуре создает достаточно серьезную правовую неопределенность. На практике деятельность инспекционных органов превращается в формальные проверки по факту уже свершившихся правонарушений, упуская необходимость первичного проактивного анализа системных уязвимостей и не реализуя, тем самым, свой превентивный потенциал.

Отметим проблему независимости в инициации проверок. Инспекционная деятельность может происходить либо посредством внеплановых (спорадических, рандомизированных) проверок, либо в качестве отработок конкретных сигналов (жалоб граждан, опубликованных в СМИ журналистских расследований), либо по распоряжению вышестоящего руководства. Эмпирические данные свидетельствуют, что в Турции преобладают как раз последние, целевые проверки, инициируемые по политическому усмотрению. Внеплановые инспекции, которые и являются мощным инструментом предупреждения коррупции, поскольку создают на постоянной основе риск разоблачения, проводятся крайне редко в связи с недостатком ресурсов и отсутствия четких, объективных критериев отбора объектов для проверки [5, p.15-16]. Подобная ситуация демонстрирует избирательность применения антикоррупционных мер, их уязвимость для злоупотребления.

Парадоксально, но сами инспекционные органы не застрахованы от коррупционных рисков. В техническом аналитическом отчете, подготовленном Т. Норре, экспертом Совета Европы в рамках проекта TYSAP (от турецк. - *Türkiye Yolsuzlukla Mücadele ve İyi Yönetişim Projesi* – дословно «Проект по борьбе с коррупцией и обеспечению надлежащего управления в Турции»), автор выделяет два ключевых риска – *tipping off* (от англ. – предупреждение объекта проверки о предстоящей инспекции) и конфликт интересов [5, p.23]. Т. Норре подчеркивает, что, поскольку инспекционные службы являются внутренними структурами, их сотрудники могут быть подвержены давлению со стороны руководства ведомства или могут преследовать свои личные интересы. Отсутствие строгих правил ротации, механизмов внешнего аудита и независимых органов по рассмотрению жалоб на самих инспекторов создает условия для злоупотреблений. Более того, PMIB, который должен осуществлять надзор за инспекционными органами, сам является частью исполнительной власти и, следовательно, не обладает той степенью независимости, которая требуется для объективного контроля. Отметим при этом, что в Турции, по мнению специалистов, фиксируется еще и отсутствие информационной открытости деятельности органов, вовлеченных в противодействие коррупционных практик: инспекционные органы, прокуратура, налоговая служба, Счетная палата и иные институты действуют в рамках обособленных, закрытых информационных систем. Отсутствие единой централизованной цифровой платформы для обмена данными ведет к фрагментации информации, дублированию проводимых операций, что определяет саму возможность утаивания информации о коррупционных схемах. Кроме того, обязанность сообщать о подозрениях в коррупции носит рекомендательный характер, что инспекционным

органам законное право – дискрецию – самостоятельно принимать решение, передавать ли информацию в прокуратуру или нет. Ö. Canveren подчеркивает, что это особенно критично для раскрытия сложных финансовых преступлений, где необходим синтез данных из различных источников (Ö. Canveren, 2024) [3].

Анализ антикоррупционных практик Турции демонстрирует классический пример разрыва между формальным соответствием международным правовым стандартам и их реальным применением на практике, что отражает глубокие системные вызовы. Законодательное принятие Турцией международных антикоррупционных мер не транслируется в эффективные институционные практики. Отсутствие независимых контрольных органов, назначаемость проверок по распоряжению «сверху», слабая координация между институтами подрывают саму суть антикоррупционной политики. Требуется подлинная политическая воля, системные реформы и создание независимых механизмов надзора, чтобы декларативное соответствие международным нормам было действительно реализовано на практике.

Список литературы:

1. Барциц В.И., Право Европейского союза и «acquis communautaire» // Государственная служба. 2019. № 2 (118). С. 81-86.

2. Турция полностью готова к членству в Евросоюзе, заявил Эрдоган. 21.07.2025. URL: https://ria.ru/20250721/turtsiya-2030395847.html (дата обращения: 01.11.2025).

3. Canveren Ö. The Fight against Corruption in Turkey // European Union Relations. 2024. Vol.28. Pp.135-158. URL: https://www.researchgate.net/publication/379926316_The_Fight_against_Corruption_in_Turkey_-European_Union_Relations (дата обращения: 07.11.2025).

4. Gürkaynak G., Yıldız C. Turkey // Anti-Corruption Regulation. Law Business Research Ltd, 2019. Pp.122-129.

5. Hoppe T. Corruption Investigations by Inspection Bodies: International Standards on Investigations, Including Coordination and Information Sharing. Technical Paper prepared for the TYSAP Project, Council of Europe. 2013. URL: https://www.coe.int/en/web/corruption/completed-projects/tysap/technical-papers#%7B%2223623867%22:[0]%7D (дата обращения: 23.10.2025).

6. Ulusoy K. Turkey's Fight Against Corruption: A Critical Assessment // Commentary. 2014. Pp. 1-5. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/186285/GTE_C_19.pdf (дата обращения: 03.11.2025).

© Пугачева С.А., 2025

Рачицкий Иван Алексеевич,
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Клишков Владимир Борисович,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСИКЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: научная статья посвящена комплексному исследованию коррупции, как историческому и современному явления, тесно связанному с понятием власти и создающему угрозу национальной безопасности государства. Новизна статьи заключается в синтезе историко-правого генезиса коррупции с современной законодательной базой, правоприменительной практикой, подкреплённой статистическими данными МВД за первые восемь месяцев 2025 года и примерами реальных дел. Данны причины коррупции и дана оценка эффективности действующих антикоррупционных механизмов.

Ключевые слова: коррупция; государство; должностное лицо; взятка; причины.

Коррупция является одним из древнейших преступлений в истории нашего мира и происходит от латинского слова «Corrupito» что переводится как «подкуп, продажность, порча»». Исследования историко-правовой направленности доказывают, что коррупционные преступления существовали всегда. С древних времён понятия коррупция и власть существовали неразделимо и можно предположить, что эволюционировали так же вместе. Когда государства только становились, то обращение к лицу, являющемся чиновником в какой-либо сфере государства, за определённую плату было нормой, но с развитием и реформированием государственного аппарата чиновники стали получать официальную заработную плату, а дополнительная плата за обращения граждан стала теневым заработком, что положило начало коррупции в странах.

Научные исследования коррупции говорят, что одним из первых упоминаний коррупции было во второй половине XXIV века до нашей эры во время правления царя древнего шумерского города Лагаша Урукагина, который пытался с помощью реформ государственного направления пресечь злоупотребление чиновников и судей своего города [1].

Зарождение коррупции в России историки связывают с Византийской империей, в которой наместники существовали за счёт «кормления от дел»,

в результате чего на Руси, в процессе становления государственности, чиновники содержались за счёт подношений, что позволяло значительно экономить казённые денежные средства и оставляло в сознание людей положительный результат взятничества.

В настоящее время коррупция является так же является одним из важнейших преступлений в нашем государстве, а её противодействие таким же важным, так как она создаёт угрозу национальной безопасности, снижает эффективность государственного аппарата, люди перестают верить в честность госслужащих, в результате чего ухудшается их жизнь

На данный момент в Российской Федерации существует мощная законодательная база по противодействию коррупции. В первую очередь это Конституция Российской Федерации, которая является общим фундаментом для всего законодательства РФ. На её базе создано множество НПА, такие как ФЗ от 25.12.2008 г. № 273 «О противодействие коррупции», ФЗ от 03.12.2012 г. № 230 «О контроле за соответствие расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и множество других законов. Существуют подзаконные НПА, как например Указ Президента РФ от 19.05.2008 г. № 815 и множество других подзаконных НПА. В МВД существуют так же приказы, регламентирующие коррупцию, в частности в «Кодекс Этики и служебного поведения сотрудников ОВД» утверждённый Приказом МВД России от 26.06.2020 № 460 говорит, что сотрудник должен быть «Быть нетерпимым к проявлениям коррупции». Так же есть недавно вступивший в силу Приказ МВД России от 28.07.2025 № 512 «Об утверждения Порядка уведомления в системе МВД России о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений». Данные нормативно-правовые акты показывают обширный спектр борьбы государства с преступлениями коррупционной направленности.

По мимо Российских нормативно-правовых актов существует и международное законодательство, в частности Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г.

В современной научной литературе под коррупционной преступностью понимают совокупность преступлений, которые посягают на авторитет органов государственной власти, органов местного самоуправления в результате халатности, недобросовестности и некомпетентности должностных лиц.

В соответствие с уже выше упомянутым ФЗ №273 п.1 ст.1 «Коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2].

По статистическим данным МВД за период январь-август 2025 года было зарегистрировано 32851 преступлений коррупционной направленности. Из данного количества преступлений направленно в суд 24417 уголовных дел, а раскрываемость составляет 97%, а не раскрытыми осталось лишь 883 преступления

[3]. Данная статистика показывает, что нормативно-правовая база является сильной, действия сотрудников являются профессиональными, что позволяет пресекать коррупцию.

Теперь необходимо привести примеры преступлений коррупционной направленности, за настоящий и прошедшие года, которые были выявление не только сотрудниками МВД, но и другими силовыми ведомствами:

1) Наиболее резонансное дело прошлого года является дело экс-зам Министра Обороны России Тимура Иванова, приговорённого к 13 годам колонии общего режима. Он был задержан 23 апреля 2024 года сотрудниками правоохранительных органов по подозрению в получение взятки в особо крупном размере, а именно 1 миллиард 185 миллионов рублей. По версии следствия Иванов получал от подрядчиков, с которыми заключал государственные выгодные для них контракты, денежные средства.

2) Дело Ивана Давыдова, начальника Вневедомственной охраны Войск Национальной Гвардии России. Давыдов, по версии следствия, совместно с начальником одного из своих отделом получил взятку в размере 2 миллионов рублей. Данные денежные средства он получал в результате принуждения заключать частные охранные организации договоры с аффилированными ему компаниями, после инициированных проверок комнат хранения оружия данных организаций, по результатам которых выявлялись нарушения охранной сигнализации.

3) Дело экс-заместителя главы администрации города Коврова по ЖКХ Амангельды Куандыкова, которого обвинили в получение взятки в виде трёхкомнатной квартиры стоимость 8,2 миллиона рублей. По версии следствия он получил данную взятку за покровительство, которое выражалось в создание выгодных условий для постройки одной из строительной компания многоквартирных жилых домов.

Данные вышеуказанные примеры коррупции показывают, как люди, имеющие высокие должности, хорошие заработные платы не стесняются получать так называемый теневой доход.

По мнению отечественных учёных причины их коррупционных действий это экономические, организационные и политические. К экономическим, в частности, они относят так называемый разрешительный принцип, который охватывает все сферы жизни общества и порождает недобросовестные действия должностных лиц, стремящихся решать вопросы незаконными действиями при получении взяток, так как это быстрый заработок, позволяющий жить им на уровень выше большинства населения страны.

К организационным причинам относят такое мнение, что лица, занимающие должности в государственных органах сильно отделены от жизни обычного общества и в связи с эти нет эффективной системы управления и контроля за данным управлением.

Политические причины коррупции сформированы менталитетом жизни Российского общества, по которому чиновник считает что ему всё дозволено и он может делать всё безнаказанно, выполнять свои обязанности не из-за заработной платы, а за счёт «вознаграждения» от обычных граждан [4].

Из всего выше сказанного можно сказать, что коррупция, как явление, существует с давних времён и тесно связано с понятием власть, она наносит значительный вред как интересам государства, так и интересам общества, создаёт угрозы национальной безопасности России и доверию населения к власти, проникая на все уровни власти. Сильная законодательная база РФ по противодействию коррупции позволяет правоохранительным органам раскрывать большую часть коррупционных преступлений, что демонстрируют статистические данные МВД, а также реальные примеры раскрытия данных правонарушений среди высших должностных лиц. Но не смотря на это необходимо продолжать дальше совершенствовать меры противодействия коррупции.

Список литературы:

1. Устинова, И. А. История развития коррупционной преступности в сфере военной службы // Молодой ученый. — 2023. — № 5 (452). — С. 134-136

2. Федеральный закон от 25 декабря 2011 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.

3. «О состоянии преступности в Российской Федерации за январь-август 2025 г.»: официальный отчет // Официальный сайт МВД России.

4. Саввинов А. А., Яковлев М. М. Криминологическая характеристика коррупционной преступности // История политических и правовых учений — 2025. — № 6(57). — С. 142-145.

© Рачицкий И.А, 2025

Редкоус Владимир Михайлович,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и административного процесса
Института государства и права РАН,
профессор кафедры управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка
центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ – УЧАСТНИКАХ СНГ

Аннотация: в условиях возрастания коррупционных угроз для российского государства и общества возрастает роль правового регулирования противодействия коррупции, и использования положительного зарубежного опыта для его совершенствования. В статье показан положительный опыт Республики Узбекистан в правовом регулировании противодействия коррупции, который может быть при необходимости учтен и в России, и в государствах – участниках СНГ.

Ключевые слова: государственная служба; государственный аппарат; государственная служба; коррупция; противодействие коррупции; коррупционные угрозы; международные антикоррупционные стандарты.

В Российской Федерации вопросам противодействия коррупции и его правовому регулированию уделяется достаточно большое внимание, однако явно недостаточно для выявления всех коррупционных угроз, предотвращения правонарушений коррупционного характера и привлечения виновных к ответственности, говорит в своих работах автор статьи [1, с. 55-62]. Возрастает коррупционная угрозозначимость для российской системы государственного управления, когда уже граждане, государственные служащие просто не боятся привлечения к юридической ответственности за коррупционные деяния в силу либеральности российских законов, а также накопления коррупционным путем для себя и своих семей таких материальных ресурсов, которые с лихвой «компенсируют» лишения, связанные с привлечением к юридической ответственности. Последнее обстоятельство все сильнее размывает национальные ценности управления, авторитет государственной службы.

В этой связи возрастает интерес к зарубежному опыту правового регулирования и организации противодействия коррупции. В рамках данной статьи предлагается обратить внимание на положительный опыт Республики Узбекистан, делающей значительные шаги в области совершенствования антикоррупционной основы деятельности государственного аппарата и функционирования системы государственной службы. Рассмотрим ряд положений Указа Президента Республики Узбекистан от 21 апреля 2025 г. № УП-71 «О мерах эффективной организации исполнения приоритетных задач, определенных для дальнейшего совершенствования системы противодействия коррупции» [2].

В целях обеспечения исполнения приоритетных задач в области противодействия коррупции, широкой мобилизации общественности, органов власти и институтов гражданского общества на решение данного вопроса путем внедрения новой системы по противодействию коррупции Президентом РУз утверждается Перечень разрабатываемых нормативно-правовых актов и Программа практических мер по обеспечению исполнения поручений, определенных на расширенном заседании Национального совета по противодействию коррупции 5 марта 2025 года. На руководителей министерств и ведомств возлагается персональную ответственность за качественное, своевременное и безусловное выполнение поставленных задач.

В целях кардинального повышения роли органов законодательной власти (парламента РУз) в противодействии коррупции и преступности палатам Олий Мажлиса рекомендовано: (а) ежегодно в трех министерствах и ведомствах, получающих наибольший объем средств из бюджета, определять коррупционные факторы, вносить предложения по их устранению; (б) установить в законодательных актах порядок защиты конкретного плана по противодействию коррупции кандидатами на должности министра и хокима при рассмотрении их кандидатур соответственно в Законодательной палате Олий Мажлиса и Кенгашах народных депутатов; (в) изучать международный опыт, разрабатывать предложения по созданию прочной правовой базы эффективного противодействия коррупции в киберпространстве; (г) путем создания рабочих групп из представителей ответственных ведомств в рамках «Недели борьбы с преступностью» в 1 - 5 числах каждого месяца на основе плана выезжать в махалли, относящиеся к "красной" категории, осуществлять глубокий анализ причин совершения преступлений в них, вносить рекомендации по повышению эффективности деятельности прокуроров и начальников органов внутренних дел Республики Каракалпакстан, областей и города Ташкента, районов (городов), а также разработать предложения по совершенствованию законов на основе инициатив, выдвинутых на уровне районов (городов) и махаллей.

Предложено организовать деятельность секторов по комплексному социально-экономическому развитию регионов на основе следующего нового порядка: (а) прокуроры, руководители органов внутренних дел и налоговых органов освобождаются от задач, возложенных на них по деятельности секторов; (б) ответственными за работу секторов определяются заместители Премьер-министра, Ассоциация махаллей РУз и ее территориальные подразделения.

В целях предотвращения коррупционных факторов в экономике: (а) привлекаются к ответственности должностные лица, осуществившие закупки с нарушением наиболее допустимого порога разницы между ценой товара и услуг, приобретаемых на государственных закупках, и их средней рыночной ценой; (б) с 1 июля 2025 года внедряются международные антикоррупционные стандарты в крупные инвестиционные проекты, а также порядок проведения экспертизы условий крупного аукциона на конкурентоспособность; (в) еще более расширяется охват Национальной информационной системой «Прозрачное строительство» (далее - система «Прозрачное строительство»), которая поэтапно будет внедряться в проекты с участием международных организаций.

В целях эффективной организации исполнения вышеназванных поручений предписано:

(а) Министерству экономики и финансов предписано (i) разработать и внести проект закона, предусматривающий ответственность за нарушение определенных требований по цене товаров и услуг, приобретаемых на государственных закупках; (ii) совместно со Счетной палатой, Департаментом по борьбе с экономическими преступлениями при Генеральной прокуратуре усилить требования по закупке основных средств за счет бюджетных и внебюджетных средств; (iii) совместно со Счетной палатой внести проект постановления Президента РУз по сокращению минимум в два раза видов товаров (работ, услуг), закупаемых государственными заказчиками по прямым договорам;

(б) Министерству инвестиций, промышленности и торговли, Комитету по развитию конкуренции и защите прав потребителей совместно с Агентством по противодействию коррупции в трехмесячный срок внести в Кабинет Министров проект постановления Правительства, определяющий процедуры оценки крупных инвестиционных проектов на основе международных антикоррупционных стандартов и проведения экспертизы условий крупного аукциона на конкурентоспособность;

(г) Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства создать в системе «Прозрачное строительство» соответствующие возможности для внедрения данной системы в проекты с участием международных организаций.

Интересен план законопроектной деятельности, направленной на совершенствование правового регулирования в области противодействия коррупции. Так, предусматривается подготовка:

проекта закона « О декларировании доходов и имущества государственных служащих», где будут определены субъекты, объекты декларирования доходов и имущества, и отражаемые в декларациях сведения, форму и порядок представления декларации, а также порядок ее проверки;

проект закона о приведении ответственности за преступления, связанные с отмыванием денег, в соответствие с международными стандартами, в частности: перераспределение мер наказания за преступление, связанное с легализацией (отмыванием) преступных доходов, соразмерно степени общественной опасности преступления; установление административной и уголовной ответственности за случаи, связанные с использованием инсайдерской информации или манипулированием рынком ценных бумаг, установление уголовной ответственности за финансирование экстремизма;

проект закона о внесении изменений и дополнений в законодательство о защите четкого плана по предупреждению коррупции кандидатами на должности министров и губернаторов при их рассмотрении, в котором предусматривает порядок защиты кандидатами на должности министров и хокимов конкретного плана по предупреждению коррупции при их рассмотрении Законодательной палатой Олий Мажлиса и Кенгашами народных депутатов соответственно;

законопроект, направленный на устранение факторов, препятствующих деятельности адвокатов по оказанию гражданам качественной юридической помощи;

проект указа об обеспечении открытости и прозрачности процесса подбора кадров на государственную гражданскую службу, определении реестра государственных гражданских служащих, изучении уровня коррупционной восприимчивости кадров. В данный проект включаются: реестр государственных служащих; порядок изучения уровня склонности персонала к коррупции; механизмы открытого и прозрачного набора государственных служащих; оценка квалификации, потенциала и достижений государственных служащих на основе использования информационных технологий, а также определение знаний, опыта и достижений кандидатов в качестве основных критериев при назначении их на должности. Планируется ввести новую систему назначения на руководящие должности в центральном аппарате министерств и ведомств кадров, имеющих опыт работы на низовых должностях а на руководящие должности районного (городского) уровня будут назначаться кадры, имеющие опыт работы в областных и республиканских ведомствах.

Эти и другие меры призваны способствовать предотвращению коррупции в Республике Узбекистан.

Таким образом, в практической плоскости применительно к Российской Федерации и ряду других государств СНГ интерес может представить:

опыт комплексного и системного применения мер в области противодействия коррупции, который демонстрирует Узбекистан;

повышение четкости правового регулирования порядка проведения антикоррупционных мероприятий, а также координации и взаимодействия различных государственных органов и негосударственных организаций в области противодействия коррупции;

усиление государственного контроля за наиболее коррупциогенными областями государственного управления;

улучшение качественного состава и потенциала государственных служащих.

Список литературы:

1. Редкоус, В.М. Вопросы правовой политики в документах стратегического планирования государств - участников СНГ / В. М. Редкоус // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : Материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 55-62.

2. Указ Президента Республики Узбекистан от 21 апреля 2025 г. № УП-71 «О мерах эффективной организации исполнения приоритетных задач, определенных для дальнейшего совершенствования системы противодействия коррупции» // СПС «СоюзПравоИнформ». URL: spinform.ru (дата обращения: 1.11.2025).

© Редкоус В.М., 2025

Романенчук Михаил Александрович,
курсант факультета подготовки оперативных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Сагайдак Альбина Юрьевна,
заместитель начальника кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: тема посвящена анализу проблем и перспектив совершенствования правового регулирования предупреждения коррупционных преступлений в РФ. Рассматривается текущее законодательство, выявляются пробелы и предлагаются пути их устранения через уточнение понятий, внедрение новых антикоррупционных инструментов, усиление контроля за конфликтом интересов.

Ключевые слова: коррупционные преступления, предупреждение коррупции, правовое регулирование, антикоррупционное законодательство, Российская Федерация, противодействие коррупции, конфликт интересов, незаконное обогащение, прозрачность.

Термин «коррупция» раскрывается в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее ФЗ «О противодействии коррупции»). Коррупция: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица [1].

Одним из методов предупреждения коррупционных преступлений является механизм предотвращения конфликта интересов. Под конфликтом интересов в настоящем Федеральном законе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Предотвращение конфликта интересов – это комплекс мер, направленных на недопущение ситуаций, когда личная заинтересованность должностного лица может повлиять на объективность исполнения его обязанностей, что создает

почву для коррупции. Суть совершенствования этих механизмов сводится к расширению круга контролируемых лиц (включая госпредприятия, родственников), уточнению самого понятия конфликта (включая потенциальный), совершенствованию процедур декларирования и проверки, разработке четких алгоритмов урегулирования (отвод, отказ от выгоды) и усилению ответственности за нарушения, а также к внедрению превентивных мер, таких как обязательное обучение и "периоды охлаждения" для бывших чиновников.

Усиление ответственности за коррупцию - это ключевой шаг для смещения фокуса с наказания лишь отдельных физических лиц на системную ответственность организаций. Это предполагает введение эффективной и соразмерной ответственности для компаний, если коррупционные преступления совершены в их интересах или от их имени. Меры могут включать крупные штрафы, конфискацию имущества, полученного преступным путем, запрет на участие в государственных и муниципальных закупках, а также лишение лицензий.

Расширение перечня коррупционных преступлений, включая "незаконное обогащение", направлено на повышение эффективности борьбы с коррупцией. Эта мера смещает бремя доказывания законности происхождения средств на самого должностного лица, что особенно важно для борьбы с "теневой" коррупцией и сложными схемами сокрытия незаконных доходов. Введение такого состава отражает современные формы коррупции, где прямое доказательство получения взятки затруднено, и соответствует международным стандартам. Реализация этого подхода требует четкого определения порогов "значительного несоответствия", прозрачных процедур проверки и эффективных механизмов конфискации незаконно приобретенного имущества, при этом соблюдая баланс с правами граждан.

И.А. Александрова, В.М. Кондрашкин отмечают, что Одним из главных инструментов борьбы с коррупцией является конфискация собственности коррупционеров. Существующий правовой механизм конфискации собственности коррупционеров неэффективен. Его надо менять. Конфискации должно подлежать имущество, происхождение которого чиновник не сможет разумно объяснить с указанием на законные источники его происхождения. Такой подход стимулирует юридических лиц к внедрению и поддержанию действенных антикоррупционных комплексных систем и внутренних контролей, формируя корпоративную культуру нетерпимости к коррупции и соответствуя международным стандартам. Борьба с коррупцией только тогда будет чего-то стоить, если будет вестись «сверху донизу», а не наоборот. Касты неприкасаемых в нашем обществе не должно быть [2].

Также можно рассмотреть цифровизация контактов для минимизации коррупции — это стратегия, направленная на сокращение возможностей для коррупционных сделок путем замены личного взаимодействия между гражданами/бизнесом и чиновниками на автоматизированные цифровые процессы. Основная идея заключается в том, что чем меньше прямых контактов, тем меньше шансов для вымогательства, получения незаконных вознаграждений или проявления других форм коррупции. Это достигается через перевод максимально

возможного числа государственных услуг в онлайн-формат, автоматизацию принятия решений в типовых ситуациях, а также обеспечение прозрачности всех транзакций. Таким образом, цифровизация служит эффективным барьером против коррупции, повышая скорость, эффективность и справедливость предоставления услуг.

Контроль за расходами - механизм борьбы с коррупцией, выявляющий незаконное обогащение путем сопоставления расходов должностных лиц и их близких с официальными доходами. При необъяснимом расхождении активы подлежат конфискации в доход государства. Это дополняет другие меры, пресекая использование незаконно нажитого и снижая коррупционную мотивацию. Одним из важных шагов на пути противодействия коррупции в органах государственной власти стало принятие В 2012 году Государственной Думой Российской Федерации Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Вопрос о принятии данного закона в нашей стране возник уже давно. «Громкие» уголовные дела с участием должностных лиц государства стали поводом всерьез заняться разработкой и принятием данного нормативного акта, регулирующего расходы лиц, замещающих государственные должности.[3]

Повышение общественной нетерпимости к коррупции достигается через антикоррупционное просвещение и воспитание (начиная с образования), поддержку общественных инициатив и СМИ, а также формирование нулевой терпимости к любым коррупционным проявлениям. Цель – сделать коррупцию социально неприемлемой и стимулировать гражданское участие в борьбе с ней [4].

О позитивных моментах таких мероприятий по проблемам коррупции говорит в своей работе И. В. Тепляшин, который предлагает разработать специальные темы для проведения «антикоррупционных» занятий.[5] В настоящее время каждый четвертый гражданин имеет неверное представление о коррупции, что еще раз подтверждает необходимость проведения специальных мероприятий, направленных на более широкое информирование граждан о коррупции и формирование нетерпимости к ее проявлениям.

Совершенствование правового регулирования предупреждения коррупционных преступлений — это многогранный процесс, который требует не только изменения законов, но и их эффективного применения, повышения прозрачности, укрепления институтов гражданского общества и формирования в обществе нулевой терпимости к коррупции. Ключевым фактором успеха является наличие устойчивой политической воли и системного подхода к решению этой сложной задачи.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции».
2. Александрова И. А., Кондрашкин В. М. «Современная уголовная политика по противодействию коррупции»
3. Соловьева Е. П. и Цыбаков Д. Л. «Роль за расходами государственных служащих как инструмент противодействия коррупции в Носсии»

4. Волков К. А. Бытовая коррупция: от уточнения понятия к оценке состояния // Государ ственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12. С. 57-60.

5. Тепляшин И. В. Механизм правового регулирования и правовая технология: вопросы соотношения // European and Asian Law Review. 2024. № 3. Т. 7. С. 102–110. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_102.

© Романенчук М.А., 2025

Савельев Андрей Николаевич,
преподаватель кафедры информатики и математики
Санкт-Петербургского университета МВД России

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ: МЕХАНИЗМЫ МИНИМИЗАЦИИ

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ коррупционных рисков, возникающих при реализации национальных проектов и государственных программ в современных российских условиях. Научная новизна исследования заключается в разработке многоуровневой модели идентификации и оценки коррупционных рисков с учетом специфики программно-целевого управления, а также в формировании интегрированной системы превентивных мер, основанной на сочетании цифровых технологий мониторинга, институциональных механизмов контроля и совершенствования нормативно-правового регулирования. Предложенные автором решения направлены на повышение эффективности антикоррупционной политики в сфере стратегического планирования и целевого использования бюджетных средств.

Ключевые слова: национальные проекты; государственные программы; коррупционные риски; цифровизация контроля; механизмы минимизации.

Национальные проекты – главный инструмент достижения стратегических задач Российской Федерации. Основу коррупционных рисков составляют многоуровневый характер исполнения проектов, сложность в организации структур управления и масштабное финансирование инициатив. В современных условиях, где бюджет государства ограничен, минимизация коррупционных рисков – самый актуальный вопрос.

Национальные проекты необходимы для обеспечения устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, сохранения населения, экологического благополучия, технологического лидерства страны. [1]. Общий объем финансирования проектов с 2019 по 2024 гг. составляет примерно 25,7 трлн рублей. При таком масштабном финансировании необходимо создать эффективную систему контроля за исполнением бюджетных средств и минимизировать коррупционные риски на всех этапах.

Коррупционные риски в сфере национальных проектов характеризуются отличительными особенностями, которые обусловлены спецификой управления. В национальных проектах широко распространен механизм государственных закупок, который является благоприятной почвой для возникновения коррупции: личная заинтересованность может повлиять на объективное исполнение государственной программы. Планирование государственных проектов осуществляется в долгосрочной перспективе с разделением обязанностей на уровни (федеральный, региональный, муниципальный), тем самым затрудняется контроль, координация инициатив, становится легче манипулировать показателями эффективности [2].

Для данной среды характерны несколько типов коррупционных рисков. Первый тип связан с планированием и формированием программы. На начальном этапе появляется риск лоббирования интересов определенными лицами или группой лиц, завышения стоимости мероприятия, включение в проект ненужных статей расходов. Все это создает условия для нецелевого использования средств из бюджета, средства идут не по назначению, а в коррупционных целях другим лицам. Второй тип возникает на этапе распределения бюджетных средств между исполнителями и соисполнителями. В данном случае, риски напрямую связаны с предоставлением льгот отдельным категориям, нарушение конкурсных процедур и порядков тендеров, созданием препятствий для участия в реализации программ. Исполнители выбираются не объективно, не в равных условиях, а по принципу привилегий, которые предоставляются компаниям, организациям, которые находятся в особых «отношениях» с должностными лицами, занимающимися проведением тендеров. Третий тип коррупционных рисков связан непосредственно с реализацией мероприятий государственного проекта. Так, при реализации возникают возможности завышения стоимости работ, нецелевого использования выделенных средств, сюда же стоит отнести опасность государственно-частного партнерства, которое и является наиболее коррупциогенной сферой.[3]. Последний, четвертый, тип связывают с этапом оценки эффективности национальных проектов. В данном случае риски связаны с возможностью манипулирования статистикой, фальсифицированием отчетов, сокрытие некоторых статей расходной части выделенного бюджета. Все типы коррупционных рисков связаны друг с другом, один плавно вытекает из другого, поэтому, чтобы их уменьшить, недостаточно будет затронуть и изменить какую-то определенную сферу, необходимо производить изменения, которые коснуться всех этапов исполнения государственных программ.

Исходя из вышеперечисленных проблем для того, чтобы минимизировать коррупционные риски необходим комплексный подход, который будет включать в себя организационные, нормативные, управленческие и технологические меры. В первую очередь необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу, регулирующую все этапы исполнения национальных проектов. В рамках данного направления стоит усовершенствовать критерии оценивания эффективности проектов, чтобы избежать фальсификацию отчетности, а также ужесточить наказания за совершение данных действий.[4]. Во-вторых, стоит внедрить регулярный мониторинг, независимый аудит, активно вовлекать гражданского общества в процесс исполнения государственных программ. Такие меры позволят избежать нецелевого израсходования бюджетных средств, или фальсификации данных отчетов. Если изменения коснуться всех этапов планирования и реализации национальных проектов, то процент коррупционных рисков значительно снизится. При этом стоит отметить важность повышения знаний о антикоррупционном поведении сотрудников, занимающихся реализацией государственных инициатив, так обучающие программы должны охватывать и правовые, и этические нормы.

Коррупционные риски представляют огромную угрозу для эффективной реализации национальных проектов. При применении системного подхода,

включающего законодательные изменения, регулярный мониторинг и проверки, вовлечения общества в реализацию программ, позволит повысить значимость государственных проектов, улучшить социально-экономические условия в государстве, а также достичь стоящий перед страной стратегических целей и задач.

Список литературы:

1. Министерство финансов Российской Федерации. Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39965-ispolnenie_raskhodov_federalnogo_byudzheta_na_realizatsiyu_natsionalnykh_proektovysclid=mhp0u5meue79589796 (дата обращения: 05.11.2025).

2. Юхачев С. П. Коррупционные схемы при реализации национальных проектов как угроза экономической безопасности российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2009. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnye-shemy-pri-realizatsii-natsionalnyh-proektov-kak-ugroza-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 07.11.2025).

3. Дятлов Г. А. Антикоррупционные меры в сфере государственных закупок и национальных проектов // Вестник БелЮИ МВД России. 2025. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnye-mery-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok-i-natsionalnyh-proektov (дата обращения: 07.11.2025).

4. Стебенева Е.В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как мера предупреждения правонарушений должностных и иных лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №1 (97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antikorruptsionnaya-ekspertiza-normativnyh-pravovyh-aktov-i-ih-proektov-kak-mera-preduprezhdeniya-pravonarusheniy-dolzhnostnyh-i (дата обращения: 07.11.2025).

© Савельев А.Н., 2025

Савченко Майя Михайловна,
доцент кафедры экономической безопасности
Калининградского государственного технического университета,
кандидат экономических наук, доцент

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРЕДИКАТНЫЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДОБЫТЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация: в статье рассматриваются коррупционные преступления как предикатные по отношению к легализации (отмыванию) денежных средств, добытых преступным путем. Автор анализирует международно-правовые и национальные подходы к определению понятия «предикатное преступление», раскрывает механизмы взаимосвязи между коррупцией и процессами легализации преступных доходов, а также отмечает сложности разграничения стадий совершения коррупционного деяния и последующего отмывания полученных средств. Обосновывается, что коррупционные преступления и легализация преступных доходов образуют систему взаимного усиления, где борьба с одним из этих явлений способствует эффективному противодействию другому, что требует комплексных мер на уровне государственной политики и правоприменительной практики.

Ключевые слова: коррупция, предикатные преступления, легализация преступных доходов, отмывание денег, уголовное право, антикоррупционная политика, международные конвенции, финансовый мониторинг.

Современное развитие экономики и глобализация финансовых потоков сопровождаются расширением спектра преступных деяний, обладающих высоким уровнем общественной опасности и подрывающих основы функционирования государства. Одним из таких деяний является коррупция, которая не только препятствует нормальному функционированию государственных институтов, но и формирует благоприятную среду для легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем. Коррупционные преступления традиционно рассматриваются как предикатные по отношению к преступлениям, предусмотренным ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, что обусловлено их тесной связью с механизмами извлечения теневых доходов и последующим их включением в легальный финансовый оборот.

Международные стандарты, закрепленные в Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции 2003 г. и Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма 2005 г., требуют от государств-участников не только противодействия коррупции, но и эффективного пресечения трансформации коррупционных доходов в легальную экономику. В отечественной доктрине данная проблема также получила широкое освещение, однако необходимость комплексного исследования ее уголовно-правовых аспектов сохраняется [1].

В отечественной уголовно-правовой доктрине категория «предикатное преступление» является заимствованной из международного и зарубежного права, и в российском законодательстве прямо не закреплена. Тем не менее, данный термин активно используется в научных исследованиях и правоприменительной практике, обозначая преступления, в результате совершения которых образуются доходы, впоследствии легализуемые путем совершения деяний, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ.

Вопрос о том, какие именно преступления должны рассматриваться в качестве предикатных для целей легализации преступных доходов, является предметом активных научных дискуссий и законодательных решений как на национальном, так и на международном уровнях [2,3].

Согласно международным стандартам, предикатными могут признаваться любые преступления, служащие источником незаконных доходов. Так, в соответствии со ст. 6 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г., каждое государство-участник должно распространить сферу действия уголовного законодательства об отмывании на доходы, полученные от «любого преступления» [4]. Аналогичный подход закреплен и в Конвенции ООН против коррупции 2003 г., подчеркивающей необходимость борьбы не только с самой коррупцией, но и с легализацией коррупционных доходов [5].

В научной литературе выделяются несколько подходов к определению круга предикатных преступлений. Так, Н. А. Лопашенко полагает, что к ним следует относить любые деяния, сопряженные с извлечением экономической выгоды, поскольку именно они создают основу для последующей легализации [6]. И. Ю. Савельев указывает, что криминализация легализации преступных доходов теряет практический смысл без четкого понимания источников этих доходов, что предполагает более узкий, системный подход к определению предикатных деяний, одновременно отмечая, что «не каждое преступление способно породить доход, подлежащий легализации» [1 с. 87]. Таким образом, предикатные преступления, и, в частности, коррупционные, выполняют роль исходного звена в механизме отмывания денежных средств.

В международном праве доминирует широкий подход. Согласно Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма 2005 г., государства-участники обязаны признать предикатными «все уголовные преступления». Аналогично, ст. 23 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. закрепляет требование включать в число предикатных деяний коррупционные преступления и иные экономически мотивированные посягательства. Таким образом, международные стандарты ориентированы на максимально широкий охват источников незаконных доходов.

Международное право также закрепляет прямую взаимосвязь между коррупционными деяниями и легализацией преступных доходов. В частности, ст. 23 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. прямо предусматривает необходимость криминализации отмывания доходов, полученных в результате совершения коррупционных преступлений.

В российском уголовном законодательстве перечень предикатных преступлений также не ограничен узкой категорией. Ст. 174 и 174.1 УК РФ предусматривают ответственность за легализацию денежных средств и имущества, полученных преступным путем, что позволяет квалифицировать как предикатные любые деяния, образующие состав преступления. Таким образом, законодатель оставил дефиницию максимально широкой, что, с одной стороны, позволяет обеспечить универсальность уголовно-правовой охраны, а с другой – порождает проблемы правоприменительной практики, связанные с доказательством предикатного характера деяния, особенно в случае коррупционных преступлений.

Коррупционные преступления представляют собой особую категорию уголовно наказуемых деяний, обладающих высокой степенью общественной опасности и формирующих основу для получения незаконных доходов, подлежащих последующей легализации. Как отмечает И. Э. Звечаровский, именно «коррупционные преступления обладают наибольшим криминогенным потенциалом в сфере формирования «теневых капиталов», так как должностные лица используют свои властные полномочия для незаконного обогащения, обеспечивая при этом прикрытие таких доходов» [7]. Данное обстоятельство предопределяет их особую значимость как предикатных деяний.

Коррупционные преступления выполняют ключевую роль в формировании источников для последующей легализации денежных средств, добытых преступным путем. Специфика коррупционных преступлений состоит в их институциональной вовлеченности – субъектами коррупции часто выступают должностные лица, обладающие властными полномочиями, зачастую в сфере финансового и экономического регулирования. Это создает благоприятные условия для последующего сокрытия и легализации преступных доходов. Коррупционные деяния характеризуются высокой латентностью: коррупция в силу своей природы практически всегда носит скрытый характер, что затрудняет оценку масштабов их предикатного значения.

Таким образом, коррупционные преступления являются не только одним из наиболее распространённых источников формирования преступных доходов, но и одним из наиболее опасных видов предикатных деяний, поскольку они разрушают систему государственной власти, одновременно способствуя развитию теневой экономики и международных каналов легализации.

Практика свидетельствует о применении разнообразных схем отмывания, в которых коррупционные доходы выступают исходным капиталом. Основные механизмы включают формирование фиктивных хозяйственных отношений, многоступенчатые цепочки перевода средств. Крупные коррупционные схемы реализуются с использованием офшорных юрисдикций и международных транзакций.

Одной из ключевых проблем в современной уголовно-правовой доктрине является разграничение способа совершения коррупционного преступления (взятки, завладения денежными средствами) и дальнейшей легализации доходов, добытых преступным путем. Несмотря на тесную функциональную взаимосвязь

между ними, юридическое разграничение необходимо для корректной квалификации деяний, исключения двойного наказания и обеспечения эффективного расследования) [8].

Предикатное коррупционное преступление характеризуется непосредственным завладением материальными благами или денежными средствами: получение взятки за действия или бездействие должностного лица (ст. 290 УК РФ); завладение денежными средствами путем злоупотребления полномочиями (ст. 285 УК РФ). Легализация (отмывание) этих доходов представляет собой дальнейшие действия по сокрытию, перераспределению или интеграции средств в легальный оборот (ст. 174, 174.1 УК РФ). На практике граница между этими стадиями часто размыта, так как современные коррупционные схемы предусматривают одновременное получение и перемещение средств через цепочки юридических лиц, офшоры и фиктивные сделки [9].

Сложности разграничения связаны с тем, что современные коррупционные схемы интегрируют процесс получения взятки и её последующей легализации в единую цепочку операций, что затрудняет установление момента перехода от предикатного деяния к легализации [10]. При расследовании необходимо доказать не только факт совершения коррупционного преступления, но и целенаправленность последующих операций как легализации доходов, а не хозяйственной деятельности.

Одной из ключевых проблем в теории и практике уголовного права является определение конкретного момента, когда денежные средства или иные активы, полученные в результате коррупционного преступления, перестают выступать непосредственным предметом предикатного деяния и становятся объектом самостоятельной легализации. Согласно формально-юридическому подходу, коррупционный доход становится объектом легализации с момента, когда субъект совершает действия, выходящие за рамки состава предикатного преступления (например, получает взятку, а затем переводит средства оформляет фиктивные сделки). С точки зрения функционально-экономического подхода денежные средства или имущество следует признавать объектом легализации с момента его вовлечения в оборот через финансовые инструменты, сделки или операции, имеющие целью «размывание» источника происхождения [11]. При этом простое хранение или потребление в личных целях не рассматривается как легализация. Судебная практика Верховного суда РФ объединяет оба подхода, то есть отмечается необходимость учитывать как временной фактор, так и функциональную направленность последующих действий [12].

Коррупционные преступления и легализация (отмывание) денежных средств находятся в тесной взаимозависимости, образуя замкнутый цикл взаимного подкрепления: коррупция порождает финансовые ресурсы, требующие последующей легализации, а успешное отмывание средств, в свою очередь, создает условия для сохранения и расширения коррупционных практик.

Таким образом, данные виды преступной деятельности функционируют в системе взаимного усиления, где борьба с одним из элементов неизбежно

повышает эффективность противодействия другому, что обуславливает необходимость комплексного подхода в государственной антикоррупционной политике и системы финансового мониторинга.

Список литературы:

1. Савельев И. Ю. Легализация (отмывание) преступных доходов: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2019. 312 с.

2. Абрамов О. А. Противодействие легализации преступных доходов как одна из важных составляющих повышения эффективности борьбы с коррупцией // Проблемы борьбы с преступностью. 2011. № 2. С. 45–50.

3. Шебаршов М. В. Легализация преступных доходов: основания криминализации и правовая природа // Уголовное право. — 2015. — № 4. — С. 56–62.

4. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1778.

5. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

6. Лопашенко Н. А. Противодействие коррупции: уголовно-правовой и криминологический анализ. М.: Норма, 2017. 416 с., С. 201

7. Звечаровский И. Э. Коррупция и проблемы противодействия ее криминализации в России // Российский журнал правовых исследований. 2020. № 4. С. 55–68.

8. Баранов В. М., Фитуни Л. Л. Легализация преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия. СПб.: Изд-во МБИ, 2005 192 с.

9. Батяева А. Р. Финансовый мониторинг и коррупция // Журнал Российского университета дружбы народов. Серия: Право. 2009. № 4. С. 45–50.

10. Бадрудинов М. Б. Особенности противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, коррупции согласно международной практике (МСА 240, МСА 250) // Московский экономический журнал. 2019. № 2. С. 8–8.

11. Шебаршов М. В. Легализация преступных доходов: основания криминализации и правовая природа // Уголовное право. 2015. № 4. С. 56–62.

12. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации…». // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 17–22.

© Савченко М.М., 2025

Сагайдак Альбина Юрьевна,
заместитель начальника кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы влияния гражданского общества на состояние коррупционной преступности в современной России.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, преступность, гражданское общество.

На протяжении последних десяти лет коррупция остается одной из наиболее актуальных проблем нашего общества. Ежегодно растут ее масштабы, приобретая новые формы и механизмы.

Она вызывает озабоченность не только руководства страны, но и всего населения в целом. Коррумпированными сетями опутаны самые важные сферы жизни общества, такие как экономика, политика, образование, медицина, кредитование, внешнеэкономическая деятельность и другие.

По данным статистики за январь-декабрь 2024 года произошло увеличение (+5,8 %) количества преступлений коррупционной направленности и составило 38503 5,8. Увеличилось число преступлений, связанных с взяточничеством (+14,6%): из них получение взятки статья 290 УК РФ (+ 27,7%), дача взятки статья 291 УК РФ (+16,1%), посредничество во взяточничестве статья 291.1 УК РФ (+ 16,8%).

Причиной и условиями увеличение числа коррупционных преступлений может стать толерантность коррупционных проявлений со стороны общества.

В этой связи важная роль в профилактической деятельности правонарушений подобного рода принадлежит институту гражданского общества, представляющего собой совокупность негосударственных отношений и объединений, позволяющие гражданам свободно самовыражаться на добровольной основе, независимо от государства, но взаимодействуя с ним, защищая интересы людей и контролируя власть, основываясь на принципах права, свободы и самоуправления.

Федеральным законом от 25.12.2008 N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" были установлены основные принципы противодействия коррупции, а также правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней.

Коррупционная преступность представляет собой целостную совокупность преступлений, которая посягает на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления и причиняющая непосредственный вред обществу и государству в целом. Общественная опасность коррупции заключается не только в том, что она сама по себе наносит значительный ущерб

государственному управлению и экономике, но и в том, что она еще и порождает большое количество глобальных разрушительных процессов.

В условиях развития гражданского общества, формирования гражданской ответственности и основываясь на положениях теории корреляции коррупции и доверия можно выделить ее причины. Их основу составляет общественное мнение граждан об исполнении служебных обязанностей со стороны должностных лиц. Зачастую оно складывается из собственного опыта, с которым приходилось сталкиваться лично. При этом люди вынуждены полагаться на «неполную информацию».

Сторонники данной теории выделяют несколько взаимосвязанных механизмов.

Во-первых, это мнение граждан о государственных служащих. Во-вторых, мнение о законопослушности самих граждан, когда большинство членов общества, в котором государственные служащие поражены коррупцией, вынуждены участвовать в коррупционных практиках.

В-третьих, это мнение о собственном поведении, позволяющее оценить готовность личности к совершению коррупционных правонарушений для того, чтобы выжить в таком обществе.

Основной целью анализа криминологической характеристики какого-либо вида преступной деятельности является выработка на ее основе наиболее эффективных мер профилактики данных явлений. В теории криминологии выделяется три уровня профилактики любых преступных деяний: общесоциальный, специально-криминологический, индивидуальный.

На наш взгляд наиболее общими являются меры общесоциального уровня. Некоторыми учеными, например, В.Н. Кудрявцевым, отмечается некая размытость объекта применения данных мер.[1] Вышеуказанный признак выделяется автором в качестве положительного их свойства. Ведь целью общесоциальных мер является не профилактика конкретного вида преступной деятельности (преступлений коррупционной направленности), а скорее, повышение общего уровня жизни в стране.

Специально – криминологическое предупреждение коррупционных преступлений предусматривает деятельность государственных, общественных и иных органов и организаций, непосредственно призванных выявлять причины и условия правонарушений конкретного вида, принимать меры к их устранению, а также к лицам, от которых можно ожидать совершения противоправных поступков.[2]

Суть индивидуальной профилактики заключается в оказании позитивного влияния на систему ценностных ориентаций человека, направленного на преодоление его антиобщественных взглядов и установок, и формирование уважительного отношения к правопорядку.

---

[1] Кудрявцев В.Н. Криминология: учебник / В.Н. Кудрявцев, В.Е.Эминов; под. ред. В.Н. Кудрявцева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ. 2020. – С. 368

[2] Криминология: учебник для ВУЗов / Г.А.Аванесов и др.; под.ред. Аванесова Г.А. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023.-576с.

Данная деятельность проводится в отношении конкретного человека, если есть реальная возможность совершения им антиобщественного деяния.

Все вышеуказанные меры профилактики правонарушений коррупционной направленности носят фундаментальный характер и требуют значительных временных затрат. Однако решение данных задач может означать качественный шаг вперед не только во всем развитии нашего государства в целом, но и в вопросах профилактики коррупционных правонарушений.

В рамках Конвенции ООН «против коррупции» определены меры общественного воздействия, направленные на предупреждение коррупционных проявлений со стороны общества:[1]

1. усиление прозрачности и содействие вовлечению населения в процессы принятия решений;
2. обеспечение для населения эффективного доступа к информации;
3. проведение мероприятий по информированию населения, способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции, а также осуществления программ публичного образования, включая учебные программы в школах, университетах и др.

Подводя итог, можно отметить, что гражданское общество играет важную роль в формировании практики применения профилактических мер коррупционных преступлений. Именно общество формирует правовые инструменты и те варианты поведения, которые являются приемлемыми и влияют на его состояние. Нетерпимость коррупционных проявлений и выработка стандартов антикоррупционного поведения являются важной задачей государства и общества.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ "О противодействии коррупции"(с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
2. "О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы" (с изменениями и дополнениями)// Собрание законодательства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. N 34 ст. 6170
3. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. N 309 "О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О противодействии коррупции" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_144338/
4. Конвенция ООН против коррупции [Электронный ресурс] https://www.gov.spb.ru/gov/protivodejstvie-korrupcii/info-materialy/konvenciya-oon-protiv-korrupcii/

© Сагайдак А.Ю., 2025

[1] Ст. 13 «Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // «Собрание законодательства РФ», 26.06.2006 № 26 ст.2780

Селина Екатерина Петровна,
слушатель факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Яхонтова Олеся Сергеевна,
доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ОПЫТ СИНГАПУРА В СОЗДАНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация: в статье анализируется комплексный опыт Сингапура в создании одной из самых эффективных в мире систем противодействия коррупции. Рассматриваются ключевые элементы данной модели: нормативно-правовая база, деятельность специализированного антикоррупционного органа (Corrupt Practices Investigation Bureau – CPIB), институт конфискации имущества «in rem», меры по формированию антикоррупционной культуры и «честной» государственной службы. Исследуется роль политической воли и лидерства в процессе преобразований. Делается вывод о потенциальной применимости отдельных элементов сингапурского опыта в условиях современной России.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, международные практики, CPIB, предупреждение преступности.

Россия, находясь на 134-м месте по состоянию на конец 2024 года в Индексе восприятия коррупции [1], сталкивается с серьезными вызовами в этой сфере. В данном контексте представляет значительный интерес опыт Сингапура, который демонстрирует, что целенаправленные и последовательные усилия могут привести к радикальному искоренению коррупции.

Сегодня Сингапур заслуженно пользуется репутацией страны с высоким уровнем неподкупности. Успех Сингапура в борьбе с коррупцией обусловлен эффективной системой противодействия коррупции, состоящей из четырёх ключевых элементов: законодательства, судопроизводства, правоприменения и государственного управления, а также политической волей и лидерством.

Фундаментом столь масштабных преобразований стала политическая воля**.** Политическая воля к искоренению коррупции была заложена премьер-министром-основателем Сингапура Ли Куан Ю, когда в 1959 году Партия народного действия (ПНД) была избрана в состав правительства. ПНД была полна решимости создать неподкупное и меритократическое правительство и предприняла решительные и комплексные меры для искоренения коррупции на всех уровнях сингапурского общества. Благодаря непоколебимой политической приверженности и лидерским качествам правительства культура абсолютной нетерпимости к коррупции прочно укоренилась в сознании и образе жизни сингапурцев.

Эта решительность хорошо отражена в исследовании Калач А.В. и Кулакова Н.Г., «...политические лидеры РАР, понимая всю пагубность коррупционных деятельности и проявлений, сформулировали непосредственные задачи: а) свести коррупцию к минимуму; б) изменить общественное восприятие коррупции с "плюса" на "минус"; в) привлечь в обретшую независимость страну большие объемы иностранных инвестиций...» [2].

Благодаря непоколебимой политической приверженности и лидерским качествам правительства культура абсолютной нетерпимости к коррупции прочно укоренилась в сознании и образе жизни сингапурцев.

Система борьбы с коррупцией в Сингапуре опирается на сильную культуру общественной подотчётности, подкреплённую тщательно продуманной системой сдержек и противовесов, верховенством права, которое включает в себя строгие и эффективные законы, законодательную власть, открыто обсуждающую вопросы обороны и безопасности, независимую судебную систему и активное правоприменение.

В Сингапуре для борьбы с коррупцией используются два ключевых законодательных акта: Закон о предотвращении коррупции (ЗПК) и Закон о коррупции, незаконном обороте наркотиков и других тяжких преступлениях (конфискация доходов) (ЗКНДП). ЗПК имеет широкую сферу применения и распространяется на лиц, дающих или получающих взятки как в государственном, так и в частном секторе. ЗКНДП предусматривает конфискацию незаконно полученных доходов у коррумпированных лиц. Вместе эти два закона гарантируют, что коррупция останется высокорисковым и низкодоходным занятием.

Как справедливо отмечает С.И. Вейберт, «Закон по предупреждению коррупции... содержит предписания уголовно-правового характера, устанавливающие наказания за коррупционные правонарушения: собственно, коррупцию, коррупционные сделки с агентами, нарушения правил осуществления закупок путем тендера, подкуп членов парламента, подкуп членов государственного органа» [3].

Помимо прямых уголовных наказаний, ключевую роль в системе Сингапура играет институт конфискации имущества «in rem». Данный механизм, имеющий гражданско-правовую природу, позволяет изымать незаконно нажитые активы даже в тех случаях, когда уголовное преследование затруднено. Как справедливо отмечает Т.В. Филоненко, «Конфискация имущества «in rem» является формой решения традиционных уголовно-правовых задач гражданско-правовыми средствами и означает взыскание в доход государства имущества физического лица, если оно (имущество) существенно превышает источник его доходов и имеются подозрения, что оно нажито преступным путём» [4].

Эта мера делает бессмысленным любое криминальное обогащение, поскольку бремя доказывания законности происхождения имущества, не соответствующего декларируемым доходам, ложится на самого владельца. Таким образом, конфискация «in rem» является мощнейшим инструментом, который на практике обеспечивает реализацию принципа, согласно которому коррупция должна быть высокорисковым и низкодоходным занятием.

Центральным звеном правоохранительной системы является Бюро по расследованию коррупционных преступлений (Corrupt Practices Investigation Bureau, CPIB) - независимое антикоррупционное агентство Сингапура, которое возглавляет борьбу с коррупцией. Это старейшее в мире антикоррупционное агентство, созданное в 1952 году британским колониальным правительством. Оно имеет право расследовать без страха и пристрастия все коррупционные преступления, а также другие уголовные дела, в которых может быть замешана коррупция, как в государственном, так и в частном секторе.

Будучи единственным в Сингапуре органом, расследующим коррупционные преступления, CPIB постоянно стремится к тому, чтобы Сингапур был свободен от коррупции, а виновные были привлечены к ответственности. Бюро будет и впредь решительно и самоотверженно выполнять свою миссию, преодолевая стоящие перед ним сложные задачи.

Как следует из работы Ефимова Г.В., «Бюро изучает методы работы потенциально подверженных коррупции государственных органов с целью обнаружения возможных слабостей в системе управления. Если выясняется, что подобные пробелы могут привести к коррупции и злоупотреблениям, бюро рекомендует главам этих отделов принять соответствующие меры»[5]. Такой превентивный подход позволяет устранять саму возможность для коррупционных злоупотреблений.

Эффективность правоприменения была бы невозможна без независимой судебной системы, обеспечивающей защиту от политического вмешательства. Председатель Верховного суда назначается президентом по рекомендации премьер-министра и Совета президентских советников. Окружные судьи и магистраты назначаются президентом по рекомендации председателя Верховного суда. Различные положения Конституции также гарантируют независимость Верховного суда. Прозрачная и объективная в своём стремлении к верховенству закона судебная система признаёт серьёзность проблемы коррупции и занимает позицию сдерживания, назначая крупные штрафы и тюремные сроки для коррупционеров.

Не менее важным направлением является создание «честной» государственной службы. Она руководствуется Кодексом поведения, который устанавливает высокие стандарты поведения, ожидаемые от государственных служащих, основанные на принципах честности, неподкупности и прозрачности. Практика меритократии на государственной службе вкупе с регулярными пересмотрами административных правил и процессов в целях повышения эффективности также сокращают возможности для коррупции. В ходе расследований с участием государственных учреждений CPIB также проведет процедурные проверки, чтобы указать области работы или процедуры, которые могут быть использованы для коррупционных действий.

Ожидается, что государственные служащие будут добросовестно выполнять свои обязанности и нести ответственность в рамках своей службы на благо страны. Если будет доказано, что какая-либо коррупционная сделка связана с контрактом или предложением о заключении контракта с государством, осуждённый будет обязан выплатить штраф в размере не более 100 000 долларов

США или отбыть тюремное заключение на срок не более 7 лет, либо и то и другое, за каждое коррупционное преступление. Закон о борьбе с коррупцией также предусматривает презумпцию того, что любое вознаграждение, полученное или выплаченное лицом, работающим на правительство или государственный орган, является коррупционным. Бремя доказывания того, что презумпция не соответствует действительности, лежит на лице, получившем вознаграждение. Кроме того, государственные служащие обязаны сообщать о любых случаях предложения, получения или требования вознаграждения. Согласно Закону о борьбе с коррупцией 1960 года, государственные служащие, которые без уважительной причины не арестуют лицо, дающее или предлагающее им взятку, могут быть привлечены к ответственности в виде штрафа в размере не более 5000 долларов США или лишения свободы на срок не более 6 месяцев, либо и того, и другого [6].

Особого внимания заслуживает подход к материальному стимулированию чиновников. В работе Степанова О.А. подчеркивается, что «...в Сингапуре – стране, победившей коррупцию, в целях стимулирования законопослушного поведения чиновников пошли по пути <...> подняли заработную плату государственных служащих и судей (до 1 миллиона долларов в год), т. е., с одной стороны, продемонстрировано усиление ответственности, а с другой – поощрение за добропорядочное поведение...» [7]. Эта мера, наряду с другими, позволила привлекать на государственную службу высококвалифицированные кадры и минимизировать соблазн коррупции.

Исследователь коррупции в Сингапуре Jon S. T. Quah выделяет две стратегические линии, проводимые властями в данном направлении: а) снижение возможности проявления коррупции путём ужесточения законодательства к правонарушителям (взяточникам) и ужесточения в пресечении коррупционного поведения; б) снижение возможности совершения злоупотреблений должностными лицами путём «повышения жалованья и условий службы» [8].

Успешность данного комплексного подхода, сочетающего «кнут и пряник», подтверждается не только внутренними результатами Сингапура, но и высокой оценкой международных экспертов. Это делает его крайне интересным для изучения и творческого применения в других странах, включая Россию.

Из исследования Облогина С.Ю. вытекает, что «Несмотря на жесткость антикоррупционной политики Сингапура, ее, в целом, можно назвать справедливой. Применение всех четырех составляющих этой политики в российской практике вполне позволило бы нашему Отечеству выйти из списка наиболее коррумпированных государств. Достигнутый, не имеющей практически никаких природных ресурсов, Сингапуром экономический успех может быть примером для России, обладающей огромными и разнообразным по видовому составу природноресурсным потенциалом» [9].

Таким образом, Опыт Сингапура доказывает, что коррупция – это не фатальная неизбежность, а управляемый вызов. Его адаптация в России требует не механического копирования законов, а, в первую очередь, формирования такой же непоколебимой политической воли, готовности к системным реформам и последовательной работы по изменению общественного сознания.

Список литературы:

1. Corruption Rank by Country 2024 // TradingEconomics. URL: https://ru.tradingeconomics.com/country-list/corruption-rank (дата обращения: 04.11.2025).

2. Калач А.В., Кулакова Н.Г. Противодействие коррупции и борьба с коррупционными проявлениями в Сингапуре и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Вестник СЮИ. – 2019. – С. 38.

3. Вейберт С.И. Нормативно-правовой и управленческий опыт Сингапура в противодействии коррупции // Вопросы управления. — С. 170.

4. Филоненко Т.В. О мерах противодействия коррупции в России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: опыт Сингапура // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 3. С. 147.

5. Ефимов Г.В. Борьба с коррупцией в Сингапуре // Россия и АТР. – 2008. – № . – С. 126.

6. Anti-Corruption Policy // Official website of the Ministry of Defence of Singapore. URL: https://www.mindef.gov.sg/defence-matters/mindef-policies/anti-corruption-policy/ (дата обращения: 04.11.2025).

7. Степанов О.А. О противодействии коррупции уголовно-правовыми и иными средствами в России и за рубежом // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 38–40.

8. Quah, Jon S. T. Corruption in Asian Countries: Can't It Be Minimized? / Jon S. T. Quah // Public Administration Review. – November 1999 – December 1999. – Vol. 59, No. 6.

9. Облогин С.Ю. Сингапурская антикоррупционная политика как наиболее удачная модель противодействия коррупции // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2023. – № Т.8, Вып. 1. – С. 593.

© Селина Е.П., 2025

Симончук Екатерина Романовна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ПРОБАЦИИ: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Аннотация: в статье проведён анализ коррупционной преступности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, рассмотрены количественные и качественные её показатели. Автор приводит обоснование возможности использования статистических данных и теоретических разработок по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, полученных до 2023 года, применительно к характеристике института пробации в силу содержательного сходства указанных видов деятельности. Оценены потенциальные риски и направления распространения коррупционных проявлений в сфере пробации, предложены варианты их устранения (минимизации).

Ключевые слова: пробация; ресоциализация; социальная адаптация; социальная реабилитация; коррупция.

Коррупция оказывает негативное влияние на развитие экономики и социальной сферы, подрывает правовую основу государства. О необходимости поддержания высоких темпов борьбы с коррупционными проявлениями в нашей стране на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России высказывался Президент Российской Федерации, В.В. Путин [1]. Однако в 2024 году по сравнению с аналогичным периодом 2023 года наблюдается прирост преступлений коррупционной направленности на 5,8%, что продолжает тенденцию, наблюдающуюся последние 4 года (в 2023 году прирост составил 3,0%, в 2022 году 0,8%, в 2021 году 13,8%).

Отдельного внимания требует вопрос состояния коррупционной преступности в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС). В силу направленности деятельности, прежде всего, на исправление осужденных, рассматриваемая нами проблематика во ФСИН России имеет важное значение. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р, включает в себя в том числе положение о необходимости «укрепления правопорядка и законности» в исправительных учреждениях, исправительных центрах и следственных изоляторах [2]. Однако проведение аналитического обзора и разработка своевременной реакции на сложившуюся ситуацию осложняются закрытым характером функционирования ведомственных учреждений.

В настоящий момент ведение соответствующей статистической отчетности осуществляется по Приказу ФСИН России от 14 октября 2015 года № 949 «Об утверждении формы статистической отчетности ФСИН-7 «Кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы» и инструкции по её представлению и заполнению» [3], раздел 04 «Сведения о преступлениях среди сотрудников

УИС». При этом формируемые отчеты не подлежат опубликованию в открытых источниках, а на расширенном заседании Коллегии по итогам работы ведомства в марте 2025 года данный аспект не освещался.

Исследователи, получившие эмпирические данные посредством организации и проведения самостоятельных криминологических опросов сотрудников УИС, а также изучения уголовных дел, по которым были осуждены должностные лица ФСИН России, указывают на напряженность существующей обстановки в местах лишения свободы, «которая связана с совершением преступлений не только осужденными, но и сотрудниками УИС» [4, с. 196]. Ряд авторов актуализируют проблему латентности преступлений, совершаемых должностными лицами ФСИН России, а также высказывают сомнения относительно достоверности данных ведомственной отчетности [5; 6; 7].

Одним из аргументов, подтверждающих тезис о возможной неполноте статистических данных, является порядок рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний: в числе критериев «доля осужденных, совершивших преступления после постановки на учет УИИ» [8]. Нельзя исключать в таком случае стремление руководителей умолчать о фактах, негативно характеризующих вверенное им подразделение. Аналогичная логика применима к ведению статистической отчетности соблюдения законности сотрудниками УИС. По мнению С.И. Гирько, при оценке состояния преступности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации необходимо ориентироваться преимущественно на метод экспертных оценок, официальная же статистика лишь при условии совершенствования регистрационной деятельности будет отражать реальное состояние преступности [9, с. 108].

Рассмотрим далее структуру преступности сотрудников учреждений и органов УИС. Преобладающий мотив – корыстный, наиболее часто рассматриваемая нами категория должностных лиц привлекается к ответственности по ст. 290 УК РФ [10, с. 540]. Согласно исследованию, проведенному авторским коллективом Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, перечень должностей, замещаемых лицами, совершившими преступления в исправительных учреждениях, характеризуется неоднородностью: от начальника исправительного учреждения и инспектора группы надзора отдела безопасности до сотрудников отдела по воспитательной работе с осуждёнными и врачей медицинской санитарной части [11, с. 7]. Большая часть коррупционных преступлений связана с предоставлением условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, с переводом осужденных из одного исправительного учреждения в другое, а также с предоставлением необоснованных льгот и послаблений в режиме отбывания наказания [12, с. 8].

Исследовательская задача настоящей статьи заключается в оценке рисков распространения коррупционных проявлений в рамках системы пробации, получившей законодательное закрепление в нашей стране в 2023 году. Отсутствие ранее соответствующей правовой нормы не исключало проведение уполномоченными субъектами мероприятий по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, прежде всего, освободившихся из мест лишения

свободы, а также оказания психологической помощи осужденным, согласно ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ. Факт содержательного сходства данной деятельности и института пробации позволяет оперировать статистическими данными и теоретическими разработками, накопленными до принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». Следовательно, коррупционные риски, описанные нами ранее, могут проявиться и в сфере пробационных отношений.

Кроме того, детальное ознакомление с нормативной правовой базой института пробации демонстрирует наличие двух идентичных этапов проверки информации о нуждаемости лица в пробационных мерах. В п. 9 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» содержится определение трудной жизненной ситуации, нахождение в которой является обязательным условием применения в отношении лица пробации. При этом конкретные критерии, по которым уполномоченный сотрудник мог бы оценить трудность жизненной ситуации ни в федеральном, ни в ведомственном законодательстве не представлены.

В то же время в приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 года № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”» изложены критерии и методика оценки индивидуальной нуждаемости лица в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (Приложение № 4) [13]. Предполагаем, что критерии трудной жизненной ситуации и индивидуальной нуждаемости лица будут схожими. По этой причине некорректным представляется существование в данном вопросе нескольких правовых понятий, имеющих аналогичное содержание. С практической точки зрения также нежелательно увеличивать количество этапов, прохождение которых необходимо для начала применения пробации, по крайней мере, на начальной стадии реализации данного правового института: дополнительные формально-правовые аспекты могут снизить его востребованность. Необходимо минимизировать факторы, препятствующие дальнейшему развитию пробации в нашей стране, учитывая её ценность, в том числе для предупреждения рецидивной преступности.

В заключение отметим, что личное усмотрение субъекта пробации, в том числе сотрудника уголовно-исполнительной системы, при принятии решения о необходимости применения в отношении лица пробационных мер может привести к потере объективности данного правового института. Предложенная в упомянутом ранее приказе Министерства юстиции Российской Федерации таблица для оценки нуждаемости лица в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации отличается логической стройностью и полнотой. Однако необходимость личной проверки уполномоченным сотрудником УИС представленной лицом информации увеличивает значение человеческого фактора и субъективизма в процессе принятия решения.

Перспективным представляется вариант автоматизации данного процесса путём подачи заявления в электронном формате с последующей его обработкой с помощью алгоритмов искусственного интеллекта на основе поиска информа-

ции в имеющемся массиве баз данных. Таким образом удастся снизить шаблонную работу сотрудников по поиску подтверждающей информации, что позволит сконцентрировать их усилия на непосредственной реализации пробационных мер.

Список литературы:

1. Расширенное заседание коллегии МВД // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 05.11.2025).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р (ред. от 27 мая 2023 года) «О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru. 05.05.2021.

3. Приказ ФСИН России от 14 октября 2015 года № 949 (ред. от 8 ноября 2016 года) «Об утверждении формы статистической отчетности ФСИН-7 «Кадровое обеспечение уголовно-исполнительной системы» и инструкции по её представлению и заполнению» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Румянцев Н.В., Хотькина О.К. Особенности коррупционных проявлений в УИС // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 195–197.

5. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // ВЭПС. 2016. № 1. С. 216–219.

6. Хохрин С.А. Уголовно-исполнительная характеристика пенитенциарной преступности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 2–2. С. 149–154.

7. Ваганов А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и её профилактика: Автореф. дисс. … к.ю.н. Челябинск, 2012. 30 с.

8. Приказ ФСИН России от 8 апреля 2013 г. № 172 (ред. от 7 июля 2015 года) «Об утверждении положения об определении рейтинговой оценки деятельности уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 6. 2013.

9. Гирько С.И. Состояние преступности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и проблемы безопасности исправительного учреждения // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 106–113.

10. Шурухнов Н.Г. Противоправные деяния сотрудников уголовно-исполнительной системы: статистика, квалификация, вид наказания // Человек: преступление и наказание. 2023. № 4. С. 538–545.

11. Вопросы квалификации и расследования должностных преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях: практическое пособие / С.В. Валов, Н.Н. Ильин и др. М.: Московская академия Следственного комитета, 2022. 90 с.

12. Сивцов С.А. Коррупционные преступления в исправительных колониях России и механизмы противодействия им: Автореф. дисс. … к.ю.н. Саратов, 2017. 37 с.

13. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ “О пробации в Российской Федерации”» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru. 30.11.2023.

© Симончук Е.Р., 2025

Смирнов Роман Владимирович,
слушатель института подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сироткина Татьяна Геннадьевна
преподаватель кафедры криминологии
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВЫЯВЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема выявления и минимизации коррупционных рисков в деятельности сотрудников следственных органов Российской Федерации. Новизна работы заключается в том, что автор выявляет системные и индивидуальные факторы, детерминирующие коррупционное поведение, а также анализирует специфику служебных полномочий следователя, создающих потенциал для коррупционных преступлений. Кроме того, автором представлена классификация коррупционных рисков, особое внимание уделяется латентности коррупции.

Ключевые слова: коррупция; предупреждение коррупции; следственные подразделения; следственная деятельность; служебные полномочия; коррупционные риски; коррупционер; дача взятки; получение взятки.

Эффективность борьбы с преступностью неразрывно связана с уровнем доверия общества к правоохранительной системе. В этом контексте коррупция представляет собой одну из наиболее опасных форм девиации, поскольку она не только подрывает авторитет государственной власти, но и напрямую может влиять на отправление правосудия, вести к безнаказанности лиц, совершивших преступления.

В настоящее время коррупционная преступность имеет тенденцию к росту. Так, согласно статистическим данным МВД России, за период январь-декабрь 2024 года было зарегистрировано 38503 преступления коррупционной направленности (+5,8%). При этом из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве в отчетном периоде было раскрыто 33729 преступлений (-0,4%) [2]. Что касается 2025 года, то за период январь-август 2025 года было зарегистрировано 32851 преступление (+15,1%). Наибольшее число таких преступлений связано со взяточничеством (20074 преступления, +18,7%). Наименьшую долю составляет мелкий коммерческий подкуп (194 преступления, -5,4%) [3].

За отчетный период январь-декабрь 2024 года было выявлено 18360 лиц, совершивших преступления коррупционной направленности. Из них 47 лиц – в возрасте 16-17 лет, 1666 лиц – в возрасте 18-24 лет, 1690 – 25-29 лет, 11033 – 30-49 лет и 3924 лица – в возрасте 50 лет и старше. Большинство из них (10150) имели высшее профессиональное образование. Ранее совершали преступления – 2805 лиц [4].

Элементом коррупционной преступности являются коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел. Высокий уровень латентности данного вида преступности, к сожалению, не позволяет отразить реальные масштабы коррупции среди сотрудников органов внутренних дел. В частности, проблема выявления коррупционных рисков в следственной деятельности остается недостаточно изученной. Традиционные карательные меры, направленные на уже свершившиеся факты правонарушений, не позволяют осуществлять эффективную профилактическую деятельность. В связи с этим необходима криминологическая оценка коррупционных рисков.

Применительно к государственной службе В. В. Астанин рассматривает коррупционные риски, как вероятность возникновения коррупционного поведения, которое может быть вызвано: несоблюдением обязанностей, запретов и ограничений, установленных для государственных служащих в связи с прохождением государственной службы; реализацией полномочий при осуществлении профессиональной деятельности государственного служащего [1, с. 8].

Под коррупционным риском в данной статье мы понимаем вероятность совершения сотрудником следственного органа преступления коррупционной направленности, обусловленную наличием условий и обстоятельств, объективно связанных с осуществлением его профессиональных функций.

Специфика следственной деятельности порождает комплекс коррупционных рисков, основными детерминантами которых являются:

1. Широкий спектр властных полномочий, решения по реализации которых носят властно-распорядительный характер (возбуждение уголовного дела, самостоятельное направление хода расследования и др.).

2. Личное усмотрение при оценке доказательств, квалификации деяния.

3. Невозможность общественного контроля за принимаемыми решениями.

4. Наличие так называемых «точек давления», которые возникают в процессе взаимодействия следователя с иными участниками процесса, которые могут быть заинтересованы в определенном исходе дела.

На наш взгляд, классификацию коррупционных рисков в деятельности следователя можно представить следующим образом:

– риски, связанные с принятием процессуальных решений (неправомерный отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращения, риск коррупционного влияния на избрание меры пресечения);

– риски, связанные с проведением следственных действий (возможность фальсификации доказательств, внесение в протоколы следственных действий заведомо ложных сведений, риск неполноты проведения следственных действий);

– риски, связанные с взаимодействием с участниками процесса и третьими лицами;

– организационные и кадровые риски (риск профессиональной деформации, которая выражается в формировании у следователя убеждения в своей безнаказанности и вседозволенности, что, в свою очередь, снижает внутренние личностные психологические барьеры для совершения коррупционных преступлений).

Для эффективного противодействия рассматриваемым рискам необходимо совершенствовать систему выявления и минимизации коррупционных рисков. Например, разумным представляется внедрение криминологического мониторинга и прогнозирования с помощью автоматизированных систем анализа служебной деятельности. Критериями такого анализа могут служить статистические отчеты о прекращенных уголовных делах, отчеты о частоте изменения меры пресечения, длительность расследования, количество жалоб на действия следователя и т.д. Согласимся с мнением А. С. Черепанова, что «Фундамент эффективности выработки и реализации мер по противодействию коррупционным преступлениям закладывается при исследовании основных характеристик, свойств и качеств личности преступника – сотрудника ОВД» [5, с. 42].

Отдельным вопросом следует рассмотреть кадровую работу. Не секрет, что в настоящее время в системе МВД существует кадровый голод. Нагрузка на отдельных сотрудников возрастает с каждым годом, а оплата труда, к сожалению, не выдерживает конкуренции по сравнению с «гражданскими» профессиями. Кроме того, формальным остается психологический аспект принятия лица на должность следователя. Необходимо расширенное тестирование, позволяющее отследить личности, склонные к коррупционному поведению. Важным аспектом представляется проведение регулярных тренингов, создание атмосферы нетерпимости к любым проявлениям коррупции внутри коллектива.

Выявление коррупционных рисков в деятельности сотрудников следственных органов должно являться не «разовой акцией», а непрерывным, системным процессом, требующим применения современных криминологических методик. Служебные полномочия и процессуальные решения следователя должны подвергаться глубокому анализу, что позволит не только выявлять уже совершенные преступления, но и прогнозировать, минимизировать потенциальные коррупционные угрозы. Это, в свою очередь, будет способствовать укреплению законности и повышению доверия граждан к системе уголовного правосудия.

Список литературы:

1. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2013. – 37 с.

2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 28.10.2025).

3. Состояние преступности в России за январь-август 2025 г. / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/70644759/ (дата обращения: 28.10.2025).

4. Ф. 492. Кн. 1. Сводный отчет по России «Сведения о лицах, совершивших преступления». Разд. 1. «Сведения о возрастных, гендерных, образовательных и криминологических характеристиках лиц, совершивших преступления», январь-декабрь 2024 г.

5. Черепанов, А. С. Криминологическая характеристика личности сотрудника органов внутренних дел как субъекта коррупционного преступления / А.С. Черепанов // Научный портал МВД России. – 2020. – № 2(50). – С. 40-47.

© Смирнов Р. В., 2025

Смольяков Анатолий Антонович,
профессор кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации;
Андреев Семен Петрович,
врио заместителя начальника
кафедры общеправовых дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

Аннотация: в статье рассмотрен положительный опыт борьбы с коррупцией в некоторых зарубежных странах, где достигнуты самые существенные успехи в деле противодействия коррупции. Приведены актуальные нормативные правовые акты, действующие на территории государств с самым эффективным антикоррупционном законодательством.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, борьба с коррупцией, антикоррупционная политика, формы проявления, коррупционные преступления.

Изучение положительного зарубежного опыта противодействия коррупции и реализации международным правом нормативных установлений и апробированных на практике антикоррупционных стандартов поможет создать надежные правовые, политические, экономические и духовно-нравственные предпосылки для эффективной борьбы с коррупцией и, главное, ликвидации причин и условий, ее порождающих.

По мнению специалистов в таких странах, как Дания, Новая Зеландия, Финляндия, Сингапур, Швеция, Канада, Нидерланды, Швейцария, Австралия, Норвегия, Австрия, Германия, Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Франция, Израиль, Япония достигнуты самые существенные успехи в деле противодействия коррупции, По мировому индексу восприятия коррупции указанные государства – в первой тридцатке наиболее благополучных в коррупционном отношении стран. Коррупция здесь тотально отслеживается на всех уровнях и звеньях управленческой иерархии, анализируется во всех ее аспектах и формах проявления. Формы антикоррупционной деятельности достаточно разнообразны: от создания эффективного антикоррупционного законодательства, отладки мониторингового научного анализа тенденций коррупционной преступности до пропаганды и поощрения законопослушного поведения, формирования здоровой нравственной атмосферы общественных отношений. Не случайно эти

государства находятся на самых высоких позициях в мировых рейтингах социально-экономической конкурентоспособности и коррупционной чистоты.

Накопленный мировым сообществом опыт свидетельствует, что наибольших успехов добились те страны, где деятельность по противодействию коррупции возведена в ранг государственной политики и там; где эта работа системно институционализирована; где обеспечена широкая гласность и в полную меру задействованы все средства.

Проанализируем интересный, на наш взгляд опыт некоторых наиболее антикоррумпированных стран Европы.

Применение эффективных мер по борьбе с коррупцией в Нидерландах привело к тому, что государство в настоящее время находится в первой десятке коррупционно благополучных стран не только Европы, но и всего мира. Система борьбы с коррупцией в стране основана на постулатах Стратегии общественной честности и системного устранения причин коррупции, принятой в 1996 г. [1] Нормативный акт предоставляет комплекс самых разнообразных принципов, а также мероприятий по противодействию этому социальному злу. Рассмотрим некоторые из них:

– гласность в вопросах обнаружения коррупции и широкое публичное обсуждение причин и последствий предпринимаемых мер. Прежде всего, в части совершенствования судебной практики и ужесточения наказаний за коррупционные правонарушения. Это находит свое выражение в том, что каждый год Министр внутренних дел страны направляет в Парламент страны доклад о тенденциях коррупционных процессов, о принятых мерах по наказанию лиц, замеченных в коррупционных связях, о мероприятиях по дальнейшему усилению противодействия коррупции и полученных конкретных результатах минимизации ее последствий;

– система мониторинга возможных очагов коррупционной напряженности, усиление контроля деятельности лиц, находящихся на должностях повышенного коррупционного риска, составление «маршрутных карт» нейтрализации зон наибольшей коррупционной опасности. Такие карты проливают свет на природу коррупции и показывают, как один тип коррупции связан с другим; с помощью «сигнализаторов коррупции» помогают выявить уязвимые места и определить меры, которые окажут реальное оздоровительное воздействие; обращают особое внимание обращают на те участки, где просматривается повышенная опасность возникновения коррупции. «Маршрутные карты» акцентируют внимание на анализе конкретных проблем и их конкретном решении;

– основная форма наказания за коррупционное действие – не уголовное наказание, а штрафы, запрещение службы на руководящих постах в государственных структурах, лишение льгот и преимуществ, которыми обладают государственные служащие (хорошее денежное содержание, повышенная пенсия, социальные льготы, санаторно-курортное обслуживание). Однако политический деятель или судья, совершивший коррупционное преступление, может получить наказание в виде лишения свободы до 12 лет;

– пристальное внимание службам внутренней безопасности государственных органов и частных кампаний, в обязанность которых входит своевременное

выявление, регистрация и пресечение нарушений антикоррупционных правил, нейтрализация последствий таких нарушений;

– общедоступность всей полноты материалов, связанных с коррупционными расследованиями;

– наличие системы обучения граждан, которая разъясняет социальную сущность, формы проявления, масштабность политического, экономического и морального вреда, который наносит коррупция, последствия для тех, кто совершает коррупционные деяния.

В государстве длительное время эффективно существует специальная полиция по выявлению и пресечению случаев коррупции, действует система отбора на должности, отличающейся высоким уровнем коррупционных рисков, образовались четко функционирующие формы отчетности и гласности в вопросах обнаружения фактов коррупции.

В рамках нашей статьи мы не могли проанализировать мероприятия в плане сдерживания коррупционных проявлений, которые проводит Правительство Великобритании. По общепринятому мнению, английское законодательство о борьбе с коррупцией, которое начало свое формирование еще в XIX в. с момента принятия в 1889 г. Закона «О взяточничестве в публичных организациях» [3] и его последовательного обновления в дальнейшем) достаточно полностью соответствует современным международным антикоррупционным стандартам. В основе государственной стратегии борьбы с коррупцией сложились семь базовых принципов: бескорыстие, неподкупность, объективность, подотчетность, открытость, честность, личный пример.

Закон предусматривает эффективные процедуры контроля за всеми участниками служебных и корпоративных правоотношений, предусматривает оперативный переход к новой, более действенной системе наказаний за коррупционные правонарушения. К ответственности за коррупционные правонарушения привлекаются даже те субъекты, которые только косвенным образом причастны к деятельности неблагонадежных компаний, в том числе зарубежных. В стране активно реализуются предложения Всемирного экономического форума «Партнерство против коррупции» и «Инициативы по повышению прозрачности деятельности добывающих отраслей». Позитивную роль играют общие этические стандарты поведения государственных служащих. За взяточничество предусматриваются не только штрафы, но и увольнение с работы, лишение пенсии. Совершивший коррупционное преступление может быть осужден к реальному сроку от трех до семи лет. В Министерстве внутренних дел функционирует специальное Управление жалоб на сотрудников полиции.

Для определения наиболее опасных коррупциогенных зон и реальной оценки возможных коррупционных рисков используются «индикаторы коррупционности». Например, индикаторами нецелевого, использования государственных средств выступают использование служебного автотранспорта в личных целях; неоправданные расходы на питание, проживание и личные цели; использование государственного имущества в личных помещениях; оплата труда сотрудников из бюджетных средств за выполнение частных поручений; назначение приближенных и родственников на государственные должности.

В Законе «О борьбе со взяточничеством» от 1 июля 2011 г. [2] коррупция трактуется в узком смысле и означает «предложение, передачу, вымогательство или принятие стимулов или вознаграждений, которые могут повлиять на действия органов власти, их членов или представителей». Документ собрал в себе все нормы ныне действующих антикоррупционных законодательных актов, добавил немало новых положений, закрепил шесть принципов антикоррупционной политики в стране: экстерриториальность; своевременность оценки коррупционных рисков; обязательность требований антикоррупционного законодательства для всех без исключения служащих; систематическая проверка кадров на предмет их благонадежности; доступность информации, касающейся коррупционной проблематики; систематический контроль.

Особый акцент сделан на противодействии таким коррупционным проявлениям, как подкуп, мошенничество, хищение активов и нецелевое использование информации, злоупотребления в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. За что предусмотрено лишение свободы, оплата стоимости подарка, ссуды или иного вознаграждения, лишение пенсионного обеспечения, права избрания или назначения на государственную должность сроком до семи лет. Действует также норма об уголовной ответственности юридических лиц, в том числе за пассивность в борьбе со взяточничеством.

Серьезные проблемы с коррупцией испытывает и современная Германия, что подталкивает руководство страны к повелению активных антикоррупционным мероприятий. К числу правовых актов, направленных на борьбу с коррупцией в стране, можно отнести Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, федеральные законы «О борьбе с коррупцией», «О дисциплинарном режиме государственной службы», «О дисциплинарном режиме государственной службы». К числу организационно-правовых мер антикоррупционной политики принадлежат Директива Федерального правительства по борьбе с коррупцией в государственных органах управления, Рекомендации по соблюдению кодекса антикоррупционного поведения.

Существенно расширен перечень коррупционных преступлений в рамках антикоррупционной политики. Предусматриваются жесткие меры наказания за уход от правдивого декларирования доходов, за корыстное использование чужих тайн, подделку документов, ложные свидетельства и подлоги, не говоря уже о протекционизме, незаконной предпринимательской деятельности, отмывании денег, полученных преступным путем.

Противодействие коррупционным отношениям осуществляется на основе принципов, которые включают в себя: заботу о государственной казне и расширении конкуренции; стимулирование высокой этики предпринимательства; запрет уволенным со службы должностным лицам в течение пяти лет заниматься предпринимательством; санкционированный контроль за телефонными разговорами и Интернет перепиской; защита главного свидетеля; гласность. Наказания предусматривают: лишение свободы, штрафные санкции, лишение права на занятие должности, конфискация имущества в пользу государства.

Нельзя не отметить тот факт, что модель коррупции во Французской Республике во многом сходна с той, которая сложилась в Российской Федерации,

убеждены специалисты. Основные зоны коррупции: государственный бюджет, государственный заказ, деятельность политических партий, финансирование избирательных кампаний; государственная и муниципальная служба; взаимоотношения между органами власти различных уровней и предпринимательскими структурами в процессе заключения подрядных контрактов на проведение общественных работ.

В стране функционирует закон «О предотвращении коррупции, прозрачности экономической деятельности и публичных процедурах», достаточно качественно выполняет свои обязанности Правительственная комиссия по этике и Президентский совет по предотвращению конфликта интересов. Более двух десятилетий работает Межведомственная комиссия по контролю рынка государственных заказов и общественных работ. Активную роль на направлении борьбы с отмыванием нелегальных доходов выполняет служба «Тракфин» при Министерстве экономики. Счетная палата наделена правом контроля назначения на должности государственной службы. Комиссия по финансовой гласности в сфере политической жизни контролирует имущественное положение парламентариев и правдивость их «деклараций чести». В качестве органов противодействия коррупции действуют Центральная дирекция юридической полиции, Центральная дирекция общего информирования, Центральный офис наказания за нарушения в финансовой сфере. Соблюдение запрета чиновникам совмещать административную деятельность с депутатским (сенатским) мандатом или любым другим видом платной деятельности в частном или общественном секторах, финансирования политических партий и избирательных кампаний является предметом особого внимания указанных структур.

В Министерстве юстиции Франции создана Центральная служба предотвращения коррупции. В ее задачи входит: антикоррупционный мониторинг нормативных актов; сбор и анализ информации, касающейся коррупции; антикоррупционный консалтинг; содействие в международной борьбе с коррупцией. Особое внимания уделяется таким преступлениям, как «торговля влиянием», «фаворитизм», «подкуп свидетелей или оказание давления на них», «влияние на сотрудников международных организаций». В целях предупреждения и пресечения коррупции введено в действие несколько нормативных актов, обязывающих всех государственных служащих сообщать о своем имуществе и доходах в соответствующие независимые инстанции. Обеспечивается также широкая гласность деклараций, введено функциональное разделение между должностными лицами. Службы контроля получили право отсрочки принятия актов, содержание которых может создать условия для возникновения коррупции. Эффективно действует механизм защиты сотрудников, которые способствуют раскрытию коррупционных преступлений. Наказания по коррупционным делам достаточно суровы: взятка карается лишением свободы до десяти лет или штрафом в двукратном размере от полученного «поощрения».

И в заключение нашего анализа остановимся на эффективном опыте по борьбе с коррупцией нашей северной соседки – Финляндии, которая является одной из наименее коррумпированных стран планеты. Залог ее успеха в этом направлении деятельности заключаются в развитых институтах гражданского

общества, независимости судов, активности Средств массовой информации, гласности процесса принятия социально значимых государственных решений, оптимальности соотношения государственного и частного в экономике, низком уровне бюрократизации управления, отсутствии клановости, достойном уровне заработной платы и наличием достойного «социального пакета» для служащих. Главные принципы антикоррупционной политики, проводимой лидерами государства: законность, ответственность и добропорядочность. Государственная политика профилактики и пресечения коррупции реализуется в соответствии с Программой борьбы с преступлениями в экономической сфере, которая была принята в 1996 г. Закона о коррупции в Финляндии не существует. Отсутствуют также и специальные антикоррупционные правоохранительные службы – главная роль принадлежит Канцлеру юстиции и Омбудсмену Парламента страны. Коррупционные дела против высших должностных лиц особой категории рассматриваются в специально созданном Государственном суде. В борьбе с коррупцией широко используются международно-правовые акты.

Всесторонний анализ и эффективное применение зарубежного опыта в сфере борьбы с коррупцией чрезвычайно важны. Основные закономерности функционирования государственного аппарата управления универсальны и в части противодействия коррупции, и не особенно зависят от национальной специфики. Масштабы коррумпированности не определяются государственными границами.

В Российской Федерации взяты на вооружение многие общепринятые в мире стандарты организационно-правового механизма противодействия коррупции.

Список литературы:

1. Стратегия общественной честности и системного устранения причин коррупции. 1996 г. СПС Консультант Плюс.

2. Закон «О борьбе со взяточничеством» от 1 июля 2011 г. СПС Консультант Плюс.

3. Закон «О взяточничестве в публичных организациях». СПС Консультант Плюс.

© Смольяков А.А., Андреев С.П., 2025

Соколянская Виктория Антоновна,
курсант факультета подготовки специалистов
по программам высшего образования
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Василиади Александр Христофорович
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России

ЭТИЧЕСКИЕ КОДЕКСЫ КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СТАНДАРТА ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в статье исследуется роль этических кодексов как элемента антикоррупционного стандарта поведения сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Научная новизна работы заключается в комплексном анализе этических регуляторов не только как инструмента морально-нравственного воздействия, но и как действенного механизма противодействия коррупции в правоохранительной сфере. Рассматриваются функции, правовая природа и практика применения этических кодексов, а также выявляются проблемы их реализации. Предлагаются меры по повышению эффективности этических стандартов, включая совершенствование обучения, контроля и общественного надзора.

Ключевые слова: этические кодексы; антикоррупционная политика; органы внутренних дел; профессиональная этика; коррупционные риски; служебное поведение; правоохранительная деятельность.

Коррупция остается одной из ключевых угроз национальной безопасности, стабильности государственных институтов и общественного доверия к власти. Особую значимость проблема коррупции приобретает в правоохранительной сфере, где от честности и неподкупности сотрудников зависят эффективность борьбы с преступностью, защита прав граждан и поддержание законности. В этой связи формирование антикоррупционной культуры в органах внутренних дел (ОВД) является важнейшей задачей, требующей комплексного подхода, включающего правовые, организационные и этические механизмы.

Одним из действенных инструментов противодействия коррупционным проявлениям служат этические кодексы, закрепляющие стандарты профессионального поведения и морально-нравственные ориентиры для сотрудников ОВД. Эти документы не только устанавливают нормы служебной этики, но и способствуют профилактике злоупотреблений, формированию нетерпимости к коррупции и укреплению репутации правоохранительных органов.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования антикоррупционных механизмов в системе МВД, повышения эффективности этических регуляторов и их гармонизации с законодательными нормами.

В работе анализируется роль этических кодексов как элемента антикоррупционного стандарта поведения сотрудников ОВД, рассматриваются их функции, правовая природа и практика применения. Особое внимание уделяется вопросам внедрения этических принципов в повседневную деятельность правоохранителей, а также вызовам, связанным с обеспечением их соблюдения.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении этических кодексов не только как инструмента морально-нравственного регулирования, но и как действенного элемента антикоррупционной политики в правоохранительной сфере.

Согласно ФЗ №273 «О противодействии коррупции» под понятием коррупция понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. [1.]

Основным фактором коррупционных рисков является взяточничество, которое в свою очередь, может быть обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. Внешние коррупционные риски при охране общественного порядка возникают, когда сотрудники полиции за взятку могут проигнорировать правонарушение или, наоборот, угрожать незаконным привлечением к ответственности для личной выгоды. Это чаще всего происходит при составлении протоколов, задержании граждан или доставлении их в отдел. Внутренние коррупционные риски в ОВД связаны с тем, что руководитель может вымогать взятки у подчинённых за служебное покровительство, например, за сокрытие нарушений или создание льготных условий при распределении нарядов и маршрутов патрулирования. [2, с.140]

Кроме того, внутренние коррупционные риски могут проявляться в процессе кадрового продвижения, когда должности распределяются не по профессиональным качествам, а в результате неформальных договоренностей или «вознаграждений». Это подрывает мотивацию добросовестных сотрудников.

Этические кодексы призваны минимизировать подобные риски, устанавливая четкие морально-нравственные рамки поведения и формируя культуру служебной честности. В отличие от правовых норм, которые фиксируют запреты и санкции за их нарушение, этические стандарты воздействуют на ценностные ориентиры сотрудников, способствуя внутреннему неприятию коррупции.

Международные стандарты служебного поведения сотрудников правоохранительных органов нашли свое отражение в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году [3]. Данный документ закрепляет фундаментальные принципы профессиональной деятельности, включая обязательство уважать и защищать человеческое достоинство, применять силу только в исключительных случаях, а также сохранять конфиденциальность информации. Особое внимание уделяется

запрету на пытки и другие жестокие виды обращения, что соответствует международным нормам в области прав человека.

В Российской Федерации аналогичные принципы закреплены в Этическом кодексе сотрудника органов внутренних дел, утвержденном Приказом МВД России №161 от 2019 года [4]. Этот документ детализирует нормы профессионального поведения, включая требования о недопустимости коррупционных действий, необходимости проявлять вежливость и уважение к гражданам, а также соблюдать нейтралитет при выполнении служебных обязанностей. Кодекс также подчеркивает важность поддержания высоких моральных качеств как в служебной, так и во внеслужебной деятельности.

Сравнительный анализ международных и российских нормативных актов показывает их принципиальную общность в части базовых этических требований к сотрудникам правоохранительных органов. Однако российское законодательство содержит более детализированные положения, учитывающие специфику национальной правовой системы и организационной структуры МВД

Президиумом Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции одобрены Методические рекомендации «Организация антикоррупционного обучения федеральных государственных служащих» (протокол от 25 сентября 2012 г. № 34), предусматривающие обеспечение получения федеральными государственными служащими знаний, в том числе о морально-этических аспектах противодействия коррупции. [5, с.133]

К числу основных морально-этических принципов служебного поведения сотрудников ОВД относятся верность государству, беспристрастность, добросовестность, чувство долга, справедливость, интеллигентность и совесть [6, с. 932–933]. Однако на практике решающую роль в предотвращении коррупционных действий зачастую играет не столько внутренняя убеждённость в необходимости соблюдения этических норм, сколько осознание неотвратимости наказания за их нарушение, в частности за получение взятки.

Запреты и ограничения, закреплённые в этических кодексах сотрудников органов внутренних дел, играют ключевую роль в формировании антикоррупционного стандарта поведения. К числу основных ограничений относится запрет на получение подарков и иных материальных благ от граждан и организаций, связанных с профессиональной деятельностью. Исключение составляют лишь символические подарки стоимостью до 3 тысяч рублей, соответствующие нормам делового этикета и не создающие конфликта интересов. Особое внимание уделяется недопущению конфликта интересов, что предполагает обязательное уведомление руководства о любой личной заинтересованности, способной повлиять на объективность принимаемых решений. Сотрудникам запрещается использовать служебное положение в личных целях, включая давление на бизнес, протекционизм или извлечение выгод из своего статуса.

Внеслужебная деятельность также строго регламентирована: не допускается участие в сомнительных коммерческих проектах или публичные высказывания, способные подорвать доверие к ведомству. Важнейшим элементом является запрет на злоупотребление полномочиями, включая фальсификацию доказательств, незаконные задержания и участие в коррупционных схемах.

Нарушение этих норм влечёт за собой дисциплинарную, административную или даже уголовную ответственность, а также включение в «коррупционные списки» с последующим запретом на государственную службу. Эти меры формируют систему, направленную на минимизацию коррупционных рисков и поддержание высокого уровня доверия к правоохранительным органам.

Анализ практики применения этических кодексов в деятельности органов внутренних дел выявил ряд системных проблем, снижающих их эффективность в качестве антикоррупционного инструмента. Основной недостаток заключается в формальном характере соблюдения установленных норм, когда принципы не находят реального воплощения в повседневной служебной практике. Это проявляется в поверхностном отношении к этическим требованиям, отсутствии личной ответственности за их нарушение.

Серьезной проблемой остается слабая система контроля и ответственности за нарушения этических норм. Существующие механизмы надзора не обеспечивают оперативного выявления нарушений и не предусматривают действенных мер воздействия на нарушителей. Особое внимание следует уделять непрозрачности процедур расследования и отсутствие единых критериев оценки этических нарушений.

Для повышения эффективности этических кодексов как действенного инструмента противодействия коррупции необходимо реализовать комплекс практических мер. В первую очередь, требуется внедрение системы регулярного обучения и тренингов по антикоррупционной этике, которые должны стать обязательным элементом профессиональной подготовки сотрудников [7]. Особое внимание следует уделять разбору конкретных ситуаций, возникающих в служебной деятельности, и выработке практических навыков этического поведения.

Важным шагом в улучшении работы этических кодексов является внедрение продуманной системы проверки и отчетности. Такой подход должен включать несколько ключевых элементов:

Во-первых, необходимо регулярно оценивать обстановку в подразделениях — насколько серьезно сотрудники относятся к этическим нормам, есть ли проблемы, которые требуют внимания. Это можно делать с помощью анонимных опросов или открытых обсуждений.

Во-вторых, руководители должны лично отчитываться о том, как в их отделах соблюдаются антикоррупционные правила. Это повысит ответственность и покажет, что требования к этике — не просто формальность.

В-третьих, стоит активнее использовать технологии — специальные программы и алгоритмы, которые помогают выявлять подозрительные действия или возможные риски коррупции. Например, анализ служебных запросов, жалоб или финансовых отчетов.

Отдельное внимание нужно уделить контролю со стороны общества. Граждане должны иметь удобные способы сообщить о нарушениях — через "горячие линии", онлайн-приемные или мобильные приложения. Также важно привлекать независимые организации к проверкам работы полиции и открыто разбирать каждый случай нарушений.

Реализация этих мер позволит преодолеть формальный подход к соблюдению этических норм и создать действенную систему профилактики коррупционных проявлений. Ключевое значение приобретает формирование культуры, в которой соблюдение этических норм становится неотъемлемой частью профессиональной идентичности сотрудников правоохранительных органов. Только комплексный подход, сочетающий нормативное регулирование, системный контроль и постоянное воспитание этических принципов, может обеспечить реальную эффективность антикоррупционных механизмов и укрепить доверие граждан к органам внутренних дел.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 13.07.2025).

2. Тамазов, Э. И. Коррупционные риски в сфере охраны общественного порядка // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – № 3. – С. 140–145. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsionnye-riski-v-sfere-ohrany-obschestvennogo-poryadka (дата обращения: 16.07.2025).

3. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка [принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_enforcement.shtml (дата обращения: 16.07.2025).

4. Приказ МВД России от 12.02.2019 № 161 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902140019 (дата обращения: 17.07.2025).

5. Черногор, Н. Н., Залоило, М. В., Иванюк О. А. Роль этических и нравственных норм в обеспечении соблюдения запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции // Журнал российского права. – 2021. – № 5. – С. 133–145. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-eticheskih-i-nravstvennyh-norm-v-obespechenii-soblyudeniya-zapretov-ogranicheniy-i-trebovaniy-ustanovlennyh-v-tselyah (дата обращения: 12.07.2025).

6. Сафонов, О. И. Этические основы противодействия коррупции государственного служащего // Государственное управление. Электронный вестник – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-osnovy-protivodeystviya-korruptsii-gosudarstvennogo-sluzhaschego Лаптева Л. Е., Юртаева Е. А. Этические правила противодействия коррупции // Антикоррупционное образование. – 2022. – № 2. – С. 45–58. – URL: https://uyrgii.ru/sites/default/files/pagefiles/eticheskie_pravila_protivodeystviya_korrupcii_lapteva_l.e._yurtaeva_e.a.pdf (дата обращения: 12.07.2025).

© Соколянская В.А., 2025

Стебенева Елена Викторовна,
докторант научно-исследовательского отдела
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

КОРРУПЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕЗИСЫ)

Аннотация: в статье изложены ключевые аспекты, касающиеся видов криминологической трансформации коррупции, авторской модели механизма криминологического противодействия коррупции, содержание которой включает идеологические, концептуально-стратегические основы, субъектов и объекты антикоррупционного воздействия.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, концептуально-стратегические основы антикоррупционной деятельности.

Проблеме противодействия коррупции отводится достаточно много внимания в государственной политике любой страны, что трудно подвергнуть сомнению с точки зрения актуальности и приоритетности, так как данная деятельность является одной из государственных задач по обеспечению безопасности страны и рассматриваемое явление выступает одной из ее угроз.

В современном мире происходящие процессы отличаются скоротечностью, высокой интенсивностью, и, как закономерность, ввиду происходящих изменений в общественных отношениях, в уголовной политике, так или иначе происходят трансформации как преступности в целом, так и её отдельных проявлений, каковыми являются коррупционные деяния. Несомненно, наибольшей общественной опасностью, обладают проявления коррупции в виде коррупционных преступлений. Это обуславливает необходимость разработки криминологически обоснованной модели механизма противодействия коррупции путем комплексного анализа коррупционных преступлений и их трансформаций; особенностей коррупционного преступного поведения, коррупциогенных детерминантов с учетом идеологических, концептуально-стратегических и правовых основ.

Исследование криминологической трансформации коррупции позволило прийти к следующим выводам:

– коррупция проявляет себя в правовой, личностной, видовой, превентивной трансформации, что необходимо учитывать в противодействии данному явлению;

– своеобразная институализация коррупции, наделяет ее определенными, пусть и нелегальными, функциями, что формирует коррупционную культуру, частью которой выступает коррупционная идеология, детерминирующая коррупционное преступное поведение и имеющая доминантное значение в совокупности с коррупциогенными факторами;

– особенностями коррупционного преступного поведения является постоян-

ство, статичность мотивации, но при этом изменчивость, под воздействием распространенных в обществе морально-ценностных установок, потребностей, интересов, увлечений, формирующих её, что обуславливает подверженность трансформации видов, способов совершения коррупционных преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности;

– определена возможная предикативная связь между коррупционными правонарушениями – например, не предотвращение конфликта интересов, приводит к злоупотреблениям служебным полномочиями; недостоверность предоставленных сведений о доходах является следствием получения взяток и их сокрытия;

– особенности личности преступника, выявленные в ходе сравнительного криминологического исследования, показали различия с иными «корыстными» преступниками на различных уровнях - когнитивном, эмоциональном, волевом (выше уровень правосознания, ниже риск ориентированность поведения, преступное поведение реализовано за счет недостатка в волевой регуляции); также определены вектора личностной трансформации не только негативной направленности, но и позитивной – раскаяние и сожалении о содеянном.

Модель криминологического противодействия коррупции может состоять из следующих элементов:

– антикоррупционная идеология, довлеющая над всем механизмом[1],

– доктринально-концептуальные и тактико-стратегические основы противодействия коррупции;

– субъекты, объекты антикоррупционного воздействия; приоритетные направления антикоррупционной деятельности.

В ходе построения рассматриваемой модели в виде криминологического конструкта, выявлен недостающий, на наш взгляд, фундаментально значимый элемент механизма криминологического противодействия коррупции, закреплявший бы, с учетом идейной основы, доктринальные положения антикоррупционной деятельности, с целью восполнения которого могла бы выступить Концепция криминологического противодействия коррупции, послужившая бы в дальнейшем доктринальной основой всей антикоррупционной деятельности в целом.

Исключая ее обособленность, и тех идей, принципов, закрепленных в ней, в качестве своеобразной пролонгации внедрения ее в отечественное законодательство, требуются изменения в иные нормативные правовые акты (в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400; в федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; в Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 и др.); а также дополнения

[1] Идеология как часть культуры общества может как детерминировать коррупцию, так и противодействовать ей. Запускающим элементом в коррупционном преступном поведении выступает мотивация, формирующаяся благодаря потребностям, интересам и пр., поддающимися влиянию морально-нравственных ценностей, установок, прививаемых в обществе, что выводит на приоритетное место именно идеологическую основу противодействия.

и изменения в действующую Национальную стратегию противодействия коррупции, утвержденную Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460; в разрабатываемые национальные, региональные и ведомственные планы, выступающие тактической основой рассматриваемой деятельности.

Изучение особенностей трансформации коррупции в современном обществе и разработка механизма криминологического противодействия ей, служит эффективному обеспечению антикоррупционной безопасности как части криминологической, что приобретает особую значимость для национальной безопасности страны в целом; выступает концептуальной основой и определяет вектора государственной политики в обозначенной деятельности.

© Стебенева Е.В., 2025

Сухарева Варвара Андреевна,
слушатель Института психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соломатина Елена Александровна,
доцент кафедры криминологии
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в статье рассматриваются воспитательные аспекты антикоррупционной деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации. Анализируются правовые основы противодействия коррупции, раскрывается роль воспитательной работы в формировании антикоррупционного мировоззрения сотрудников, а также предлагаются направления совершенствования системы профилактики коррупционных проявлений в ОВД.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, воспитательная работа, органы внутренних дел, антикоррупционная деятельность, правовое воспитание.

Коррупция остаётся одной из наиболее острых социальных проблем современного российского общества, оказывая разрушительное воздействие на государственные институты, подрывая доверие граждан к власти и препятствуя эффективному развитию государства. Особое значение противодействие коррупции приобретает в системе органов внутренних дел, так как именно сотрудники органов внутренних дел призваны обеспечивать законность и правопорядок. Любые коррупционные проявления в их среде наносят серьёзный урон репутации правоохранительных органов, вызывают общественное недоверие и снижают эффективность государственной антикоррупционной политики.

В этой связи одной из ключевых составляющих профилактики коррупционных правонарушений в органах внутренних дел является воспитательная работа, направленная на формирование у сотрудников устойчивых нравственных и правовых установок, нетерпимости к коррупционным проявлениям и приверженности принципам законности и служебной этики [1]. Воспитательная деятельность рассматривается как системный и целенаправленный процесс, основанный на правовых нормах и моральных ценностях, закреплённых в российском законодательстве и ведомственных актах.

Нормативно-правовая база антикоррупционной деятельности в России включает ряд ключевых документов, которые определяют принципы и механизмы противодействия коррупции. Важнейшим из них является Федеральный

закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3], который устанавливает правовые и организационные основы, меры предупреждения и ответственности за коррупционные правонарушения. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [4], закрепляет основные права и обязанности сотрудников, а также ограничения, направленные на предупреждение злоупотреблений. Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утверждённый Приказом МВД № 460 от 26 июня 2020 года [2] содержит нормы служебной морали и служебного поведения, которые играют ключевую роль в воспитании сотрудников и формировании корпоративной культуры, основанной на честности, ответственности и законопослушании.

На основе указанных нормативных актов строится комплексная система воспитательной антикоррупционной деятельности, направленная на формирование у сотрудников правосознания, профессиональной этики и устойчивых моральных ориентиров. Воспитательная работа включает разъяснение правовых последствий коррупционных правонарушений, формирование уважения к служебным традициям, повышение уровня правовой культуры и развитие чувства личной ответственности за соблюдение закона. Эти задачи решаются как в процессе профессиональной подготовки и служебной деятельности, так и через систему наставничества, морального поощрения и воспитательных мероприятий.

В практике работы органов внутренних дел применяются различные формы и методы воспитательной работы, которые дополняют друг друга. Одна из важнейших форм – правовое информирование и обучение, включающее в себя лекции, семинары и инструктажи на тему соблюдения антикоррупционного законодательства.

Значимую роль играет психолого-педагогическое сопровождение сотрудников и работников органов внутренних дел, которая укрепляет нравственные, моральные, этические принципы, а также устойчивость к воздействию внешних фактора.

Считаем, что для достижения более высоких результатов в воспитательной работе необходимо активнее использовать современные интерактивные методы обучения – деловые игры, анализ ситуаций, практические тренинги. Они помогут закрепить правовые и моральные знания, превратив их в устойчивые навыки поведения. Также стоит развивать систему наставничества, усиливать моральное поощрение добросовестных сотрудников и повышать ответственность руководителей за состояние воспитательной работы в своих подразделениях. Эффективный контроль, оценка реальных результатов воспитательных мероприятий – условие устойчивого антикоррупционного воспитания.

Стоит отметить, что у курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России антикоррупционное воспитание является одним из важных направлений в подготовке их, как специалистов.

Эффективность формирования антикоррупционного поведения курсантов и слушателей во многом зависит от правильной постановки задач и их полного решения в период обучения. Одной из таких задач является передача антикоррупционных знаний обучающимся, а также:

-нравственно-психологическое воспитание - формирование моральных убеждений и качеств, нравственных чувств и привычек моральных потребностей, коллективной и личной ответственности, выдержки, дисциплинированности, настойчивости, целеустремленности, самостоятельности;

-воспитание к самосовершенствованию и самопознанию с целью осмысления фундаментальных проблем коррупции, личностного и профессионального саморазвития;

-воспитание антикоррупционного поведения (готовности служить закону, людям и противодействовать коррупции) [5].

Курсанты и слушатели образовательных организаций системы МВД России являются особой категорией в системе антикоррупционного воспитания. В эти учебные заведения поступают представители различных социальных слоёв и групп, что определяет их неоднородность по социально-демографическим, нравственно-психологическим и личностным характеристикам [6].

Поступая в учебное заведение, каждый обучающийся уже имеет определённый уровень правосознания и правовой культуры, собственное мировоззрение и отношение к коррупции и коррупционным проявлениям в принципе. Формирование этих качеств начинается задолго до поступления — в семье, школе, внешкольных организациях и ближайшем социальном окружении.

Поэтому, основы антикоррупционного воспитания необходимо закладывать на ранних этапах получения профессионального образования, ещё до начала обучения в системе МВД РФ, что сегодня является одним из приоритетных направлений воспитательной работы в образовательных организациях.

Таким образом, воспитательные аспекты антикоррупционной деятельности в органах внутренних дел представляют собой важнейший элемент комплексной системы профилактики коррупции. Формирование антикоррупционного мировоззрения у сотрудников требует не только правового регулирования, но и целенаправленной воспитательной работы, включающей моральное воздействие, обучение и личный пример руководства. Только сочетание этих факторов способно обеспечить высокий уровень законности и профессиональной этики в деятельности органов внутренних дел, укрепить доверие граждан и повысить эффективность борьбы с коррупцией в целом.

В современных условиях, характеризующихся цифровизацией государственного управления, ростом информационной открытости и активным участием гражданского общества в контроле над деятельностью государственных структур, воспитательная работа приобретает новое содержание и формы реализации. Особое значение приобретают ценностно-ориентированные подходы, направленные на развитие у сотрудников устойчивой внутренней мотивации к соблюдению антикоррупционных норм, а не только внешнего правового принуждения.

Считаем, что системное внедрение современных педагогических технологий, интерактивных форм и методов обучения, механизмов этического сопровождения профессиональной деятельности позволяет не только формировать устойчивые антикоррупционные установки, но и создавать благоприятную кор-

поративную культуру, в которой коррупционные проявления становятся социально неприемлемыми. Перспективным направлением является интеграция воспитательных мероприятий с кадровой политикой, системой наставничества и оценкой профессиональных компетенций сотрудников.

Список литературы:

1. Приказ МВД РФ № 1138 от 26 июня 2020 г. «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (дата обращения: 28.09.2025).

2. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции». – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (дата обращения: 28.09.2025).

3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». // СПС КонсультантПлюс . – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (дата обращения: 28.09.2025).

4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW (дата обращения: 28.09.2025).

5. Антикоррупционная направленность правового воспитания курсантов и слушателей в образовательном процессе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя / под редакцией д.ю.н., профессора С.В. Иванцова. - М.: 2020. 200 стр.

6. Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России: учебное пособие / [В.А. Уткин и др.]. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – с.

© Сухарева В.А., 2025

Сыроежкин Алексей Михайлович,
преподаватель кафедры
административного права и процесса имени Л.Л. Попова
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В АВСТРАЛИИ

Аннотация: в статье исследованы отдельные меры противодействия коррупционным правонарушениям в Австралии. Рассмотрена ответственность за совершение коррупционных правонарушений, в частности уголовная ответственность юридических лиц, а также отдельные предписания о действиях, направленных на профилактику соответствующих деяний. Изучена система властных субъектов, реализующих функции по противодействию коррупции. Национальной комиссия по противодействию коррупции наделена соответствующей компетенцией в отношении коррупциогенных факторов, связанных с органами и должностными лицами федерального уровня, при этом коррупционные правонарушения региональных органов и должностных лиц являются предметом ведения штатов и территорий.

Ключевые слова: Австралия; административное право; коррупция; органы публичной власти; публичная власть; противодействие коррупции.

Коррупция представляет собой одну из наиболее опасных угроз государственного управления, снижает эффективность функционирования публичной власти и доверие граждан к ее органам [1; 2]. Причины и источники указанного негативного явления крайне многочисленны, особенно с учетом постоянных изменений в обществе ввиду научно-технического прогресса. Однако некоторые из них существуют фактически с зарождения правовых систем и сами по себе не только не влекут негативных последствий для социума, но и необходимы для его нормального функционирования. Отрицательные последствия от таких факторов возникают при искажении их изначальных функций. К указанным источникам можно отнести в том числе и такой неотъемлемый элемент государственного управления как административное усмотрение [3]. Следовательно, противодействие коррупции подразумевает не просто устранение коррупциогенных факторов, но и приведение отдельных необходимых для социума явлений в такое состояние, при котором они приносят обществу пользу, а риск проявления негативных последствий сведен к минимуму, что требует принятия широкого спектра мер. Для совершенствования способов и методов противодействия коррупции, с учетом ее глобального характера [4, с.83], целесообразно учитывать опыт зарубежных стран, в том числе Австралии.

Безусловно в каждом государстве коррупция обладает своими уникальными свойствами, однако существуют и общемировые формы ее проявления [5, с. 315], способы противодействия которым в равной степени актуальны для любой

юрисдикции. В этой связи к одному из ключевых элементов предупреждения несоблюдения предписаний о противодействии коррупции следует отнести установление юридической ответственности. В Австралии действуют федеральная и региональные правовые системы, предусматривающие ответственность за коррупционные правонарушения [6, с.107]. При этом отмечается относительно высокая степень кодификации законодательства о противодействии указанным деяниям [7]. Борьба с коррупцией регламентирована как федеральными нормативными правовыми актами, так и законами штатов Австралии. [7] Уголовным законодательством рассматриваемой страны предусмотрена ответственность за коррупционные правонарушения как физических, так и юридических лиц [6, с.109], что свойственно для многих юрисдикций [8, с.57-116]. В соответствии со статьей 70.5A федерального Уголовного кодекса 1995 года [9] преступлением признается непринятие организацией мер по предотвращению дачи взятки иностранному должностному лицу (failing to prevent bribery of a foreign public official). При этом юридическое лицо освобождается от ответственности за неприятие мер по предотвращению дачи взятки иностранному должностному лицу в случае, если такое юридическое лицо сможет доказать имплементацию достаточных процедур для предотвращения дачи взятки. Исходя из данного предписания и статьи 13.4 данного акта бремя доказывания того, что должные меры были применены, возлагается на обвиняемого. Впрочем, согласно положениям главы 4 Уголовного кодекса 1995 года подтверждение отдельных фактов, свидетельствующих о допустимости и правомерности поведения, относится к обязанности и физических лиц [10]. Следовательно, к особенности противодействия коррупции в Австралии следует отнести перераспределение бремени доказывания при рассмотрении дел о коррупционных правонарушениях.

Другими значимыми предписаниями, обеспечивающими предотвращение коррупционных деяний, выступают положения о действиях, направленных на профилактику соответствующих правонарушений. Система противодействия мошенничеству и коррупции 2024 года [11] направлена на обеспечение деятельности субъектов публичной власти. В нее входят принятые во исполнение Закона об управлении, деятельности и ответственности 2013 года [12] Правила об управлении, деятельности и ответственности 2014 года (далее – Правила) [13]. В частности, секцией 10 Правил предусмотрены обязанности по оценке коррупционных рисков, составлению и постоянному совершенствованию планов противодействия коррупции, создание должностей и структурных подразделений по противодействию коррупции, введению эффективных механизмов профилактики и расследования коррупционных правонарушений. Кроме того, Система противодействия мошенничеству и коррупции также включает Политику противодействия мошенничеству и коррупции (The Commonwealth Fraud and Corruption Policy) и Руководство по управлению ресурсами (Resource Management Guide 201: Preventing, detecting and dealing with fraud and corruption), дополняющие Правила.

К основам мер по предотвращению дачи взятки иностранному должностному лицу следует отнести Руководство по достаточным процедурам для предот-

вращения дачи взятки иностранному должностному лицу (далее – Руководство) [14]. Указанные предписания носят обобщенный характер и их выполнение не влечет безусловного освобождения от ответственности, при этом совершение коррупционного правонарушения также не всегда означает непринятие должных мер, во всех случаях достаточность принятых процедур устанавливается судом. К основным принципам указанных мер относят установление пропорционального и эффективного внутреннего контроля, участие руководства организации в противодействии коррупции, оценка коррупционных рисков, проявление должной осмотрительности при работе с контрагентами, установление систем обучения и связи для работников, реализация механизма уведомления о коррупционных правонарушениях и защиты сообщивших о таких деяниях лиц, постоянный мониторинг и пересмотр программ соблюдения законодательства.

В Австралии противодействие коррупции реализуется значительным числом властных субъектов [7], включая Департамент Генерального Прокурора (Attorney-General's Department), Федеральную полицию Австралии (Australian Federal Police), Комиссию по ценным бумагам и инвестициям Австралии (Australian Securities and Investments Commission) [15]. В рассматриваемой сфере ключевым органом выступает Национальная комиссия по противодействию коррупции (The National Anti-Corruption Commission, далее – Национальная комиссия), основы правового статуса которой установлены законом 2022 года [16]. Национальная комиссия реализует функции по противодействию коррупции, связанной с должностными лицами федерального уровня, при этом превенция соответствующих правонарушений обеспечивается не только проведением расследований, мониторинга, но и посредством обучения лиц, связанных с публичным управлением, мерам по противодействию коррупции, предоставлением им информации о коррупционных рисках. Указанный орган наделен статусом независимого агентства (independent Commonwealth agency), что означает его неподотчетность органам исполнительной власти. Национальную комиссию возглавляет комиссар, к основным функциям которого относится обнаружение и предварительное расследование коррупционных нарушений и ситуаций, связанных с риском совершения таких правонарушений, расследование значительных и (или) систематических коррупционных деяний, сообщение о вышеуказанных деяниях, осуществления надзора за расследованиями дел о коррупции, проводимыми иными федеральными органами, публичное расследование коррупционного поведения, обучение и предоставление сведений о коррупционных правонарушениях и борьбе с ними, сбор и анализ соответствующих сведений, дача рекомендаций органам исполнительной власти. Указанные функции обеспечиваются деятельностью заместителей комиссара, генеральным директором и сотрудниками Национальной комиссии.

Надзор за Национальной комиссией производится Объединенным комитетом Парламента по Национальной комиссии (Parliamentary Joint Committee on the National Anti-Corruption Commission, далее – Объединенный комитет) и Инспектором Национальной комиссии (Inspector of the National Anti-Corruption Commission, далее – Инспектор). Объединенный комитет участвует в формировании состава Национальной комиссии, рассматривает доклады о деятельности

Национальной комиссии и Инспектора, вносит в Парламент рекомендации по изменению их функций, полномочий, процедур, структуры и состава Национальной комиссии. Кроме того, Объединенный комитет контролирует обеспеченность бюджета Национальной комиссии, однако не вправе пересматривать ее решения, используемые методы и реализуемые действия. Инспектор наделен статусом независимого должностного лица Парламента (independent officer of the Parliament). К его функциям отнесены расследование обвинений сотрудников Национальной комиссии в грубых или систематических коррупционных правонарушениях, рассмотрение жалоб на действия указанного органа, мониторинг деятельности Национальной комиссии на предмет соблюдения законодательства, выявление ненадлежащего управления и неправомерных действий ее сотрудников.

Примечательно, что Национальной комиссия не наделена функциями по противодействию коррупции, связанной с деятельностью должностных лиц штатов и территорий Австралии, а также муниципальных образований, соответствующие полномочия возлагаются на иные властные субъекты. Так исходя из Закона Нового Южного Уэльса о Независимой комиссии по противодействию коррупции 1988 года [17] Независимая комиссия по противодействию коррупции (Independent Commission Against Corruption) проводит расследования коррупционных правонарушений, осуществляет мониторинг нормативных правовых актов и деятельности органов публичной власти регионального и местного уровней для представления рекомендаций по снижению коррупциогенных факторов, проводит обучение и информирование.

Сходными полномочиями наделена Комиссия по профессиональной этике Тасмании (Integrity Commission) в соответствии с законом 2009 года [18], Независимая антикоррупционная комиссия Виктории (Independent Broad-based Anti-corruption Commission) – на основании закона 2011 года [19]. При этом в штате Квинсленд Комиссия по противодействию преступлениям и коррупции (Crime and Corruption Commission), исходя из закона 2001 года [20], помимо коррупционных преступлений расследует и иные категории противоправных общественно опасных деяний.

Следовательно, в Австралии действуют как федеральные, так и региональные органы по противодействию коррупции, при этом особенностью системы данных властных субъектов выступает разграничение компетенции в зависимости от принадлежности должностных лиц, в деятельности которых усматривается коррупционный риск.

Таким образом, противодействие коррупции в Австралии реализовано посредством установления юридической ответственности за соответствующие деяния, в том числе предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц за непринятие мер по предупреждению коррупционных правонарушений. Кроме того, официально изданы рекомендации по реализации способов борьбы с данным негативным явлением, предусмотрено информирование и обучение борьбе с коррупциогенными факторами. Деятельность по противодействию коррупции реализуется федеральными и региональными органами с учетом распределения

компетенции в зависимости от принадлежности должностных лиц, в деятельности которых усматривается коррупционный риск, к федеральному, региональному или местному уровню.

Список литературы:

1. Поляков М. М. Противодействие коррупции органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. №5-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korruptsii-organami-ispolnitelnoy-vlasti-subektov-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 04.11.2025).

2. Бакурова Н. Н. К вопросу о противодействии коррупции в сфере исполнения судебных решений: право и человеческий фактор // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 21 - 23. // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (04.11.2025).

3. Зайцев Д. И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. №11 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-usmotrenie-v-tsifrovuyu-epohu (дата обращения: 07.11.2025).

4. Старостин С.А., Поляков М.М. Международно-правовое регулирование противодействия коррупции в государственном управлении Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 81-92.

5. Зайцев Д.И. Особенности публично-правового обеспечения государственного суверенитета Китая // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности: Сборник докладов XIV Московской юридической недели. В 6 ч. Ч. 2. Москва, 26–29 ноября 2024 года. М., 2025. С. 314-318.

6. Трунцевский Ю.В. Антикоррупционное право современной Австралии // Полицейская деятельность. 2016. № 1. С. 105-112.

7. Воронин Ю. А., Вейберт С.И. Уголовно-правовая политика Австралии в сфере противодействия коррупции: состояние и перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2013. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-politika-avstralii-v-sfere-protivodeystviya-korruptsii-sostoyanie-i-perspektivy (дата обращения: 04.11.2025).

8. История противодействия коррупции на государственной службе России и зарубежных стран в XX веке. Монография / под ред. Д.К. Нечевина. М., 2023. 128 с.

9. Criminal Code Act 1995 // Сайт Federal Register of Legislation [Официальный сайт]. URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text (дата обращения: 04.11.2025).

10. Hafidz, Jawade & Fitri, Dini & Azam, Muhammad & Arifullah, Achmad & Wiranto, Agus. The Corruption Reduction with an Administrative Law Approach: Evidence from Australia // Journal of Human Rights, Culture and Legal System. 2024. Vol. 4 No. 3. Pp. 822-841. URL: https://www.researchgate.net/publication/387276759_The_Corruption_Reduction_with_an_Administrative_Law_Approach_Evidence_from_Australia (дата обращения: 04.11.2025).

11. The Commonwealth Fraud and Corruption Control Framework 2024 // Сайт Commonwealth Fraud Prevention Centre [Официальный сайт]. URL: https://www.counterfraud.gov.au/library/framework-2024 (дата обращения: 04.11.2025).

12. Public Governance, Performance and Accountability Act 2013 // Сайт Federal Register of Legislation [Официальный сайт]. URL: https://www.legislation.gov.au/C2013A00123/latest/text (дата обращения: 04.11.2025).

13. Public Governance, Performance and Accountability Rule 2014 // Сайт Federal Register of Legislation [Официальный сайт]. URL: https://www.legislation.gov.au/F2014L00911/latest/text (дата обращения: 04.11.2025).

14. Guidance on adequate procedures to prevent the commission of foreign bribery // Attorney-General's Department [Официальный сайт]. URL: https://www.ag.gov.au/crime/publications/guidance-adequate-procedures-prevent-commission-foreign-bribery (дата обращения: 04.11.2025).

15. Сайт Attorney-General's Department [Официальный сайт]. URL: https://www.ag.gov.au/crime/foreign-bribery/agency-roles-and-responsibilities (дата обращения: 04.11.2025).

16. National Anti-Corruption Commission Act 2022 // Сайт Federal Register of Legislation [Официальный сайт]. URL: https://www.legislation.gov.au/C2022A00088/latest/text (дата обращения: 04.11.2025).

17. Independent Commission Against Corruption Act 1988 // Сайт NSW legislation [Официальный сайт]. URL: https://legislation.nsw.gov.au/view/whole/html/inforce/current/act-1988-035 (дата обращения: 04.11.2025).

18. Integrity Commission Act 2009 // Сайт Tasmanian Legislation [Официальный сайт]. URL: https://www.legislation.tas.gov.au/view/whole/html/inforce/current/act-2009-067 (дата обращения: 04.11.2025).

19. Independent Broad-based Anti-corruption Commission Act 2011 // Сайт Victorian legislation [Официальный сайт]. URL: https://www.legislation.vic.gov.au/inforce/acts/independent-broad-based-anti-corruption-commission-act-2011/048 (дата обращения: 04.11.2025).

20. Crime and Corruption Act 2001 // Сайт Queensland Legislation [Официальный сайт]. URL: https://www.legislation.qld.gov.au/view/html/inforce/current/act-2001-069 (дата обращения: 04.11.2025).

© Сыроежкин А.М., 2025

Таскин Алексей Викторович,
курсант факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Ширшанова Екатерина Алексеевна,
преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1990-х ГОДОВ

Аннотация: в статье рассматриваются кризисные явления в России 90-х годов и их влияние на организацию и деятельность органов внутренних дел. Особое внимание уделяется стремлению государства к «самоочищению» органов внутренних дел и усилению контроля над ними. Анализируются социально-экономические трудности, вызванные реформами, и их влияние на работу правоохранительных органов. Для написания статьи использованы статистические данные, аналитические материалы и работы исследователей, посвящённые периодам трансформации российского общества и государства в 1990-е годы.

Ключевые слова: коррупция; национальная безопасность; коррупционные преступления; организованная преступность.

Кризисные явления в государстве непосредственно сказывались на организации и деятельности органов внутренних дел. Однопартийная политическая система и недостаточно эффективные способы хозяйствования в середине 1980-х годов способствовали нарастанию общественного недовольства и дестабилизации политической обстановки и экономической системы. Идеологические постулаты строительства коммунизма утратили поддержку большинства населения, в то время как западные идеи рыночной экономики, плюрализма и свободы экономической деятельности становились все более актуальными.

Наблюдая негативные тенденции в общественно-политической системе, избранный в 1985 году на пост генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачев объявляет курс на «перестройку», направленный на преодоление застойности, инерции и консерватизма. В этот же период наблюдается повсеместный рост преступности, связанный с возросшими сепаратистскими устремлениями в советских республиках и нарастанием общественных противоречий; коррупционными проявлениями в деятельности партийно-государственной номенклатуры. Росла преступность и на бытовом уровне, нарастали межнациональные конфликты, снижалась эффективность деятельности органов правопорядка [1].

Перед Министерством внутренних дел СССР ставятся задачи провести «самоочищение» рядов от взяточничества и лиц, запятнавших свою репутацию,

а также установить партийно-государственный контроль за деятельностью органов внутренних дел.

Кризис начала 90-х годов в Советском Союзе был обусловлен экономическим застоем, политическим давлением, социальными проблемами и внешней политикой. Политическое давление внутри СССР усиливалось, поскольку перестройка и политика гласности начали вскрывать ранее неочевидные проблемы. Программа экономических реформ «500 дней», предложенная Григорием Явлинским, предусматривала поэтапный переход к рынку, однако её реализация столкнулась с противодействием консервативных сил, что привело к августовскому путчу 1991 года. После провала попытки переворота руководством ГКЧП Михаил Горбачев фактически утратил контроль над ситуацией. Уже осенью 1991 года ряд союзных республик провозгласили независимость, а позже лидеры России, Украины и Белоруссии подписали Беловежские соглашения, положившие конец существованию Советского Союза.

Установившийся в 1990–е гг. в России политический режим чаще всего называется «демократическим», «постсоветским» или «посткоммунистическим» [2]. Именно в рамках этого режима экономические и финансовые кризисы 1990-х годов оказали крайне негативное влияние на реальные доходы граждан России, существенно изменили социальную структуру общества и стали переломными в контексте масштабов бедности. В результате гиперинфляции более 80 % россиян оказались за чертой бедности, причем у каждой третьей семьи доходы были ниже установленного «прожиточного минимума». На этом фоне рост коррупции приобрел особенно значимые масштабы. На коррупционные злоупотребления также повлияло ослабление вертикали власти и значительное ухудшение качества политического и административного управления страной.

В этот период времени коррупция охватила следующие сферы деятельности [3]: государственные заказы; 2) сертификационную систему; 3) земельные отношения (распределение земельных участков и т.п.); 4) строительство; 5) здравоохранение; 6) образование; 7) жилищно-коммунальное хозяйство и др.

Начало XXI века ознаменовалось переходом России от хаоса криминальных девяностых годов к формированию комплексного подхода в борьбе против коррупции. Так, Указом Президента от 4 апреля 1992 года № 361 «О мерах против коррупции среди госслужащих» было введено ограничение на занятие чиновниками бизнесом и создана процедура оценки квалификации сотрудников органов власти. Этот документ утратил силу 28 июня 2005 года.

Ещё одним важным актом стал Указ Президента от 15 мая 1997 года № 484, обязывающий чиновников федерального уровня и муниципальные служащие ежегодно сообщать о своих доходах и владениях имуществом. Хотя инициатива принятия специального антикоррупционного закона получила поддержку парламента, законопроекты подобного содержания, выдвинутые в период с 1992 по 1997 годы, так и не были утверждены. Тем временем некоторые ограничения для предотвращения злоупотреблений со стороны чиновников закрепились законодательно благодаря принятию Федерального закона от 31 июля 1995 года № 119-ФЗ «Основы государственной службы Российской Федерации».

Ответственность за дачу и получение взятки впервые официально была закреплена в Уголовном кодексе РФ, вступившем в силу в 1996 году. Однако несмотря на появление соответствующих правовых норм, масштабы коррупции в девяностых годах значительно возросли. По оценке Юрия Чайки, занимавшего должность заместителя генерального прокурора, в конце XX века Россия вошла в список десяти государств с наибольшими показателями коррупции [4].

Согласно данным Верховного Суда РФ за 2008 год, число осуждено за взяточничество составило лишь около 1300 человек, причем большая часть из них была обвинена в получении небольших взяток. Среди осужденных преобладали представители Министерства внутренних дел (около трети всех случаев), работники органов здравоохранения (почти четверть), педагоги и муниципальные служащие.

В 1990-х годах силовые структуры России переживали серьёзные реформирования, оказавшиеся следствием глубоких социальных и экономических преобразований. Во многом это было связано с тем, что в период «лихих девяностых» серьёзно ухудшились условия труда сотрудников: сокращалось финансирование, резко снизилось качество кадров из-за оттока профессионалов и коммерциализации органов. МВД России стремилось компенсировать потерю профессионалов количеством, что в итоге снизило качество выполняемых сотрудниками задач. В результате институт милиции серьёзно дискредитировался в глазах общества, а взаимоотношения между милицией и гражданами стали конфликтными. При этом власть не предпринимала попыток наладить диалог с гражданским обществом, которое тогда только начало формироваться.

С начала 1992 года, когда российское правительство под руководством Е.Т. Гайдара приступило к либерализации экономики, к этому моменту уровень преступности уже превышал показатели 1988 года на 80%. К 1993 году эта цифра выросла ещё на 30%, после чего наступила относительная стабилизация с незначительными колебаниями [5].

Официальная статистика свидетельствует о постепенном вовлечении государственных учреждений в коррупционные схемы с ростом теневой деятельности. В 1996 году среди лиц, привлечённых к ответственности за коррупцию, 41,1% составили работники министерств и комитетов, 26,5% — сотрудники правоохранительных органов, 11,7% — представители финансовой сферы, 8,9% — контролирующих органов, 3,2% — таможенники, 0,8% — депутаты, остальные — прочие [6].

Наиболее часто встречающимися профессиями среди коррупционных схем в 1990-е годы были представители так называемых «привилегированных профессий». Так, согласно сведениям Министерства внутренних дел Российской Федерации [7], почти каждая десятая организованная преступная группа имела поддержку от чиновников федеральных и региональных властей. Однако имеются и альтернативные оценки, утверждающие, что фактически помощь получали абсолютно все подобные группы. В частности, по одной из версий, только в 1995 году расходы членов ОПГ на подкуп чиновников достигали половины всей их прибыли, тогда как в 1980-х годах этот показатель составлял менее 35 процентов.

Такой значительный рост расходов на коррупционную составляющую свидетельствует о тесной связи преступников с представителями власти, превращая последних в непосредственных участников криминальных деяний.

Коррупция в органах внутренних дел в условиях социально-экономического кризиса 1990-х годов стала одним из ключевых проявлений общего системного кризиса в стране. Органы внутренних дел, призванные обеспечивать правопорядок и бороться с преступностью, сами оказались глубоко вовлечены в коррупционные схемы. Низкие зарплаты, дефицит ресурсов, а также проникновение коммерческих и криминальных интересов приводили к тому, что сотрудники МВД часто участвовали в взяточничестве, покрытии преступлений и злоупотреблении служебным положением. Таким образом, коррупция в правоохранительных органах того времени стала не просто следствием кризиса, а одним из его проявлений, существенно влияющим на социальную и политическую ситуацию в стране. Это подрывало общественное доверие к государству и замедляло процесс реформирования системы правопорядка в постсоветской России.

Список литературы:

1. Бредихин А.Л., Удальцов А.А. «От милиции к полиции: преобразование органов внутренних дел постсоветской России» // Историко-правовые проблемы: новый ракурс, № 2, 2022. С. 71-78.

2. Власенко М.А. Коррупционные практики российских чиновников в 1990-е гг. (историко-политологический анализ) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015.

3. Бабенко В.Н. «Проблемы борьбы с коррупцией в системе органов государственной власти в постсоветской России» // Россия и современный мир, № 2 (103), 2019. С. 27-36.

4. Пашенцев Д.А., Дорская А.А. развитие законодательства о противодействии коррупции в России: тенденции и исторические этапы // Журнал российского права № 4. 2020. С. 42-58.

5. Андриенко Ю.В., Аренд Р. Преступность — проклятие свободы? (Как развивалась преступность в России в переходный период). – «Экономическая теория преступлений и наказаний» №4 // «Теневая экономика в советском и постсоветском обществах». С. 12-16.

6. Диагностика Российской коррупции: социологический анализ. Региональный общественный Фонд «Информатика для демократии». — М., 2001.

7. Коннов А.Ю. Коррупция в органах государственной власти: теория, практика и механизмы антикоррупционной политики (На материалах Республики Татарстан): Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности: 22.00.08. – Казань, 2005. С. 3.

©Таскин А.В., 2025

Тепляшин Павел Владимирович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Аннотация: обосновывается отсутствие в криминологической науке четких и научно обоснованных критериев для определения разновидности документа стратегического планирования, в архитектуре и содержании которого закрепляются планово-идеологические ориентиры и целеполагающие установки противодействия соответствующему виду преступности, включая коррупционную. Критикуется Национальная стратегия противодействия коррупции, которая уже не отражает современные реалии и поэтому должна быть обновлена. Приводятся научно-теоретические предпосылки для принятия нового концептуального акта, определяющего направления движения, приоритеты и ресурсы государственной политики борьбы с коррупцией. Данные предпосылки касаются нормативно-правовой структуры документа стратегического планирования, инновационных коррупционных проявлений и необходимости использования достижений теории антикоррупционных мер безопасности. Делается вывод о целесообразности дальнейшего исследования обозначенной проблемы.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, антикриминальная безопасность, конфликт интересов, концептуальные основы, криминальное явление, сетевая коррупция.

Современная парадигма правоохранительной деятельности неизбежным образом включает не только практическую реализацию мер противодействия преступности, но и концептуальное обоснование идеологических подходов к обеспечению безопасности личности, общества и государства. Такое обоснование также имеет материальное выражение в соответствующих документах стратегического планирования, основу которых составляет перечень, закрепленный в ст. 11 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Ряд документов из данного перечня закрепляет различные интерпретации стратегического планирования противодействия преступности. В настоящее время реализуется ряд документов стратегического планирования в сфере профилактики и противодействия преступности и её отдельных видов, в частности, государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

Однако криминологическая наука еще не содержит четких и научно обоснованных критериев для определения разновидности документа стратегического планирования, в архитектуре и содержании которого закрепляются планово-идеологические ориентиры и целеполагающие установки противодействия соответствующему виду преступности (криминальным проявлениям). С одной стороны, данная ситуация позволяет достаточно гибко и динамично принимать соответствующий документ стратегического планирования в области профилактики и противодействия преступности, а также её отдельных видов. С другой – отсутствие таких критериев создает риск недостаточной результативности принятого документа стратегического планирования, рыхлости планово-идеологических ориентиров и целеполагающих установок, содержащихся в нём. Ведь как верно постулирует И.А. Дамм «устойчивое развитие российского общества и государства напрямую зависит от эффективности государственной антикоррупционной политики» [1, с. 1693].

Особый научный интерес обозначенная проблема приобретает применительно к стратегическому планированию противодействия коррупции. Так, коррупция является сложным криминальным феноменом, детерминанты которого глубоко интегрированы в социальную среду и государственный аппарат, обладающим разнообразными свойствами и тесно связанным с различными общественно опасными деяниями и делинкветными проявлениями. Функционально коррупция имеет очень широкий спектр предикативных и при этом негативных явлений (в частности, конфликт интересов, непотизм), создающих благоприятную почву для её культивирования.

Эффективное противодействие коррупции потребовало соответствующего политического (по сути – идеологического) усмотрения, что предусмотрено п. 1 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Как результат такого усмотрения был принят Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» (далее – Указ). Реализация стратегических установок, обозначенных в данном документе, осуществляется и по настоящее время посредством соответствующих периодических планов, утверждаемых на несколько лет. Например, можно отметить Национальный план противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478.

В соответствии с Указом действует Национальная стратегия противодействия коррупции (далее – Национальная стратегия). Вместе с тем остаётся не совсем ясно, почему концептуальные основы противодействия коррупции, которые должны определять направления движения, приоритеты и ресурсы такой работы, не обновляются. Ведь с момента принятия Национальной стратегии прошло уже более 15 лет. Дело даже не в том, что период полураспада знаний составляет в среднем пять. Думается, что противодействие рассматриваемому криминальному явлению, оказывающему глубокое разлагающее действие на личность, общество и государство, и при этом постоянно трансформирующееся, незаслуженно остается без нормативно-концептуального обоснования в рамках

современного, своевременного и актуального документа стратегического планирования в виде стратегии. Ведь коррупция не просто обладает всеми негативными свойствами, а всеми негативными качествами, отражающими современные реалии, которые указывают на необходимость подготовки модернизированного, инновационного и концептуального документа стратегического планирования – Стратегии государственной политики Российской Федерации по противодействию коррупции (далее – Стратегия).

Научно-теоретические предпосылки для принятия Стратегии могут быть сведены к следующим основным позициям.

I. Нормативно-правовая структура Национальной стратегии значительно устарела, поскольку она не содержит все необходимые архитектурные элементы современного документа стратегического планирования. Так, существенным структурным пробелом является отсутствие таких, в частности, разделов как «Вызовы и угрозы национальной безопасности в сфере проявлений коррупции», «Общенациональная идея противодействия коррупции», «Риски при реализации Стратегии», «Ожидаемые результаты реализации Стратегии». Наличие всех структурных элементов в соответствующем документе стратегического планирования позволит сформировать должную форму для содержательного наполнения Стратегии.

При этом структура Стратегии должна объективно учитывать типологию всех возможных коррупционных проявлений или иначе типы коррупции: 1) однородно-публичную; 2) однородно-частную; 3) разнородно (гетерогенно)-публичную; 4) разнородно (гетерогенно)-частную.

II. Положения Национальной стратегии уже не в полной степени отражают реалии окружающей социально-правовой и идейно-государственной действительности. Так, не учитываются и не «отрабатываются» механизмы мимикрирования и легендирования коррупционных схем и процессов под общественно и(или) публично одобряемую деятельность. Кроме того, осталась без внимания уже полностью сформированная «сетевая» (консенсусная) коррупция. В этой связи С.Н. Чирун пишет: «К сетевой коррупции относятся длительные доверительные отношения, в которые могут быть вовлечены представители государственной власти, бизнеса, а также силовых структур… к сетевой коррупции следует относить ситуации, когда предприниматели продают чиновникам земельные участки или элитную недвижимость значительно ниже их рыночной стоимости либо отдают долю в бизнесе, которая переписывается на ближайших родственников представителя власти; когда бизнес осуществляет значительные пожертвования в фонды, аффилированные с конкретными представителями власти, а в ответ получают доступ к государственному заказу, легко выигрывая всевозможные формальные тендеры» [3, с. 97, 99]. Также не нашла своего конструктивного и практического воплощения миссия гражданского общества как в разработке концептуальных подходов к вопросам противодействия коррупции, так и в непосредственной антикоррупционной деятельности.

III. Стратегия должна реципировать и реализовать концептуальную идею антикоррупционных мер безопасности, которая до сих пор не нашла своей

полноценной реализации в практике противодействия коррупции. Научно-теоретической платформой антикоррупционных мер безопасности является криминологическая теория мер безопасности, основоположником которой выступает Н.В. Щедрин [4]. В соответствии с этой теорией ключевой категорией в теоретическом скрепе противодействия преступности является антикриминальная безопасность – «необходимое для устойчивого развития состояние социальной системы, при котором уровень опасных посягательств на системообразующие социальные конструкции находится ниже порога, за которым начинается распад или трансформация одной социальной системы в другую. Одновременно антикриминальная безопасность – это цель системы противодействия преступности» [6, с. 321]. Соответственно, под мерами безопасности следует понимать «меры некарательного ограничения поведения физических, деятельности юридических лиц, организаций, объединений, социальных групп и государств, применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности либо ограждения объекта усиленной охраны от вредного влияния любых источников опасности» [7, с. 43]. Меры безопасности воплощаются в одну из ограничительных санкций: наказание (ответственность), безопасность (защита), восстановление (компенсация) и поощрение (стимулирование позитивного поведения).

Теория мер безопасности заключает весьма широкую систему соответствующих мер. В границах данной системы меры безопасности допустимо классифицировать по различным основаниям: с позиций уровня их реализации на всеобщие, общие, особенные, единичные; с учетом области применения на экономические, социально-политические, идеологические и иные; в силу метода использования на физические, технические, организационные и информационные; на основании вида социальной нормы, в оболочке которой заключена мера безопасности на правовые и внеправовые; с точки зрения отрасли законодательства на конституционно-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, трудовые (производственные), гражданско-процессуальные, административно-процессуальные, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные.

Соответственно, основания реализации мер безопасности могут быть социально-криминологическими, нормативно-правовыми, фактическими (материальными) и организационно-правовыми. Как отмечает Н.В. Щедрин, применение мер безопасности связано с возникновением такого краеугольного фактического (материального) основания как «юридический факт, с наличием которого закон связывает возникновение, изменение и прекращение правоотношений безопасности. Классификация материальных оснований мер безопасности органично вписывается в классификацию юридических фактов, которая разработана в общей теории права: события и действия» [2, с. 88]. Условно «по вертикали» следует выделять четыре уровня «оснований для введения и применения предупредительных ограничений: социальное, нормативное, фактическое и организационное» [5, с. 48]. Теория мер безопасности содержит научно обоснованную процедуру назначения и исполнения мер безопасности [7, с. 46-48].

Таким образом, теория мер безопасности способна выступать научно-теоретическим фундаментом противодействия коррупции и доктринальной «методикой» построения межевых положений Стратегии.

Вышеизложенный материал демонстрирует наличие достаточно весомых научно-теоретических предпосылок принятия Стратегии государственной политики Российской Федерации по противодействию коррупции, которая должна стать принципиально новым документом стратегического планирования. Думается, что данная сфера научных изысканий должна стать предметом дальнейшего изучения со стороны криминологов и деликтологов, специалистов в области конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, административного и уголовно-исполнительного права, политологии, социологии и социальной психологии.

Список литературы:

1. Дамм И.А. Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14. № 11. С. 1690-1709.

2. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / под ред. Н.В. Щедрина. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. 324 с.

3. Чирун С.Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сборник трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, 2019. С. 91-110.

4. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: монография. Красноярск: Гос. Ун-т, 1999. 180 с.

5. Щедрин Н.В. Пределы предупредительной деятельности // Lex Russica. 2018. № 9. С. 39-53.

6. Щедрин Н.В. Уголовное управление // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 319-331.

7. Щедрин Н.В., Кылина О.М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от неё. Красноярск: ЮИ КГУ, 2006. 120 с.

© Тепляшин П.В., 2025

Тищенко Светлана Юрьевна,
слушатель института психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соломатина Елена Александровна,
доцент кафедры криминологии
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОРРУПЦИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

Аннотация: в данной статье проведён сравнительный анализ антикоррупционных стратегий ряда зарубежных государств — Германии, Китая, Швеции, Сингапура и США. Рассматриваются основные механизмы предупреждения и пресечения коррупционных проявлений, институциональные и правовые особенности, а также социокультурные предпосылки эффективности антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, зарубежный опыт, правовые механизмы, профилактика.

Коррупция сегодня представляет собой одну из наиболее устойчивых угроз эффективному функционированию государства и подрыва доверия граждан к институтам власти. В разных странах борьба с коррупцией строится с учетом национальных традиций, уровня демократического развития, политической культуры и степени централизации власти.

Для выявления закономерностей и успешных практик рассмотрим опыт некоторых государств: Германии, Китая, Швеции, Сингапура, Соединенных Штатов Америки различающихся по типу политического режима, экономическому уровню и менталитету общества.

Так, например, в Германии антикоррупционная система основана на принципах правового государства и персональной ответственности госслужащих. Основное внимание на службе уделяется служебной этике, прозрачности процедур и строгой регламентации побочной деятельности чиновников и госслужащих. Антикоррупционная система основана на 10 главных принципах: на охране государственной казны и конкуренции путем введения регистра коррупции; на создании стимулов для новой этики предпринимательства; на запрете должностным лицам, уволенным с государственной службы за оказание протекции, в период последующих 5 лет заниматься предпринимательством; на ликвидации пробелов в законах; на ведении санкционированного контроля за телефонными переговорами; на урегулировании положения главного свидетеля путем смягчения наказания; на улучшении уголовного преследования посредством формирования

центров борьбы с коррупцией; на обеспечении широкой гласности своей деятельности. Стоит отметить, что для противодействия коррупции в Германии в прошлом осуществлялись меры законодательного и административного характера.

Так, в 1997 г. появился Закон о борьбе с коррупцией и одновременно внеслись изменения в Уголовный кодекс (УК) Германии. Был расширен список преступлений коррупционного характера: получение выгоды, получение взятки за нарушение служебного долга, обещание, предложение выгоды, взятки, дача взятки за нарушение служебного долга, получение и дача взятки в хозяйственном обороте, дача соглашения, ограничивающего конкуренцию при конкурсах [1].

Госслужащие обязаны исполнять свои обязанности беспристрастно, руководствуясь общественным благом, и не имеют права заниматься предпринимательством или участвовать в управлении коммерческими структурами. Любые сомнения относительно законности распоряжений начальства подлежат немедленному докладу, а в случае их подтверждения — оформляются письменно, что обеспечивает юридическую защищённость служащего [2].

Серьёзное внимание уделяется конфликту интересов и защите служебной тайны. Нарушение этических стандартов влечёт дисциплинарную ответственность вплоть до увольнения. Германия демонстрирует модель, где основным инструментом профилактики коррупции является высокий уровень правосознания и прозрачность бюрократической системы, а не репрессивные меры.

Таким образом, антикоррупционная система Германии представляет собой эффективную модель профилактики коррупции, основанную не столько на наказаниях, сколько на высокой правовой культуре, этике и персональной ответственности государственных служащих. Ее особенность заключается в комплексном подходе, а именно в строгом законодательном регулировании, прозрачности процедур, контроле за побочной деятельностью госслужащих и чиновников, предотвращении конфликта интересов. Германия успешно сочетает правовые, организационные и морально-этические меры, создавая устойчивый механизм защиты государственных интересов и общественного доверия. Такой подход подтверждает, что именно прозрачность, профессиональная ответственность и правосознание являются ключевыми факторами устойчивой антикоррупционной политики.

Антикоррупционная политика Китая носит авторитарный и репрессивный характер, сочетая жесткие меры наказания с идеологическим контролем. На первом этапе, в 1950–70-е гг., начиная с правления Мао Цзэдуна, в Китае отсутствовал системный подход к противодействию коррупции. Борьба разворачивалась в форме отдельных кампаний под общим названием «Движение за исправление», призванных мобилизовать общество для тотального разоблачения коррупции и обеспечения внутрипартийной лояльности руководству. Самыми известными и масштабными стали: кампания «против трех зол» (1951), кампания «против пяти зол» (1952), новая кампания «против трех зол» (декабрь 1951 — октябрь 1952 г.).

В период действия этих кампаний тысячи коррупционеров получили самое суровое наказание. В частности, широко известными стали дела двух высокопоставленных партийных чиновников Лю Циншаня и Чжана Цзышаня 10 февраля

1952 г. народное правительство провинции Хэбэй провело в отношении них открытое судебное заседание, а затем народный суд провинции Хэбэй представил отчет Верховному народному суду для утверждения и приговорил их к смертной казни. Ключевой особенностью этого этапа было несоответствие амбициозных целей по решению проблемы коррупции в стране существовавшему на тот момент уровню формализации отношений в политической системе, уровню развития правовой и судебной систем.

С 1980-х годов в Китае действует система, предусматривающая два вида смертной казни за коррупционные преступления, включая дачу и получение взяток, хищение госимущества и злоупотребление служебным положением.

При правлении Си Цзиньпина масштабная кампания «Охота на тигров и мух» охватила все уровни государственной вертикали — от высокопоставленных чиновников до муниципальных служащих.

Вместе с тем борьба с коррупцией сопровождается воспитанием моральных и идеологических установок. Государство активно формирует образ неподкупного госслужащего, проводит публичные кампании осуждения коррупции и внедряет систему этического контроля над поведением чиновников даже вне работы [3].

Несмотря на впечатляющие масштабы борьбы, китайская модель не лишена противоречий: сохраняется двойная мораль, а партийная элита часто оказывается вне зоны ответственности. Тем не менее, страх неотвратимости наказания и комплекс профилактических мер дают ощутимый эффект — уровень коррупции в КНР постепенно снижается.

Таким образом, антикоррупционная политика Китая представляет собой жесткую централизованную систему, в которой борьба с коррупцией сочетается с репрессивными мерами и идеологическим контролем. Основу китайской модели составляет принцип неотвратимости наказания, что обеспечивает высокий уровень дисциплины и устрашает потенциальных нарушителей. Вместе с тем борьба с коррупцией там выполняет не только правовую, но и воспитательную функцию, формируя у госслужащих моральные и политические установки, соответствующие линии партии, китайская система демонстрирует высокую результативность в снижении масштабов коррупции, благодаря сочетанию жесткого контроля, публичности репрессий и идеологического воздействия. Антикоррупционная политика Китая является примером авторитарной, но эффективной модели, основанной на тотальном контроле государства и строгой дисциплине управленческого аппарата.

Далее, государство Швеция, которая является примером демократического общества с минимальным уровнем коррупции, где основная ставка сделана не на наказание, а на профилактику.

С конца XIX века в стране действуют принципы открытости государственного управления — любой гражданин имеет доступ к внутренним документам госорганов.

В Швеции с 1994 года действует общественная организация «Демократический аудит», которая объединяет ведущих шведских ученых. Основная цель объединения заключается в осуществлении независимого мониторинга состояния

демократических свобод развития и уровня коррумпированности в различных сферах жизни шведского общества. Активное участие в деятельности по борьбе с коррупцией принимает также и шведский парламент. При правительстве Швеции работает специальная группа, которая изучает проблемы, связанные с коррупцией, однако главная ее задача - повышать доверие граждан к власти. Таким образом, в рамках парламента отсутствует специализированная отдельная антикоррупционная структура, однако есть Конституционный комитет и Комитет по делам юстиции.

Так, «формирование культуры честности» обеспечивается высоким уровнем социальной защищённости граждан, небольшим разрывом между доходами чиновников и простых граждан, развитой системой общественного контроля [4].

Шведская модель опирается на высокие этические стандарты и социальное доверие. В обществе коррупция воспринимается как девиация, а не как норма поведения. Поэтому меры борьбы здесь носят мягкий, но системный характер: прозрачность процедур, независимость судебной системы и общественный контроль за деятельностью власти.

Антикоррупционная модель Швеции основана на демократических принципах открытости, доверия и общественного контроля, что обеспечивает минимальный уровень коррупции без применения репрессивных мер. Основное внимание уделяется профилактике правонарушений, а не наказанию, что отражает высокий уровень правовой культуры и зрелость гражданского общества.

Прозрачность деятельности государственных органов, равенство в доходах, независимость судебной системы и активное участие научных и общественных структур создают условия, при которых коррупция воспринимается как отклонение от нормы, а не как элемент административной практики.

Таким образом, шведская антикоррупционная система демонстрирует эффективность демократического подхода, где моральные и социальные ценности общества играют не меньшую роль, чем правовые инструменты. Швеция служит примером того, как высокое доверие между государством и гражданами способно стать ключевым фактором устойчивости к коррупции.

Особенна интересна для изучения и анализа Сингапурская стратегия, как пример сочетания жестких законодательных мер и системной профилактики.

«Сингапурское экономическое чудо» – одно из самых главных достижений бывшего премьер-министра Ли Куан Ю. Столь значительный экономический успех не был бы возможен без большого вклада правительства в борьбу с коррупцией. Перед парламентскими выборами в Сингапуре в 1959г. экономическая ситуация в стране была крайне напряженной. Действующее правительство, во главе с Лим Ю Хоком (1956-1959гг), поддерживаемое западными странами в борьбе с местными коммунистами, было сильно коррумпировано. Осознание коррупции угрозой экономическому благополучию страны и народа, нежелание с ней мириться сподвигло нового премьер-министра и его сторонников на борьбу с ней [7].

Позднее, в своих воспоминаниях, Ли Кан Ю писал: «Все министры моего правительства, кроме одного, получили университетское образование. Мы все

были вполне уверены, что смогли бы обеспечить себя средствами к существованию и не работая в правительстве». Борьба с коррупцией в Сингапуре началась с закрепления в Законе о предотвращении коррупции стратегии по борьбе с ней. Этим же законом, оставшемуся от британского колониального правительства Бюро по расследованию коррупции (БРК) были расширены полномочия. Было исправлены законы – из них исключалась возможная двусмысленность. После обретения независимости в 1965 году страна столкнулась с масштабной коррупцией. Однако благодаря политической воле и созданию Бюро по расследованию случаев коррупции (БРК) удалось построить эффективную вертикаль контроля.

Чиновники обязаны были декларировать не только доходы, но и расходы (несоответствие ведет к расследованию), запрещены подарки и личные льготы.

Сегодня БРК Сингапура обладает широкими полномочиями: оно может задерживать подозреваемых без решения суда, проверять счета и проводить обыски. Одновременно государство повысило зарплаты чиновников и обеспечило социальные гарантии, что снизило мотивацию к коррупции у граждан в целом [5].

Главный секрет успеха Сингапура — не репрессии, а неизбежность наказания и поддержка граждан, воспринимающих коррупцию как моральное зло.

Таким образом, антикоррупционная модель Сингапура представляет собой уникальное сочетание жесткого законодательства, эффективного контроля и профилактических мер, направленных на формирование моральной нетерпимости к коррупции. Сингапурская стратегия доказала, что решающим фактором успеха является политическая воля руководства, последовательное укрепление институтов и создание прозрачной системы государственной службы, где высокие зарплаты и социальная защищенность минимизируют стимулы к взяточничеству. Государство Сингапур демонстрирует, что эффективная борьба с коррупцией возможна при сочетании строгих санкций, морального воспитания общества и справедливого вознаграждения государственных служащих. Эта модель показывает, что устойчивое развитие и доверие граждан к власти напрямую зависят от комплексного подхода, где превалируют принципы честности, дисциплины и ответственности.

Обратимся к анализу антикоррупционной системы США. В Соединенных Штатах Америки борьба с коррупцией опирается на институциональные механизмы и строгие кодексы этики госслужащих. Так, Исполнительный приказ Президента № 12731 (1990 г.) установил конкретные правила поведения государственных служащих, запрещающие любые действия, связанные с конфликтом интересов. Госслужащим с этого времени запрещено принимать подарки, иметь финансовые интересы в регулируемых организациях и использовать служебную информацию в личных целях.

Система финансовой прозрачности обязывает чиновников подавать декларации о доходах, имуществе и кредитных обязательствах. Нарушение влечет дисциплинарные или уголовные последствия [6].

На протяжении практически всей истории США применялись те или иные меры по борьбе с коррупцией. Однако на разных этапах американской истории могли применяться подчас совершенно разные способы противодействия этому

явлению. В конце XVIII – начале XIX вв. преобладала мера, подразумевающая точечную борьбу с отдельными попавшими в поле зрения правоохранительных органов коррупционерами. Поначалу подобная практика давала определенные результаты, однако со временем коррупционная угроза в стране становилась все более значительной. Связано это было с резким экономическим развитием государства и появившейся системой предоставления привилегий отдельным корпорациям. Кроме того, продолжал разрастаться бюрократический аппарат, в основу функционирования которого была заложена система патронажа. Это вынудило федеральное правительство и правительства штатов перейти к системному подходу к борьбе с коррупцией

В отличие от Китая и Сингапура, в США приоритет отдается правовым и административным процедурам, а не наказанию. Контроль осуществляется независимыми комиссиями, инспекциями и средствами массовой информации.

Антикоррупционная система США базируется на институциональной устойчивости, правовой ответственности и развитой системе общественного контроля, а не на репрессивных мерах. В отличие от авторитарных моделей, американский подход делает ставку на прозрачность, этику государственной службы и превентивные механизмы.

Таким образом, американская модель противодействия коррупции демонстрирует эффективность через развитие правовых институтов, независимость надзорных органов и активное участие гражданского общества, что способствует формированию культуры ответственности и доверия между властью и обществом.

Подводя итог антикоррупционных стратегий вышеуказанных стран нами подготовлен сравнительный анализ в виде таблицы

Страна	*Основной принцип*	*Характер системы*	*Особенности*
Германия	законность и служебная ответственность	демократическая, правовая	жесткий контроль за конфликтом интересов, высокие стандарты этики
Китай	страх наказания и партийная дисциплина	авторитарная, репрессивная	смертная казнь, масштабные кампании, партийный контроль
Швеция	прозрачность и доверие	социально-демократическая	открытые госдокументы, низкий уровень коррупции, равенство доходов
Сингапур	неизбежность наказания и экономическая мотивация	централизованная, прагматичная	бюро по расследованию коррупции, высокие зарплаты, строгие санкции
США	этическое регулирование и институциональный контроль	федеративная, правовая	кодексы этики, независимые комиссии, публичность

Таким образом, можно сделать вывод, что успешные модели противодействия коррупции основаны на балансе между строгостью наказания и профилактикой, а также на доверии общества к государству. Мировой опыт показывает, что универсальной модели борьбы с коррупцией не существует.

Оптимальный путь заключается в комбинации превентивных мер, общественного контроля и справедливого наказания, что подтверждает опыт Сингапура и Германии. Однако, считаем, что для любых стран в целом очень важен подход формирования моральной нетерпимости к коррупции.

Список литературы:

1. Лечение заразной жадности: Борьба с коррупцией в Сингапуре. Автор: Арсений Сиротин. 09.03.2015, Антикоррупционная информационная база сайта «Суда нет» [Электронный ресурс]. —URL: http://center.sudanet.ru/?tag=сингапур (дата обращения: 25.10.2025)

2. Номоконов В.А. Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней. Монография. - Владивосток: 2018. - 200 с.

3. Субх М.А. Об основных достижениях стран ССАГПЗ в сфере борьбы с коррупцией и непотизмом Институт Ближнего Востока - [Электронный ресурс]. —URL: http://www.iimes.ru (дата обращения: 25.10.2025)

4. Поляков М.М. Европейский опыт борьбы с коррупцией органами исполнительной власти и прокуратуры // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, № 2-2 / 2013

5. Моисеев В. В. Борьба с коррупцией в России. Монография / Моисеев В. В.-М.: Директ-медиа, 2014. - 415с.

6. Дмитриев И.И., Кривельская О.В. Сравнительный анализ методов борьбы с коррупцией в Российской Федерации и зарубежных странах // Право и управление. 2023. № 5. С. 107.

7. Шаликова Н.И. Особенности противодействия коррупции по законодательству Сингапура // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2 (2). С. 323-324.

© Тищенко С.Ю., 2025

Турунова Меруерт Нурлановна,
преподаватель кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета
МВД России, кандидат юридических наук

РОЛЬ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» В РАСПРОСТРАНЕНИИ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация*:* в статье рассматривается влияние сети «Интернет» на распространение и трансформацию коррупционной преступности. Проанализированы механизмы, используемые преступниками в цифровой среде для реализации коррупционных схем, а также криминологические факторы, способствующие расширению коррупционной деятельности в условиях интернет-коммуникаций. Особое внимание уделено новым формам онлайн-коррупции и возможностям противодействия со стороны государства и общества.

Ключевые слова*:* коррупция, сеть «Интернет», коррупционная преступность.

Коррупционная преступность традиционно рассматривается криминологией как сложное, многофакторное явление, обладающее высокой адаптивностью к изменениям в социально-экономической среде. Переход общества в цифровую эпоху и массовое распространение сети «Интернет» привели к появлению новых условий для криминальной активности. Интернет не только расширил возможности общения и обмена информацией, но и стал важной инфраструктурой для реализации преступных намерений, включая коррупцию.

В этих условиях возникает необходимость криминологического анализа роли сети «Интернет» в распространении коррупционной преступности, выявления детерминант, способов совершения преступлений, а также механизмов профилактики.

Одним из значимых аспектов влияния интернета на коррупцию является расширение возможностей для нелегальных финансовых операций. Использование электронных платёжных систем, криптовалют, а также анонимных онлайн-платформ позволяет участникам коррупционных сделок минимизировать риски обнаружения и затрудняет финансовый мониторинг. Вмешательство цифровых технологий в традиционные схемы взяточничества приводит к появлению новых разновидностей преступлений — так называемой «электронной коррупции», включающей цифровые посреднические услуги, онлайн-вымогательство и использование закрытых интернет-сообществ для координации противоправных действий. Ключевым фактором, влияющим на рост коррупционных преступлений в сети, является анонимность пользователей. Использование VPN, шифрованных каналов связи, анонимных мессенджеров и криптовалют снижает риск идентификации преступников, что создаёт благоприятные условия для передачи взяток через цифровые платежные средства; организации коррупционных сделок без физического контакта; координации действий участников преступных схем. Таким образом, интернет становится средством минимизации криминального

риска.

Интернет способствует упрощению поиска посредников и потенциальных участников коррупционных сделок. Социальные сети, закрытые чаты и профессиональные форумы могут использоваться для: поиска исполнителей незаконных услуг; установления контактов между должностными лицами и коммерческими структурами; обмена инструкциями и схемами уклонения от контроля. Это ускоряет криминогенную коммуникацию и расширяет субъектный состав коррупционных преступлений.

Также необходимо отметить, что сеть «Интернет» используют в коррупционных схемах как инструмент реализации. Коррупционные взаимодействия всё чаще осуществляются через зашифрованные мессенджеры (для переговоров и передачи конфиденциальной информации); электронные платежные системы и криптовалюты (для сокрытия следов взятки); онлайн-платформы госуслуг, где инсайдеры могут манипулировать данными и процедурами. Таким образом, интернет становится частью механизма совершения преступления.

С развитием электронного документооборота и одновременным бурным развитием информационно-телекоммуникационных технологий появилась новая форма цифровой коррупции — злоупотребления, связанные с манипулированием электронными реестрами и базами данных; искажением результатов электронных торгов; техническими «закладками» в алгоритмы автоматизированных решений. В этих случаях преступление осуществляется не только должностными лицами, но и специалистами в области информационных технологий.

Эффективная антикоррупционная политика должна учитывать цифровые особенности современного общества. Важными направлениями являются: усиление кибербезопасности государственных информационных систем, технический аудит алгоритмов автоматизированных решений и искусственного интеллекта, мониторинг криптовалютных операций и развитие финансовой прозрачности, повышение цифровой грамотности сотрудников органов власти, использование различных технологий и машинного обучения для выявления аномалий в закупках и расходовании бюджета, а также поддержка цифровых платформ общественного контроля. Комплексность данных и иных мер повышает шанс на снижение уровня коррупционной преступности в условиях цифровизации.

Развитие сети Интернет в России существенно трансформировало как механизмы функционирования государственных институтов, так и способы осуществления противоправной деятельности, включая коррупционные преступления. Цифровизация управленческих процессов, с одной стороны, создаёт новые инструменты прозрачности и общественного контроля, однако, с другой — предоставляет дополнительные возможности для сокрытия коррупционных схем и использования анонимных цифровых сервисов. Интернет стал средой, где коррупция может адаптироваться к современным технологическим условиям, принимая более скрытые и трудно выявляемые формы.

Кроме того, интернет-коммуникации способствуют изменению каналов взаимодействия между представителями власти и частными лицами. В условиях широкого распространения социальных сетей и цифровых сервисов повышается риск возникновения новых форм неформальных договорённостей, основанных

на онлайн-контактах, а также давления на должностных лиц с использованием цифровых инструментов. При этом недостаточная регуляция отдельных интернет-платформ создаёт предпосылки для возникновения «цифровых теневых рынков», на которых могут распространяться коррупционные предложения и услуги.

В то же время влияние интернета на коррупционные процессы нельзя рассматривать исключительно в негативном аспекте. Расширение доступа общества к информации, открытых данных и цифровых механизмов контроля повышают прозрачность деятельности органов власти и способствуют снижению коррупционных рисков. Цифровые инструменты общественного мониторинга — от платформ обратной связи до специализированных антикоррупционных ресурсов — обеспечивают более оперативное выявление нарушений и позволяют гражданам участвовать в контроле над государственными процессами.

Таким образом, интернет оказывает двойственное влияние на коррупцию в России: он одновременно создаёт новые вызовы для правоохранительных органов и предоставляет эффективные инструменты противодействия коррупции. Эффективная государственная политика в области цифровой безопасности, совершенствование нормативно-правовой базы и развитие цифровой грамотности общества становятся ключевыми условиями успешного сдерживания роста коррупционной преступности в условиях цифровизации.

Сеть «Интернет» является значимым криминологическим фактором распространения коррупционной преступности. Цифровая среда предоставляет преступникам новые способы коммуникации, сокрытия следов и реализации коррупционных сделок. Одновременно интернет может использоваться и как инструмент противодействия — благодаря прозрачности данных, общественному контролю и возможностям цифровой аналитики.

Эффективная борьба с коррупционной преступностью в условиях цифровизации требует сочетания правовых, технических и организационных мер, а также совершенствования компетенций специалистов, участвующих в расследовании и предотвращении преступлений.

Список литературы:

1. Иванов, А. В. (2019). Коррупция в современном обществе: причины, последствия, пути борьбы. М.: Научный мир.

2. Кузнецова, Н. И. (2020). Влияние Интернета на развитие коррупционных практик в частном и государственном секторах. Вестник правовых исследований, 7(3), 101-115.

3. Смирнов, П. А. (2018). Роль Интернета в распространении коррупционной преступности: современные угрозы. Журнал криминологии и права, 12(4), 45-58.

4. Федеральный закон Российской Федерации "О противодействии коррупции" (№ 273-ФЗ, 2008 г.).

5. Шевченко, Е. В. (2022). Электронная коррупция: новые угрозы для правопорядка. Юридическая наука, 19(5), 39-50.

© Турунова М.Н., 2025

Фаталиев Явер Сабирович,
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Сагайдак Альбина Юрьевна,
заместитель начальника кафедры криминологии,
кандидат педагогических наук, доцент

ВОПРОСЫ ВЛИЯНИЯ КОРРУПЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются основы коррупции как социально-экономического феномена, где коррупция изучается не просто как набор противоправных действий, а как довольно сформировавшаяся альтернативная институциональная среда. Автором статьи проанализированы несколько ключевых неформальных институтов, обеспечивающих живучесть системы: «свои люди», «общая кубышка» и «молчание как лояльность».

Изучены институты минимизирующие внутренние риски участников, создающие самовоспроизводящийся механизм, который по своей эффективности и предсказуемости для сторонников успешно конкурирует с институтами легальной экономики.

Ключевые слова: коррупция, неформальные институты, теневая экономика, институциональная экономика, устойчивость коррупции, сравнительный анализ.

В современном мире коррупция, будучи одним из наиболее масштабных проявлений теневой экономики, демонстрирует довольно высокую степень устойчивости к мерам государственного противодействия. Она сохраняется при смене политических режимов, в условиях антикоррупционных кампаний и экономической нестабильности.

По мнению некоторых аналитиков, представляется, что устойчивость этого явления обеспечивается не вопреки его нелегальному статусу, а отчасти благодаря ему.

Запрет порождает уникальные неформальные институты, которые минимизируют риски для участников и создают самовоспроизводящуюся систему, так называемую «экономику молчания», которая вливается в институциональный анализ механизмов, обеспечивающий живучесть и внутреннюю стабильность коррупционных систем.

Так называемая концепция «экономики молчания» развивает положения институциональной экономической теории [1], в рамках которой институты понимаются как «правила игры» в обществе. Если формальные институты призваны снижать неопределенность, обеспечить правовые гарантии,

то «экономика молчания» создает альтернативную, неправовую предсказуемость, вступающую в конкуренцию с государственными институтами.

При этом для компенсации отсутствия судебной защиты коррупционная система выработала собственные, довольно эффективные внутри своей среды, механизмы принуждения к исполнению обязательств.

По мнению некоторых аналитиков, доступ к коррупционным сетям строго регламентирован и определяется не профессиональными компетенциями, а принадлежностью к закрытой группе (например, по принципу общих альма-матер, землячеств, родственных связей) [2].

Репутация внутри такой группы становится ключевым активом участника, а ее потеря равносильна изгнанию из системы с блокировкой всех каналов получения теневых доходов. Данный механизм обеспечивает соблюдение правил игры, которые иногда становятся более эффективнее, чем угроза уголовного преследования.

Другой вариант коррупционных механизмов, влияющий на экономическую ситуацию в государстве является так называемый «институт взаимного заложничества» или «общая кубышка». Данный институт сплачивает отдельных участников в единую, неразрывно систему.

Практика системных откатов, взаимных услуг и «крышевания» делает каждого соучастником противоправных действий других членов данной сети [3]. Выход одного из участников из системы или сотрудничество со следствием ставит под удар всю связанную с ним цепочку, создавая ситуацию круговой поруки и взаимной зависимости, где молчание каждого обусловлено молчанием остальных.

К позитивным тенденциям, влияющим на экономическую составляющую государства является нетерпимость коррупционных проявлений со стороны граждан. К ним можно отнести нарушение правила молчания (например, сообщение о факте вымогательства взятки или сотрудничество с правоохранительными органами).

В коррупционном механизме участника, попавшегося на взятке, система может поддержать, тогда как «сдавшего своих» ожидает изгнание из сетей и потеря всех связей и доходов [4]. Таким образом, издержки выхода из системы превышают потенциальные выгоды от сотрудничества с правосудием.

По мнению некоторых авторов «экономика молчания» является довольно таки динамичной системой, проходящей несколько стадий воспроизводства [6]:

Во-первых, это стадия нормализации или социализации. При этом индивид через бытовую коррупцию усваивает, что нарушение формальных правил является нормой и эффективным способом решения проблем.

Во-вторых, это стадия интеграции или включения. Когда новый сотрудник, сталкиваясь с устоявшимися неформальными практиками на месте работы и вынужден к ним присоединиться под угрозой неприятия коллегами.

В-третьих, это стадия легитимности и защиты. При которой система вырабатывает идеологию самооправдания (например, делаю, так как делают все) и использует свои институты для подавления инакомыслия и нейтрализации внешних угроз, вырабатывая «иммунитет» к реформам.

Проведенный анализ позволяет заключить, что коррупция обладает высокой устойчивостью не потому, что ее недостаточно искореняют, а потому, что она представляет собой альтернативную институциональную среду с четкими правилами, механизмами принуждения и социализации.

С экономической точки зрения данная среда конкурирует с государством за установление фактических правил поведения, предлагая участникам более выгодные, предсказуемые и надежно защищенные внутрисистемные решения.

В современных условиях важную роль в профилактике преступлений коррупционной направленности играет повышение общественной нетерпимости к коррупции как социальному явлению, что достигается через антикоррупционное просвещение и воспитание, а также поддержку общественных инициатив.

Борьба с коррупцией исключительно репрессивными методами, без ухода ее институциональной природы, имеет ограниченную эффективность. Необходимо продолжение системной работы по созданию и укреплению легальных институтов, чья эффективность, скорость и предсказуемость будут превышать выгоды от участия в теневых схемах.

Только создав конкурентоспособные правовые механизмы, государство может значительно выиграть конкуренцию у так называемой «экономики молчания».

Список литературы:

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — С. 20-21.

2. Тамбовцев В.Л. Право и экономическая теория: опыт экономического анализа правовых норм // Вопросы экономики. — 2005. — № 7. — С. 27-31.

3. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. — М.: Экономика, 2007. — С.134.

4. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм? // Вопросы экономики. — 1997. — № 7. — С. 35–51.

5. Левин М.И., Сатаров Г.А. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. — 2012. — № 10. — С. 18.

6. Латов Ю.В. Экономика вне закона: очерки по теории и истории теневой экономики. — М.: МОНФ, 2001. — С. 163-165.

© Фаталиев Я.С., 2025

Федина Элеонора Александровна,
курсант факультета подготовки сотрудников
для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Павлик Елизавета Михайловна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: в статье рассмотрены антикоррупционные стандарты поведения сотрудников МВД, задействованных в экспертно-криминалистической деятельности. Проанализированы методологические основы формирования этических норм и практические механизмы их внедрения в профессиональную сферу. Особое внимание уделено развитию инструментов противодействия коррупции, обеспечению прозрачности и независимости экспертиз, как способ укрепления доверия общества к правоохранительной системе. Материал ориентирован на совершенствование нормативно-правовой базы и повышение квалификации специалистов.

Ключевые слова*:* антикоррупционные стандарты; экспертно-криминалистическая деятельность; МВД России; этические нормы; прозрачность экспертиз; независимость экспертиз; методологические основы.

Коррупция является острой и актуальной проблемой и оказывает отрицательное воздействие на развитие политики, экономики, общества России. Так отмечали Кожикова П.С. и Шурыгин В.В. [1, с. 468] [2, с. 418]. По нашему мнению, необходима антикоррупционная политика и в системе Министерства внутренних дел (Далее – МВД России), а именно для обеспечения законности, объективности и прозрачности экспертно-криминалистической деятельности. Пока приумножаются коррупционные риски и требования общественного доверия к правоохранительным органам, следует считать важными направлениями формирование и внедрение антикоррупционных стандартов поведения. Эксперты МВД России, занимающиеся криминалистическими исследованиями, несут особую ответственность за достоверность заключений, на основе которых принимаются судебные решения.

Методологически формирование антикоррупционного поведения включает разработку нормативных документов, внедрение этических кодексов и обучение сотрудников принципам честности и ответственности в профессиональной деятельности. Их перечислял Трифанцов С.В. в своем труде [3, с. 4-5].

Антикоррупционные стандарты в экспертно-криминалистической деятельности МВД России фундируются в комплексе правовых, этических и организационных компонентов, которые закреплены в указанных выше, а также в Приказе МВД России от 24.02.2012 №120 (ред. от 03.10.2017) «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе МВД России»[4]. Процесс формирования стандартов опирается на методологию выявления факторов, создающих условия проявления коррупции. Проверяются правовые акты и практика работы подразделений, реализуется подготовка правил поведения сотрудников. То есть внедряется система контроля и подотчетности, которая минимизирует риски коррупционных проявлений.

Внедрение этих антикоррупционных стандартов происходит через несколько практических инструментов. Среди них - обязательное проведение антикоррупционной экспертизы нормативных актов и внутренних процедур, регулярные тренинги и повышение квалификации сотрудников, внутренний и внешний мониторинг соблюдения этических норм. Также на практике создаются специальные службы и комиссии, осуществляющие контроль и анализ коррумпированных рисков, и принимаются меры дисциплинарного и административного воздействия при выявлении нарушений. В технологии прозрачности и независимости экспертиз входит стандартизация процедур, автоматизация учета экспертиз и публикация отчетности. Все вышеперечисленное повышает уровень доверия к работе экспертных подразделений.

В аспекте обеспечение прозрачности и независимости экспертиз: для обеспечения объективности результирующих заключений экспертно-криминалистической деятельности внедряются меры, направленные на исключение воздействия на экспертов. Достигается посредством разделения функций, применения механизмов ротации кадров, создания условий для защиты сотрудников от давления и контроля за их действиями. Прозрачность обеспечивается открытостью процедур в рамках закона. Таким образом, это позволяет снизить коррупционные риски и повысить общественный контроль за процессом проведения экспертиз.

На наш взгляд, целесообразно следовать рекомендациям по совершенствованию методологий и практических мер антикоррупционной деятельности в экспертно-криминалистической сфере МВД, а именно:

1) Необходимо снабжать компетентные органы сведениями уголовно-правового, криминалистического и оперативно-розыскного характера. По мнению Федюнина А.Е. и Альфёрова В.Ю., так повысится организация процесса предупреждения, выявления, документирования и раскрытия коррупционных преступлений [5, с. 142].

2) Для выявления слабых мест, нужно определять органы государственной власти, которые наиболее привлекательны для коррупционеров [6, с. 116].

3) Для упреждения возможного противодействия расследованию - выяснять факторы, на которых основан механизм коррупционного преступления.

4) Контроль результатов экспертиз. Следует проверять их на присутствие следов фальсификаций. Подозрения в фальсификации экспертизы должны основываться на оперативно-розыскной информации, а при её подтверждении можно

назначать повторное исследование с целью проверки экспертного заключения.

Формирование и реализация антикоррупционных стандартов поведения сотрудников МВД в экспертно-криминалистической сфере является основой повышения профессионализма, законности и доверия к правоохранительной системе. Методологическое обоснование, подкрепленное практическими мерами, создаёт эффективный механизм противодействия коррупции. Совершенствование нормативно-правовой базы, повышение квалификации кадров и внедрение современных инструментов контроля способствуют устойчивому развитию антикоррупционной политики в МВД, что в конечном итоге укрепляет общественное доверие к экспертной и криминалистической деятельности.

Список литературы:

1. Кожикова П.С. Правовые и организационные основы реализации антикоррупционной политики современной России // Вестник науки. 2023. № 6(63). С. 468-472.

2. Шурыгин В.В. Антикоррупционная политика российского государства, особенности ее реализации в условиях современной // Вестник науки. 2025. № 2(83). С. 418-422.

3. Трифанцов С.В. Формирование антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел: дис. канд. пед. наук. 5.8.7. / Трифанцов Семён Васильевич. – Челябинск, 2025. 216 с.

4. Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 № 172-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс.

5. Федюнин А.Е., Алфёров В.Ю. Вопросы информационного обеспечения антикоррупционной безопасности в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1. С. 136-142.

6. Цыбульский В.В. Отдельные аспекты совершенствования криминалистической методики расследования коррупционных преступлений сотрудников ГИБДД // Наука. Общество. Государство. 2021. № 2 (34). С. 115-121.

© Федина Э.А., 2025

Хабибрахманова Рузиля Раисовна,
доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат филологических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация: статья о пагубных последствиях коррупции в академической среде и важности формирования антикоррупционного сознания. В работе рассматриваются мнения академического экспертного сообщества о причинах коррупционных проявлений в сфере университетского образования и способах преодоления данного негативного общественного явления. Представлены обобщенные результаты международного опыта в проекте ООН по вопросам антикоррупционного просвещения и повышения антикоррупционной активности молодёжи. Актуальность данного материала обусловлена высокой ответственностью всех участников образовательного процесса в современных условиях развития общества, возросшими требованиями к качеству университетского образования.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционное мировоззрение; академическая среда

Коррупция признается одной из самых труднопреодолимых глобальных угроз современности. От уровня коррумпированности государства зависит благополучие соответствующего общества. Поэтому борьба с коррупцией является общегосударственной задачей. Начиная с 2008 года, в Российской Федерации реализуется антикоррупционная стратегия в соответствии с Национальными планами противодействия коррупции. Действующим в настоящее время является Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы, утвержденный по Указу Президента Российской Федерации В.В. Путиным от 16 августа 2021 г. №478.

Коррупция пронизывает разные сферы человеческой деятельности. Не избежала этого печального явления и академическая среда. Эксперты ООН по вопросам образования отмечают, что коррупция в сфере образования встречается как в развитых, так и в развивающихся странах. Но страны с низким уровнем коррупции в целом, характеризуются высоким уровнем антикоррупционного мировоззрения, сформированного в академической среде. Антикоррупционное мировоззрение – это неприятие коррупции в любом её проявлении.

Борьба с коррупционными проявлениями ведётся с переменным успехом на протяжении многих веков. Ни одно государство полностью не может признать полную победу над коррупцией. Антикоррупционная модель поведения не стала социальной нормой и для академической среды. [2, 3, 5] Формирование антикоррупционного мировоззрения через систему ценностей, норм и правил поведения, регулирующих образовательную и научную деятельность, является очень важным процессом и требует комплексного подхода.

Как сказал Президент России В.В. Путин на совещании с членами правительства 24 января в 2023 году: «Именно педагог, учитель формирует в каждом из нас основы нашего мировоззрения. И от этого в значительной степени зависит устойчивость, стабильность и будущее нашего государства».

Как известно, термин «коррупция» заимствован из латинского языка. Широкий спектр негативных коннотаций, символизирующих процесс разрушения, определяются семантикой латинских слов «corruption» (существительное) и «corrumpere» (глагол): разрушение, подкуп, продажность, порча, упадок, гниение, повреждать, развращать нравы, уничтожать и т. п. Точная юридическая формулировка коррупции, единая для разных стран, затруднена. Определение коррупции различается в зависимости от исторического, политического, культурного и социального контекста. Несмотря на многочисленные дефиниции слова «коррупция», большинство словарей и правовых систем определяют коррупцию как злоупотребление служебным положением для получение личной выгоды, мошенническое, незаконное поведение со стороны лиц, находящихся у власти. [1, 7]

Коррупционные проявления в системе высшего образования требуют особо пристального внимания, потому что именно в студенческие годы происходит становление взрослой личности. Академическая среда базируется на ценностях критического мышления, анализа информации, обмена идеями. Цель высшей школы – повышение образовательного, интеллектуального, культурного уровня, использование потенциала исследовательской деятельности в целях профессионального развития. Но выпускник принесет больше вреда, чем пользы, если ему не будут привиты приверженность нормам этики, честности и порядочности. В академической среде должна царить атмосфера, которая способствует формированию устойчивого антикоррупционного мировоззрения, ответственного поведения в соответствии с законом и нравственными нормами. Ведь осознание, что коррупция вредит обществу, подрывает веру в справедливость, нарушает права граждан и препятствует экономическому развитию, поможет занять активную гражданскую позицию. Если граждане не верят в честную и справедливую систему образования, то все руководящие должности и в науке, и в политике, и в бизнесе, воспринимаются как полученные благодаря привилегиям, а не в результате личного упорного труда. Это подрывает доверие к образовательным и другим учреждениям, порождает разочарование и разобщенность, подрывает стремление к социальной сплочённости, что обязательно для успешного общества [3; 5, с. 638]. В этой связи необходимо продумывать и проводить в обществе «популяризацию антикоррупционных стандартов – деятельность, направленную на активное воздействие на правосознание, общественное мнение для стимулирования правомерного, устойчивого к проявлениям коррупции поведения мировоззрения, в целях укрепления доверия к органам публичной власти и должностным лицам» [1, пункт 10].

Наиболее распространенными коррупционными деяниями в академической среде обычно называют нарушения на вступительных экзаменах

и взяточничество, протекционизм, купленные дипломы и ученые степени, списывание и плагиат, коррупция в получении грантов, нарушение правил лицензирования, коррупция в академическом процессе, включая преподавание низкого качества. Основными причинами чаще всего признают низкие зарплаты преподавателей, несовершенство процедур предоставления образовательных услуг, растущая зависимость от рейтингов и мониторингов, терпимое отношение к взяточничеству в целом, низкая правовая культура. [2, 4, 6]

Исследователи признают, что выбор наиболее оптимальной антикоррупционной стратегии в образовании и её эффективное применение в конкретной ситуации – сложный вопрос, так как он зависит от многих факторов, включая различные модели коррупционных деяний и степень укоренённости коррупционных норм [8, с.16].

Ряд исследователей выделяют следующие факторы, наличие которых необходимо для выявления и предотвращения коррупционных проявлений в академической среде: прозрачность стандартов и процедур, аутсорсинг процессов управления и проверки, автоматизация управления, сравнение заявленных и фактических показателей, разработка кодексов поведения педагогов, доступ к информации, отслеживание государственных расходов. [2, 3, 5]

Свои инструменты управления знаниями для ученых и профессионалов предложило Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН - UNODC). В 2021 году запущен проект «Глобальная инициатива по вопросам антикоррупционного просвещения и повышения антикоррупционной активности молодёжи» (GRACE). В рамках этой инициативы была разработана серия университетских модулей по противодействию коррупции с целью дальнейшего повышения роли образования и расширения прав и возможностей молодёжи в противодействии коррупции. Модули представляют собой образовательные программы по антикоррупционному просвещению. К работе над проектом были привлечены более 70 мировых экспертов из 30 стран мира [7, с.4]. Предлагается использовать модули как базу для преподавания в университетах и академических учреждениях по всему миру, так как они ориентированы на универсальные ценности и проблемы, на различные программы высшего образования. Модули разработаны с целью продвижения антикоррупционного мировоззрения в академической среде в помощь лекторам и преподавателям, включая тех, кто не является профессионалами по вопросам противодействия коррупции. [7, 8]

В разделе «Упражнения» предлагаются варианты заданий образовательной антикоррупционной программы. Примеры кейсов и упражнения позволяют использовать различные методы обучения, включая индивидуальные и групповые дискуссии, дебаты и ролевые игры. На базовом уровне каждый модуль показывает, каким образом коррупция тесно переплетается с вопросами честности и этики.

Упражнение 1. Проведение теста и его результатов «Насколько вы коррумпированы?».

Упражнение 2. Студентов просят написать первое слово, которое приходит

на ум при упоминании о коррупции в образовании. Создаётся облако слов, которое наглядно демонстрирует частоту встречаемости очевидных и менее заметных слов. Преподаватель может использовать это как отправную точку для обсуждения разнообразных и зачастую менее очевидных проявлений коррупции в образовании. Предлагается обсудить тему «Что по вашему мнению представляет коррупция в целом и коррупция в образовании в частности?».

Упражнение 3. «Купить диплом». Молодой человек увидел объявление о программе бакалавриата по бизнесу, не требующей посещение занятий. Стоимость обучения по этой онлайн программе в данном университете низкая. Регистрация на курс осуществляется без предварительных условий. Студент платит небольшую сумму, выполняет минимальную работу по нескольким курсам и получает степень. Затем подает заявление о приёме на работу и получает должность.

Возможные вопросы для организации обсуждения:

1. Была ли в этом случае коррупция? Почему да или почему нет? Если да, то какой акт коррупции и кем был совершен?

2. Что было после окончания обучения?

3. Какие условия позволяют университету предлагать такого рода некачественные программы?

4. Что означает обеспечение качества обучения в контексте коррупции в образовании?

5. Что указывает на то, что диплом не обладает достаточным качеством и может стать объектом коррупционной сделки?

6. Какую политику вы хотели бы разработать для сдерживания коррупционного поведения, выявленного в этом примере?

7. Важно ли повышать потенциал университетов по проведению исследований в области противодействия коррупции в академической среде? [8, с. 21-25]

Ожидаемые результаты обучения: «способность определить различные виды и риски коррупции в сфере образования; способность связать причины и последствия в сфере образования с соответствующими превентивными стратегиями; способность рассказать о проблемах коррупции в различных образовательных контекстах и критически обсудить возможные стратегии противодействия» [8, с. 7].

Выводы. Внедрение элементов антикоррупционного просвещения в образовательный процесс поможет в развитии способности: выявлять и объяснять взаимосвязь коррупции с другими актуальными проблемами; оценивать собственную исходную позицию по отношению к коррупции и критически её осмысливать, размышлять над личными целями по противодействию коррупции; осознавать важность формирования антикоррупционного мировоззрения и поддержания исследователей, работающих в области противодействия коррупции, честности и этики.

Список литературы:

1. Методические рекомендации по вопросам организации и проведения работы по антикоррупционному просвещению и популяризации в обществе антикоррупционных стандартов (утв. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, 10 сентября 2025 г.) https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorr.

2. Жак Аллак и Мюриэль Пуассон Коррумпированные школы, коррумпированные университеты: Что можно сделать? / Международный Институт Планирования Образования. Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2014. 326 с.

3. Altbach, Philip G. Academic corruption: The continuing challenge. International Higher Education, vol. 38, pp. 5-6. 2015.

4. Denisova-Shmidt, Elena What can universities do to stop students cheating? University World News, 20 April 2019.

5. Heyneman, Stephen Education and Corruption. International Journal of Educational Development, vol. 24, issue 6, pp 637-648.

6. Poisson, Muriel Corruption and Education. Education and Policy Series. Paris: International Academy of Education, vol. 11, 2010.

7. University Nodule Series: Anti-Corruption. Knowledge tools for academics and professionals. Module 1. What is Corruption and Why Should We Care? / United Nations Office on Drugs and Crime https://grace.unodc.org.

8. University Nodule Series: Anti-Corruption. Knowledge tools for academics and professionals. Module 9. What is Corruption and Why Should We Care? / United Nations Office on Drugs and Crime https://grace.unodc.org.

© Хабибрахманова Р.Р., 2025

Хисматулина Наталья Владимировна,
доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат педагогических наук

«АЗИАТСКИЕ ЦЕННОСТИ» КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД СУЩЕСТВУЮЩИХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАКТИК В АЗИАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в статье анализируется влияние традиционных азиатских ценностей на легитимацию коррупционного поведения в азиатских обществах. Подчеркивается, что практики непотизма, кроониизма и дарения «в знак благодарности» маскируются под традиционные культурные нормы, превращая коррупцию в социально приемлемую «серую зону», что затрудняет ее идентификацию, криминализацию и регулирование, поскольку подобные действия фаворизации, реализуемые в предоставлении услуг, властных преимуществ и привилегий родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств воспринимаются, как правило, не как коррупционное деяние в соответствии с принятыми правовыми нормами, а как проявление уважения и взаимной поддержки, закрепленных в культурном коде азиатских обществ – социальных институтов, основанных преимущественно на коллективистских ценностях и общинной этике. В заключение автором предлагается рассматривать азиатские ценности не как источник коррупционных практик, а как социальный ресурс, который при соответствующем управлении может стать механизмом построения справедливого и устойчивого общества.

Ключевые слова*:* коррупционные практики; коррупционное поведение; азиатская культура; азиатское общество; общинная этика; непотизм; кроониизм.

В озвучиваемой сегодня глобальной повестке безопасности акцент всё чаще смещается с традиционных военных угроз на нетрадиционные вызовы (Buzan, Hansen, 2009) [3], такие как экологические риски, неравенство, нищета, голод, низкое качество жизни и здравоохранения и т.п. Среди основных угроз специалисты выделяют также и коррупцию, которая нередко интерпретируется как «социальная пандемия», подрывающая социальную справедливость и достижение глобальных целей в области устойчивого развития (от англ. – *Sustainable Development Goals, SDGs*), определенных в 2015 году в итоговом документе Генассамблеи ООН (“*Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development*”) в качестве необходимых в масштабном преобразовании мира в период до 2030 года. Особенно остро проблема стоит в Азии – регионе, который, согласно данным *Transparency International,* неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией, демонстрирует одни из самых высоких уровней коррупционных практик в мире.

В исследовании Yuniarti и R. Wirawan 2023 года [15] выдвигается гипотеза о том, что формированию коррупционного подведения в азиатских странах способствуют «азиатские ценности», под которыми авторами понимается общинная

культурная модель, сформированная под влиянием конфуцианства, буддизма, индуизма и ислама (Cauquelin et al., 1998) [4]. Важно подчеркнуть, что авторы не утверждают, что эти ценности по своей природе коррупционны. Напротив, они признают благородство и правильность заложенных в азиатский культурный код смыслов, таких как чувство общности, дисциплина, трудолюбие, строгая мораль и семейные ценности (Goh, 1994) [8, p. 417]; и отсутствие в них коррупционных норм. Проблема, по мнению исследователей, заключается в неправильной интерпретации и инструментальном использовании этих ценностей в личных и групповых интересах, что позволяет осмыслить высокий уровень коррупции в Азии не столько как результат морального упадка, сколько как следствие деформации культурных норм, которые в иных условиях могли бы служить основой гражданского доверия и социальной сплоченности.

Жизнедеятельностная модель, основанная на азиатском культурном коде, характеризуется приоритетом коллективных интересов над индивидуальными, уважением к авторитету / старшему, силой семейных связей, принципом межличностной взаимности, определяющим нормой опору на личные связи и взаимные обязательства, нежели на букву закона. Как отмечает D.C. Shin (Shin, 2012) [14], азиатские ценности можно описать пятью ключевыми чертами: иерархический коллективизм, конфуцианский семейный уклад, межличностная взаимность, патерналистская меритократия, гармония. Все они непосредственно связанны с коррупционными практиками через две взаимосвязанные сферы: политическую и социальную.

I. Политическая сфера: авторитаризм, патронаж и «сила человека»

В политическом измерении азиатские ценности способствуют легитимации авторитарных или патерналистских режимов. Азиатское общество склонно передавать власть элитам, ожидая от них порядка и заботы, но не требуя подотчетности и прозрачности в реализации властных полномочий. Такая модель предполагает выстраивание жесткой иерархической структуры, где безусловное уважение к правителю становится аналогом «сыновьей почтительности» (Croll, 2006,) [5, p. 474]. В результате, как подчеркивают специалисты (Sen, 2017) [13], власть человека оказывается сильнее власти закона (от англ. – "*A rule of a man is stronger than the rule of law*"), что переводит коррупцию из статуса потенциального явления в абсолютное. Интересно соответствие данного вывода изречению лорда Дж. Актона, британского политика и видного историка конца XIX века: "*Power tends to corrupt; absolute power corrupts absolutely*" – «Власть имеет свойство развращать, абсолютная власть развращает абсолютно» [1].

Такая система создает благоприятные основания для 1) жизнеспособности моделей патрон-клиентных структур на государственном уровне (неприкасаемость патрона (хозяина), предоставление им по собственной воле доступа к дефицитным ресурсам (земле, рабочим местам, инвестициям и т.п.) своим клиентам (подчиненным) в обмен на их лояльность и беспрекословную верность), 2) непотизма (вид фаворитизма, определяющий предоставление разного рода привилегий родственникам независимо от их профессиональных качеств) и 3) кронизма (вид фаворитизма, практика предоставления властных преимуществ, выгодных позиций друзьям и доверенным лицам). Ярким примером подобных

коррупционных практик является Индонезия: после тридцатилетнего режима Сухарто, построенного на семейно-клановых принципах управления, механизм передачи государственных контрактов родственникам чиновников негласно стал «встроенным» в бюрократический процесс, а коррупция, превратившись уже в обыденное явление, не вызывала критики, а, наоборот, воспринималась обществом своеобразным гарантом благосостояния и безопасности. Такой социально-политический ландшафт, по мнению T. Koh (Koh, 2001) [11], в полной мере отражает ценностные ориентиры азиатского культурного кода, где забота о благополучии семьи ставится выше профессионализма, конкурентной нейтральности и эффективности в разумном распределении ресурсов. Аналогично кроониизм интерпретируется не как злоупотребление должностными полномочиями, а как выполнение долга перед сообществом. Как отмечает T. Ngo (Ngo, 2009) [12], такие отношения часто строятся на экономическом подходе «поиска ренты» (от англ. – *rent-seeking*), смысл которого состоит в том, «владелец ресурсов» (государственный деятель, чиновник, официальное лицо, обладающее властными полномочиями и т.п.) заинтересованно обеспечивает благоприятные условия для определенной группы взамен на максимизацию материальной (например, деньги) и нематериальной (например, поддержка на выборах) ренты сверх своих затрат. Так, ситуация, в которой чиновник получает взятку, а его друг – выгодный контракт, воспринимается как беспроигрышное решение (от англ. – *win-win solution*), укрепляющее социальные связи и лояльность. Идея «лучше помочь другу, нежели кому-то еще», в логике R.A. Fox, соответствует ценностям азиатской культуры, в которой друзья рассматриваются частью сообщества, интересы которого первичны (Fox, 1997) [7, p. 582].

II. Социальная сфера: межличностная взаимность как камуфляж коррупции

Если в политической сфере коррупция узаконивается через уважение к власти, то в повседневной жизни она маскируется под практику межличностной взаимности (от англ. - *interpersonal reciprocity*). Подарки, «благодарственные» выплаты чиновникам или полицейским воспринимаются не как взятки, а как выражение признательности – «возврат добра за добро». Более того, благодарность в качестве ответной меры за проявленную помощь расценивается в азиатской культуре в качестве добродетели (Kim, 2010) [10, p.321], которую каждому следует развивать и воспитывать в себе. Как отмечают Yuniarti и R. Wirawan [15], азиаты всегда практикуют обмен товарами в повседневной жизни в качестве символа благодарности в кругу друзей или соседей, однако такая социальная модель поведения легко инструментализируется в общественном поле в целом, когда в качестве нормы воспринимается подарок или небольшая сумма денег полицейскому в обмен на освобождение от уплаты штрафа за превышение скорости или чиновнику в ответ на ускорение процедуры решения административного дела. Особую сложность представляет то, что такие действия в азиатской культуре трудно криминализировать и квалифицировать как коррупционное деяние. Как замечает L. Holmes, разрыв между традиционными культурными ценностями и нормативно-правовой базой является критичным в определении действия

дарения в качестве правомерного или неправомерного поведения: если для одних дарение считается взяткой, то для других подобная благодарность остается оправданной, ожидаемой, поскольку соответствует культурному коду (Holmes, 2006) [9].

Следует отметить, что азиатские ценности не порождают коррупцию напрямую, но создают культурную «серую зону», где граница между подарком и взяткой, помощью и злоупотреблением должностных полномочий становится достаточно размытой. Такое миропонимание способствует восприятию коррупции как социально приемлемого и устойчивого явления. Тем не менее, подчеркнем, что в настоящее время в азиатских странах реализуются попытки институциональных реформ, принимаются меры по «очернению» серых зон. Так, например, сегодня в Индонезии любой дар чиновнику, вне зависимости от намерения, стоимости и повода, считается коррупционным деянием. Fiansyah в своей статье упоминает показательный случай, когда секретарь Верховного Суда на свадьбе своей дочери в качестве сувениров раздал гостям айподы (*iPods*), но позже все получатели были вынуждены вернуть подарки в антикоррупционное ведомство под угрозой уголовного преследования (Fiansyah, 2014) [6]. Другое направление реформ – цифровизация государственных услуг, способствующая снижению уровня коррупции, поскольку электронный документооборот исключает саму необходимость личной встречи заявителя и государственного служащего. Такой подход, по справедливому замечанию J.C. Bertot и др., делает процедуру оказания услуги прозрачной, «отодвигает в сторону ценность уважения», устраняя саму возможность неформальных договоренностей (Bertot et al.) [2].

В заключение отметим, что культурно-структурный подход к анализу коррупционных практик в азиатских странах очевидно выявляет истоки высокого уровня коррупции, демонстрируя, как благородные, по своей сути, ценности – уважение к авторитету / старшему, семейственность, общинная консолидация, солидарность, ориентированность на ближнего своего и т.п. – могут быть деформированы в условиях слабых институтов и превращаться в социальные механизмы воспроизводства коррупции. Однако, не следует диагностировать азиатское общество как хронически коррумпированное и усматривать в азиатском культурном коде оправдание коррупционному поведению. Напротив, культура может рассматриваться не как источник коррупции, а как социальный ресурс в построении справедливого и устойчивого общества при условии, что общественные практики поддаются реформированию через институциональные изменения, правовое просвещение и переосмысление традиционных норм.

Список литературы:

1. Душенко К. история знаменитых цитат. URL: https://kartaslov.ru/книги/Константин_Душенко_История_знаменитых_цитат/2 (дата обращения: 25.10.2025).

2. Bertot J.C., Jaeger P.T., Grimes J.M. Using ICTs to create a culture of transparency: E-government and social media as openness and anti-corruption tools for societies // Government Information Quarterly. (2010). no. 27 (3). Pp. 264–271.

3. Buzan B., Hansen L. The evolution of international security studies. New York: Cambridge University Press: Cambridge, 2009. 402 p.

4. Cauquelin J., Lim P., Mayer-König B. Understanding Asian Values // In J. Cauquelin et al. (Eds.), Asian Values: Encounter with Diversity (1st Ed., pp. 1–19). Routledge, 1998.

5. Croll E.J. The intergenerational contract in the changing Asian family // Oxford Development Studies. 2006. no. 34 (4). Pp. 473-491.

6. Fiansyah R. Souvenir iPod dari pihak besan Nurhadi. Kompas. 2014. URL: http://nasional.kompas.com/read/2014/03/19/1841500/MA.Suvenir.iPod.dari.Pihak.Besan.Nurhadi/ (дата обращения: 13.11.2025).

7. Fox R.A. Confucian and communitarian response to liberal democracy // Review of Politics. 1997. no. 59 (3). Pp. 561-592.

8. Goh C.T. Social values, Singapore style. Current History. 1994.

9. Holmes L. Rotten states? Corruption, post-communism, and neoliberalism. Duke University Press: Durban, 2006. 440 p.

10. Kim S.Y. Do Asian values exist? Empirical tests of the four dimensions of Asian values. Journal of East Asian Studies. 2010. no. 10 (2). Pp. 315-334.

11. Koh T. Four years after the Asian crisis: is Confucian dead? 2001. URL: http://lkyspp2.nus.edu.sg/wpcontent/uploads/2013/04/pa_tommy.pdf (дата обращения: 14.11.2025).

12. Ngo T. Rent-seeking under the licensing state: the institutional sources of economic corruption in China // In T. Gong & S.K. Ma (Eds.), Preventing corruption in Asia: institutional design and policy capacity. Routledge: Abingdon, 2009. Pp. 30-47.

13. Sen P. Do Asian values still exist? Revisiting the roots in search of a plausible future // South Asian Survey. 2017. no. 21 (1-2). Pp. 51-63.

14. Shin D.C. Confucianism and democratization in East Asia // Journal of Chinese Political Science. 2015. no. 20(2). URL: https://www.researchgate.net/publication/276452810_Doh_Chull_Shin_Confucianism_and_Democratization_in_East_Asia (дата обращения: 14.11.2025).

15. Yuniarti, Wirawan R. Corruption and Asian Values: A Cultural Approach to Understand Corruption within Asian Society // European Journal of Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 3, Issue 1. Pp. 34-38.

© Хисматулина Н.В., 2025

Холостова Татьяна Дмитриевна,
доцент кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ПРОФИЛАКТИКА КОРРУПЦИИ В ПОЛИЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И КАНАДЫ)

Аннотация: в статье анализируются организационные и этические механизмы профилактики коррупции в полиции Великобритании и Канады. На основе изучения нормативных правовых актов, кодексов профессиональной этики и данных специальных исследований уточняется содержание понятия «полицейская коррупция» и выделяются ключевые направления её предупреждения: институциональные, процедурные и ценностно-этические. Проводится сравнительный обзор систем внутреннего и внешнего контроля, роли кодексов поведения, а также мер по управлению коррупционными рисками и формированию антикоррупционной культуры сотрудников. Научная новизна заключается в комплексном представлении моделей профилактики коррупции в полиции Великобритании и Канады через призму возможности их адаптации к российской системе МВД и формулировании обобщённых предложений по развитию профессиональной этики и механизмов внутренней безопасности органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция; полиция; профилактика коррупции; профессиональная этика; внутренняя безопасность; Великобритания; Канада.

Коррупция в правоохранительных органах относится к числу наиболее опасных форм коррупционных проявлений, поскольку подрывает доверие общества к государству, дискредитирует право и существенно снижает эффективность деятельности полиции. В зарубежной и отечественной литературе подчёркивается, что полицейская коррупция отличается высокой латентностью и тесно связана с особенностями профессиональной культуры и организационной структуры полиции [1; 2; 3].

В зарубежных исследованиях полицейская коррупция определяется как использование сотрудниками полиции предоставленных им властных полномочий в личных интересах, противоречащее закону и служебным обязанностям и подрывающее доверие общества к полиции [1; 2]. К типичным её проявлениям относят получение взяток, покровительство криминальным структурам, злоупотребление служебной информацией, незаконное применение силы, а также так называемую «коррупцию во имя благой цели» («noble cause corruption»), когда нарушение закона оправдывается стремлением достичь «справедливого» результата [2].

В российской криминологической доктрине коррупция в органах внутренних дел рассматривается как системная угроза, детерминированная сочетанием институциональных, социально-экономических и культурных факторов, а также

профессиональной деформацией и особенностями корпоративной субкультуры [3; 4]. Это позволяет сделать вывод о необходимости комплексного воздействия, включающего не только уголовно-правовые и дисциплинарные меры, но и тщательную организацию внутреннего контроля, кадровой политики и системы профессиональной этики.

Великобритания и Канада представляют интерес как государства с развитой системой демократического контроля, длительной историей реформирования полиции и институционализированными механизмами профессиональной этики. При этом их модели различаются по степени централизации управления и формам гражданского контроля, что позволяет рассматривать их как репрезентативные варианты для сравнительного анализа.

На примере полиции Великобритании и Канады проанализируем организационные и этические варианты профилактики коррупции и определим возможность использования отдельных элементов зарубежного опыта в российской системе МВД.

Полицейская система Великобритании сочетает значительную автономию отдельных полицейских сил с развитой системой внутреннего и внешнего контроля. Во всех полицейских силах действуют подразделения по профессиональным стандартам (Professional Standards Departments), отвечающие за расследование нарушений, анализ коррупционных рисков и выработку профилактических мер.

Важнейшим элементом организационной инфраструктуры является Кодекс профессиональной этики (Code of Ethics), разработанный Колледжем полиции (College of Policing) и имеющий статус общенационального стандарта поведения для полицейских Англии и Уэльса [5]. Кодекс закрепляет базовые принципы (честность, открытость, справедливость, уважение к правам человека) и связывается с Национальной моделью принятия решений (National Decision Model), что позволяет встроить этические ориентиры в ежедневную оперативно-служебную деятельность полицейских.

Система внешнего контроля представлена Службой независимого расследования действий полиции (Independent Office for Police Conduct) и инспекцией Его Величества по вопросам полиции и пожарной службы, осуществляющей оценку эффективности, в том числе по направлению «целостность и коррупция» [6]. Указанные структуры рассматривают жалобы граждан, проводят независимые расследования наиболее серьёзных случаев злоупотреблений и формируют рекомендации по совершенствованию работы.

К ключевым организационным мерам профилактики коррупции относятся:

– систематический анализ коррупционных рисков и уязвимых функций;

– ротация сотрудников на должностях с повышенными коррупционными рисками;

– процедуры декларирования интересов и предотвращения конфликта интересов;

– внутренние регламенты сообщения о нарушениях (whistle-blowing) и защиты информаторов;

– проверки благонадёжности и мониторинг образа жизни отдельных категорий сотрудников.

В совокупности это формирует модель, ориентированную не только на реагирование на нарушения, но и на предупреждение формирования коррупциогенной среды в полицейских подразделениях.

Полицейская система Канады включает федеральную Королевскую канадскую конную полицию (Royal Canadian Mounted Police, RCMP), а также провинциальные и муниципальные полицейские службы. На федеральном уровне действуют нормы Закона о RCMP и подзаконные акты, регулирующие вопросы дисциплины, профессиональных стандартов и внутреннего контроля [7].

Кодекс поведения RCMP (RCMP Code of Conduct) закрепляет обязанности сотрудников по поддержанию высокого уровня личной и профессиональной честности, недопущению конфликта интересов, злоупотребления служебным положением и доступа к информации. Нарушение Кодекса влечёт дисциплинарную ответственность вплоть до увольнения [7].

Внутренний контроль за соблюдением стандартов осуществляют специальные подразделения профессиональной ответственности (Professional Responsibility Units), проводящие служебные проверки и расследования. Вместе с тем большое значение придаётся гражданскому контролю: действует независимая Комиссия по рассмотрению жалоб на действия RCMP (Civilian Review and Complaints Commission), уполномоченная анализировать жалобы граждан и формировать рекомендации по совершенствованию практики [8].

Отдельным направлением деятельности RCMP выступает профилактика коррупции в более широком контексте – борьба с подкупом иностранных и отечественных должностных лиц, финансовыми преступлениями, отмыванием денег. Для этого развиваются специализированные подразделения, реализуются программы сотрудничества с другими государственными органами и международными организациями [9].

Организационная модель Канады характеризуется сочетанием жёстких дисциплинарных стандартов, функционирования подразделений внутренней безопасности и развитой системы гражданского контроля, что в целом соответствует подходу, реализуемому в Великобритании, но с учётом федеративного устройства и многоуровневой структуры полиции.

Современные исследования подчёркивают, что стабильное снижение уровня коррупции в полиции невозможно без формирования устойчивой профессиональной этики и антикоррупционной культуры [1; 2; 10]. Для Великобритании и Канады характерна институционализация этических требований в виде кодексов поведения, тесно связанных с кадровой политикой и дисциплинарной практикой.

В Великобритании Кодекс этики Колледжа полиции формулирует принципы, обязательные для всех полицейских, и служит основой оценки деятельности, аттестации и служебного роста [5]. В учебные программы включаются специальные модули, посвящённые анализу этических дилемм, конфликту интересов, взаимодействию с уязвимыми группами населения. Обсуждение реальных

ситуаций, приводивших к коррупционным скандалам, используется как инструмент профилактики.

В Канаде Кодекс поведения RCMP и аналогичные документы провинциальных служб полиции закрепляют схожий набор принципов: честность, беспристрастность, уважение к правам человека, ответственность перед обществом [7]. Существенным элементом является обязанность сотрудника сообщать о фактах нарушений, ставших ему известными по службе, при наличии гарантий защиты от преследования со стороны коллег и руководства. Этические стандарты учитываются при отборе кандидатов, их подготовке и оценке служебной деятельности.

Таким образом, этические механизмы в рассматриваемых странах не сводятся к декларативным документам, а встроены в систему управления персоналом и дополняют организационные меры профилактики коррупции.

Российская система противодействия коррупции в органах внутренних дел также имеет широкий набор правовых и организационных инструментов, однако в научной литературе и практике указываются проблемы формализма в реализации антикоррупционных программ, недостаточной эффективности отдельных приёмов внутреннего контроля и трудностей в формировании устойчивой антикоррупционной культуры сотрудников [3; 4; 11].

Сравнительный анализ практики Великобритании и Канады позволяет выделить несколько направлений, представляющих интерес для дальнейшего развития российской системы МВД:

– *конкретизация кодексов профессиональной этики.* Представляется целесообразным усилить регламентацию типичных коррупциогенных ситуаций, механизмов управления конфликтом интересов и обязанностей по сообщению о нарушениях, обеспечить связь этических стандартов с процедурами аттестации и продвижения по службе;

– *укрепление внутренних и внешних механизмов контроля.* Позитивное значение может иметь расширение аналитической функции подразделений собственной безопасности, развитие практики оценки коррупционных рисков и создание устойчивых каналов взаимодействия с общественными советами и иными институтами гражданского контроля;

– *развитие механизмов защиты информаторов.* На основе зарубежных подходов возможно совершенствование процедур анонимного сообщения о правонарушениях, запрета репрессалий в отношении сотрудников, сообщивших о коррупции, и закрепление соответствующих гарантий в ведомственных актах.

– *интеграция антикоррупционных ценностей в систему подготовки кадров и повышения квалификации.* Перспективным представляется расширение использования кейс-методов, обсуждение реальных ситуаций коррупционных рисков, включение зарубежных примеров в учебные курсы образовательных организаций МВД России.

Реализация указанных направлений с учётом национальных особенностей и действующего законодательства может способствовать повышению эффективности профилактики коррупции в органах внутренних дел и укреплению доверия граждан к полиции.

Опыт Великобритании и Канады демонстрирует, что успешная профилактика коррупции в полиции основана на сочетании развитых организационных механизмов контроля и глубоко институционализированной профессиональной этики. Наличие специализированных подразделений по профессиональным стандартам, независимых органов гражданского контроля, систематический анализ коррупционных рисков и интеграция этических стандартов в кадровую политику формируют комплексную модель предупреждения коррупции.

Научная новизна проведённого исследования заключается в систематизации указанных механизмов через призму их возможной адаптации в российской системе МВД и формулировании обобщённых рекомендаций по дальнейшему развитию профессиональной этики и внутренней безопасности в органах внутренних дел.

Представляется, что последовательное развитие кодексов профессиональной этики, укрепление механизмов внутреннего и внешнего контроля, совершенствование процедур защиты информаторов и антикоррупционного обучения будет способствовать снижению коррупционных рисков, укреплению служебной дисциплины и росту доверия общества к органам внутренних дел Российской Федерации.

Список литературы:

1. Newburn T. Understanding and Preventing Police Corruption: Lessons from the Literature. – London: Home Office, Policing and Reducing Crime Unit, 1999. – 56 p.

2. Punch M. Police Corruption: Deviance, Accountability and Reform in Policing. – Cullompton: Willan Publishing, 2009. – 281 p.

3. Багмет М.А. Противодействие коррупции в полиции: криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

4. Долгова А.И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. – 665 с.

5. College of Policing. Code of Ethics: A Code of Practice for the Principles and Standards of Professional Behaviour for the Policing Profession of England and Wales. – London, 2014.

6. Her Majesty's Inspectorate of Constabulary and Fire & Rescue Services. Police Integrity and Corruption. – London, 2014.

7. Code of Conduct of the Royal Canadian Mounted Police: SOR/2014-281 // Justice Laws Website. – Ottawa, 2014.

8. Civilian Review and Complaints Commission for the Royal Canadian Mounted Police. Annual Report. – Ottawa, 2018.

9. Royal Canadian Mounted Police. Corruption // Официальный сайт Королевской канадской конной полиции. – URL: https://www.rcmp-grc.gc.ca.

10. DCAF. Toolkit on Police Integrity. – Geneva: Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, 2012.

11. Ковтуненко Л.В. Формирование антикоррупционной культуры курсантов образовательных организаций МВД России как мера профилактики коррупционных преступлений // Электронный ресурс. – Доступ через базу данных «Cyberleninka». – 2022.

© Холостова Т.Д., 2025

Шарая Валентина Васильевна,
профессор кафедры иностранных языков
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

КОРРУПЦИЯ В ПОЛИЦИИ США. ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Аннотация: данная статья рассматривает проблему коррупции в полиции США (на материале исследования коррупции полиции в Чикаго). Основным мотивирующим фактором данного исследования является желание искоренить или хотя бы ограничить коррупционную составляющую деятельности полиции. Автор указывает две формы коррупции, которые являются основными для деятельности полиции. К ним относятся взяточничество, когда полицейские получают оплату за свои услуги, и вымогательство, когда полицейские пытаются вынудить гражданина оплатить свои услуги. Появление наркоторговли и связанный с ней всплеск коррупции в полиции сделало традиционные формы коррупционной деятельности почти «безобидными». Автор полагает, что в коррупционных скандалах не последнее место занимает этика сотрудников полиции. Учитывая власть, которой пользуется полиция в обществе, люди рассчитывают на высокие этические стандарты поведения полицейских. К некоторым факторам, которые приводят к неэтичному поведению, следует отнести отсутствие надлежащей подготовки, контроля и тот факт, что большинство офицеров полиции могут удвоить или утроить свою зарплату за счёт коррупционных действий. По мнению автора, внедрение специальных программ обучения, направленных на повышение этических норм сотрудников полиции, будет способствовать сокращению уровня преступности в полиции.

Ключевые слова: коррупция, этические нормы, формы коррупции, взяточничество, вымогательство, наркоторговля.

Коррупция в полиции вызывала беспокойство с момента создания первых организованных полицейских департаментов в США. Желание искоренить или хотя бы ограничить коррупцию было одним из мотивирующих факторов, способствующих движению за реформу полиции. В общих чертах коррупцию в полиции можно определить как злоупотребление властью сотрудниками правоохранительных органов «с целью получения личной выгоды». Коррумпированные полицейские делятся на две категории, условно называемые «вегетарианцами» и «мясоедами» в соответствии с размером взятки.

Так называемые «вегетарианцы» вовлечены в пассивную коррупцию: они просто соглашаются на вознаграждение и используют возможности, которые может предоставить работа в полиции. Как следует из названия, «мясоеды» более агрессивны в своём стремлении к личной выгоде: они инициируют коррупционные схемы и идут на многое, чтобы их реализовать.

Некоторые формы коррупции были неотъемлемой частью работы полиции с самого её начала. К традиционным формам коррупции относится взятка,

при которой сотрудник полиции принимает деньги или другие формы оплаты в обмен на «услуги», которые могут включать в себя разрешение на продолжение определённой преступной деятельности или сокрытие ключевого доказательства до суда. К взятке относятся: подкупы, при которых сотрудник полиции требует оплату от физического лица или компании в обмен на определённые услуги; вымогательство, при котором сотрудник полиции пытается получить деньги или товары от гражданина или преступника или при котором сотрудник полиции принимает бесплатные «подарки», такие как сигареты, алкоголь или услуги в обмен на лояльное отношение к «дарителю». Современные тенденции в сфере коррупции в полиции связаны с появлением наркоторговли в последние несколько десятилетий и связанные с ней возможности для коррупции, что сделало традиционные формы коррупционной деятельности почти «безобидными». Масштабы коррупции, связанной с наркотиками, могут быть огромными. Когда таможенный инспектор из Эль-Пасо (Техас) Хосе де Хесус Рамос был арестован за участие в схеме по контрабанде 2200 фунтов кокаина через американо-мексиканскую границу, ему предложили заплатить 1 миллион долларов за то, чтобы он просто проигнорировал транспортное средство с наркотиками.

В период с 1994 по 1998 год количество сотрудников правоохранительных органов на местном, региональном и федеральном уровнях в федеральных тюрьмах увеличилось с 107 до 548 человек. При этом, многие операции, как указано ниже, были связаны с незаконным оборотом наркотиков.

Так например, в Кливленде, штат Огайо, в ходе спецоперации были задержаны 44 сотрудника правоохранительных органов, которые получали деньги за покровительство наркоторговцам, которые занимались сбытом кокаина. Согласно показаниям под присягой, каждому сотруднику платили до 3700 долларов за защиту одной сделки по продаже наркотиков.

В Чикаго, штат Иллинойс, десяти полицейским были предъявлены обвинения в грабеже и вымогательстве денег и наркотиков у наркоторговцев.

В Филадельфии, штат Пенсильвания, было установлено, что шесть полицейских подбрасывали подозреваемым запрещённые вещества, проводили незаконные обыски и лгали под присягой. В результате расследования 160 ошибочно осуждённых преступников были освобождены из тюрьмы.

В Новом Орлеане, штат Луизиана, десять полицейских были осуждены за участие в охране склада, на котором хранилось 286 фунтов кокаина.

Другой аспект коррупции в полиции связан с распространёнными преступлениями, такими как кражи и взломы. Так, комнаты хранения вещественных доказательств, где полицейские управления хранят конфискованные материалы, которые могут быть использованы в качестве улик в суде, являются главной мишенью для полицейских, заинтересованных в их краже.

Иногда улики, такие как наркотики и наличные деньги, «исчезают» без объяснения причин — в 1997 году из хранилища вещественных доказательств полицейского управления Нью-Хейвена (штат Коннектикут) таинственным образом исчезли 23000 долларов наличными и облигациями. Недобросовестные полицейские часто находят возможность воспользоваться "внутренней информацией"

о незаконных сделках с крупными суммами наличных или контрабандой. Например, полицейский из Хартфорда по имени Рамон Валентин узнал от информатора, что у местного наркоторговца дома есть сейф, в котором хранится 100 000 долларов наличными. Взяв отгул по болезни, Валентин и его напарник отправились по адресу и, показав свои значки невестке наркоторговца, конфисковали сейф (в котором на самом деле было всего 38 000 долларов). Позже Валентин забрал у наркоторговца 7000 долларов и связку ключей. Ключи вели к гаражу, где стоял красный «Корветт», который Валентин тоже забрал себе и на котором ездил на работу до того, как его задержали.

Исследователи полагают, что существует три уровня коррупции в полиции. По словам Лоуренса У. Шермана, заведующего кафедрой криминологии Мэрилендского университета, в полицейском управлении могут существовать три основных типа коррупции. Первый и наименее распространённый тип — это коррупция по принципу «гнилые яблоки и гнилые карманы». В этом случае коррумпированы только один или несколько сотрудников в отделе или участке. Многим такая возможность может показаться обманчиво привлекательной. Если в каком-то отделе коррумпировано лишь небольшое количество сотрудников, то шаги, которые необходимо предпринять, очевидны. После того, как эти сотрудники будут привлечены к дисциплинарной ответственности или уволены, проблема будет решена. Если руководство полиции считает, что «гнилых яблок» всего несколько, оно может не предпринимать шагов, необходимых для борьбы с «гнилой бочкой». На втором уровне коррупции по Шерману правонарушения в ведомстве носят повсеместный, но не организованный характер. То есть большинство сотрудников коррумпированы, но они не взаимодействуют друг с другом организованным образом. Напротив, на третьем уровне коррупции по Шерману коррупция не только повсеместна, но и большинство сотрудников ведомства работают сообща, чтобы максимизировать прибыль от своей коррупционной деятельности. Именно такой крайний уровень порока выявила комиссия Кнаппа в ходе расследования коррупции в полиции Нью-Йорка в 1970-х годах.

Коррупция в полицейской субкультуре возникает не по какой-то одной причине. Освещая коррупционное поведение группы полицейских из Майами, известных как «полицейские Майами-Ривер», журналист Джон Доршнер обратил внимание на некоторые факторы, которые приводят к неэтичному поведению, в том числе на отсутствие надлежащей подготовки, контроля и тот факт, что большинство офицеров могут удвоить или утроить свою зарплату за счёт коррупционных действий. Лоуренс Шерман выделяет несколько стадий морального падения полицейских. На первой стадии офицеры принимают небольшие подношения, например, время от времени получают бесплатную еду в ресторане, который находится в зоне их патрулирования. Эти подношения постепенно превращаются в откровенные взятки, когда офицеры получают вознаграждение за то, что закрывают глаза на какое-то нарушение. Например, полицейский может получать деньги от владельца бара, чтобы тот не привлекал его к ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним. На заключительном этапе сотрудники полиции уже не просто пассивно принимают взятки, а активно их вы-

могают, вплоть до того, что могут заставить другую сторону заплатить за ненужные услуги полиции. На этом этапе часто фигурируют крупные суммы денег, и, как мы уже видели, это может быть связано с защитой или участием в организациях, занимающихся наркотиками, азартными играми или проституцией. Изолирующее влияние полицейской субкультуры также способствует коррупции, затрудняя её выявление. Комиссия Кнаппа обратила внимание на так называемый «кодекс молчания», существующий в полицейских управлениях, — кодекс, который клеймит любого из отдела, а тот, кто разоблачает коррупцию, считается предателем. «Новичок, который приходит в отдел», — как было отмечено, «сталкивается с ситуацией, в которой ему проще стать коррупционером, чем оставаться честным».

Коррупционные скандалы могут иметь долгосрочные негативные последствия для полицейского управления. Очевидно, что репутация полиции в обществе пострадает, поскольку граждане будут сомневаться в общей эффективности управления, которое не может контролировать само себя. Кроме того, неизбежно пострадает моральный дух сотрудников. Осознавая эти последствия, многие полицейские управления внедрили специальные программы обучения, направленные на повышение этических норм сотрудников полиции.

Коррупция в полиции тесно связана с этикой сотрудников правоохранительных органов. Этика связана с фундаментальными вопросами о честности, справедливости, правильности или неправильности тех или иных действий. Учитывая значительную власть, которой обладают полицейские, общество ожидает от них соблюдения очень высоких стандартов этического поведения. Эти ожидания отражены в Кодексе поведения полиции, разработанном Международной ассоциацией начальников полиции в 1989 году. В какой-то степени Кодекс поведения полиции самоочевиден: "Сотрудник полиции не будет участвовать в актах коррупции или взяточничества". В других аспектах это идеализм, возможно, необоснованный: "Офицеры никогда не позволят личным чувствам, вражде или дружбе влиять на служебное поведение". Рабочая среда полиции, изобилующая ложью, мошенничеством, нарушением закона и насилием, часто не допускает соблюдения таких этических норм?

Некоторые действия полиции явно неэтичны, например поведение офицера из Пенсильвании, который заплатил женщине, с которой встречался, 500 долларов за то, чтобы она притворилась его женой.

Все сотрудники правоохранительных органов должны в полной мере осознавать этическую ответственность, связанную с их должностью, и постоянно стремиться соответствовать самым высоким стандартам профессиональной деятельности полиции. Международная ассоциация начальников полиции считает важным, чтобы у сотрудников полиции были чёткие инструкции и рекомендации, которые помогут им выполнять свои обязанности в соответствии с этими стандартами. Ассоциация приняла этические нормы в качестве руководства к действию

Согласно новому отчёту, опубликованному исследователями из Иллинойского университета в Чикаго, коррупция в полиции Чикаго процветает из-за от-

сутствия контроля и безразличия со стороны внутреннего и внешнего руководства. В отчёте «Преступность, коррупция и сокрытие преступлений в полицейском управлении Чикаго» рассматриваются обвинительные приговоры, вынесенные сотрудникам полиции Чикаго с 1960 года. За последние пять десятилетий не менее 300 полицейских были осуждены за такие преступления, как торговля наркотиками, избиение гражданских лиц, уничтожение улик, защита бандитов, воровство и убийства. Более 90 обвинительных приговоров были вынесены с 2000 года. «Проблема коррупции в полиции Чикаго заключается не только в том, что среди полицейских встречаются недобросовестные сотрудники. Подавляющее большинство офицеров — законопослушные, преданные своему делу государственные служащие, — говорит соавтор доклада Джон Хагедорн, профессор криминологии, права и правосудия в Университете Иллинойса в Чикаго. «Настоящая проблема заключается в том, что поразительно большое число полицейских нарушают права граждан, занимаются коррупцией и совершают преступления, оставаясь при этом незамеченными и избегая дисциплинарных взысканий или судебного преследования в течение многих лет». Согласно докладу, коррупция в полиции возможна благодаря «синему кодексу молчания», укоренившемуся в культуре ведомства, где офицеры не сообщают о преступлениях и неправомерных действиях своих коллег. Хагедорн говорит, что война с наркотиками усложняет надзор за полицейской деятельностью как для патрульных, так и для сотрудников, занимающихся борьбой с наркотиками и проституцией. В отчёте говорится, что стандартные операции правоохранительных органов по борьбе с наркотиками могут стирать грань между коррумпированными и честными сотрудниками, что усиливает необходимость в более жёстком надзоре и обучении сержантов и непосредственных руководителей. Для борьбы с коррупцией в полиции исследователи предлагают сочетать инициативы по внешнему контролю с внутренними стимулами. Одна из ключевых рекомендаций — заменить назначаемый «Полицейский совет» демократически избираемым советом из гражданских лиц или полностью новым назначаемым советом. «Эти предлагаемые реформы направлены на создание эффективных структур надзора и культуры честного служения в Департаменте полиции Чикаго», — сказал соавтор доклада Дик Симпсон, профессор политологии в Университете Иллинойса в Чикаго. «Коррупция в полиции не только подрывает доверие общества к правоохранительным органам, — сказал Симпсон, — но и обходится налогоплательщикам в миллионы долларов из-за связанных с коррупцией судебных преследований, исков, защиты и компенсаций».

Список литературы:

1. The international association of Chiefs of police. web site: www.theiacp.org/.
2. http://www.uic.edu/depts/pols/ChicagoPolitics/policecorruption.pdf.
3. www.uic.edu.
4. Report details police corruption in Chicago 17.01.2013.

© Шарая В.В., 2025

Шевцова Анастасия Мечеславовна,
слушатель факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Яхонтова Олеся Сергеевна,
доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема коррупции в органах внутренних дел, угрожающая национальной безопасности и правопорядку, снижая доверие граждан. Причины включают низкую зарплату, слабый контроль и плохую кадровую политику. Пакет антикоррупционных мер, указанный в законе № 273-ФЗ от 25.12.2008, направлен на профилактику коррупции, экспертизу норм и требования к сотрудникам. Однако одних юридических мер недостаточно, нужны улучшения в условиях службы, повышении прозрачности и вовлеченности общества. Комплексный подход обеспечит восстановление доверия и эффективности полиции.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные проявления, меры профилактики коррупционных проявлений, причины коррупции, законодательство.

Коррупционные проявления среди сотрудников правоохранительных органов являются одной из самых серьёзных угроз для любого государства. Они подрывают доверие населения к власти, ослабляют национальную безопасность, препятствуют успешной борьбе с преступностью и ставят под сомнение принцип верховенства права. В частности, профилактика коррупции приобретает особое значение в работе органов внутренних дел (далее-ОВД), поскольку именно сотрудники ОВД несут ответственность за поддержание законности и общественного порядка.

Необходимой предпосылкой разработки эффективных мер противодействия коррупционной преступности в ОВД и правоохранительных органах в целом является, прежде всего, изучение детерминации коррупционных преступлений сотрудников ОВД как первостепенного объекта превентивного воздействия[1, С. 343].

Философия выделяет много видов связей между явлениями и процессами. Наиболее наглядный из них – причинно-следственная связь, которая представляет собой объективно существующую связь, зависимость между двумя или несколькими явлениями, одно из которых (причина) порождает другие (следствие). Причинность при этом понимается как генетическая обусловленность явлений.

Именно поэтому одной из наиболее применяемых в отечественной криминологии категорий является именно причина, порождающая преступность при наличии конкретных условий [1, С. 343].

Основными причины коррупции в ОВД являются:

- низкий уровень материального обеспечения, выражающийся в недостаточной заработной плате, отсутствии социальных гарантий и льгот, создающий благоприятные условия для развития коррупции.

- неэффективная система контроля, выражающийся в недостаточной прозрачности и слабом внутреннем контроле над деятельностью сотрудников ОВД создавая благоприятные условия для злоупотребления властью.

- отсутствие объективных критериев, выражающихся в системе управления персоналом, где отсутствуют чёткие и объективные критерии для подбора, продвижения и поощрения сотрудников.

- слабая организационная культура, приводящая к попустительству, безнаказанности и недостаточной ответственности в коллективе.

- высокая степень дискреции, проявляющаяся в широких полномочиях и свободе принятия решений сотрудниками органов внутренних дел, которая при недостаточном контроле становится мощным инструментом для совершения коррупционных деяний.

- информационные факторы, например, постоянная не конструктивная критика деятельности ОВД и романтизация криминалитета.

- взаимодействие с криминальным миром. Тесное взаимодействие с преступными элементами может привести к формированию устойчивых коррупционных связей, позволяющих криминалитету уходить от ответственности.

В настоящее время проблеме коррупции придано значение общенациональной угрозы безопасности, наряду с нормативными преобразованиями вводятся изменения и в действующий организационно-управленческий механизм. Следует отметить, что общие нормы антикоррупционного законодательства, содержащиеся в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2] (далее – № 273-ФЗ), являются более осмысленными, чем в проектах, предлагавшихся на протяжении длительного времени различными политическими партиями и движениями. Зачастую указанные проекты законов противоречили действующему законодательству и вводили неправомерные ограничения для лиц, являющихся сотрудниками различных органов власти и управления[3, С. 33].

Главное назначение принятого пакета антикоррупционных законов, с одной стороны, четко обозначить предмет закона - коррупцию как социально-экономическое явление, с определением механизма противодействия ее проявлениям, а с другой - не создать ситуацию, когда можно будет по надуманному признаку уволить любого неугодного сотрудника. В этих целях после принятия основного закона был внесен ряд взаимосвязанных изменений в отдельные законодательные акты РФ, в частности, в федеральные законы «О милиции», «О прокуратуре Российской Федерации», «О федеральной службе безопасности», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О службе в таможенных органах Российской Федерации», «О государственной гражданской службе Российской Федерации»,

УК РФ и др. [3, С. 33].

Современные меры профилактики коррупционных проявлений указанные в статье 6 № 273- ФЗ:

1) формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

2) антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов;

3) предъявление в установленном законом порядке квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей и должностей государственной или муниципальной службы, а также проверка в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами;

4) сновaнием для увольнения госслужащего является непредоставление или представление заведомо неполных, недостоверных или ложных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера своего и членов семьи, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом;

5) внедрение в практику кадровой работы федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления правила, в соответствии с которым длительное, безупречное и эффективное исполнение государственным или муниципальным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на вышестоящую должность, присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при его поощрении;

6) развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции.

Все эти меры активно используются в органах государственной власти, однако, с помощью лишь одних организационных и правовых средств проблему коррупции в ОВД решить достаточно сложно, так как, они не решают все указанные выше причины. Необходимы улучшения в условиях службы, в улучшении социальных гарантий сотрудников, повышении прозрачности и вовлеченности общества.

Борьба с коррупцией в рядах сотрудников органов внутренних дел — это сложный и многогранный процесс, требующий постоянного совершенствования правовых, организационных и кадровых механизмов. Успех в этой области возможен только при системном подходе, сочетающем в себе повышение благосостояния сотрудников, усиление контроля и надзора, а также активное вовлечение общества в процессы противодействия коррупции. Только так можно восстановить доверие граждан к правоохранительной системе и обеспечить эффективное функционирование государства.

Список литературы:

1. Игнатов А.Н. Факторы детерминации коррупционных преступлений сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 3. – С. 342–351.

2. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции».

3. Лавренко С.В. Актуальные проблемы противодействия коррупции в правоохранительных органах России с позиций национальной экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2009. - №18 (51). - С. 33-36.

© Шевцова А.М., 2025

Ширшанова Екатерина Алексеевна,
преподаватель кафедры криминологии
Санкт-петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: в настоящей статье автор исследует новые способы совершения преступлений коррупционной направленности. Акцент делается на цифровизацию общественных отношений во всех сферах общества, в том числе – преступности. Изучая исследования других ученых, автор выделяет наиболее часто встречающиеся современные способы совершения преступлений коррупционной направленности.

Ключевые слова: коррупция, национальная безопасность, взяточничество, предупреждение преступности, специальный субъект.

На сегодняшний день в Российской Федерации происходит кардинальная трансформация общественных отношений, а именно – их переход в цифровую среду. Отдельное внимание стоит уделить деятельности государственных органов, которые тоже цифровизируют деятельность для упрощения предоставления государственных услуг гражданам. Примером здесь может выступать создание и функционирование Портала государственных услуг России, где гражданин Российской Федерации может удовлетворить почти любой свой запрос в части оказания государственных услуг.

Несмотря на удобство и значительное сокращение времени оказания различных услуг посредством цифровых сервисов, складывающая цифровая среда является уязвимым местом и способом совершения административных правонарушений и преступлений, в том числе, коррупционных. В частности, о проблеме совершения административных правонарушений говорит К.А. Шуликов, он отмечает, что на сегодняшний день на возможность совершения правонарушений в сети «Интернет» влияет: «рост негативного информационно-психологического воздействия, оказываемого на индивидуальную психику и общественное сознание населения путем распространения противоправного контента» [1].

Исследователи, изучающие преступность в сети «Интернет», определяют ее как: «незаконное, общественно опасное деяния, совершенное посредством сети Интернет» [2]. Преступления в сети Интернет или же с использованием данной сети относятся к преступлениям в сфере информационных технологий и включают в себя: распространение вредоносных вирусов, взлом паролей, кражу номеров кредитных карт и других банковских реквизитов, а также распространение через Интернет противоправной информации (клеветы, материалов порнографического характера, материалов, возбуждающих межнациональную и межрелигиозную вражду и т.д.).

Кроме того, сегодня можно констатировать факт совершения и коррупционных преступлением с использование сети «Интернет». Исследователи по данному поводу отмечают: «Современная следственная практика все чаще сталкивается с преступлениями этой группы, совершенными с использованием различных электронных платежных систем, криптовалюты и других цифровых средств платежа или хранения финансовых средств, обмена цифровыми услугами» [3]. На сегодняшний день в судебной практике уже существует достаточно случаев привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления коррупционной направленности с использование сети «Интернет», в частности, получение взятки в виде цифровой валюты.

Цифровизация финансовой сферы, выражающаяся в распространении электронных платежных систем и цифровых активов, формирует новые векторы криминализации, трансформируя традиционные средства и способы совершения и сокрытия коррупционных преступлений. Особую значимость в этом контексте приобретает использование криптовалют (таких как Bitcoin, Ethereum), которые все чаще выполняют функцию предмета подкупа при даче-получении взяток и в иных коррупционных схемах.

Перевод незаконного вознаграждения в цифровую форму посредством криптовалют создает серьезные препятствия для правоприменения. Анонимизация или псевдоанонимность транзакций, их децентрализованный и трансграничный характер существенно повышают вероятность выведения подобных противоправных сделок из-под контроля правоохранительных органов, что способствует безнаказанности лиц, их совершивших. Ключевой проблемой становится установление самого факта получения материальной выгоды должностным лицом, а также документальная фиксация связи между переводом цифровых активов и конкретными коррупционными действиями.

Учитывая все современные тенденции и значительный переход преступности в цифровую среду, в одном из своих выступлений А.И. Бастрыкин отметил: «сложившаяся уголовно-правовая практика свидетельствует о необходимости выработки дополнительного правового регулирования, которое способно воспрепятствовать совершению преступлений с использованием цифровых активов как на национальном, так и на международном уровне» [4].

Кроме того, преступления коррупционной направленности могут совершаться и в других современных формах. Так, например: «коррупционеры используют для передачи взятки анонимные, либо оформленные на подставных лиц счета в различных банках, а также кредитные и дебетовые карты, что позволяет без проблем использовать или переводить находящиеся на них денежные средства, в том числе и за границу» [5].

Одним из инструментов сокрытия доходов, полученных преступным путем, выступают банковские индивидуальные сейфовые ячейки. Их использование позволяет вывести активы из-под официального учета финансового учреждения, что создает существенное препятствие для правоохранительных органов. Поскольку ценности физически отделены от места жительства или деятельности

коррупционера, установление связи между лицом и незаконно нажитым имуществом в ходе расследования коррупционных преступлений значительно усложняется.

Отдельного внимания заслуживают коррупционные схемы в кредитной сфере. К их числу относятся предоставление государственными банками необеспеченных кредитов аффилированным с их руководством компаниям, а также фиктивное трудоустройство подставных лиц с целью последующего получения и невозврата государственных кредитных средств.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать вывод о том, что цифровая эпоха способствует не только развитию общественных отношений, но и преступности, в том числе в сфере государственной службы. Современные способы преступления коррупционной направленности подразумевают под собой большую анонимность для избежания уголовной ответственности. Однако, правоохранительные органы прикладывают усилия для изобличения коррупционеров, в том числе, в цифровой среде, используя современные методы и формы выявления и раскрытия подобных преступлений.

Список литературы:

1. Шуликов, К. А. Административная ответственность как средство противодействия распространению противоправного контента в сети Интернет / К. А. Шуликов // NB: Административное право и практика администрирования. – 2024. – № 31. – С. 62-78.

2. Гузеева О.С. Действие УК РФ в отношении интернет-преступлений // Закон России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10.

3. Головин А.Ю., Бадзарадзе Т.А., Головина Е.В. Информационно-телекоммуникационные технологии в механизме преступлений коррупционной направленности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. №4. С. 15 – 21.

4. Интервью Председателя СК России Александра Бастрыкина информационному агентству «РИА Новости»// Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/. (дата обращения: 01.11.2025).

5. Исаева Р.М., Литвина А.В. Преступления коррупционной направленности, совершаемые с использованием новейших технологий // Аграрное и земельное право. 2023. №2 (218). С. 136 – 138.

© Ширшанова Е.А., 2025

Ширшанова Кира Алексеевна,
курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным составом Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Дикаева Элина Салмановна,
старший преподаватель кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРОФИЛАКТИКЕ И ВЫЯВЛЕНИИ КОРРУПЦИИ

Аннотация: гражданское общество играет важную роль в борьбе с коррупцией, обеспечивая независимый контроль, просвещение и общественный запрос на прозрачность. Его институты выявляют нарушения, формируют нетерпимость к коррупции и выступают двигателем антикоррупционных реформ.

Ключевые слова: коррупция, гражданское общество, институты гражданского общества, государство, антикоррупционное поведение, противодействие коррупции.

Коррупция представляет собой социально-правовой феномен, подрывающий экономическое развитие, принципы верховенства права и социальной справедливости. В борьбе с этим явлением важную роль играет не только государственный аппарат, но и гражданское общество.

В современных условиях среди всех угроз национальной безопасности Российской Федерации особое место занимает такое исторически сложившееся, устойчивое негативное социально-правовое явление, как коррупция. Данное явление влечет за собой совершение преступлений коррупционной направленности, которые, в свою очередь, наносят ущерб государственному аппарату [1].

Гражданское общество — это общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями, независимое от государства, но взаимодействующее с ним, общество граждан высокого социального, политического, культурного и морального статуса, создающих совместно с государством развитые правовые отношения. Ключевым понятием гражданского общества являются институты. Институты гражданского общества — совокупность негосударственных структур и создаваемых ими учреждений, которые в своем единстве характеризуют гражданскую жизнь общества [2].

На сегодняшний день гражданское общество активно принимает участие в проведении и реализации различных реформ. Одним из ключевых направлений такого участия является сфера предотвращения коррупции. Про обязательность участия гражданского общества в предотвращении коррупции говорится и в таком ключевом международном акте как Конвенция ООН против коррупции.

В ст. 13 Конвенции, предусмотрено участие гражданского общества в предотвращении коррупции. В ней говорится, что каждое государство принимает надлежащие меры, в пределах своих возможностей и в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, для содействия активному участию отдельных лиц и групп за пределами государственного сектора таких, как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин, в предупреждении коррупции и борьбе с ней и для углубления понимания обществом факта существования, причине опасного характера коррупции, а также угроз, создаваемых ею [3].

Формирование антикоррупционной культуры. На этом уровне гражданское общество взаимодействует с общественным сознанием: правовое просвещение, этические кампании, образовательные проекты. Правовое просвещение заключается в создании программ, которые объясняют незаконность коррупции и альтернативные законные действия. Этические кампании – формирование социального порицания коррупционного поведения. Образовательные проекты – интеграция коррупционных тем в учебные программы, что позволит сформировать антикоррупционное поведение у будущих специалистов на раннем этапе.

Общественный мониторинг и контроль позволяет обращать внимание на деятельность государственных служащих и выборных лиц для предотвращения конфликта интересов, взяточничества, злоупотребления должностными полномочиями.

Также положительное влияние оказывает антикоррупционная пропаганда в СМИ. Она выражается в показе антикоррупционных видеороликов, выпуск памяток, освещение положительного опыта в борьбе с коррупцией.

На современном этапе развития России борьбе с коррупцией и развитию гражданского общества отводится особое место. Так, например, в Татарстане ежегодно проводятся республиканские творческие конкурсы антикоррупционной направленности, существует механизм обратной связи для сообщения о фактах коррупции (например, телефон доверия), регулярно проводится опрос общественного мнения, анкетирование, функционирует Республиканская молодежная антикоррупционная программа «Не дать – Не взять!», активно ведется деятельность по антикоррупционному просвещению населения, а также постоянно инициируются многие другие мероприятия [4].

Гражданское общество является не только вспомогательным инструментом, но и фундаментальным элементом устойчивой системы противодействия коррупции. Его роль основывается на принципах прозрачности, подотчетности, общественного участия. Борьба с коррупцией будет эффективна при взаимодействии ответственного государства и активного гражданского общества. В этой позиции гражданское общество является «мостом» между властью и гражданами. Укрепление гражданского общества – это важное направление деятельности государства, которое стремится к верховенству права, социальной справедливости.

Список литературы:

1. Ширшанова, Екатерина Алексеевна. Взяточничество в органах внутренних дел : криминологический анализ : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.4. / Ширшанова Екатерина Алексеевна; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» ; Диссовет 03.2.008.02 (03.2.008.02)]. — Санкт-Петербург, 2024. — 22 с..

2. Рафиев, Р. Б. Роль гражданского общества в противодействии коррупции / Р. Б. Рафиев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 22 (102). — С. 467-469. — URL: https://moluch.ru/archive/102/23055 (дата обращения: 01.12.2025).

3. Головкин Б. Н., Новиков О. В. Роль институтов гражданского общества в предотвращении коррупции // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2018. №17-5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-institutov-grazhdanskogo-obschestva-v-predotvraschenii-korruptsii (дата обращения: 01.12.2025).

4. Гумаров И.А., Коновалова П.О. Роль гражданского общества в борьбе с коррупцией // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. №1 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-grazhdanskogo-obschestva-v-borbe-s-korruptsiey (дата обращения: 01.12.2025).

© Ширшанова К.А., 2025

Шнепелева Кристина Витальевна,
адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Скиба Андрей Петрович,
профессор кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Аннотация: в статье рассматривается коррупционная уязвимость деятельности сотрудников органов внутренних дел по пресечению незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и её влияние на результативность уголовного преследования. Анализ соединяет правовые основания, организационные механизмы и криминологические выводы, а также опыт Северо-Западного федерального округа как приграничного макрорегиона. Показано, что устойчивость достигается через связку процессуальной дисциплины, цифровой фиксации действий, ротации сотрудников правоохранительных органов и межведомственного контроля. Сформулированы предложения для органов внутренних дел, направленные на укрепление цепочки сохранности вещественных доказательств, снижение дискреции и повышение прозрачности. Отдельно обозначены остаточные риски и управленческие меры их нейтрализации.

Ключевые слова: коррупция, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, органы внутренних дел, внутренняя безопасность, цепочка сохранности, профилактика, Северо-Западный федеральный округ.

Наркорынок остается одним из самых доходных сегментов организованной преступности. Поэтому пресечение оборота постоянно испытывает давление корыстной мотивации и подкупа должностных лиц, вовлеченных в выявление, изъятие и доказывание. Международные обзоры показывают, что результативность политики зависит не только от уровня репрессии. Важны прозрачность процедур и качество статистики, которые сокращают пространство для злоупотреблений [15]. Это принципиально.

Российская правовая основа строится вокруг Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» [1]. Закон задает правила обращения и определяет полномочия компетентных органов при изъятии, учете, хранении и уничтожении запрещенных веществ. Антикоррупционный контур формируют требования к предупреждению конфликта интересов, мониторингу расходов и планированию ведомственных мер, закрепленные в федеральном законодательстве [3]. Сотрудники органов внутренних дел действует на принципах законности и подотчетности обществу, поэтому значимые действия

фиксируются так, чтобы их можно было проверить в процессуальном порядке [2]. По делам о незаконном обороте и сбыте уголовное право предъявляет к следствию и дознанию повышенные требования к доказательствам, поэтому цена любой процедурной ошибки высока [5]. Деятельность и взаимодействие сотрудников регулирует Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который допускает кадровые фильтры, плановую ротацию и дисциплинарные меры на участках повышенного риска [4]. Это снижает риски.

Особое значение имеет цепочка сохранности вещественных доказательств. Инструкция о порядке изъятия, учёта, хранения, передачи и уничтожения закрывает уязвимость, возникающую между фактическим изъятием и поступлением материалов в экспертные подразделения, и тем самым ограничивает возможности для манипуляций [6]. Правильная организация этой цепочки переносит акцент с личной добросовестности на технологическую и документальную проверяемость каждого перемещения.

Криминологические исследования указывают, что риск коррупции выше там, где сохраняется широкое усмотрение, где контроль разорван на отдельные звенья и где между стадиями процесса возникают временные паузы. Н. В. Павловская описывает модели встречного содействия и селективного преследования, возникающие при недостаточной прозрачности оперативно-розыскной деятельности и при неравномерном контроле [12]. Н. А. Зонова подчёркивает значение организационных факторов и необходимость встраивать антикоррупционные требования прямо в алгоритм работы подразделений, а не ограничиваться внешним надзором [14]. Т. А. Симонова показывает, что плановая ротация, автоматизированный учёт и разделение функций уменьшают субъективное усмотрение и делают решения более предсказуемыми [13].

Официальные сводки за 2024 год фиксируют заметный результат в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ на уровне страны, что связывают с укреплением межведомственной координации и приоритетом перекрытия каналов поставки [8]. В Северо-Западном федеральном округе отмечался резкий прирост объёма изъятий, который объясняют концентрацией усилий на транспортных и логистических узлах, а также на сетевых формах сбыта [6]. Совместные действия Северо-Западного таможенного управления и органов внутренних дел по пресечению контрабанды подтверждаются регулярными сообщениями. В фокусе - противодействие перемещению сильнодействующих веществ и прекурсоров, что повышает устойчивость результатов при судебной проверке [8]. В повестке Санкт-Петербурга и Ленинградской области заметны профилактика, информационные кампании и публикация агрегированных данных о пресечении сбыта с использованием информационных технологий. Это укрепляет доверие и сокращает поле для искажённых трактовок [7]. Региональные программы делают ставку на раннее предупреждение и адресную работу с молодёжью, что снижает спрос на контактные операции и разгружает следственные подразделения [9].

Главная уязвимость скрыта в промежутках между изъятием, описанием, упаковкой, сдачей на хранение и передачей на экспертизу. Эти разрывы уменьшают электронная фиксация информации (электронное ведение полученных данных) с неизменяемым протоколом действий, привязка фото и видеозаписи к каждому перемещению и внезапные проверки подразделениями собственной безопасности. Статус каждой единицы должен обновляться не реже одного раза в сутки. При нестабильной связи требуется автономная резервная схема. Вторая уязвимость связана с решениями на ранних стадиях оперативных мероприятий: помогает автоматизированный отбор целей, применение моделей риска и межведомственного взаимодействия. Зависимость от случайных контактных эпизодов снижается, а возможности внешнего давления сокращаются [15]. Третья уязвимость относится к кадровому контуру: ротация, проверка конфликтов интересов и обучение руководителей управлению этическими дилеммами повышают устойчивость подразделений [4].

Практические меры для органов внутренних дел складываются в четыре линии. Первая - доказательная чистота: электронные журналы движения вещественных доказательств, непрерывная видеозапись стадий, доступ к хранилищам [6]. Вторая - кадры: плановая ротация, профилактика конфликтов интересов и наставничество [4]. Третья - публичная отчётность: понятная коммуникация результатов на региональных ресурсах укрепляет легитимность и дисциплинирует исполнение [7].

В отдельных подразделениях фиксируется неоднородность практик фиксации и разные варианты оформления однотипных действий, что усложняет проверку и снижает качество доказательств. Эти различия преодолеваются методическими материалами, единообразием формуляров, обучением и интеграцией ведомственных систем учёта [2]. Высокая культура работы с доказательствами обеспечивает надёжную квалификацию по нормам уголовного закона и уменьшает риск обоснованных жалоб на нарушения процедуры [5]. Профилактическая и социальная компоненты должны оставаться в фокусе, поскольку снижение спроса на наркотики облегчает работу следствия и дознания и снижает коррупционное давление на сотрудников [9].

Российская система противодействия располагает достаточными правовыми и организационными инструментами для сдерживания коррупции в сфере борьбы с наркотиками. Федеральный закон «О противодействии коррупции» [3], а также антикоррупционные требования, принципы деятельности сотрудников органов внутренних дел и регламенты цепочки сохранности формируют технологически проверяемую последовательность действий, которая предотвращает злоупотребления и защищает результаты расследования. Опыт Северо-Западного округа показывает: межведомственная синхронизация, цифровая фиксация и прозрачная публичная отчётность дают измеримый результат и укрепляют доверие общества к органам внутренних дел. Логичное продолжение — развитие внутренней безопасности, унификация процедур и регулярная оценка рисков, включая выборочные проверки на устойчивость, чтобы вовремя выявлять уязвимости и поддерживать высокий уровень служебной деятельности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102050997 (дата обращения: 20.11.2025).

2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. - КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 20.11.2025).

3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. - Офиц. интернет-портал правовой информации. - URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657 (дата обращения: 21.11.2025).

4. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 22.11.2025).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. по состоянию на 17.11.2025) [Электронный ресурс]. - Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891 (дата обращения: 22.11.2025).

6. Инструкция о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения (утв. приказом МВД РФ № 840, Минюста РФ № 320, Минздрава РФ № 388, Минэкономики РФ № 472, ГТК РФ № 726, ФСБ РФ № 530, ФПС РФ № 585 от 09.11.1999) [Электронный ресурс]. - Контур.Норматив. - URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=36108&moduleId=1 (дата обращения: 22.11.2025).

7. ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: https://78.мвд.рф (дата обращения: 22.11.2025).

8. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. МВД Медиа. - URL: https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/ (дата обращения: 23.11.2025).

9. Комитет по законности, правопорядку и безопасности Санкт-Петербурга. Отчёт о реализации подпрограммы «Комплексные меры профилактики правонарушений в Санкт-Петербурге» (2024-2025) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2025/03/17/otchet_podprogramma_kompleksnye_mery_2024_2025.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

10. Северо-Западное таможенное управление. Итоги деятельности: пресечение контрабанды наркотиков (официальные сообщения) [Электронный ресурс]. - URL: https://sztu.customs.gov.ru/about/sztu/news/document/413829 (дата обращения: 23.11.2025).

11. На Северо-Западе втрое вырос объём изъятых наркотиков, до рекордных 7 тонн [Электронный ресурс]. - Деловой Петербург. 28.01.2025. - URL: https://www.dp.ru/a/2025/01/28/na-severo-zapade-vtroe-viros (дата обращения: 23.11.2025).

12. Павловская Н. В. Коррупция в правоохранительных органах, осуществляющих противодействие незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. - 2010. - № 6. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-pravoohranitelnyh-organah-osuschestvlyayuschih-protivodeystvie-nezakonnomu-oborotu-narkotikov (дата обращения: 22.11.2025).

13. Симонова Т. А. Борьба с коррупцией в органах внутренних дел: проблемы и решения [Электронный ресурс] // (публикация в научном журнале; репозиторий) - 2025. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korruptsiey-v-organah-vnutrennih-del (дата обращения: 22.11.2025).

14. Зонова Н. А. Криминологическая характеристика коррупционных преступлений [Электронный ресурс] // Международный научный журнал «Символ науки». - 2022. - № 6-1. - С. 48-52. - URL: https://os-russia.com/SBORNIKI/SN-2022-06-1.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

15. Всемирный доклад о наркотиках 2024: обзор [Электронный ресурс]. Вена: Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC), 2024. - URL: https://www.unodc.org/res/wdr2024/World_Drug_Report_2024_Overview_RUS.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

© Шнепелева К.В., 2025

Яхонтова Олеся Сергеевна,
доцент кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ

Аннотация: в статье рассматриваются основные детерминанты, способствующие развитию коррупционных проявлений, а также представлены основные направления предупреждение преступности данного вида в условиях реорганизации системы органов государственного управления.

Ключевые слова: криминология, преступность, предупреждение, органы власти, предупреждение преступлений, профилактика, экономика, должностные лица, власть.

На сегодняшний день главной целью, стоящей перед государством как институциональным образованием помимо множества прочих, является всестороннее обеспечение должного и необходимого уровня жизни общества, организация внутриобщественного взаимодействия и построения социума таким образом, чтобы обеспечить максимально комфортные условия функционирования. В этом аспекте важна роль законодателя, поскольку именно он, основываясь на выработанных мерах профилактики различных правонарушений, и формирует то правовое поле, которое четко определяет пределы возможного и дозволенного поведения. При этом перед системой органов исполнительной власти действующих целенаправленно, основываясь на законодательстве, аналогично стоит ряд задач, среди которых одной из важнейших является любая социально позитивная деятельность, создающая основу для противодействия негативным и антиобщественным проявлениям в обществе, то есть направленная на решение вопросов в различных областях жизни, но напрямую не связанная с предупреждением преступности [1]. По мнению В.Д. Малкова общесоциальное предупреждение преступлений и правонарушений в обязательном порядке выступает как часть социально-экономической политики государства, направленной на устранение недостатков в политической, социальной, нравственно-психологической и духовной сферах общества [2]. А.И. Алексеев, в свою очередь, подчеркивает широту диапазона применяемых мер общесоциальной профилактики преступлений и правонарушений. По его мнению, меры «общесоциальной профилактики воздействуют практически на все виды, группы, разновидности причин, условий и других детерминант преступности [3].

В компетенцию органов власти любого уровня обязательно входит необходимость принимать меры к профилактике и пресечению правонарушений, а также к лицам, от которых можно ожидать совершения противоправных поступков [4].

В этой связи особую озабоченность вызывают правонарушения, связанные с коррупционными проявлениями.

Коррупционная преступность представляет собой комплексную проблему, требующую применения всех уровней мер профилактики в комплексе. Наиболее общими мерами противодействия этой проблеме являются именно меры общесоциального уровня.

Применение таковых означает профилактику любых видов преступной деятельности. При этом меры общего характера путем решения более глобальных задач затрагивают и профилактику коррупционной преступности.

Благодаря масштабности, разносторонности, комплексности, взаимозависимости и непрерывности данных мер, они становятся хорошей основой для специального предупреждения тех или иных негативных явлений.

Общие меры профилактики затрагивают различные сферы жизни общества, но, в связи с тем, что коррупция имеет ярко выраженный экономический характер и наносит значительный вред экономическим отношениям, в первую очередь следует рассмотреть отдельные меры, реализуемые именно в данной сфере.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что состояние экономики нашего государства нельзя назвать полностью удовлетворительным. Все еще сказывающиеся отголоски мирового финансового кризиса, международные санкции, волатильность цен на энергоресурсы и полезные ископаемые, вследствие этого и – национальной валюты, мировая пандемия коронавируса Covid-19 – эти и множество иных процессов весьма негативно сказываются на экономике России. Подобное состояние экономики, в свою очередь, способствует таким явлениям, как инфляция, рост цен, банкротство малого и среднего бизнеса, безработица и рост преступности.

Одним из видов преступности, разрастающейся в периоды экономических кризисов и стагнаций, выступает коррупция. Недобросовестные должностные лица, пользуются фактической отвлеченностью правоохранительной системы и представителей государственного аппарата на стабилизацию обстановки в стране и недопущение различных общественных волнений. В подобных условиях, главной задачей, стоящей перед субъектами общесоциальной профилактики коррупции, является обеспечение экономического роста, увеличение валового внутреннего продукта. При этом, во главу проводимых экономических реформ должны быть поставлены интересы отечественных производителей и потребителей. Во многом эти задачи могут быть решены за счет изменения экономической политики в целях структурной перестройки и модификации национальной экономики и развития ее реального сектора, создания надежной финансовой и банковской систем, стабилизации отношений собственности и устранения дефектов управления государственной и муниципальной собственностью, защиты конкурентного пространства, совершенствования налоговой политики. Реализация перечисленных мероприятий невозможна без усиления роли государства в экономике. Не менее важным условием экономического подъема и предупреждения коррупции является преодоление оставшегося от централизованной экономики слияния экономики и власти, при котором органы управления экономикой были ее крупнейшими субъектами [5]. Следует воплотить в жизнь

принцип естественного разделения труда между властными институтами, призванными создавать условия для нормального функционирования экономики, и экономическими субъектами. Рассматриваемое разделение может быть достигнуто путем реального, контролируемого запрета на участие государственных служащих в деятельности коммерческих организаций различной формы собственности, в том числе в их органах управления.

В современных условиях назрела необходимость структурной перестройки экономической системы государства, которая позволит избежать подобной нестабильности, зависимости от общемировых событий и процессов. Главной целью реформирования экономической сферы жизнедеятельности общества и системы власти государства является создание и внедрение прозрачной схемы управления бюджетными средствами, принятие важных и резонансных экономических решений исключительно в интересах общества. В рамках общесоциальной профилактики коррупции, одним из важных направлений, выступает политическая сфера жизнедеятельности общества и государства. В рамках общесоциальной профилактики коррупции, одним из важных направлений, выступает политическая сфера жизнедеятельности общества и государства, в которой необходимо проведение ряда фундаментальных мер. В первую очередь, к ним относится, реформирование системы органов государственной власти. В данном случае, основной задачей является рационализация бюрократической системы государственного аппарата, сокращение количества чиновников различного уровня, придание системе краткого и лаконичного, но при этом эффективного характера. Следующей мерой является реформирование избирательной системы Российской Федерации на различных уровнях, способствующей созданию реальных условий для участия каждого гражданина в политической жизни России. В этих целях необходимо поддержание и реальное обеспечение идеологического, политического многообразия и многопартийности, позволяющих представлять интересы различных слоев и групп населения [5]. Необходимо обеспечивать полную свободу выбора каждого гражданина, а также в уголовно-правовом порядке не допускать каких-либо провокаций и фальсификаций в данной сфере.

Меры общесоциальной профилактики коррупции должны быть направлены на формирование и эффективных и разнообразных институтов гражданского общества, а также слаженной системы контроля и надзора за деятельностью органов власти всех уровней и их должностных лиц.

В рамках системы профилактики коррупционных проявлений невозможно выделить конкретный орган, единолично осуществляющий указанную деятельность. Субъектами общей профилактики рассматриваемой преступности в рамках своих полномочий являются Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Государственная Дума Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации, федеральные органы государственной власти и иные структуры. Перечисленные субъекты профилактики данной категории преступлений осуществляют путем определения основных направлений государственной политики по ведущим сферам жизнедеятельности,

формирования законодательства России по вопросам противодействия коррупции, распределения обязанностей между отдельными государственными органами, в чьи полномочия входит борьба с коррупционными преступлениями.

В целом же, если говорить об общей профилактике правонарушений коррупционной направленности, то можно отметить необходимость комплексного подхода. Выпадение из группы мер профилактики хотя бы одной сферы может привести к краху всей системы профилактики исследуемого уровня. Так, например, создание доступной социальной среды невозможно без соответствующих мер экономического и политического характера (перераспределение бюджетных средств и недопущение политического влияния в данной сфере соответственно), а также без применения мер правового характера (нормативное обеспечение проводимых мероприятий). Следует отметить, что указанный выше перечень мер не является исчерпывающим, и может быть дополнен. Но именно меры экономического, политического и социального характера играют главную роль в предупреждении коррупционной преступности.

Список литературы:

1. Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций, 2-е изд., испр. и доп. М: Щит, 2011. – С.120.

2. Криминология: Учебник для вузов / под. ред. проф. В.Д. Малкова – 27-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юристицинформ», 2006. – С. 120.

3. Криминология: учебник для ВУЗов / Г.А. Аванесов и др.; под.ред. Аванесова Г.А. – 6-е изд.,перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 513 – 515.

4. Власенко Н.А., Грачева С.А., Рафалюк Е.Е. Теоретический анализ правовых средств и правовых моделей противодействия коррупции // Журнал российского права. 2012. No 11 – С. 58.

5. Мешканцов В.Н. Комплексная система социальных и экономических мер по предупреждению коррупции// Вестник Оренбургского государственного университета No 7 (182) 2015. – С. 27.

© Яхонтова О.С. 2025

Научное электронное издание

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Материалы
всероссийской научно-практической конференции

5 декабря 2025 года

Составитель:
Дикаева Э. С.,
кандидат юридических наук

Научное редактирование:
Валькова Т. В.,
кандидат юридических наук, доцент

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Городовая О. С.*

Системные требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более; 512 Mb и более; CD/DVD — ROM дисковод; Microsoft Windows XP и выше; SVGA 800×600 .16 bit и более; Internet Explorer; Adobe Acrobat Reader 8.0.

ISBN 978-5-00277-031-1

9 785002 770311 >

EDN: LHNNFE

Подписано к использованию 15.12.2025.
Объем 27,09 усл. авт. л. Тираж 10 экз. Заказ № 157/25.

Санкт-Петербургский университет МВД России 198206,
Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1